Ли Чайлд

Этаж смерти

Глава 1

Меня арестовали в ресторане Ино. В двенадцать часов дня. Я ел яйца всмятку и пил кофе. Поздний завтрак, еще не обед. Я насквозь промок и устал, идя несколько часов под проливным дождем. Пешком от самого шоссе до окраины городка.

Заведение было маленьким, но чистым и светлым. Построенное совсем недавно, оно изображало переделанный железнодорожный вагон. Узкий, вытянутый зал, с длинной стойкой вдоль одной стены и кухней, спрятанной в глубине. Вдоль противоположной стены отдельные кабинки. Вместо центральной кабинки — входная дверь.

Я сидел в кабинке у окна и читал забытую кем-то газету, где напечатали про новую предвыборную кампанию президента, за которого я не голосовал в прошлый раз и не собирался голосовать сейчас. Дождь прекратился, но стекло было до сих пор усыпано блестящими бусинками капель. Вдруг я увидел подъезжающие к ресторану полицейские машины. Быстро пронесшись по дорожке, мощеной гравием, они завизжали тормозами, останавливаясь у самого входа. На крыше включенные маячки. Капельки на стекле расцветились красными и синими огоньками. Двери машин распахнулись, и из них высыпали полицейские. По двое из каждой машины, с оружием наготове. Два револьвера, два ружья. Мощная артиллерия. Один револьвер и одно ружье побежали к черному входу. По одному револьверу и ружью ворвались в ресторан.

Я сидел и молча смотрел на происходящее. Я знал, кто находится в ресторане. Повар в своем закутке на кухне. Две официантки. Двое пожилых мужчин. И я. Вся операция была проведена ради меня. Я успел провести в этом городке меньше получаса. Остальные пятеро, по всей вероятности, прожили здесь всю жизнь. Если бы у них возникли какие-то проблемы, к ним с извинениями застенчиво подошел бы сержант, бормоча под нос. Он пригласил бы их проехать в участок, Так что оружие и стремительность предназначались не для них. Все это было для меня. Запихав яйцо в рот, я засунул под тарелку пятерку. Сложил газету, убрал ее в карман. Допил кофе и положил руки на стол.

Полицейский с револьвером остался в дверях. Припав на колено, он крепко держал оружие обеими руками, направив его мне в голову. Полицейский с ружьем осторожно приблизился. Это были поджарые, накачанные ребята. Опрятные и чистые. Движения как из учебника. Револьвер у дверей с определенной долей аккуратности держал под

прицелом весь зал. Ружье выстрелом в упор неминуемо размазало бы меня по стене. Разместиться по-другому было бы большой ошибкой. В рукопашной драке из револьвера даже с близкого расстояния можно промахнуться, а выстрел картечью от двери поразит не только меня, но и подошедшего ко мне полицейского, а также старика в дальней кабинке. Пока что ребята вели себя правильно. Тут никаких сомнений. Сила была на их стороне. И тут тоже никаких сомнений. В тесной кабинке я оказался как в ловушке. Я был слишком зажат, чтобы чем-либо ответить. Я вытянул руки на столе.

Полицейский с ружьем подошел ближе.

— Ни с места! Полиция! — крикнул он.

Он крикнул это так громко, как только смог, давая выход своему внутреннему напряжению, и пытаясь меня запугать. Действия из учебника. Обилие звуков и ярости, чтобы подавить жертву. Я поднял руки. Полицейский с револьвером направился ко мне от двери. Полицейский с ружьем шагнул ближе. Он подошел слишком близко. Вот их первая ошибка. Если бы мне было нужно, я мог бы броситься на ружье и отбить ствол вверх. Выстрел в потолок, удар локтем полицейскому в лицо — и ружье стало бы моим. Парень с револьвером уменьшил угол наблюдения и не мог бы стрелять, не рискуя попасть в своего напарника. Для обоих все могло кончиться весьма плохо. Но я просто сидел за столом, подняв руки. Парень с ружьем продолжал кричать и прыгать около меня. — Ложись лицом на пол!

Не спеша выйдя из кабинки, я протянул свои запястья полицейскому с револьвером. Я не собирался валяться на полу. Только не для этой деревенщины. Даже если они согнали сюда весь полицейский участок, вооруженный гаубицами.

Полицейский с револьвером оказался сержантом. Он был совершенно спокоен. Пока второй держал меня под прицелом ружья, сержант убрал в кобуру револьвер и, отстегнув от пояса наручники, защелкнул их на моих запястьях. Через кухню в зал прошел отряд прикрытия. Обойдя стойку, они встали вокруг меня. Принялись обыскивать. Очень тщательно. Я видел, как сержант регистрирует отрицательные кивки. Оружия нет.

Ребята из отряда прикрытия взяли меня под локти. Парень с ружьем по-прежнему держал меня под прицелом. Сержант выступил вперед. Ладноскроенный белый мужчина атлетического телосложения. Одного со мной возраста. Бирка над нагрудным карманом гласила: «Бейкер». Он посмотрел мне в лицо.

— Вы арестованы по подозрению в убийстве, — сказал сержант. — У вас есть право хранить молчание. Все, что вы скажете, может быть

использовано против вас. У вас есть право воспользоваться услугами адвоката. Если вы не можете позволить себе адвоката, штат Джорджия предоставит вам адвоката бесплатно. Вы понимаете свои права?

Замечательное исполнение «прав Миранды». Сержант говорил четким, поставленным голосом. Не прибегал к помощи бумажки. Он говорил так, словно знал, о чем говорит и почему это так важно. И для него, и для меня. Я молчал.

— Вы понимаете свои права? — повторил сержант.

Я по-прежнему молчал. Долгий опыт научил меня, что нет ничего лучше полного молчания. Скажи что-нибудь, и это может быть неправильно услышано. Не так понято. Истолковано превратно. И ты можешь оказаться за решеткой. Ты можешь быть убит. Молчание же сбивает с толку полицейского, производящего арест. Он вынужден предупредить тебя, что ты имеешь право молчать, но его выворачивает наизнанку, если ты этим правом пользуешься. Меня арестовывали по подозрению в убийстве. Но я молчал.

— Вы понимаете свои права? — снова спросил меня полицейский по фамилии Бейкер. — Вы говорите по-английски?

Он сохранял спокойствие. Я молчал. Он оставался спокойным. Это было спокойствие человека, для которого мгновение опасности миновало. Ему оставалось лишь отвезти меня в участок, и потом я стану заботой кого-то другого. Сержант переглянулся со своими товарищами.

— Хорошо, отметим, что он ничего не говорит, — проворчал он. — Ладно, пошли.

Меня повели к двери. В дверь мы прошли гуськом. Сначала Бейкер. Затем парень с ружьем, пятящийся задом, все еще направляющий на меня большое черное дуло своего ружья. У него на бирке было написано: «Стивенсон». Белый мужчина, среднего роста, в хорошей физической форме. Оружие у него было похоже на обрезок водопроводной трубы. Оно было нацелено мне в живот. За мной шли полицейские из группы прикрытия и подталкивали меня в спину.

На улице стало еще жарче. Судя по всему, дождь шел всю ночь и большую часть утра. Теперь бесчинствовало солнце, и от вымощенной гравием дорожки шел пар. Вообще-то, в жару здесь должно было быть пыльно. Но сегодня царил ударяющий в голову замечательный аромат политой дождем мостовой, нагретой полуденным солнцем. Повернувшись лицом к солнцу, я вздохнул полной грудью, позволяя полицейским перестроиться, по одному с каждой стороны, для короткой прогулки к патрульным машинам. Стивенсон с ружьем по-прежнему замыкал шествие. Когда мы подошли к первой машине, он задержался

на шаг, и Бейкер открыл заднюю дверь. Мне пригнули голову, полицейский слева аккуратно прижался к моему бедру, после чего меня запихнули в машину. Хорошие движения. В таком городке, расположенном в глуши, подобная слаженность говорит скорее об упорных тренировках, а не об обилии опыта.

Я оказался один на заднем сиденье. Кабина была разделена толстой стеклянной перегородкой. Передние двери были еще открыты. В машину сели Бейкер и Стивенсон. Бейкер сел за руль. Стивенсон, развернувшись, не сводил с меня глаз. Все молчали. Машина прикрытия поехала следом. Обе машины были новыми. Мы ехали плавно и бесшумно. Внутри было чисто и прохладно. На заднем сиденье никаких свидетельств отчаяния, оставленных теми, кто ездил здесь до меня.

Я смотрел в окно. Штат Джорджия. Я видел богатую, плодородную землю. Жирный, мокрый краснозем. Длинные ровные ряды кустов на полях. Наверное, арахис. От него толстеют, но тот, кто его выращивает, получает хорошие деньги. Или тот, кому принадлежат поля. Кому здесь принадлежит земля? Тем, кто ее обрабатывает, или огромным сельскохозяйственным корпорациям? Я не знал.

Дорога до городка заняла несколько минут. Машина шелестела по ровному мокрому асфальту. Примерно через полмили я увидел два опрятных здания, новых, окруженных ухоженной зеленью. Полицейский участок и пожарная станция. Они стояли особняком, у просторного сквера с памятником, на северной окраине города. Симпатичная архитектура центра округа с богатым бюджетом. Ровный асфальт на дорогах, тротуары, вымощенные красной плиткой. В трехстах ярдах к югу возвышался ослепительно-белый шпиль церкви, за которым сбились в кучку немногочисленные жилые дома. Я разглядел флагштоки, навесы, свежую краску, зеленые лужайки. Все выглядело чистым после недавнего ливня. Все парило и казалось каким-то особенно свежим. Процветающий городок, обязанный своим благосостоянием доходам с сельскохозяйственных угодий и высоким налогам, которые платят жители, работающие в Атланте.

Сбавив скорость, машина свернула к полицейскому участку. Стивенсон по-прежнему не отрывал от меня глаз. Широкая подъездная дорога полукругом. Я прочитал выложенную кирпичом надпись: «Полицейский участок Маргрейва». У меня мелькнула мысль: есть ли причины для беспокойства? Я арестован. В городке, где никогда прежде не бывал. Судя по всему, по подозрению в убийстве. Но я знал две вещи. Во-первых, нельзя доказать, что что-то случилось, если на самом деле этого не было. И, во-вторых, я никого не убивал.

По крайней мере, не в этом городе, и не в последнее время.

Глава 2

Мы подъехали прямо к дверям длинного невысокого здания. Выйдя из машины, Бейкер осмотрелся по сторонам. Ребята из группы прикрытия стояли рядом. Стивенсон обошел машину сзади и встал напротив Бейкера. Направил на меня ружье. Слаженная команда. Бейкер открыл мою дверь.

— Приехали, вылезай, — сказал он чуть ли не шепотом.

Покачиваясь на пятках, он огляделся вокруг. Неуклюже развернувшись, я с трудом выбрался из машины. Наручники никак не способствовали свободе движений. Жара усилилась. Шагнув вперед, я стал ждать. Отряд прикрытия занял позицию у меня за спиной. Впереди вход в полицейский участок. На узкой мраморной доске была высечена надпись: «Полицейский участок города Маргрейв». Под ней раздвижные стеклянные двери. Бейкер открыл одну створку, отводя ее до резинового упора. Меня подтолкнули вперед. Дверь плавно закрылась у меня за спиной.

Внутри здания нас снова встретила прохлада. Вокруг все белое и хромированное. Люминесцентные лампы. Так выглядит банк или страховое агентство. На полу ковролин. При нашем появлении сидевший за длинным столом дежурный встал. Общий вид полицейского участка был таким, что я не удивился бы, если бы сержант сказал: «Чем я могу вам помочь, сэр?» Но он ничего не сказал. Он просто молча посмотрел на меня. У него за спиной была дверь в просторное помещение. Там за низким, широким столом что-то набирала на компьютере темноволосая женщина в форме. Оторвавшись от экрана, она тоже посмотрела на меня. Я стоял в окружении двух полицейских. Стивенсон прижался спиной к столу дежурного. Его ружье по-прежнему было направлено на меня. Бейкер стоял рядом с ним, не спуская с меня глаз. Дежурный сержант и женщина в форме смотрели на меня. Я смотрел на них.

Затем меня провели налево и остановили перед дверью. Бейкер распахнул дверь, и меня толкнули в комнату. Комнату допросов. Без окон. Белый стол и три стула. Ковер. В углу под потолком видеокамера. В комнате было очень прохладно. А я, промокнув до нитки под дождем, так и не успел высохнуть.

Я стоял посреди комнаты, а Бейкер извлекал содержимое моих карманов. Мои вещи образовали на столе небольшую кучку. Газета. Пачка банкнот. Немного мелочи. Квитанции, билеты, клочки бумаги. Изучив газету, Бейкер вернул ее мне в карман. Посмотрел на мои часы и оставил их у меня на запястье. Это его не интересовало. Все остальное было свалено в большой застегивающийся пакет, предназначенный для тех, у кого в карманах гораздо больше вещей, чем у меня. К пакету была прикреплена белая бирка. Стивенсон написал на ней какой-то номер.

Бейкер предложил мне сесть. Затем все вышли из комнаты. Стивенсон унес пакет с моими вещами. Полицейские закрыли за собой дверь, и я услышал щелчок солидного, хорошо смазанного замка, с массивной стальной щеколдой. Замка, который не выпустит меня отсюда.

Я ожидал, что на какое-то время меня оставят одного. Как правило, бывает именно так. Изоляция порождает желание поговорить. Желание поговорить может породить желание сделать признание. Грубый, внезапный арест, а потом час полного одиночества — очень неплохая стратегия.

Но я ошибся. Меня не собирались оставлять одного. Возможно, второй небольшой тактический просчет. Открыв дверь, в комнату вошел Бейкер. Он держал в руке пластмассовый стаканчик с кофе. Сделав знак, Бейкер пригласил в комнату женщину в форме. Ту самую, которая печатала на компьютере. Массивный замок защелкнулся у нее за спиной. Женщина поставила на стол металлический чемоданчик. Раскрыв его, она достала длинную черную рамку, в которую были вставлены белые пластмассовые пластинки с цифрами.

Женщина протянула мне рамку с тем виноватым сочувствием, которое свойственно медсестрам в зубоврачебных кабинетах. Взяв рамку скованными руками, я заглянул, убеждаясь, что держу ее правильно, и поднес к груди. Женщина достала из чемоданчика старый фотоаппарат и уселась напротив меня. Поставив для упора руки на стол, она наклонилась вперед, коснувшись грудью края стола. Красивая женщина. Темные волосы, большие глаза. Я улыбнулся. Сверкнула вспышка, затвор щелкнул. Прежде чем женщина успела меня об этом попросить, я повернулся, подставляя свой профиль. Прижал рамку с номером к плечу и уставился в стену. Снова сверкнула вспышка, щелкнул затвор. Развернувшись назад, я вернул женщине рамку. Обеими руками, из-за наручников. Она приняла ее со сдержанной улыбкой, говорившей: «да, это неприятно, но так надо». Совсем как медсестра в зубоврачебном кабинете.

Затем женщина достала оборудование для снятия отпечатков пальцев. Новенькая карточка, расчерченная на десять квадратов, уже пронумерованная. Как всегда, для большого пальца отведено слишком мало места. У этой карточки на обороте было два больших квадрата для отпечатков ладоней. Наручники сильно затруднили процесс. Бейкер не предложил их снять. Женщина намазала мои руки чернилами. Пальцы у нее были гладкие и холодные, обручального кольца нет. Затем она дала мне тряпку. Чернила стерлись без следа. Какой-то новый состав, с которым я еще не встречался.

Разрядив фотоаппарат, женщина положила пленку и карточку с отпечатками пальцев на стол. Затем она убрала фотоаппарат в

чемоданчик. Бейкер постучал в дверь. Замок снова щелкнул. Женщина собрала свои вещи. Никто не произнес ни слова. Женщина ушла. Бейкер остался со мной. Он закрыл дверь и запер ее на тот же самый смазанный замок. После чего, прислонившись к двери спиной, посмотрел на меня.

— Сейчас сюда придет наш начальник, — сказал он. — Он хочет с вами поговорить. У нас тут запутанная ситуация. Ее надо прояснить.

Я ничего не ответил. Разговор со мной не поможет прояснить никакую ситуацию. Но Бейкер вел себя вежливо. Относился ко мне с уважением. Поэтому я предложил ему тест. Протянул руки. Молчаливая просьба снять наручники. Встав, Бейкер поколебался и, достав из кармана ключ, снял наручники, пристегнул их к своему ремню. Посмотрел на меня. Выдержав его взгляд, я опустил руки. Никаких признательных вздохов облегчения. Никакого печального растирания запястий. Я не хотел устанавливать с этим парнем никаких отношений. Но я все же заговорил.

— Хорошо, — сказал я. — Пойдемте встретимся с вашим начальником.

Я заговорил впервые с тех пор, как заказал завтрак. Так что Бейкер посмотрел на меня с признательностью. Он постучал в дверь, и ее открыли снаружи. Открыв дверь, Бейкер подал мне знак выходить. За дверью нас ждал Стивенсон. Ружье исчезло. Отряд прикрытия исчез. Похоже, все потихоньку успокоились. Мы прошли через весь коридор до двери в конце. Стивенсон толкнул ее, и мы вошли в просторный кабинет, отделанный красным деревом.

За массивным письменным столом из красного дерева сидел жирный тип. У него за спиной висели два больших флага. Звездно-полосатый с золотой каймой слева и, как я решил, флаг штата Джорджия справа. На стене между флагами висели большие старинные часы в круглом корпусе из красного дерева, выглядевшие так, словно их надраивали не один десяток лет. Я предположил, что эти часы находились еще в старом здании полицейского участка, которое снесли, чтобы выстроить это, новое. Наверное, архитектор пытался с помощью этих часов передать связь времен. Они показывали почти половину первого.

Меня подтолкнули к столу, и жирный тип поднял на меня взгляд. Пустой. Оценивающий. Он снова посмотрел на меня, на этот раз пристальнее. И, ухмыльнувшись, заговорил свистящим кашлем, который был бы криком, если бы его не душили больные легкие.

— Опускай свою задницу на этот стул и не открывай свою грязную пасть!

Жирный тип меня удивил. Он производил впечатление законченного кретина. Что никак не вязалось с тем, что я видел до сих пор. Бейкер и его люди знали свое дело. При задержании они действовали профессионально и уверенно. Женщина из лаборатории тоже кое в чем разбиралась. Но этот жирный начальник даром коптил небо. Грязные редеющие волосы. Он обливался потом, несмотря на прохладу кондиционеров. Серое лицо в багровых пятнах, дряблые мышцы, гора лишнего жира. Давление космически высокое. Артерии твердые как камень. Судя по всему, пустое место.

— Моя фамилия Моррисон, — чихнув, объявил мне начальник. Как будто мне было до этого какое-то дело. — Я начальник полицейского участка Маргрейва. А ты — ублюдок, убийца-чужак. Ты явился в мой город и забрался во владения мистера Клинера. Так что сейчас ты во всем чистосердечно признаешься моему старшему следователю.

Умолкнув, полицейский снова посмотрел на меня. Точно пытаясь вспомнить, где видел, или ожидая от меня ответа. Он ничего не дождался. Начальник ткнул в меня жирным пальцем.

— А потом ты отправишься в тюрьму, — заявил он. — И сядешь на стул. А потом я попрыгаю на твоей могиле, бездомный кусок дерьма.

Оторвав свою тушу от кресла, он отвернулся в сторону.

— Я бы сам тобой занялся, — сказал он. — Но я человек занятой.

Начальник неуклюже выбрался из-за стола. Я стоял на полпути между столом и дверью. Проходя мимо, он остановился. Его жирный нос оказался на одном уровне со средней пуговицей моего пиджака. Начальник снова посмотрел на меня, определенно чем-то озадаченный.

— Я тебя уже видел, — наконец сказал он. — Где?

Он посмотрел на Бейкера, затем на Стивенсона. Словно ожидая, что они запомнят, что он сказал и когда.

— Я уже видел этого типа, — повторил начальник.

Он захлопнул за собой дверь кабинета, и я остался ждать вместе с двумя полицейскими старшего следователя. Это оказался высокий негр, не старый, но с редеющими волосами с проседью, придававшей ему аристократический вид. Деловой и уверенный. Хорошо одетый, в старомодном твидовом костюме. Молескиновый жилет. Начищенные до блеска ботинки. Этот парень выглядел так, как должен был бы выглядеть начальник. Он подал знак Бейкеру и Стивенсону, чтобы те нас оставили. Закрыл за ними дверь. Сел за стол и предложил мне сесть напротив.

Выдвинув с грохотом ящик, негр достал кассетный магнитофон. Высоко поднял его в вытянутой руке, вытягивая запутанные провода. Воткнул сетевой шнур и микрофон. Вставил кассету. Нажал клавишу записи и пощелкал по микрофону ногтем. Остановил кассету и отмотал ее назад. Нажал клавишу воспроизведения. Услышал щелчок своего ногтя. Удовлетворенно кивнул. Снова перемотал кассету назад и нажал клавишу записи. Я сидел и молча наблюдал за его действиями.

Какое-то время стояла полная тишина. Лишь приглушенный шум кондиционера, ламп дневного света или компьютера. Или мягкое ворчание магнитофона. Я мог различить медленное тиканье старинных часов. Этот звук вселял спокойствие, словно заверяя меня, что часы будут идти вечно, независимо от того, что я буду делать. Наконец негр выпрямился в кресле и пристально посмотрел на меня. Сплел пальцы, как это умеют делать высокие изящные люди.

— Ну, хорошо, — сказал он. — У нас есть кое-какие вопросы, правда?

Низкий голос, похожий на шум водопада. Акцент не южный. Внешностью и голосом следователь напоминал банкира из Бостона, но только был чернокожим.

— Моя фамилия Финлей, — сказал он. — Звание — капитан. Я возглавляю следственное отделение полиции Маргрейва.

Насколько я понял, вас предупредили о ваших правах, однако вы не подтвердили, что их понимаете. Прежде чем продолжать, мы должны уладить этот предварительный вопрос.

Не банкир из Бостона. Скорее, выпускник Гарвардского университета.

— Я понимаю свои права, — сказал я.

Негр кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Рад это слышать. Где ваш адвокат?

— Адвокат мне не нужен, — ответил я.

— Вас обвиняют в убийстве, — сказал негр. — Вам нужен адвокат. Знаете, мы обеспечим вас адвокатом. Бесплатно. Вы хотите, чтобы мы обеспечили вас бесплатным адвокатом?

— Нет, адвокат мне не нужен, — сказал я.

Сплетя пальцы, негр по фамилии Финлей внимательно посмотрел на меня.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Но в таком случае вам придется подписать официальный отказ. Понимаете, вам посоветовали воспользоваться

услугами адвоката, и мы готовы обеспечить вас адвокатом, причем без каких-либо затрат с вашей стороны, но вы категорически отказываетесь.

— Хорошо, подпишу, — согласился я.

Финлей достал из ящика стола бланк, сверился с часами и проставил дату и время. Он протянул мне бланк. Строчка, где я должен расписаться, была отмечена большим крестом. Финлей предложил мне ручку. Расписавшись, я протянул бланк назад. Финлей его изучил. Убрал в светло-коричневую папку.

— Я не смог разобрать вашу подпись, — сказал он. — Так что начнем с того, что вы назовете свое имя, местожительство и дату рождения.

Снова наступила тишина. Я посмотрел на негра. Упорный тип. Судя по всему, ему лет сорок пять. Для того, чтобы стать начальником следственного отдела управления полиции в штате Джорджия в возрасте сорока пяти лет, да еще чернокожему, необходимо быть очень упорным. Такому морочить голову бесполезно. Я набрал полную грудь воздуха.

— Меня зовут Джек Ричер, — сказал я. — Просто Джек Ричер. Без среднего имени. Адреса нет.

Финлей записал то, что я сказал. Много времени это у него не заняло. Я назвал ему дату своего рождения.

— Хорошо, мистер Ричер, — сказал Финлей. — Как я уже говорил, у нас к вам есть много вопросов. Я просмотрел ваши личные вещи. У вас не было при себе никаких документов, удостоверяющих личность. Ни водительского удостоверения, ни кредитных карточек — ничего. Как вы только что сказали, вы нигде не живете. Так что я спрашиваю себя: что это за человек? Он не ждал с моей стороны никаких замечаний.

— Кто тот тип с бритой головой? — спросил Финлей.

Я молчал, не отрывая взгляда от больших часов. Следя за тем, как движется минутная стрелка.

— Расскажите мне, что произошло, — настаивал он.

Я понятия не имел, что произошло. Абсолютно никакого. С кем-то что-то произошло, но не со мной. Я сидел. И молчал.

— Что такое «pluribus»? — спросил Финлей.

Посмотрев на него, я пожал плечами.

— Наверное, Девиз Соединенных Штатов? — предположил я. — E pluribus unum — в многообразии едины. Принят в 1776 году вторым Континентальным конгрессом, верно?

Он лишь проворчал что-то нечленораздельное. Я смотрел прямо на него. Я решил, что этот человек сможет ответить на мои вопросы.

— Что все это значит? — спросил я.

Снова молчание. Настал черед Финлея смотреть на меня. Я видел, он думает, отвечать ли мне, и как.

— Что все это значит? — повторил я.

Откинувшись назад, он опять сплел пальцы.

— Вам хорошо известно, что все это значит, — наконец сказал он. — Убийство. С очень неприятными подробностями. Жертва была обнаружена сегодня утром на складах Клинера. У северного конца шоссе, пересекающего наш округ, у самой петли развязки на автостраде. Свидетель сообщил о том, что видел человека, идущего с той стороны. Около восьми часов утра. По его описанию, белый мужчина, очень высокий, в длинном черном пальто, светлые волосы, без шляпы, без сумки.

Опять молчание. Я белый мужчина. У меня очень большой рост. У меня светлые волосы. Я сидел перед Финлеем, одетый в длинное черное пальто. У меня не было шляпы и сумки. По этому шоссе я шел сегодня утром почти четыре часа. С восьми до без четверти двенадцати.

— Сколько по шоссе до этого места? — спросил я. — От автострады до города?

Финлей задумался.

— Думаю, около четырнадцати миль, — сказал он.

— Точно, — согласился я. — Я прошел пешком весь путь от автострады до города. Около четырнадцати миль. Наверное, меня многие видели. Но это не значит, что я кому-нибудь сделал плохо.

Финлей ничего не ответил. Во мне разгоралось любопытство.

— Это ваш участок? — спросил я. — Вся местность до автострады?

— Да, наш, — подтвердил он. — Вопрос юрисдикции не стоит. Вам от нас не отделаться, мистер Ричер. Границы города простираются на четырнадцать миль, до самой автострады. Склады на моем участке, в этом нет сомнений.

Он остановился. Я кивнул. Он продолжил.

— Клинер построил эти склады пять лет назад. Вы о нем слышали?

Я покачал головой.

— Почему я должен был о нем слышать? — спросил я. — Я никогда прежде не бывал в ваших краях.

— Клинер у нас большая шишка, — продолжал Финлей. — Со своей деятельности он платит много налогов, что для нас очень хорошо. Город получает большие поступления, причем без лишней грязи и шума, так как склады далеко, правильно? Поэтому мы стараемся присматривать за складами. Но вот они стали местом убийства, и вы должны нам кое-что объяснить.

Этот человек занимается своим делом, но он напрасно отнимает у меня время.

— Хорошо, Финлей, — сказал я. — Я сейчас сделаю заявление, в котором опишу каждый свой шаг с тех пор, как я вошел в пределы вашего убогого городишки, и до того, как меня на середине завтрака вытащили из-за стола, черт побери, и приволокли сюда. Если вы хоть чего-нибудь из этого выудите, я дам вам медаль, черт возьми. Потому что в течение почти четырех часов я только и делал, что ставил одну ногу перед другой под проливным дождем, все четырнадцать ваших драгоценных проклятых миль.

Это была самая длинная речь, которую я произнес за последние полгода. Финлей молча таращился на меня. Я видел, что он сейчас решает основную дилемму, встающую перед следователем. Нутром он чувствовал, что я, скорее всего, не тот, кто ему нужен. Но я сижу перед ним. И что остается делать следователю? Я дал ему возможность подумать. Выжидая подходящий момент, чтобы подтолкнуть его в нужном направлении. Я собирался намекнуть о том, что пока он тратит время на меня, настоящий убийца разгуливает на свободе. Это дало бы дополнительную пищу его беспокойству. Но Финлей прыгнул первым. В ошибочном направлении.

— Никаких заявлений, — сказал он. — Я буду задавать вопросы, а вы будете на них отвечать. Вы Джек Просто Ричер. Без адреса. Без документов. Кто вы, бродяга?

Я вздохнул. Сегодня была пятница. Большие часы показывали, что она уже наполовину прошла. Этот Финлей будет дотошно ковыряться во всех мелочах. Значит, мне придется проторчать за решеткой все выходные. Скорее всего, выпустят меня в понедельник.

— Я не бродяга, Финлей, — сказал я. — Я странник. Это большая разница.

Он медленно покачал головой.

— Ты не умничай, Ричер, — сказал он. — Ты по уши в дерьме. Плохи твои дела. Наш свидетель видел, как ты уходил с места преступления. Ты здесь чужак, у тебя нет документов, ты ничего не можешь сказать в свое оправдание. Так что лучше не умничай.

Финлей по-прежнему занимался своим делом и по-прежнему напрасно отнимал у меня время.

— Я не уходил с места преступления, — сказал я. — Я четыре часа шел пешком по этой треклятой дороге. Это ведь большая разница, правда? Преступники, покидающие место преступления, пытаются сделать это как можно быстрее и незаметнее. Они не идут по дороге. Что плохого в том, чтобы идти по дороге? Люди постоянно ходят по дорогам, разве не так, черт побери?

Подавшись вперед, Финлей покачал головой.

— Нет, — сказал он. — По этой дороге никто не ходил пешком с тех пор, как был изобретен автомобиль. И почему у вас нет адреса? Откуда вы родом? Ответьте на эти вопросы. Начнем все с самого начала.

— Хорошо, Финлей, начнем с самого начала, — согласился я. — У меня нет адреса, потому что я нигде не живу. Быть может, когда-нибудь я буду где-то жить, тогда у меня появится адрес, и я пришлю тебе открытку, чтобы ты убрал ее в свой альбом, поскольку тебя, похоже, это очень беспокоит.

Финлей смерил меня взглядом, решая, как ему отнестись к моей выходке. Он остановился на спокойствии. Спокойствии, объединенном с упорством.

— Откуда вы родом? — спросил он. — Какой ваш последний адрес?

— Что именно вы имеете в виду, спрашивая, откуда я родом? — спросил я. Финлей стиснул губы. Я начинал выводить его из себя, но он сохранял выдержку. Прикрутил ее к себе нитями ледяного сарказма.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Вы не поняли мой вопрос, так что позвольте растолковать его подробнее. Я имел в виду, где вы родились или прожили какой-то значительный период своей жизни, который вы интуитивно рассматриваете как доминирующий в социальном или культурном плане?

Я лишь молча смотрел на него.

— Приведу пример, — продолжал Финлей. — Лично я родился в Бостоне, получил образование в Бостоне и в дальнейшем проработал в Бостоне

двадцать лет, поэтому я имею полное основание сказать, и вы, думаю, со мной согласитесь, что я из Бостона.

Я был прав. Выпускник Гарварда. Выпускник Гарварда, начинающий терять терпение.

— Хорошо, — сказал я. — Вы задали мне вопросы, и я на них отвечу. Но позвольте сначала вам кое-что сказать. Я не тот, кто вам нужен. К понедельнику вы сами это поймете. Так что сделайте себе одолжение: не прекращайте поиски.

С трудом поборов улыбку, Финлей кивнул.

— Благодарю вас за совет, — сказал он. — И за заботу о моей карьере.

— Всегда пожалуйста.

— Продолжайте, — сказал он.

— Отлично. Согласно вашим мудреным определениям, я не происхожу ниоткуда. Я из места, именуемого «Армия». Я родился на базе армии США в Западном Берлине. Мой старик служил в морской пехоте, а мать была француженкой. Они познакомились в Голландии и поженились в Корее.

Финлей кивнул. Сделал пометку в блокноте.

— Я был сыном армии, — продолжал я. — Покажите мне перечень американских военных баз во всем мире — и вот перечень тех мест, где я жил. В школу я ходил в двух десятках разных стран, а затем четыре года учился в военной академии в Вест-Пойнте.

— Продолжайте, — сказал Финлей.

— Я остался в армии, — сказал я. — Поступил в военную полицию. Я снова жил и нес службу на всех этих базах. А потом, Финлей, после тридцати шести лет, прожитых на белом свете сначала сыном военного, а затем военным, я вдруг узнал, что больше нет необходимости в огромной, могучей армии, потому что Советы легли брюхом кверху. И вот ура! Мы стрижем купоны с окончания Холодной войны. Что для вас означает то, что ваши налоги теперь будут тратиться на что-то другое, но я остаюсь безработным, бывшим военным полицейским, которого называют бродягой самодовольные гражданские ублюдки, не продержавшиеся бы и пяти минут в мире, в котором я жил.

Финлей обдумал мои слова. Похоже, они не произвели на него особого впечатления.

— Продолжайте, — сказал он.

Я пожал плечами.

— Так что сейчас я просто получаю удовольствие от жизни, — сказал я. — Быть может, со временем я найду, чем заняться, быть может, не найду. Быть может, я где-нибудь осяду, быть может, нет. Но прямо сейчас мне этого не хочется.

Финлей кивнул. Сделал еще кое-какие пометки.

— Когда вы уволились из армии? — спросил он.

— Полгода назад. В апреле.

— И вы с тех пор нигде не работали?

— Вы шутите, — усмехнулся я. — Когда вы сами в последний раз искали работу?

— В апреле, — сказал он, пародируя меня. — Полгода назад. И я нашел это место.

— Что ж, вам повезло, Финлей, — сказал я.

Я больше не знал, что сказать и поэтому умолк. Финлей какое-то время смотрел на меня.

— На что вы жили с тех пор? — спросил он. — Какое у вас было звание?

— Майор, — ответил я. — Когда мне дали пинка под зад, я получил выходное пособие. До сих пор сохранил его почти полностью. Пытаюсь растянуть как можно дольше, понимаете?

Долгая пауза. Финлей принялся выбивать ритм концом ручки.

— Ладно. Давайте поговорим о последних двадцати четырех часах, — сказал он.

Я вздохнул. Дальше мой путь лежал через тернии.

— Я приехал на автобусе компании «Грейхаунд», — сказал я. — Сошел у развязки. В восемь утра. Дошел по шоссе пешком до города, зашел в ресторан, заказал завтрак и начал его есть, когда появились ваши ребята и притащили меня сюда.

— У вас тут есть какие-нибудь дела? — спросил Финлей. Я покачал головой.

— Я не работаю. У меня нигде нет никаких дел.

Он старательно записал это.

— Где вы сели на автобус? — спросил он.

— В Тампе. Он выехал вчера в полночь.

— В Тампе, штат Флорида? — переспросил Финлей.

Я кивнул.

Он выдвинул другой ящик. Достал расписание автобусов «Грейхаунд». Раскрыл его на нужной странице и начал водить по ней длинным коричневым пальцем. Это был очень дотошный полицейский.

Наконец Финлей пристально посмотрел на меня.

— Этот рейс идет экспрессом, — сказал он. — Прямиком на север, до самой Атланты. Прибывает туда в девять утра. Здесь не останавливается.

Я покачал головой.

— Я попросил водителя остановиться, — сказал он. — Он ответил, что не имеет права это делать, но все же остановился. Остановился специально для того, чтобы выпустить меня.

— Вы уже бывали здесь прежде? — спросил Финлей.

Я снова покачал головой.

— У вас здесь родные? — продолжал он.

— Нет, здесь никого нет.

— А вообще родные есть? — настаивал он.

— Брат, в Вашингтоне, — сказал я. — Работает в казначействе.

— У вас в Джорджии есть друзья, знакомые?

— Нет, — сказал я.

Финлей записал все мои ответы. Затем наступила долгая тишина. Я знал точно, каким будет его следующий вопрос.

— Тогда почему? — спросил Финлей. — Почему вы сошли с автобуса на незапланированной остановке и шли пешком до города, в котором у вас нет абсолютно никаких дел?

Это был убийственный вопрос. Финлей мне его задал. Как, несомненно, задаст и прокурор. А у меня не было на него убедительного ответа.

— Ну что вам сказать? Это был каприз. Меня тянуло к перемене мест. Должен же я был куда-то попасть, верно?

— Но почему именно сюда? — спросил Финлей.

— Не знаю, — признался я. — У моего соседа была карта, и я выбрал этот городок. Мне хотелось держаться подальше от оживленных мест. У меня была мысль сделать круг и вернуться обратно к заливу, но только быть может, чуть западнее.

— Вы выбрали это место наугад? — спросил Финлей. — Не вешайте мне лапшу на уши. Как вы могли его выбрать? Это же всего-навсего название. Точка на карте. У вас должна была быть какая-то причина.

Я кивнул.

— Я решил заглянуть к Слепому Блейку, — сказал я.

— Кто такой этот Слепой Блейк? — спросил Финлей.

Я видел, как он просчитывает различные сценарии так, как шахматный компьютер просчитывает возможные ходы. Кто мне этот Слепой Блейк — друг, враг, сообщник, заговорщик, учитель, кредитор, должник, моя следующая жертва?

— Слепой Блейк — это гитарист, — пояснил я. — Он умер шестьдесят лет назад, возможно, был убит. Мой брат купил пластинку, на конверте была статья, и там говорилось, что это произошло в Маргрейве. Брат написал мне об этом. Сказал, что он был здесь пару раз весной, по каким-то делам. Я решил сам заглянуть и попробовать что-нибудь выяснить.

Финлей молча вытаращил глаза. Мое объяснение показалось ему совсем неубедительным. Если бы я был на его месте, оно мне тоже показалось бы неубедительным.

— Вы приехали сюда для того, чтобы найти гитариста? — спросил он. — Гитариста, умершего шестьдесят лет назад? Почему? Вы играете на гитаре?

— Нет.

— Как ваш брат мог вам написать? — спросил он. — У вас ведь нет адреса.

— Он написал на адрес части, где я служил, — ответил я. — Оттуда всю мою почту переправляют в банк, куда я положил выходное пособие. Ее пересылают мне, когда я прошу выслать мне очередную порцию денег.

Финлей покачал головой. Сделал пометку.

— Автобус компании «Грейхаунд», отъезжающий в полночь из Тампы, верно? — сказал он.

Я кивнул.

— Билет сохранился?

— Полагаю, он в пакете с моими вещами, — сказал я, вспоминая, как Бейкер складывал в пакет весь тот мусор, что был у меня в карманах.

— А водитель автобуса вас вспомнит? — продолжал Финлей.

— Думаю, вспомнит, — сказал я. — Это была незапланированная остановка. Мне пришлось его уговаривать.

Я превратился в зрителя, отрешенно наблюдающего за происходящим со стороны. Сейчас моя задача не отличалась от той, что стояла перед Финлеем. У меня возникло странное ощущение, что мы с ним беседуем о каком-то абстрактном деле. Коллеги, обсуждающие запутанную проблему.

— Почему вы нигде не работаете? — спросил Финлей. Я пожал плечами. Попытался объяснить.

— Потому что я не хочу работать, — сказал я. — Я работал тринадцать лет, и это меня никуда не привело. У меня такое ощущение, будто я попробовал делать так, как положено, но из этого ни черта не вышло. А теперь я буду делать так, как хочу сам.

Финлей молча смотрел на меня.

— У вас были неприятности в армии? — спросил он.

— Не больше, чем у вас в Бостоне, — ответил я.

Похоже, он удивился.

— Что вы хотите сказать?

— Вы проработали в Бостоне двадцать лет, — сказал я. — Вы сами мне это сказали, Финлей. Так почему вы очутились в этом забытом богом захолустье? Вы должны были выйти на пенсию, жить в свое удовольствие и ловить рыбу на мысе Код или где-нибудь еще. Что же с вами случилось?

— Вас это не касается, мистер Ричер, — нахмурился Финлей. — Отвечайте на мой вопрос.

Я пожал плечами.

— Спросите у армии.

— Спрошу, — заверил меня он. — В этом вы можете не сомневаться, черт побери. Вас уволили с хорошей аттестацией?

— А разве в противном случае я бы получил выходное пособие? — ответил вопросом на вопрос я.

— Почему я должен верить, что вы получили от армии хотя бы ломаный грош? — настаивал Финлей. — Вы живете как последний бродяга. Итак, с хорошей аттестацией? Да или нет?

— Да, — ответил я. — Естественно.

Он сделал еще одну пометку. Задумался.

— Как вы отнеслись к тому, что вас уволили со службы? — наконец спросил он.

Я обдумал его вопрос. Пожал плечами.

— Никак. Вот я был в армии, а теперь уже не в армии.

— Вы испытываете злость? — настаивал Финлей. — Чувствуете, что вас предали?

— Нет, — сказал я. — А должен чувствовать?

— И вас ничего не беспокоит? — спросил он так, как будто что-то обязательно должно было быть.

Я чувствовал, что хорошо бы что-нибудь ему ответить. Но не мог ничего придумать. Я служил в армии с самого своего рождения. Теперь я уже не служил в армии. И чувствовал себя бесподобно. Чувствовал свободу. Как будто всю жизнь у меня слегка болела голова. А я заметил это только тогда, когда она перестала болеть. Меня беспокоило только то, чем жить дальше. Чем зарабатывать на жизнь, не расставаясь с только что приобретенной свободой, — а это было весьма непросто. За полгода я не заработал ни гроша. Это была моя единственная проблема. Но я не собирался говорить о ней Финлею. Он сочтет это мотивом. Подумает, что я решил обеспечить дополнительное финансирование своей бродяжнической жизни, грабя людей. На складах. А затем их убивая.

— Наверное, переход дался мне нелегко, — наконец сказал я. — Особенно если учесть, что такую жизнь я вел с детства.

Финлей кивнул. Обдумал мой ответ.

— Почему уволили именно вас? — спросил он. — Вы сами вызвались уйти со службы?

— Я никогда и нигде не вызывался сам, — сказал я. — Первое правило солдата.

Опять молчание.

— У вас была какая-то специализация? — наконец спросил Финлей. — На службе?

— Сначала общее поддержание порядка, — ответил я. — Таково правило. Затем пять лет я занимался обеспечением режима секретности. А последние шесть лет я занимался кое-чем другим.

Пусть сам спросит.

— Чем же? — спросил Финлей.

— Расследованием убийств, — ответил я.

Финлей откинулся назад. Крякнул. Снова сплел пальцы.

Посмотрел на меня и шумно вздохнул. Подался вперед. Ткнул в меня пальцем.

— Верно, — сказал он. — Я обязательно все проверю. У нас есть ваши отпечатки. Они должны иметься в военном архиве. Мы запросим вашу служебную характеристику. От начала и до конца. Со всеми подробностями. Мы проверим автобусную компанию. Проверим билет. Найдем водителя, найдем пассажиров. И если вы сказали правду, мы достаточно скоро это выясним. Если вы сказали правду, возможно, это позволит вам отмыться. Несомненно, все определит хронология событий. Но пока в деле остается много неясного.

Помолчав, Финлей снова шумно вздохнул. Посмотрел мне в лицо.

— Ну, а до тех пор я буду действовать осторожно, — сказал он. — На первый взгляд про вас ничего хорошего не скажешь. Бродяга. Бездомный. Ни адреса, ни прошлого. Вполне вероятно, весь ваш рассказ — чушь собачья. Быть может, вы беглый преступник. Убиваете людей направо и налево во всех штатах. Я просто не знаю. Нельзя требовать от меня, чтобы я порадовал вас хотя бы капелькой сомнения. Зачем мне сейчас сомневаться? Вы останетесь за решеткой до тех пор, пока мы не будем полностью уверены, договорились?

Это было то, что я и ожидал. Это было то, что я сам сказал бы на месте Финлея. Тем не менее, я покачал головой.

— Вы проявляете осторожность? — сказал я. — Это еще мягко сказано.

Он спокойно выдержал мой взгляд.

— Если я в чем-то не прав, в понедельник я угощаю вас обедом. У Ино, чтобы расквитаться за сегодняшний день.

Я снова покачал головой.

— Я не ищу здесь друзей.

Финлей просто пожал плечами. Выключил магнитофон. Перемотал кассету назад. Вынул ее. Подписал. Нажал на кнопку переговорного

устройства. Пригласил Бейкера. Я ждал. Было довольно прохладно, но я уже успел высохнуть. Дождь, прошедший над Джорджией, промочил меня насквозь. Теперь вода испарялась в сухой воздух кабинета. Кондиционер всасывал ее в себя и отводил по трубке.

Постучав, в кабинет вошел Бейкер. Финлей попросил его отвести меня в камеру. Затем кивнул. Этот жест говорил мне: если выяснится, что ты не тот, кого мы ищем, помни, я просто выполнял свою работу. Я кивнул в ответ. Мой жест говорил: пока ты перестраховываешься, убийца разгуливает на свободе.

Отделение для содержания под стражей представляло собой лишь отгороженный угол. Оно было разделено на три отдельные камеры вертикальными прутьями. Передняя стена была из решетки. Вход в каждую камеру через отдельную секцию на петлях. Металл тускло блестел. Чем-то напоминал титан. Во всех камерах на полу ковролин. И больше ничего. Ни табурета, ни топчана.

Лишь новая высокобюджетная версия загонов в полицейских участках, которые можно увидеть в старых фильмах.

— На ночь здесь не оставляют? — спросил я у Бейкера.

— Нет, — ответил тот. — Вечером вас перевезут в тюрьму штата. Автобус приедет в шесть часов. Привезет вас назад в понедельник.

Захлопнув дверцу, он повернул ключ. Я услышал, как по всей высоте секции щелкнули засовы, входящие в гнезда. Электромагниты. Я достал из кармана газету. Снял пальто и свернул его. Растянулся на полу и подложил пальто под голову.

Вот теперь я точно вляпался. Выходные мне предстоит провести в тюрьме. Не в камере предварительного заключения в полицейском участке. И дело вовсе не в том, что у меня были какие-то планы на предстоящий уик-энд. Просто я хорошо знал, что такое обычная тюрьма. Многие дезертиры рано или поздно попадают в обычные тюрьмы. За какое-то преступление. Правоохранительные органы извещают армию. За дезертирами приезжают военные полицейские. Так что я знал, что такое обычная тюрьма. И перспектива провести в ней два дня не вызывала у меня никакого энтузиазма. Я лежал, раздраженно слушая шум полицейского участка. Звонили телефоны. Стучали клавиатуры. То быстрее, то медленнее. Полицейские приходили и уходили, разговаривая вполголоса.

Тогда я постарался дочитать захваченную газету. Она была полна всякого вздора о президенте и о том, как он собирается переизбираться на второй срок. Старик посетил город Пенсакола на побережье залива Флорида. Он намеревался сбалансировать государственный бюджет до

того, как поседеют его внуки. Президент обрезал расходы с ретивостью человека, продирающегося через джунгли с мачете в руке. В Пенсаколе досталось береговой охране. В течение последних двенадцати месяцев пограничники по собственной инициативе всеми силами полумесяцем выходили в воды залива и досматривали все суда, которые им чем-то не нравились. Судя по всему, год назад по этому поводу трубили фанфары. Успех превзошел самые смелые ожидания. Пограничники находили все что угодно. В основном наркотики, но также оружие и нелегальных иммигрантов с Гаити и Кубы. Подобная акция снижала уровень преступности, во всех штатах, за тысячи миль от побережья, в долгосрочной перспективе. Небывалый успех. Но сейчас от этого приходилось отказываться. Акция требовала очень больших денег. Береговая охрана перерасходовала выделенные средства. А президент сказал, что не может увеличить ее бюджет. Более того, он вынужден будет его урезать. Экономическое положение страны тяжелое. Пограничникам ничем нельзя помочь. Так что через неделю дежурство в море придется прекратить. Президент старался показать себя государственным деятелем. Большие шишки из правоохранительных органов очень разозлились, потому что на их взгляд предупредить преступление лучше, чем его расследовать. Но обитатели Вашингтона радуются, так как пятьдесят центов, потраченных на полицейского, патрулирующего улицы столицы, гораздо заметнее двух долларов, выброшенных в океан за две тысячи миль от избирателей. Обе стороны приводили множество аргументов. А президент самодовольно улыбался в объективы фотоаппаратов и заявлял, что ничего не может поделать. Я отбросил газету, так как чтение только распаляло мою злость.

Чтобы успокоиться, я включил в голове музыку. Припев песни «Молния, попавшая в дымовую трубу». В исполнении группы «Хаулинг вульф» в конце первой строфы звучит изумительный сдавленный крик. Говорят, для того чтобы прочувствовать блюз, необходимо много ездить по железной дороге. Это неправда. Для того чтобы понять блюз, надо оказаться взаперти. В камере. Или в армии. За решеткой. Где-то там, откуда молния, попавшая в дымовую трубу, кажется далеким маяком недостижимой свободы. Я лежал, положив голову на свернутое пальто, и слушал звучащую в голове музыку. На третьем куплете я заснул.

Я проснулся оттого, что Бейкер начал долбить ногой по решетке. Раздался глухой звон, похожий на погребальный. Рядом с Бейкером стоял Финлей. Они смотрели на меня. Я остался лежать на полу. Мне было так очень удобно.

— Где вы были вчера в полночь? — спросил Финлей.

— Садился на автобус в Тампе, — ответил я.

— У нас появился новый свидетель, — сказал Финлей. — Он видел вас в районе складов. Вчера вечером. Бесцельно слонявшегося. В полночь.

— Это полная чушь, Финлей, — сказал я. — Такого быть не может. Что это еще за новый чертов свидетель?

— Этот свидетель — Моррисон, — сказал Финлей. — Начальник полицейского участка. Он сразу сказал, что уже видел вас раньше. И вот теперь он вспомнил, где именно.

Глава 3

На меня снова надели наручники и отвели в кабинет, отделанный красным деревом. Финлей сел за большой стол перед флагами, под старинными часами. Бейкер устроился в конце стола. Я сел напротив Финлея. Он достал магнитофон. Вытащил спутанные провода. Поставил микрофон между нами. Постучал по нему ногтем. Перемотал пленку назад. Готово.

— Последние двадцать четыре часа, Ричер, — сказал Финлей. — Подробно.

Обоих полицейских переполняло едва сдерживаемое возбуждение. Шаткое обвинение внезапно стало прочным. Их начинал охватывать азарт победы. Мне были знакомы эти признаки.

— Вчера вечером я был в Тампе, — сказал я. — В полночь сел на автобус. Это могут подтвердить свидетели. В восемь часов утра я сошел с автобуса в том месте, где шоссе подходит к автостраде. Если ваш Моррисон говорит, что видел меня в полночь, он ошибается. В это время я находился за четыреста миль отсюда. Больше я ничего не могу добавить. Можете проверить мои слова.

Финлей молча посмотрел на меня. Затем кивнул Бейкеру, и тот открыл желтую кожаную папку.

— Личность жертвы не установлена, — начал Бейкер. — Никаких документов. Бумажника нет. Никаких отличительных примет. Белый мужчина, около сорока лет, очень высокий, бритый наголо. Труп был обнаружен сегодня в восемь часов утра на территории складов у внешней ограды, неподалеку от главных ворот. Он был частично прикрыт листами картона. Мы смогли снять отпечатки пальцев. Результат отрицательный. В базе данных они не числятся.

— Кто он, Ричер? — спросил Финлей.

Бейкер подождал ответа с моей стороны. Ничего не дождался. Я сидел и слушал тихое тиканье старинных часов. Стрелки ползли к половине

третьего. Я молчал. Порывшись в папке, Бейкер достал другой лист бумаги. Взглянув на него, он продолжил.

— Жертва получила два выстрела в голову, — сказал он. — Вероятно, из автоматического пистолета небольшого калибра, с глушителем. Первый выстрел был сделан с близкого расстояния, в левый висок, второй — в упор под левое ухо. Судя по всему, пули с мягкими наконечниками, потому что выходные отверстия полностью лишили этого парня лица. Дождь смыл пороховой нагар, но форма ожога предполагает применение глушителя. По-видимому, первый же выстрел стал смертельным. Пули не застряли в черепе. Гильз на месте преступления обнаружено не было.

— Где пистолет, Ричер? — спросил Финлей.

Посмотрев на него, я скорчил гримасу. И ничего не сказал.

— Жертва умерла между половиной двенадцатого и часом ночи, — продолжал Бейкер. — Трупа не было, когда вечерний сторож в половине двенадцатого уходил с дежурства. Он утверждает это с полной определенностью. Труп был обнаружен, когда дневной сторож открывал ворота. Около восьми часов утра. Он увидел, как вы уходите с места преступления, и позвонил нам.

— Кто это был, Ричер? — снова спросил Финлей.

Не обращая на него внимания, я посмотрел на Бейкера.

— Почему до часа ночи? — спросил я.

— Потому что ночью примерно в час начался ливень, — сказал Бейкер. — Асфальт под трупом остался абсолютно сухим. Значит, труп лежал на земле до того, как начался дождь. Согласно медицинскому заключению, жертва была застрелена около полуночи.

Я кивнул. Улыбнулся. Время смерти меня спасет.

— Расскажите, что было дальше, — тихо произнес Финлей.

Я пожал плечами.

— Это вы мне сами расскажете, — сказал я. — Меня там не было. В полночь я находился в Тампе.

Подавшись вперед, Бейкер достал из папки еще один лист.

— А дальше произошло то, что ты спятил, — сказал он. — Сошел с ума.

Я покачал головой.

— В полночь меня там не было, — повторил я. — Я садился на автобус в Тампе. В этом нет ничего сумасшедшего.

Полицейские никак не отреагировали на мои слова. Они оставались угрюмыми.

— Твой первый выстрел его убил, — сказал Бейкер. — Затем ты выстрелил во второй раз, после чего словно обезумел и долго пинал труп ногами. На теле многочисленные травмы, полученные посмертно. Ты его застрелил, после чего превратил труп в месиво. Ты лупил его ногами, что есть силы. На тебя напал приступ безумия. Затем ты успокоился и попытался завалить труп картоном.

Я заговорил не сразу.

— Посмертные травмы? — спросил я.

Бейкер кивнул.

— Что-то страшное, — подтвердил он. — Этот парень выглядит так, словно его сбил грузовик. Все кости переломаны. Но врач говорит, это произошло тогда, когда он уже был мертв. У тебя не все дома, Ричер, это точно, черт побери.

— Кто он? — в третий рас спросил Финлей.

Я молча посмотрел на него. Бейкер прав. Дело становится странным. Очень странным. Неистовая жестокость, приводящая к смертельному исходу, — это уже плохо. Но жестокость по отношению к трупу еще хуже. Мне несколько раз приходилось с этим сталкиваться. И у меня не было никакого желания встретиться еще раз. Но так, как описал случившееся Бейкер, оно вообще не имело смысла.

— Как вы с ним познакомились? — спросил Финлей.

Я смотрел на него. Ничего не отвечая.

— Что такое «pluribus»? — спросил он.

Я пожал плечами. Продолжая хранить молчание.

— Кто это был, Ричер? — снова спросил Финлей.

— Меня там не было, — ответил я. — Я ничего не знаю.

Финлей помолчал.

— Какой номер вашего телефона? — вдруг спросил он.

Я посмотрел на него как на сумасшедшего.

— Финлей, черт побери, о чем вы говорите? — сказал я. — У меня нет телефона. Вы не поняли? Я нигде не живу.

— Я имел в виду сотовый телефон, — сказал Финлей.

— Какой сотовый телефон? У меня нет сотового телефона.

Меня охватила паника. Эти полицейские принимают меня за убийцу. За сумасшедшего бродягу-наемника с сотовым телефоном, разгуливающего по стране и убивающего людей. А затем превращающего трупы в месиво. Связывающегося с какой-то подпольной организацией, наводящей меня на очередную жертву. Всегда в движении.

Финлей наклонился вперед. Протянул мне лист бумаги. Это был обрывок бумаги от компьютерного принтера. Не старый. Покрытый блестящим слоем жира. Такой приобретает бумага, проведшая месяц в кармане. На нем было напечатано подчеркнутое заглавие: «Pluribus». Под ним телефонный номер. Я посмотрел на листок. Не притронулся к нему. Не желаю иметь какие-либо недоразумения с отпечатками пальцев.

— Это ваш номер телефона? — спросил Финлей.

— У меня нет телефона, — повторил я. — Вчера ночью меня здесь не было. Чем больше вы будете приставать ко мне, Финлей, тем больше времени потеряете.

— Это номер сотового телефона, — продолжал он. — Это мы установили точно. Принадлежит компании с центром в Атланте. Но абонента мы сможем установить только в понедельник. Поэтому мы обращаемся к вам, Ричер. Будет лучше, если вы поможете следствию.

Я снова посмотрел на клочок бумаги.

— Где вы это нашли?

Финлей задумался. Решил все же ответить.

— Листок лежал в ботинке вашей жертвы, — сказал он. — Сложенный и спрятанный.

Я долго сидел молча. Мне было страшно. Я чувствовал себя как героиня детской книжки, провалившаяся в нору. Оказавшаяся в незнакомом мире, где все вокруг странное и непонятное. Как Алиса в Стране чудес. Она провалилась в нору? Или сошла не в том месте с автобуса «Грейхаунд»?

Я сидел в удобном, роскошном кабинете. От такого бы не отказался и швейцарский банк. Я находился в обществе двух полицейских. Умных и проницательных профессионалов. Вероятно, на двоих у них не меньше

тридцати лет опыта. Хорошо оснащенный и укомплектованный грамотным личным составом полицейский участок. Скорее всего, проблемы с финансированием здесь не стоят. Слабое место — осел Моррисон в кресле начальника, но в целом мне давно не приходилось видеть такой четкой и слаженной организации. Но они со всех ног бегут в тупик. Все, похоже, убеждены в том, что земля плоская. А небо над Джорджией — это огромный купол, закрепленный у них над головой. Я был единственным, кто знал, что земля круглая.

— Два момента, — наконец сказал я. — Этот человек был застрелен в упор из автоматического пистолета с глушителем. Первый выстрел был смертельным, второй контрольным. Гильз нет. О чем это говорит? Работал профессионал?

Финлей молчал. Его основной подозреваемый обсуждал с ним дело как с коллегой. Как следователь он не должен был это допустить. Он должен был меня остановить. Но ему хотелось меня выслушать. Я буквально видел, как он спорит с самим собой. Финлей сидел совершенно неподвижно, но его мысли возились, будто котята в мешке.

— Продолжайте, — в конце концов сказал он.

Торжественно, словно делая мне одолжение.

— Это была казнь, Финлей, — сказал я. — Не ограбление и не ссора. Хладнокровная и хирургически точная казнь. Никаких улик на месте преступления. То есть опытный профессионал, ползающий с фонариком и подбирающий гильзы.

— Продолжайте, — повторил он.

— Выстрел в упор в левый висок, — сказал я. — Возможно, жертва находилась в машине. Убийца говорит с ней в окно, затем поднимает пистолет. Бух! После чего он наклоняется в салон и делает второй выстрел. Потом подбирает стреляные гильзы и уходит.

— Уходит и все? — удивился Финлей. — А как насчет остального? Вы хотите сказать, был и второй — сообщник!?

Я покачал головой.

— Их было трое, — сказал я. — Это же очевидно, правда?

— Почему трое? — спросил Финлей.

— Но абсолютный минимум — двое, верно? — настаивал я. — Как жертва попала на склад? Приехала на машине, не так ли? Слишком далеко до чего бы то ни было, чтобы идти пешком. В таком случае, где же машина? Убийца также не пришел пешком. Так что абсолютный минимум — это

двое. Они приехали вместе и уехали по отдельности, один на машине убитой жертвы.

— Но? — продолжал Финлей.

— Но улики указывают на то, что было минимум три человека, — сказал я.

— Взгляните с точки зрения психологии. Вот ключ к разгадке. Человек, аккуратно всаживающий пулю небольшого калибра из пистолета с глушителем в голову жертвы и делающий контрольный выстрел, вряд ли вдруг обезумеет и начнет пинать ногами труп, верно? А потом вдруг успокоится и попытается укрыть труп старым картоном. Перед вами три различных поступка, Финлей. Так что вы имеете дело как минимум с тремя людьми.

Финлей пожал плечами.

— Может быть, все же с двумя, — заметил он. — Возможно, прятал труп убийца — потом.

— И не надейтесь, — возразил я. — Он не стал задерживаться на месте преступления. Ему пришлась бы не по душе дикая и совершенно бессмысленная жестокость. К тому же, оставаясь на месте убийства, он рисковал, что его могут случайно увидеть. И еще. Если бы такой человек заметал за собой следы, он сделал бы это как надо. Не оставил бы труп там, где его нашел первый появившийся человек. Так что вы имеете дело с тремя разными людьми.

Финлей задумался.

— Ну и? — сказал он.

— Ну и которым из них являюсь я? — спросил я. — Убийцей, маньяком или идиотом, прячущим тело?

Финлей и Бейкер переглянулись. Ничего мне не ответили.

— Ладно, кем бы я ни был, что, по-вашему, произошло на складе? — продолжал я. — Я приезжаю туда с двумя дружками, в полночь мы убиваем этого типа, после чего мои дружки уезжают, а я решаю остаться здесь? Почему? Это же чушь, Финлей.

Он молчал. Думал.

— У меня нет двух дружков, — сказал я. — И машины. Так что в лучшем случае вы можете сказать, что жертва пришла туда пешком, как и я. Мы встретились, я очень аккуратно, профессионально застрелил этого человека, подобрал гильзы, вынул у него бумажник, но забыл обыскать ботинки. После этого спрятал оружие, глушитель, фонарик, сотовый

телефон, гильзы, бумажник и все остальное. Затем вдруг совершенно поменял характер и принялся пинать труп ногами как сумасшедший. После этого снова полностью поменял характер и предпринял бессмысленную попытку спрятать труп. А потом просидел где-то восемь часов под дождем и пошел пешком в город. Это лучшее, что вы можете придумать. И это полнейшая чушь, Финлей. Потому что, черт побери, зачем мне ждать восемь часов под дождем рассвета, чтобы уйти с места преступления?

Финлей долго смотрел на меня.

— Я не знаю, — наконец сказал он.

Такой человек как Финлей не делает подобного признания без внутренней борьбы. Казалось, из него вышел весь воздух.

Дело, которое он вел, оказалось полной чушью, и Финлей это понял. Но у него были серьезные проблемы с показаниями его собственного шефа. Он не мог прийти к своему начальнику и сказать: «Моррисон, ты мешок с дерьмом». И он не мог заняться разработкой альтернативной версии, раз босс преподнес ему подозреваемого на блюдечке. Финлей мог проверить мое алиби. Этим он мог заниматься. Никто не сможет обвинить его в излишней старательности. А затем в понедельник он начнет все сначала. Поэтому Финлей чувствовал себя так отвратительно: он потеряет совершенно впустую семьдесят два часа. К тому же, впереди его ждала еще одна серьезная проблема. Ему придется сказать своему начальнику, что я не мог быть на месте преступления в полночь. Он должен будет вежливо вытянуть из жирного Моррисона отказ от своих показаний. Это очень трудно, когда ты новичок, проработавший всего шесть месяцев. А тот, с кем ты имеешь дело, — полный осел и твой прямой начальник. Проблемы со всех сторон, поэтому Финлей чувствовал себя хуже некуда. Он молчал, тяжело дыша и пытаясь решить, как быть дальше. Пора ему помочь.

— Телефонный номер, — сказал я. — Как вы определили, что это сотовый номер?

— По коду, — подтвердил Финлей. — Вместо кода района у него префикс выхода в сотовую сеть.

— Отлично, — продолжал я. — Но вы не можете установить, кому принадлежит этот номер, потому что списка абонентов сотовой сети у вас нет, а управление сети отказывается вам помочь, верно?

— Они потребовали санкцию прокурора, — признался Финлей.

— Но вы хотите узнать, кому принадлежит этот номер, так? — сказал я.

— Вы знаете, как это сделать без ордера?

— Возможно, — сказал я. — Почему бы просто не позвонить по этому номеру и не узнать, кто ответит?

Им это в голову не пришло. Наступила тишина. Полицейские были смущены. Они старались не смотреть друг на друга. И на меня. Молчание.

Бейкер решил умыть руки и оставить Финлея отдуваться одного. Собрав бумаги, он жестом показал, что собирается пойти поработать. Кивнув, Финлей его отпустил. Бейкер встал и вышел. Закрыл за собой дверь очень тихо. Финлей открыл рот. И молча закрыл его. Ему хотелось спасти свое лицо. Очень хотелось.

— Это номер сотового телефона, — сказал он наконец. — Даже если я по нему позвоню, я все равно не смогу установить, кому он принадлежит и где находится этот человек.

— Послушайте, Финлей, — сказал я. — Мне наплевать, кому принадлежит этот номер. Меня интересует только то, кому он не принадлежит. Понятно? Это не мой телефон. Так что позвоните по нему, и вам ответит какой-нибудь Джон такой-то из Атланты или Джейн такая-то из Чарльстона. И вы убедитесь, что это не мой телефон.

Финлей посмотрел на меня. Побарабанил пальцами по крышке стола. Ничего не сказал.

— Вы же знаете, как поступить, — продолжал я. — Позвоните по этому номеру, наплетите какую-нибудь чушь о технических неполадках или неоплаченном счете, ошибке компьютера, и заставьте того, кто вам ответит, назвать свои имя и адрес. Давайте, Финлей, шевелитесь, вы же следователь, черт побери!

Склонившись над столом, он потянулся за бумажкой с номером. Пододвинул ее к себе длинными коричневыми пальцами. Повернул так, чтобы удобнее было читать, и снял трубку. Набрал номер. Нажал клавишу громкой связи. Кабинет наполнился громкими гудками. Пронзительный, настойчивый звук. Он оборвался. Кто-то ответил на звонок.

— Пол Хаббл, — произнес мужской голос. — Чем могу вам помочь?

Южный акцент. Уверенный тон. Этот человек привык разговаривать по телефону.

— Мистер Хаббл? — переспросил Финлей, хватая ручку и записывая фамилию. — Добрый день. Вам звонят из телефонной компании, отделение мобильной связи. Старший инженер смены. К нам поступило сообщение, что ваш номер неисправен.

— Неисправен? — ответил голос. — По-моему, у меня все в порядке. Я ни на что не жаловался.

— С исходящими звонками действительно все в порядке, — продолжал Финлей. — Проблемы могут возникнуть с входящими звонками, сэр. Я сейчас подключил к линии измеритель уровня сигнала, сэр, и его показания действительно очень низкие.

— А я вас слышу прекрасно, — сказал голос.

— Алло! — громко произнес Финлей. — Вы все время пропадаете, мистер Хаббл. Алло? Вы бы очень мне помогли, сэр, сообщив свое точное местонахождение — понимаете, чтобы я мог сопоставить его с нашими ретрансляционными станциями.

— Я нахожусь у себя дома, — произнес голос.

— Хорошо. — Финлей снова взял ручку. — Вы не могли бы уточнить свой адрес?

— А разве у вас нет моего адреса? — насмешливо поинтересовался голос. — Вы же каждый месяц присылаете мне счет.

Финлей посмотрел на меня. Я усмехнулся. Он состроил гримасу.

— Сэр, я работаю в техническом отделе, — сказал Финлей. Тоже насмешливым тоном. Два добродушных человека спорят по вопросам техники. — Сведения об абонентах находятся в другом месте. Конечно, я могу их запросить, но на это уйдет время — вы же знаете, как это бывает. Кроме того, сэр, пока определитель уровня сигнала подключен к линии, вам придется непрерывно говорить, чтобы я мог контролировать качество связи. Так что если у вас нет желания называть свой адрес, вам придется прочитать вслух любимое стихотворение.

Крошечный динамик передал смех человека по фамилии Хаббл.

— Ну, хорошо, проверка связи, проверка связи, — произнес голос. — Говорит Пол Хаббл, находящийся у себя дома, то есть в доме номер двадцать пять по Бекман-драйв, повторяю: дом ноль-два-пять, Бекман-драйв, в добром старом Маргрейве, произношу по буквам: М-А-Р-Г-Р-Е-Й-В, штат Джорджия, Соединенные Штаты Америки. Ну, как уровень моего сигнала?

Финлей не отвечал. На его лице отразилось беспокойство.

— Алло! — спросил голос. — Вы меня слышите?

— Да, мистер Хаббл, — сказал Финлей. — Я вас слышу. Кажется, никаких проблем с вашим номером нет, сэр. Полагаю, просто ложная тревога. Благодарю вас за помощь.

— Ничего страшного, — ответил человек по фамилии Хаббл. — Если что, звоните еще.

Связь оборвалась, и комната наполнилась короткими гудками. Финлей положил трубку на аппарат. Откинулся назад и уставился в потолок. Заговорил сам с собой.

— Проклятие, — сказал он. — Здесь, у нас в городе. Черт побери, кто такой этот Пол Хаббл?

— Вы его не знаете? — спросил я.

Финлей посмотрел на меня. Огорченно. Словно он успел совсем про меня забыть.

— Я здесь всего полгода. Еще не успел со всеми познакомиться.

Подавшись вперед, Финлей нажал на кнопку звонка. Пригласил Бейкера.

— Ты что-нибудь можешь сказать о некоем Хаббле? — спросил у него Финлей. — Пол Хаббл, живет здесь, в Маргрейве, дом двадцать пять по Бекман-драйв?

— Пол Хаббл? — переспросил Бейкер. — Ну да. Живет там, где ты и сказал, с самого рождения. Человек семейный. Его хорошо знает Стивенсон, они вроде как родственники. Дружат. Вместе ходят в спортивный клуб. Хаббл банкир. Ворочает большими деньгами, работает в Атланте. В каком-то крупном банке. Я время от времени встречаю его в городе.

Финлей пристально посмотрел на своего коллегу.

— Это тот, кому принадлежит номер телефона, — сказал он.

— Хаббл? Из Маргрейва? Вот те на!

Финлей снова повернулся ко мне.

— Полагаю, сейчас вы скажете, что никогда не слышали о таком человеке, так? — спросил он.

— Я действительно никогда о нем не слышал, — подтвердил я.

Покачав головой, Финлей повернулся к Бейкеру.

— Отправляйся-ка ты к этому Хабблу и вези его сюда, — сказал он. — Бекман-драйв, дом номер двадцать пять. Бог его знает, какое он имеет ко всему этому отношение, но нам надо с ним поговорить. Ты будь с ним поаккуратней, быть может, он тут совсем ни при чем.

Снова посмотрев на меня, Финлей вышел. Захлопнул за собой массивную дверь. Протянув руку, Бейкер выключил магнитофон. Вывел меня из кабинета. Проводил назад в камеру. Вошел вместе со мной и снял наручники. Повесил их себе на ремень. Вышел из камеры и закрыл дверь. Привел в действие электрический замок. Засовы вошли в гнезда. Он собрался уходить.

— Эй, Бейкер, — окликнул его я.

Он вернулся назад. Посмотрел на меня. Недружелюбно.

— Я хочу есть, — сказал я. — И выпить кофе.

— Вас накормят в тюрьме штата, — ответил он. — Автобус прибудет в шесть вечера.

С этими словами Бейкер ушел. Ему предстояло поехать за каким-то Хабблом. Он обратится к нему очень вежливо. Извинившись, попросит съездить вместе с ним в участок. Финлей тоже рассыплется перед ним в извинениях. Пока я буду торчать в клетке, Финлей будет учтиво спрашивать Хаббла, почему номер его телефона был обнаружен в ботинке убитого.

Мое пальто по-прежнему лежало скатанным на полу камеры. Я его встряхнул и надел. Мне снова стало холодно. Я засунул руки в карманы. Прислонился к прутьям решетки и попробовал снова начать читать газету, просто чтобы чем-то заняться. Но я не понимал смысла прочитанного. Я думал о том типе, на глазах у которого его напарник убил человека выстрелом в голову. Который затем схватил безжизненное тело и принялся пинать ногами. С таким бешенством, что переломал трупу все кости. Я стоял и думал о том, что, как я надеялся, осталось у меня позади. О том, о чем я не хотел больше думать. В конце концов, я бросил газету на пол и попробовал думать о чем-то другом.

Я обнаружил, что если прижаться к решетке в переднем углу камеры, мне будет виден весь общий зал. Столик дежурного и то, что было за стеклянными дверями. На улице ярко светило горячее солнце. Похоже, там уже снова стало сухо и пыльно. Ливень ушел куда-то далеко. В здании царила прохлада, освещенная люминесцентными лампами. Дежурный сержант стучал на компьютере, заполняя базу данных. Мне было видно то, что находилось у него под столом. То, что не предназначалось для взоров посторонних. Аккуратные ячейки с бумагами и жесткими скоросшивателями. Целая секция баллончиков со слезоточивым газом. Ружье. Кнопка объявления общей тревоги. За сержантом сидела женщина в форме, которая брала у меня отпечатки пальцев, и тоже оживленно стучала по клавишам. В просторном помещении было тихо, однако оно вибрировало напряжением идущего полным ходом следствия.

Глава 4

Люди тратят тысячи долларов на высококачественное стереофоническое оборудование — иногда десятки тысяч. В Соединенных Штатах существует целая отрасль промышленности, специализирующаяся на выпуске звуковоспроизводящей аппаратуры таких высоких стандартов, что в это невозможно поверить. Ламповые усилители стоимостью с хороший дом. Колонки выше моего роста. Соединительные шнуры, толстые, как поливочные шланги. В армии кое у кого есть такая аппаратура. Я имел возможность оценить качество ее звучания на военных базах по всему миру. Изумительно. Но на самом деле все эти люди напрасно потратили деньги. Ибо лучшая звуковоспроизводящая аппаратура в мире совершенно ничего не стоит. Она находится у нас в голове. Работает так, как мы того хотим. На нужной громкости.

Я стоял в углу камеры, прокручивая в голове песню Бобби Бланда. Старый и любимый хит. На полной громкости. «Дальше по дороге». Бобби Бланд поет ее в соль-мажоре. Эта тональность придает песне какую-то солнечную жизнерадостность. Убирает горечь из стихов. Превращает песню в жалобу, пророчество, утешение. В то самое, чем и должен быть настоящий блюз. Спокойный соль-мажор навевает сладостный туман. Растворяет злобу.

Но тут я увидел жирного начальника отделения. Моррисон шел мимо камер, отделенных решеткой, направляясь в свой кабинет. Как раз к началу третьего куплета. Я транспонировал песню в ми-бемоль. Мрачную и грозную тональность. Тональность настоящего блюза. Убрал приятный голос Бобби Бланда. Мне нужно было что-нибудь жестче. Что-нибудь грубее. Музыкальное, но в то же время с пропитым и прокуренным хрипом. Наверное, Уайлд-Чайлд Батлер будет в самый раз. Голос, с которым не будешь шутить. Я добавил громкость, как раз на том месте, где поется: «что посеешь, то и пожнешь — дальше по дороге».

Моррисон солгал насчет вчерашнего вечера. Меня не было здесь в полночь. Сначала я был готов поверить в возможную ошибку. Наверное, он видел кого-либо похожего на меня. Такой подход означал признание презумпции невиновности. Сейчас же мне захотелось дать Моррисону правой, прямо в морду. Расквасить в лепешку его жирный нос. Я закрыл глаза. Мы с Уайлд-Чайлдом Батлером дали себе слово, что это обязательно произойдет. Дальше по дороге.

Открыв глаза, я выключил звучащую у меня в голове музыку. Прямо передо мной, с той стороны решетки стояла женщина-полицейский, бравшая у меня отпечатки пальцев. Она возвращалась от кофейного автомата.

— Не хотите чашку кофе? — спросила она.

С удовольствием, — сказал я. — Очень хочу. Без сливок, без сахара.

Поставив свой стаканчик на стол, она вернулась к автомату. Приготовила еще один стаканчик и подошла ко мне. Она была довольно красивая. Лет тридцати, темноволосая, не очень высокая. Но назвать ее средней было бы большой несправедливостью. В ней ощущалась какая-то жизненная сила. Это проявилось в сочувственной быстроте ее движений еще во время нашей первой встречи. Профессиональная суета. Сейчас женщина вела себя совершенно естественно. Вероятно, это объяснялось тем, что она находилась не при исполнении своих обязанностей. Скорее всего, жирный Моррисон не одобрил бы то, что она принесла кофе задержанному. Я проникся к ней симпатией.

Женщина протянула стаканчик между прутьями решетки. Вблизи она показалась мне красивой. От нее хорошо пахло. Я не помнил, обратил ли на это внимание при первой встрече. Кажется, я подумал, что она похожа на медсестру в зубоврачебном кабинете. Если бы все медсестры в зубоврачебных кабинетах выглядели так, я бы ходил лечить зубы гораздо чаще. Я взял стаканчик. Я был очень признателен женщине. Мне очень хотелось пить, и я люблю кофе. Дайте мне возможность, и я буду пить кофе так, как алкоголик пьет водку. Я сделал глоток. Хороший кофе. Я поднял пластиковый стаканчик в приветственном жесте.

— Спасибо, — сказал я.

— Пожалуйста, — ответила женщина, улыбаясь, в том числе и глазами.

Я улыбнулся в ответ. Ее глаза были долгожданным солнечным лучом в дождливый день.

— Значит, вы полагаете, я здесь ни при чем? — спросил я. Она взяла со стола свой стаканчик.

— Вы считаете, я бы не принесла кофе виновному?

— Возможно, даже не стали бы с ним разговаривать.

— Я знаю, что на вас нет никакой серьезной вины, — сказала женщина.

— Как вы это определили? — удивился я. — По тому, что у меня глаза не слишком близко посажены?

— Нет, глупый, — рассмеялась женщина. — Просто мы до сих пор ничего не получили из Вашингтона.

Ее смех оказался просто восхитительным. Мне захотелось прочесть бирку с фамилией на кармане ее рубашки. Но я не хотел, чтобы женщина подумала, будто я рассматриваю ее грудь. Я вспомнил, как грудь вжалась в край стола, когда женщина меня фотографировала. Я

поднял взгляд. Красивая грудь. Фамилия женщины была Роско. Быстро оглянувшись, она шагнула ближе к решетке. Я сделал еще глоток кофе.

— Я через компьютер отослала отпечатки ваших пальцев в Вашингтон, — сказала Роско. — Это было в двенадцать тридцать шесть. Вы знаете, там главная база данных ФБР? Миллионы отпечатков. Все присланные отпечатки проверяют в соответствии с приоритетом. Сначала сравнивают с отпечатками первого десятка самых опасных преступников, находящихся в розыске, затем первой сотни, потом первой тысячи и так далее. Понятно? Так что если бы вы находились где-то в самом верху и имели за плечами нераскрытое тяжкое преступление, мы бы уже давно получили ответ. Проверка осуществляется автоматически. Нельзя дать возможность опасному преступнику скрыться, поэтому система сравнения реагирует немедленно. Но вы находитесь здесь почти три часа, а мы до сих пор ничего не получили. Так что я точно знаю, что ничего серьезного за вами не числится.

Дежурный сержант неодобрительно посмотрел на Роско. Ей было пора уходить. Допив кофе, я протянул стаканчик между прутьями решетки.

— За мной вообще ничего не числится, — сказал я.

— Знаю, — ответила она. — Вы не похожи на преступника.

— Вот как? — удивился я.

— Я это сразу поняла, — улыбнулась Роско. — У вас добрые глаза.

Подмигнув, она ушла. Бросила стаканчики в урну и вернулась к своему компьютеру. Села за стол. Мне был виден только ее затылок. Забравшись в свой угол, я прислонился к жестким прутьям. Вот уже полгода я был одиноким странником. И я кое-что узнал. Подобно Бланш из старого фильма, странник зависит от доброго отношения незнакомых людей. Он не ждет от них ничего материального. Только моральную поддержку. Не отрывая взгляда от затылка Роско, я улыбнулся. Мне понравилась эта женщина.

Бейкер отсутствовал минут двадцать. Достаточно для того, чтобы съездить домой к этому Хабблу и вернуться назад. Я предположил, за двадцать минут можно сходить туда и обратно пешком. Это ведь маленький городок, правда? Точка на карте. Наверное, за двадцать минут можно добраться до любого места и вернуться назад, даже если идти на руках. Хотя с рубежами Маргрейва не все ясно. Все зависит от того, живет ли Хаббл в городе или в пределах какой-то внешней границы. Как показывал мой собственный опыт, можно было находиться в городе, оставаясь в четырнадцати милях от него. Если те

же четырнадцать миль простирались во всех направлениях, тогда Маргрейв размерами почти не уступал Нью-Йорку.

Бейкер сказал, что Хаббл человек семейный. Работает в банке в Атланте. Это означает, особняк где-нибудь неподалеку от города. Чтобы детям было близко до школы и друзей. Чтобы жене было близко до магазинов и клуба. Чтобы ему самому было удобно выезжать на шоссе, ведущее к автостраде. И, наверняка, удобная дорога от автострады до конторы в Атланте. Судя по адресу, Хаббл проживал в городе. Дом номер двадцать пять по Бекман-драйв. Довольно далеко от Главной улицы. Вероятно, Бекман-драйв ведет из центра города к окраине. Хаббл ворочает большими деньгами. Скорее всего, он богат. Скорее всего, у него огромный белый особняк на большом участке земли. Тенистая рощица. Возможно, бассейн. Скажем, четыре акра. Квадрат площадью четыре акра имеет сторону длиной около ста сорока ярдов. Если учесть, что четные и нечетные дома стоят на разных сторонах улицы, номер двадцать пять от центра тринадцатый. То есть до него примерно миля.

За большими стеклянными дверями солнце клонилось к вечеру. Его сияние приняло красноватый оттенок. Тени стали длиннее. Я увидел, как патрульная машина Бейкера, свернув с шоссе, подкатила к подъезду, без включенной мигалки. Сделав неторопливый полукруг, машина остановилась и качнулась на рессорах. Заняв всей своей длиной стеклянные двери, Бейкер вышел из передней двери и скрылся из виду, обходя машину. Появился снова, подходя к ней с противоположной стороны. Открыл дверь, словно наемный шофер. Противоречивый язык жестов показывал смешение его чувств. Немного почтительного уважения, потому что перед ним был банкир из Атланты. Немного дружелюбия, потому что это был партнер по кегельбану его напарника. Немного официальности, потому что это был человек, чей номер телефона был спрятан в ботинке трупа.

Из машины вышел Пол Хаббл. Бейкер закрыл дверь. Хаббл ждал. Бейкер обошел его и открыл большую стеклянную дверь. Она мягко присосалась к резиновой подушке. Хаббл вошел в участок.

Это был белый мужчина высокого роста, словно со страницы иллюстрированного журнала. Страницы с рекламой. Ненавязчиво показывающей, что могут деньги. Хабблу было лет тридцать с небольшим. Ухоженный, но физически не сильный. Песочного цвета волосы, взъерошенные, начавшие отступать назад и открывшие умный лоб. Как раз достаточно для того, чтобы заявить: «Да, еще недавно я учился в школе, но теперь я взрослый мужчина». У него были круглые очки в золотой оправе. Квадратный подбородок чуть выступал вперед. Благопристойный загар. Очень белые зубы. И их очень много, что показала улыбка, которой Хаббл одарил дежурного сержанта.

На нем была выцветшая футболка с небольшим значком и линялые джинсы. Такие вещи выглядят старыми уже тогда, когда их покупают за пятьсот долларов. За плечами висел толстый белый свитер. Рукава были небрежно завязаны на груди. Во что он обут, я не увидел, мне мешал стол дежурного. Но я был уверен, что на нем коричневые туфли-лодочки. И я поспорил сам с собой на приличную сумму, что они надеты без носков. Этот человек, как свинья в грязи, купался в сознании того, что у него в жизни есть все.

Но Хаббл был чем-то взволнован. Он оперся ладонями на стол дежурного, но тут же выпрямился и уронил руки по швам. Я увидел желтоватую кожу и сверкнувшие часы на массивном золотом браслете. Хаббл очень старался вести себя с дружелюбной снисходительностью. Как наш президент, посетивший в ходе предвыборной кампании какой-то завод. Но он был рассеян. Вел себя натянуто. Я не знал, что сказал ему Бейкер. Как много он ему раскрыл. Возможно, ничего. Хороший сержант вроде Бейкера предоставит взорвать бомбу Финлею. Так что Хаббл не знал, зачем его пригласили в участок. Но что-то он знал. Я, так или иначе, прослужил в полиции тринадцать лет и за милю чуял тревогу. Хаббл был чем-то встревожен.

Я стоял неподвижно, прижимаясь к решетке. Бейкер жестом пригласил Хаббла пройти вместе с ним в противоположный угол дежурного помещения. В кабинет, отделанный красным деревом. Когда Хаббл огибал стол дежурного, я увидел его ноги. Коричневые туфли-лодочки. Без носков. Хаббл и Бейкер скрылись в кабинете. За ними закрылась дверь. Встав из-за стола, дежурный сержант вышел на улицу, чтобы отогнать машину Бейкера.

Он вернулся вместе с Финлеем. Финлей направился прямо в кабинет, отделанный красным деревом, где его ждал Хаббл. Проходя через дежурное помещение, он даже не посмотрел в мою сторону. Открыв дверь, он вошел в кабинет. Я стоял в углу и ждал, когда появится Бейкер. Бейкер не мог оставаться там. Никак не мог, когда партнер по кегельбану его напарника попал в радиус расследования дела об убийстве. Этого не позволяли правила этики. Финлей произвел на меня впечатление человека, придающего большое значение этике. Человек в твидовом костюме, молескиновом жилете и с дипломом Гарварда должен придавать большое значение этике. Дверь открылась, и появился Бейкер. Вернувшись в дежурное помещение, он направился к своему столу.

— Эй, Бейкер, — окликнул я.

Изменив свой курс, он подошел к камерам. Остановился перед решеткой. Там, где стояла Роско.

— Мне нужно в туалет, — сказал я. — Или для этого мне тоже придется ждать, когда меня отвезут в большой дом?

Бейкер улыбнулся. Скрепя сердце, но улыбнулся, сверкнув золотым зубом, придавшим ему распутный вид. Чуть более человечный, Бейкер крикнул что-то дежурному. Вероятно, кодовое название предстоящей процедуры. Достал ключи и открыл электрический замок. Защелки убрались. У меня мелькнула мысль, как станет работать это устройство, если в участке отключат электричество. Можно ли будет в этом случае отпереть замок? Мне очень хотелось на это надеяться. Вероятно, в здешних краях часто бывают грозы, сносящие линии электропередач.

Бейкер толкнул массивную дверь внутрь. Мы прошли через дежурное помещение. В противоположную сторону от кабинета, отделанного красным деревом. Там был маленький коридор. В глубине коридора два туалета. Шагнув вперед, Бейкер толкнул дверь в мужской туалет.

Полицейские знали, что я не тот, кого они ищут. Они не предпринимали никаких мер предосторожности. Абсолютно никаких. Здесь, в коридоре, я мог бы сбить Бейкера с ног и отобрать у него револьвер. Без труда. Я мог бы выхватить оружие у него из кобуры еще до того, как он упал бы на пол. Я мог бы с боем проложить себе дорогу из участка к полицейской машине. Несколько бело-черных крейсеров стояло в ряд перед подъездом. Ключи в замках, можно не сомневаться. Я мог бы добраться до Атланты до того, как здешние полицейские успели бы опомниться. А там я просто исчез бы. Без труда. Но я спокойно прошел в туалет.

— Не запирайтесь, — сказал Бейкер.

Я не стал запираться. Меня недооценивали по-крупному. Я сказал, что служил в военной полиции. Быть может, мне поверили, быть может, нет. Быть может, даже если и поверили, это не произвело никакого впечатления. А напрасно. Военный полицейский имеет дело с нарушившими закон военнослужащими. С солдатами, прекрасно владеющими оружием и навыками рукопашного боя. С десантниками, морскими пехотинцами, «зелеными беретами». Не просто с убийцами. С хорошо обученными убийцами. Очень хорошо обученными, на солидные средства налогоплательщиков. Так что военный полицейский должен быть обучен еще лучше. Лучше владеть оружием. Лучше действовать голыми руками. По-видимому, Бейкер не имел об этом понятия. Не подумал об этом. В противном случае всю дорогу до туалета он держал бы меня под прицелом двух ружей. Если бы считал, что я тот, кто им нужен.

Застегнув ширинку, я вышел в коридор. Бейкер ждал меня за дверью. Мы вернулись к месту предварительного содержания. Я зашел в свою камеру. Прислонился к решетке в углу. Бейкер закрыл тяжелую дверь.

Включил электрический замок. Щеколды выдвинулись. Бейкер вернулся в дежурное помещение.

В течение следующих двадцати минут стояла тишина. Бейкер работал за компьютером. Как и Роско. Сержант молча сидел за столом. Финлей находился в кабинете вместе с Хабблом. Над входной дверью висели современные часы. Не такие изящные, как антиквариат в кабинете, но тикающие так же медленно. Тишина. Четыре часа тридцать минут. Я стоял, прислонившись к титановым прутьям, и ждал. Тишина. Без четверти пять.

Новый отсчет времени начался как раз перед тем, как стукнуло пять. Из просторного кабинета в глубине, отделанного красным деревом, донесся шум. Громкие крики, грохот. Кто-то изрядно разошелся. На столе Бейкера зазвонил зуммер, затрещало устройство внутренней связи. Голос Финлея. Встревоженный. Просящий Бейкера зайти в кабинет. Бейкер встал и направился к двери. Постучал и вошел.

Большие стеклянные двери у входа втянулись, и появился жирный мужчина. Начальник участка Моррисон. Он направился прямо в кабинет. Столкнулся в дверях с выходящим оттуда Бейкером. Бейкер поспешил к столику дежурного и что-то возбужденно прошептал сержанту. К ним присоединилась Роско. Все трое оживленно заговорили, обсуждая что-то серьезное. Что именно, я не слышал. Слишком далеко.

Переговорное устройство на столе Бейкера затрещало опять. Бейкер направился обратно в кабинет. Стеклянные двери снова раскрылись. Ярко сверкало клонящееся к горизонту солнце. В участок зашел Стивенсон. Я впервые видел его после своего ареста. Похоже, пучина возбуждения засасывала все новых людей.

Стивенсон обратился к дежурному сержанту. Полученный ответ его заметно взволновал. Сержант положил Стивенсону руку на плечо. Стряхнув его руку, Стивенсон бросился в кабинет, отделанный красным деревом, уворачиваясь от столов, словно опытный футболист. Когда он подбегал к двери, она открылась. Из кабинета вышла целая толпа: Моррисон, Финлей и Бейкер, держащий Хаббла под локоть. Внешне небрежно, но на самом деле очень эффективно, так же, как он держал меня. Ошалело посмотрев на Хаббла, Стивенсон схватил Финлея за руку. Потащил его назад в кабинет. Развернув свою вспотевшую тушу, Моррисон последовал за ними. Хлопнула закрывшаяся дверь. Бейкер провел Хаббла ко мне.

Теперь Хаббл выглядел совсем другим человеком. Его лицо посерело и покрылось потом. Загар исчез. Он стал ниже ростом. Казалось, из него вышел весь воздух. Он сгорбился как человек, терзаемый болью. Глаза, скрытые очками в золотой оправе, стали пустыми, испуганными. Хаббла

колотила мелкая дрожь. Бейкер отпер соседнюю камеру. Хаббл не тронулся с места. Его начало трясти. Поймав за руку, Бейкер затащил его в камеру. Закрыл дверь и включил замок. Электрические щеколды выдвинулись в пазы. Бейкер вернулся в кабинет, отделанный красным деревом.

Хаббл продолжал стоять там, где его оставил Бейкер, тупо уставившись в пустоту. Затем он медленно попятился назад, пока не уперся в дальнюю стену камеры. Прижавшись к ней спиной, он бессильно опустился на пол. Уронил голову на колени. До меня донесся стук его пальцев, дрожащих на жестком нейлоновом ковролине. Оторвавшись от компьютера, Роско посмотрела на Хаббла. Дежурный сержант также посмотрел на него. У них на глазах человек рассыпался на части.

Я услышал громкие голоса, донесшиеся из кабинета. Спорящий тенор. Шлепок ладони по столу. Дверь открылась, и появились Стивенсон и Моррисон. Стивенсон был вне себя. Он прошел в дежурное помещение. Его шея напряженно застыла от бешенства. Взгляд не отрывался от входных дверей. Казалось, Стивенсон не замечал своего жирного начальника. Он прошел мимо стола дежурного и выскочил на улицу. Моррисон вышел следом за ним.

Выйдя из кабинета, Бейкер подошел к моей камере. Не сказал ни слова. Просто отпер дверь и жестом пригласил меня выйти. Я крепче укутался в пальто, оставив газету с большими фотографиями президента, посещающего Пенсаколу, на полу камеры. Вышел и направился следом за Бейкером в кабинет.

Финлей сидел за столом. Диктофон был на месте, с подключенным микрофоном. Воздух спертый, но прохладный. Финлей, похоже, был чем-то смущен. Он ослабил галстук. С печальным свистом выпустил воздух из легких. Я сел на стул, и Финлей махнул рукой, прося Бейкера оставить нас одних.

Дверь тихо закрылась.

— У нас возникли кое-какие проблемы, мистер Ричер, — сказал Финлей. — Весьма серьезные проблемы.

Он погрузился в рассеянное молчание. У меня оставалось меньше получаса до прибытия тюремного автобуса. Я хотел, чтобы какое-то решение было принято как можно скорее. Взяв себя в руки, Финлей посмотрел на меня. Начал говорить, быстро, от чего чуть пострадало его изящное гарвардское произношение.

— Мы привезли сюда этого Хаббла, так? — сказал Финлей. — Наверное, вы его видели. Банкир из Атланты, так? Одежда от Кальвина Кляйна стоимостью тысячу долларов. Золотые часы «Ролекс». Он был на взводе.

Сначала я подумал, Хаббл просто раздражен тем, что мы вытащили его из дома. Как только я начал говорить, он узнал мой голос. По звонку на его сотовый телефон. Сразу же обвиняет меня в обмане. Говорит, что я не должен был выдавать себя за сотрудника телефонной компании. Разумеется, он прав.

Он снова погрузился в молчание. Повел борьбу с этическими проблемами.

— Ну же, Финлей, не тяните, — сказал я.

У меня оставалось меньше получаса.

— Хорошо, итак, Хаббл недоволен и раздражен, — продолжал Финлей. — Я спрашиваю, знает ли он вас — Джека Ричера, бывшего военного. Он говорит, что не знает. Никогда о вас не слышал. Я ему верю. Хаббл начинает расслабляться, решив, что все дело в каком-то типе по имени Джек Ричер. Он и не слышал ни о каком Джеке Ричере, так что он тут ни при чем. Совершенно чист, верно?

— Продолжайте, — сказал я.

— Тогда я спрашиваю, знает ли он высокого мужчину, обритого наголо, — сказал Финлей. — И насчет pluribus. И тут — о боже! Как будто я засунул ему в задницу кочергу. Хаббл весь напрягся, словно с ним случился приступ. Очень напрягся. Ничего не стал отвечать. Тогда я ему говорю, что мы уже знаем про смерть высокого бритого типа. Знаем, что его застрелили. Что ж, это как вторая кочерга у него в заднице. Хаббл только что не свалился со стула.

— Продолжайте, — снова сказал я.

Двадцать пять минут до прибытия тюремного автобуса.

— Он начал дрожать так, что я испугался, как бы он не рассыпался, — сказал Финлей. — Тогда я ему говорю, что нам известно о номере телефона в ботинке. Номере его телефона, напечатанном на листе бумаги под словом «pluribus». Это уже третья кочерга, все в том же месте.

Финлей снова умолк. Поочередно похлопал по карманам.

— Хаббл молчит, — продолжал он. — Не произносит ни слова. Оцепенел от шока. Лицо серое. Я испугался, что у него сердечный приступ. Он сидел и беззвучно открывал и закрывал рот, как рыба. Но ничего не говорил. Тогда я ему сказал о том, что труп был избит. Я спросил, кто его сообщники. Сказал о том, что труп был спрятан под картоном. Хаббл по-прежнему ничего не говорит, черт побери. Просто ошалело оглядывается по сторонам. Наконец я понял, что он лихорадочно

думает. Пытается определить, что мне ответить. Минут сорок Хаббл молчал, думал как одержимый. Магнитофон все это время работал. Записал сорок минут тишины.

Финлей снова умолк. На этот раз для того, чтобы усилить эффект. Посмотрел на меня.

— Наконец Хаббл во всем сознался, — сказал Финлей. — «Это сделал я, — сказал он. — Я его застрелил». Он ведь сознался, да? И это записано на кассете.

— Продолжайте, — сказал я.

— Я его спрашиваю, не нужен ли ему адвокат, — сказал Финлей. — Он отвечает, не нужен, и продолжает твердить, что это он убил того типа. Так что я читаю ему «права Миранды», громко и отчетливо, чтобы это было на кассете. Потом мне приходит мысль, а может быть, этот Хаббл сумасшедший или еще что, понимаете? Я его спрашиваю, кого он убил. Он говорит, высокого мужчину с бритой головой. Я спрашиваю, как. Он говорит, выстрелом в голову. Я спрашиваю, когда. Он говорит, вчера ночью, около полуночи. Я спрашиваю, кто пинал труп ногами, кто убитый, и что означает «pluribus». Хаббл молчит. Снова коченеет от страха. Не говорит ни слова. Я ему говорю, что сомневаюсь в том, что он имеет какое-либо отношение к убийству. Он вскакивает с места и набрасывается на меня с криками: «Я сознаюсь, сознаюсь, это я его убил, я!» Я сажаю его на место. Он затихает.

Финлей откинулся назад. Сплел руки за головой. Вопросительно посмотрел на меня. Хаббл убийца? Я в это не верил. Потому что он был возбужден. Вот те, кто убивает кого-то из старого пистолета во время борьбы или в порыве гнева, случайным выстрелом в грудь, — те потом бывают возбуждены. Но тот, кто хладнокровно всадил две пули в голову из пистолета с глушителем, а затем собрал гильзы, принадлежит к совершенно иному типу людей. Их впоследствии не терзают угрызения совести. Они просто уходят и начисто забывают о случившемся. Хаббл не был убийцей. Об этом говорило то, как он плясал перед столом дежурного. Но я лишь улыбнулся и пожал плечами.

— Отлично, — сказал я. — Теперь вы можете меня отпустить, верно?

Посмотрев на меня, Финлей покачал головой.

— Неверно, — сказал он. — Я не верю Хабблу. В деле замешаны трое. Вы сами меня в этом убедили. Кем из них может быть Хаббл? Не представляю себе его обезумевшим маньяком. На мой взгляд, у него нет для этого достаточно силы. Не представляю себе его мальчиком на побегушках. И, определенно, он не убийца. Такой человек не сможет хладнокровно сделать контрольный выстрел.

Я кивнул. Как будто мы с Финлеем были напарники, обсуждавшие запутанное дело.

— Пока что я собираюсь посадить его в кутузку, — продолжал Финлей. — У меня нет выбора. Хаббл сознался, упомянул пару правдоподобных деталей. Но обвинение против него развалится.

Я снова кивнул. Чувствуя, что это еще не все.

— Продолжайте, — сказал я, смирившись.

Финлей невозмутимо посмотрел на меня.

— Вчера в полночь Хаббла там даже не было, — сказал он. — Он был на годовщине свадьбы у одной пожилой четы. Праздник в узком семейном кругу. Недалеко от его дома. Хаббл появился в гостях около восьми вечера. Пришел пешком вместе со своей женой. Ушел только в два часа ночи. Двадцать человек видели, как он пришел, двадцать человек видели, как он уходил. Обратно его подвез брат невестки. Ему пришлось ехать на машине, поскольку к этому времени уже начался дождь.

— Продолжайте, Финлей, — сказал я. — Говорите все до конца.

— Кто этот брат его невестки? — сказал Финлей. — Который отвез его домой, под дождем, в два часа ночи? Офицер полиции Стивенсон!

Глава 5

Финлей откинулся на спинку кресла. Заложил длинные руки за голову. Высокий, элегантный мужчина, учившийся в Бостоне. Культурный. Опытный. И он отправлял меня в тюрьму за то, что я не совершал. Финлей выпрямился. Вытянул руки на стол, ладонями вверх.

— Я сожалею, Ричер, — сказал он.

— Сожалеете? — воскликнул я. — Вы отправляете в тюрьму двоих невиновных и говорите, что сожалеете об этом?

Он пожал плечами. Похоже, ему было не по себе.

— Так пожелал Моррисон, — сказал он. — По его мнению, дело закрыто. Нас он отпускает на выходные. А он здесь начальник.

— По-моему, вы шутите, — сказал я. — Моррисон осел. Он назвал лжецом Стивенсона, своего же сотрудника.

— Не совсем, — снова пожал плечами Финлей. — Он говорит, быть может, это какой-то заговор — понимаете, возможно, самого Хаббла действительно не было на месте преступления, но он нанял вас. Заговор, верно? Моррисон считает, Хаббл взял на себя всю вину, потому что боится вас, боится показать на вас пальцем. Моррисон полагает, вы шли

домой к Хабблу, чтобы получить причитающиеся деньги, но мы вас задержали. По его мнению, именно поэтому вы ждали до восьми часов. И именно поэтому Хаббл сегодня остался дома. Не поехал на работу, так как ждал вас, чтобы с вами расплатиться.

Я молчал. Мое беспокойство росло. Этот Моррисон становился опасным. Его версия звучит правдоподобно. И это продлится до тех пор, пока Финлей не проверит мои слова. Если он их вообще проверит.

— Так что, Ричер, я сожалею, — повторил Финлей. — Вы с Хабблом просидите за решеткой до понедельника. Придется вам потерпеть. В Уорбертоне. Местечко плохое, но камеры для подследственных ничего. Хуже тем, кто отбывает там срок. Гораздо хуже. Ну, а я тем временем буду трудиться. Попрошу Роско поработать со мной в субботу и воскресенье. Это та красавица, что брала у вас отпечатки. Дело она знает; наверное, у нас она лучшая. Если то, что вы сказали, правда, в понедельник вас отпустят на все четыре стороны. Хорошо?

Я смотрел на него, чувствуя, как начинаю сходить с ума от бешенства.

— Нет, Финлей, плохо. Вы знаете, что я ни в чем не виноват. Знаете, что я не имею к этому никакого отношения. Вы просто наложили в штаны от страха, испугавшись вашего никчемного жирного ублюдка Моррисона. И вот я отправляюсь в тюрьму только потому, что вы жалкий трус, мать вашу!

Мои слова задели Финлея. Его темное лицо потемнело еще больше. Он долго молчал. Я учащенно дышал, испепеляя его взором. По мере того, как остывала моя злость, мой испепеляющий взор превращался в обыкновенный взгляд. Я постепенно брал себя в руки. Настал черед Финлея сверкнуть глазами.

— Я хочу сказать вам две вещи, Ричер, — наконец произнес он. Безупречная артикуляция. — Во-первых, если понадобится, в понедельник я разберусь с Моррисоном. Во-вторых, я не трус. Вы ничего обо мне не знаете. Ровным счетом ничего.

Я спокойно выдержал его взгляд. Шесть часов. Автобус уже приехал.

— Я знаю о вас больше, чем вы думаете, — сказал я. — Мне известно, что вы учились в аспирантуре Гарвардского университета, что вы разведены и бросили курить в апреле.

Лицо Финлея оставалось безучастным. Постучав, в кабинет вошел Бейкер, сказавший о том, что приехал тюремный автобус. Встав, Финлей обошел стол. Сказал Бейкеру, что сам приведет меня. Бейкер отправился за Хабблом.

— Откуда вам это известно? — спросил Финлей.

В нем проснулось любопытство. Он проигрывал.

— Все просто, — сказал я. — Вы умный парень, так? Учились в Бостоне, вы сами сказали. Но во времена вашей молодости Гарвард не брал чернокожих. Вы умный парень, но все же вы не ученый, создающий ракеты, так что я предположил, что вы сначала закончили Бостонский университет, правильно?

— Правильно, — подтвердил Финлей.

— А в Гарварде вы учились в аспирантуре, — продолжал я. — В Бостонском университете вы проявили себя неплохо, времена изменились, и вас приняли в Гарвард. Вы говорите как выпускник Гарварда. Я предположил это в самом начале нашего знакомства. Докторская диссертация по криминологии?

— Правильно, — снова подтвердил Финлей. — По криминологии.

— Далее, на это место вы устроились в апреле, — сказал я. — Это вы сами мне сказали. Отработав двадцать лет в полиции Бостона, вы вышли на пенсию. Так что сюда вы приехали, имея кое-какие свободные деньги. Но вы приехали без женщины, потому что женщина заставила бы вас потратить хоть что-то на новую одежду. Можно не сомневаться, она ни дня бы не потерпела этот зимний твидовый костюм, что сейчас на вас. Она вышвырнула бы его на помойку и купила бы вам что-нибудь новое, чтобы начать новую жизнь на новом месте. Но вы по-прежнему носите этот ужасный старый костюм, значит, женщины нет. Она или умерла, или развелась с вами, так что шансы пятьдесят на пятьдесят. Похоже, я угадал.

Финлей молча кивнул.

— Ну а насчет курения все совсем просто, — сказал я. — В минуту стресса вы похлопали себя по карманам, ища сигареты. Это означает, что вы бросили курить относительно недавно. Легко догадаться, это произошло в апреле — новая жизнь, новая работа, нет сигаретам. Вы решили бросить курить, чтобы не бояться рака.

Финлей одобрительно посмотрел на меня. Помимо воли.

— Очень неплохо, Ричер, — сказал он. — Элементарная дедукция, так?

Я пожал плечами. Ничего не ответил.

— Тогда давайте, определите с помощью своей дедукции, кто пришил того человека на складе.

— Мне нет никакого дела до того, кто, где и кого пришил, — сказал я. — Это ваша проблема. К тому же, Финлей, вы задали не тот вопрос, что нужно. Первым делом надо выяснить, кто убитый, правильно?

— Похоже, у вас есть мысль, как это сделать, да, умник? — спросил Финлей. — Документов нет, от лица ничего не осталось, отпечатки пальцев в картотеке не значатся, Хаббл молчит как рыба.

— Проверьте отпечатки еще раз, — сказал я. — Я говорю серьезно, Финлей. Попросите Роско заняться этим.

— Почему? — удивился он.

— Здесь что-то не так.

— Что не так?

— Проверьте отпечатки еще раз, хорошо? — повторил я. — Сделаете?

Финлей проворчал что-то нечленораздельное. Не сказал ни да, ни нет.

Открыв дверь кабинета, я вышел. Роско уже не было. Вообще в участке не осталось никого кроме Бейкера и Хаббла в глубине у камер. На улице за стеклянными дверями я увидел дежурного сержанта. Он расписывался в блокноте, который держал водитель тюремного автобуса. Сам автобус стоял у них за спиной. Он стоял на изгибающейся полукругом дорожке загородив собой весь вид через стеклянные двери. Обычный школьный автобус, но выкрашенный в серый цвет. На борту надпись: «Управление исправительных учреждений штата Джорджия». Надпись проходила по всей длине автобуса под окнами. Под надписью герб штата. Окна зарешечены.

Финлей вышел вслед за мной из кабинета. Взяв меня за локоть, подвел к Бейкеру. У Бейкера на большом пальце висели три пары наручников, когда-то выкрашенных ярко-оранжевой краской, давно облупившейся. Из-под краски проглядывала матовая сталь. Бейкер защелкнул у меня на запястьях наручники и один браслет от вторых наручников, отпер камеру Хаббла и подал ему знак выходить. Перепуганный банкир был в оцепенении, но все же подчинился. Поймав наручник, болтающийся на моей левой руке, Бейкер защелкнул второй браслет на правом запястье Хаббла. Затем надел третью пару наручников ему на второе запястье. Теперь мы были готовы идти.

— Бейкер, возьмите у него часы, — сказал я. — В тюрьме он их потеряет.

Бейкер кивнул. Он понял, что я имел в виду. Такой человек, как Хаббл, может многое потерять в тюрьме. Бейкер расстегнул на руке Хаббла массивный «Ролекс». Браслет часов не пролезал через наручники, поэтому Бейкеру пришлось снять их и надеть снова. Водитель тюремного автобуса открыл входную дверь и нетерпеливо взглянул на нас. У этого человека строгое расписание. Бейкер положил часы Хаббла на ближайший стол. На то самое место, куда моя подруга Роско ставила свой стаканчик с кофе.

— Ладно, ребята, давайте трогаться, — сказал Бейкер.

Он проводил нас до дверей. Мы вышли на улицу, и нас встретила стена горячего влажного воздуха. Мы направились к автобусу, скованные наручниками. Идти было неудобно. На половине дороги Хаббл остановился. Выгибая шею, огляделся вокруг. Он вел себя более осторожно, чем Бейкер или водитель автобуса. Быть может, боялся, что его увидят соседи. Но поблизости не было ни души. Мы находились в трехстах ярдах к северу от города. Вдалеке виднелась церковь. Клонящееся к горизонту солнце ласково щекотало мне правую щеку.

Водитель толкнул дверь автобуса внутрь. Хаббл неловко, боком вскарабкался по лестнице. Я поднялся следом. Неуклюже повернулся в проходе. В автобусе никого не было. Водитель провел Хаббла к его месту. Банкир опустился на пластмассовое сиденье у окна, увлекая меня за собой. Водитель, встав на колени на сиденье перед нами, защелкнул свободные браслеты наших наручников на хромированном поручне, проходящем поперек салона. Затем по очереди подергал все три пары наручников, убеждаясь, что они надежно застегнуты. Я его в этом не винил. Мне самому приходилось заниматься тем же самым. Нет ничего хуже вести машину, имея за спиной заключенных, за которыми никто не присматривает.

Водитель прошел на свое место. Завел двигатель, громко тарахтящий дизель. Автобус наполнился вибрацией. Воздух внутри был горячим и душным. О кондиционере можно было только мечтать. Окна не открывались. В салоне запахло выхлопными газами. С лязгом переключилась коробка передач, и автобус тронулся с места. Я выглянул в окно. Никто не махал нам рукой на прощание.

Выехав со стоянки перед полицейским участком, мы повернули на север от города, в сторону автострады. Через полмили мы проехали мимо ресторана Ино. Стоянка перед ним была пуста. Желающих рано поужинать не было. Некоторое время мы ехали на север. Затем свернули с шоссе налево и поехали по дороге, идущей между полей. Автобус громыхал и скрипел. Мимо мелькали бесконечные ряды кустов и бесконечные полоски краснозема между ними. Впереди клонилось к горизонту солнце. Оно превратилось в огромный красный диск, спускающийся на поля. Водитель опустил солнцезащитный козырек. С внутренней стороны на нем была инструкция производителя, объясняющая, как управлять автобусом.

Хаббл трясся и подпрыгивал рядом со мной. Он не произнес ни слова. Всю дорогу он сидел, уронив голову. Его левая рука оставалась поднятой из-за наручника, пристегнутого к хромированной перекладине перед нами. Правая рука безвольно болталась между нами. На нем по-прежнему был дорогой свитер, накинутый на плечи. На запястье,

там, где был «Ролекс», белела полоска более светлой кожи. Жизненные силы почти полностью покинули его. Он был в объятиях парализующего страха.

Почти целый час мы прыгали и тряслись по неровной дороге. Справа промелькнула небольшая роща. Затем вдалеке показался обширный комплекс. Он одиноко стоял, занимая тысячу акров ровных сельскохозяйственных угодий. На фоне низко нависшего над горизонтом красного солнца комплекс казался порождением преисподней. Какая-то мрачная сила выдавила его из-под земли. Состоявший из нескольких строений, он чем-то напоминал химический завод или атомную электростанцию. Массивные железобетонные бункеры и сверкающие металлические переходы. Повсюду проходящие над землей трубопроводы с поднимающимися к небу тут и там струйками пара. Комплекс окружен наружным забором, через равные промежутки прорезанным сторожевыми вышками. Когда мы подъехали ближе, я разглядел фонарные столбы и колючую проволоку. На вышках прожекторы и автоматические винтовки. Несколько уровней ограды, разделенных полосами вспаханного краснозема. Хаббл не поднимал взгляда. Я его не трогал. В конце концов, мы подъезжали не к Сказочному царству.

При приближении к комплексу автобус сбавил скорость. Наружная ограда, отстоящая на сто ярдов от строений, представляла собой внушительное препятствие. Футов пятнадцать в высоту, по всему периметру сдвоенные натриевые прожекторы. Один прожектор из каждой пары направлен внутрь на сто ярдов вспаханной земли. Один направлен наружу, на окрестные поля. Все прожектора горели. Комплекс был залит ослепительным желтым светом. Вблизи свет резал глаза. Красная земля приобретала в желтоватом сиянии лихорадочный багрянец.

Автобус с грохотом остановился. От работающего на холостых оборотах двигателя по всему корпусу расходилась вибрация. Та незначительная вентиляция, что была во время движения, закончилась. Внутри стало душно. Хаббл, наконец, поднял голову и огляделся вокруг сквозь очки в золотой оправе. Посмотрел в окно. Застонал. В его стоне прозвучало безнадежное отвращение. Хаббл снова уронил голову.

Водитель дождался сигнала от охраны у первых ворот. Охранник произнес что-то в рацию. Водитель включил передачу и нажал на газ. Охранник махнул рацией как регулировочным жезлом, разрешая трогаться. Автобус въехал в клетку. Низко над воротами висела надпись: «Исправительная тюрьма Уорбертон, управление исправительных учреждений штата Джорджия». За нами захлопнулись ворота. Мы оказались со всех сторон окружены колючей проволокой. Сверху тоже

сетка. В противоположном конце клетки распахнулись ворота. Автобус двинулся дальше.

Мы проехали сто ярдов до следующей ограды. Там находилась другая клетка для машин. Автобус въехал в нее, постоял, тронулся дальше. Наконец мы очутились во внутреннем дворе тюрьмы. Автобус остановился перед бетонным бункером. Приемное отделение. Шум работающего двигателя отражался от бетонных поверхностей. Водитель заглушил двигатель, вибрация и грохот прекратились, сменившись полной тишиной. Встав со своего места, водитель, пригибаясь, направился по проходу, подтягиваясь за спинки сидений. Достав ключи, он отстегнул нас от железного поручня.

— Приехали, ребята, — ухмыльнулся водитель. — Пошли, вас ждет веселая вечеринка.

Мы неловко встали с сидений и боком пошли по проходу. Хаббл тянул меня за левую руку. Водитель поставил нас перед дверью. Снял все три пары наручников и бросил их в коробку в кабине. Нажал на рычаг и открыл дверь. Мы вышли из автобуса. В бункере напротив открылась дверь. Появился охранник. Окликнул нас, подзывая к себе. Он жевал пончик и говорил с набитым ртом. Усы у него были покрыты похожей на иней сахарной пудрой. Совершенно несерьезный тип. Войдя в дверь, мы оказались в тесной комнате. В ней было очень грязно. Вокруг крашеного деревянного стола стояли стулья. Еще один охранник сидел за столом, листая потрепанную папку.

— Присаживайтесь, — сказал он.

Мы сели. Он встал. Его напарник, дожевав пончик, запер наружную дверь и присоединился к нам.

— Слушайте внимательно, — сказал охранник с папкой. — Вы Ричер и Хаббл. Привезены из Маргрейва. Не осуждены ни за какое преступление. Предварительное задержание на время следствия. Под залог вас не выпустят. Вы слышали, что я сказал? Вас еще не осудили. Это очень важно. Избавляет вас от многого из здешнего дерьма, понятно? Ни арестантской формы, ни перекличек, ничего такого, понятно? Уютные апартаменты на верхнем этаже.

— Точно, — подтвердил охранник с обсахаренными усами. — Вот если бы вы были осуждены, мы бы вас хорошенько взгрели, одели в форму и запихнули на этаж к осужденным, а сами устроились бы поудобнее и стали наблюдать за тем, что с вами будет, верно?

— Верно, — сказал его напарник. — В общем, мы хотели сказать вам следующее. Мы не собираемся портить вам кровь, так что и вы, ребята, тоже не портите нам кровь, договорились? В нашей чертовой тюрьме

нехватка персонала. Губернатор разогнал половину народа, понятно? Чтобы не выходить из бюджета, необходимо сокращать лишние расходы, верно? А нам приходится в каждую смену нести дежурство половинным составом, так? Поэтому я хочу сказать вам вот что. Мы вас сюда сажаем и больше не видим до тех пор, пока в понедельник утром вас отсюда не заберут. Никаких скандалов, так? У нас нет людей, чтобы улаживать скандалы. У нас нет людей для того, чтобы наводить порядок на этажах, где содержатся осужденные, а уж про подследственных я и не говорю, понятно? Вот ты, Хаббл, ты все понял?

Подняв голову, Хаббл молча кивнул.

— Ричер? — спросил охранник с папкой. — Ты все понял?

— Да, — ответил я.

Я все понял. В тюрьме не хватает персонала. Губернатор борется с дефицитом бюджета. А товарищи этих охранников отправились на биржу труда. Не надо рассказывать мне сказки.

— Вот и хорошо, — продолжал охранник. — Так что давайте договоримся: наша смена заканчивается в семь часов. То есть через одну минуту. Мы не станем задерживаться ради вас. Во-первых, мы сами не хотим, а потом нам все равно не разрешил бы наш профсоюз. Так что вас покормят, после чего запрут здесь до тех пор, пока не прибудет новая смена, которая отведет вас наверх. Смена придет только когда совсем стемнеет, часов в десять, понятно? Только охрана все равно не перемещает заключенных в темное время суток, так? Профсоюз не разрешает. Так что за вами придет сам Спиви. Помощник надзирателя. Сегодня ночью он старший. Часов в десять, договорились? Если вам не нравится, жалуйтесь не мне, жалуйтесь губернатору, понятно?

Пожиратель пончиков скрылся в коридоре и через какое-то время вернулся с подносом. На подносе были накрытые тарелки, бумажные стаканчики и термос. Охранник поставил поднос на стол, а затем они со своим напарником вышли в коридор. Заперли дверь снаружи. В комнате стало тихо как в гробнице.

Мы принялись за еду. Рыба с рисом. Пятничное меню. В термосе — кофе. Хаббл молчал. Оставил мне почти весь кофе. Очко в его пользу. Сложив мусор на поднос, я поставил поднос на пол. Впереди еще три часа, которые надо чем-то занять. Откинувшись на стуле назад, я забросил ноги на стол. Не слишком удобно, но ничего лучшего не предвиделось. Теплый вечер. Сентябрь в Джорджии.

Я посмотрел на Хаббла, совсем без любопытства. Он по-прежнему молчал. Я до сих пор не слышал его голоса, если не считать по громкоговорителю телефона в кабинете Финлея. Он посмотрел на меня.

Выражение его лица было подавленным и испуганным. Он посмотрел на меня так, словно я был существом из другого мира. И отвел взгляд.

Быть может, мне не надо было поворачивать назад к заливу. Но в сентябре уже поздно направляться на север. Там слишком холодно. Возможно, надо было перебраться на острова. Например, на Ямайку. Там хорошая музыка. Поселиться в хижине на берегу. Прожить зиму в хижине на Ямайке. Выкуривать в неделю фунт травки. Заниматься всем тем, чем занимаются жители Ямайки. Быть может, два фунта травки в неделю с тем, кто разделит хижину. В нарисованную картину постоянно вплывала Роско. Ее форменная рубашка была потрясающе накрахмалена. Хрустящая обтягивающая синяя рубашка. Никогда прежде мне не доводилось видеть, чтобы рубашка сидела так хорошо. Но на пляже под солнцем Ямайки рубашка Роско не понадобится. Впрочем, я не думал, что это оказалось бы серьезной проблемой.

Все сделал со мной один ее взгляд. Она принесла мне стаканчик кофе. Сказала, что у меня красивые глаза. И подмигнула. Должно же это что-то означать, правда? Про глаза я уже слышал раньше. Одной англичанке, с которой мы хорошо провели время, нравились мои глаза. Она постоянно это повторяла. У меня голубые глаза. Мне также приходилось слышать, что их сравнивали с айсбергами в Ледовитом океане. Если сосредоточиться, я могу не моргать. Это придает взгляду устрашающий эффект. Очень полезно. То, что Роско мне подмигнула, было лучшим за весь сегодняшний день. Точнее, единственным за весь день, если не считать яйца всмятку у Ино. Но яйца можно найти где угодно. А вот по Роско я скучал. В таких размышлениях я плыл через пустой вечер.

В десять часов с небольшим дверь в коридор отперли снаружи. Вошел мужчина в форме. У него в руках была папка. И ружье. Я внимательно осмотрел его. Сын Юга. Грузный, мясистый. Красноватая кожа, большой твердый живот, толстая шея. Маленькие глазки. Тесный засаленный мундир с трудом его вмещал. Вероятно, этот человек родился на той самой ферме, на месте которой была построена тюрьма. Помощник надзирателя Спиви. Старший смены. Усталый и измученный. С ружьем в больших, красных крестьянских руках.

Спиви заглянул в папку.

— Который из вас Хаббл? — спросил он.

У него был высокий пронзительный голос. Совершенно не вязавшийся с его солидными габаритами. Хаббл поднял руку, словно ученик начальной школы. Маленькие глазки Спиви, похожие на глаза змеи, оглядели его сверху донизу. Проворчав что-то нечленораздельное, Спиви подал знак папкой. Мы встали и вышли из комнаты. Хаббл был рассеян и покорен, словно усталый солдат.

— Поверните направо и идите по красной линии, — сказал Спиви. Подчеркивая свои слова, он указал налево ружьем. На стене на уровне талии была проведена красная линия. Указатель к пожарному выходу. По всей видимости, она вела наружу, но мы пошли в противоположном направлении. Внутрь тюрьмы, а не наружу. Придерживаясь красной линии, мы шли по коридорам, поднимались по лестницам, поворачивали. Сначала Хаббл, за ним я. Последним шел Спиви с ружьем. Везде было очень темно. Только тусклое дежурное освещение. На лестничной площадке Спиви приказал нам остановиться, отпер электронный замок, открывающийся автоматически при пожаре.

— Никаких разговоров, — сказал Спиви. — Согласно распорядку, после тушения света полная тишина. Ваша камера в конце коридора направо.

Мы шагнули вперед. Мне в ноздри ударил затхлый тюремный запах. Ночные ароматы большого количества заключенных. В коридоре стоял кромешный мрак. Тускло светилась ночная лампочка. Я скорее ощутил, чем увидел ряды камер. Из них доносились приглушенные ночные звуки. Дыхание, храп. Бормотание и стоны. Спиви провел нас до конца коридора. Указал на пустую камеру. Мы вошли. Спиви закрыл за нами решетчатую дверь. Замок захлопнулся автоматически. Спиви ушел.

В камере было очень темно. Я с трудом различил двухъярусную койку, умывальник и унитаз. Тесно. Сняв пальто, я закинул его на верхнюю койку. Переложил подушку от решетки. Мне так больше нравится. Простыня и одеяло старые, но, судя по запаху, достаточно свежие.

Хаббл молча опустился на нижнюю койку. Я воспользовался унитазом и сполоснул лицо в умывальнике. Подтянувшись, забрался на свою койку. Снял ботинки. Поставил их у кровати. Я хотел, чтобы они были под рукой. Ботинки могут украсть, а у меня были хорошие ботинки, купленные много лет назад в Англии, в Оксфорде. В университетском городке рядом с авиабазой, где я служил. Большие, тяжелые ботинки с твердой подошвой и толстым рантом.

Кровать была для меня слишком короткой, но то же самое можно сказать практически про все кровати. Я лежал в темноте и слушал беспокойные шумы тюрьмы. Затем я закрыл глаза и снова отправился на Ямайку с Роско. Должно быть, я заснул, потому что когда я открыл глаза, была уже суббота. Я по-прежнему находился в тюрьме, и начинался еще более плохой день.

Глава 6

Меня разбудил яркий свет. Окон в тюрьме не было. День и ночь создавались электричеством. В семь часов здание вдруг затопил свет. Никаких мягких предрассветных сумерек. Просто выключатели, ровно в семь часов утра, замкнули электрические цепи.

При ярком свете камера не стала лучше. Передняя стена была из стальных прутьев. Половина открывалась на петлях наружу, образуя дверь. Двухъярусная койка занимала приблизительно половину камеры по ширине и почти всю по длине. На задней стене железный умывальник и железный унитаз. Стены каменные; наполовину железобетон, наполовину старая кирпичная кладка, покрытые толстым слоем краски. Стены казались очень толстыми. Как в подземелье. Над головой нависал низкий бетонный потолок. Камера казалась не комнатой, окруженной стенами, полом и потолком, а сплошным бетонным монолитом с выдолбленным в нем крохотным отверстием.

Беспокойный гомон ночи сменился дневным грохотом. Все вокруг было металлическим, бетонным, кирпичным. Звуки усиливались, многократно повторялись отголосками. Казалось, мы попали в преисподнюю. Сквозь решетку я ничего не видел. Напротив нашей камеры была глухая стена. Лежа на койке, я не мог смотреть вдоль прохода. Сбросив одеяло, я нашел ботинки. Обулся, завязал шнурки. Снова лег. Хаббл сидел на нижней койке. Его туфли-лодочки словно приросли к бетонному полу. У меня мелькнула мысль, не просидел ли он вот так всю ночь.

Следующим, кого я увидел, был уборщик. Он появился с той стороны решетки. Это был древний старик со шваброй. Очень старый негр с ежиком белоснежных волос на голове, сгорбленный от прожитых лет, хрупкий, словно сморщенная старая птица. Его оранжевая тюремная одежда была застирана практически до белизны. На вид ему было лет восемьдесят. Должно быть, последние шестьдесят он провел за решеткой. Вероятно, украл цыпленка во времена Великой депрессии и до сих пор выплачивал свой долг обществу.

Негр двигался по коридору, наугад тыкая шваброй. Согнутая под прямым углом спина вынуждала его держать лицо параллельно полу. Для того, чтобы смотреть по сторонам, он крутил головой как пловец кролем. Увидев меня и Хаббла, негр остановился. Опустил швабру и покачал головой. Непроизвольно хихикнул. Снова покачал головой. Захихикал. Веселым, радостным смехом. Как будто, наконец, после стольких лет ему позволили увидеть какое-то чудо. Вроде единорога или русалки. Негр постоянно пытался заговорить и поднимал руку, словно желая подчеркнуть свои слова. Но каждый раз опять давился смехом и вынужден был опираться на швабру. Я не торопился. Я мог подождать. У меня впереди были все выходные. Впереди у негра была вся жизнь.

— Да, точно, — наконец улыбнулся он. У него не было зубов. — Да, точно.

Я смерил его взглядом.

— Что да, точно, дедушка? — улыбнулся я в ответ.

Негр снова захихикал. Похоже, наш разговор затягивался.

— Да, точно, — повторил он. Наконец ему удалось совладать со смехом. — Я торчу в этой дыре с сотворения мира, да. С тех пор, как Адам еще был ребенком. Но сейчас я вижу то, что никогда не видел, приятель. Да, ни разу не видел за столько лет.

— И что же ты никогда не видел, старик? — спросил я.

— Ну, — сказал он, — я провел здесь столько лет и никогда не видел, чтобы в камере сидели в такой одежде, вот.

— Тебе не нравится моя одежда? — удивленно спросил я.

— Я этого не говорил, да. Я не говорил, что мне не нравится ваша одежда, ребята, — сказал негр. — Мне нравится ваша одежда, очень нравится. Замечательная одежда, да, точно, очень замечательная.

— Так в чем же дело? — спросил я.

Старик хихикнул над какой-то своей мыслью.

— Дело не в качестве одежды, да, — наконец сказал он. Совсем не в качестве одежды. Дело в том, что она на вас надета, да. А вы должны быть в оранжевой форме. Я такого еще никогда не видел, а как я уже говорил, я здесь с тех пор, как земля остыла, с тех пор, как динозавры сказали, что с них хватит. Но теперь я повидал все, да, все.

— Но те, кто находится на этаже предварительного содержания, не носят форму, — заметил я.

— Да, точно, это ты в самую точку, приятель, — подтвердил старый негр.

— Тут нет никаких сомнений.

— Так сказали охранники, — подтвердил я.

— А что еще они могли сказать, — согласился старик. — Потому что таковы правила, а охранники — они знают правила, да, знают, потому что сами их составляют.

— Так в чем же дело, старик? — снова спросил я.

— Как же, я же сказал, вы не в оранжевой форме, сказал он.

Мы начали ходить по кругу.

— Но я не должен ее носить, — сказал я.

Негр удивился. Его проницательные птичьи глаза уставились на меня.

— Не должен? Это еще почему? Объясни-ка мне.

— Потому что на этаже предварительного содержания форму не носят, — терпеливо сказал я. — Мы же только что припали к согласию, верно?

Наступила тишина. Нам обоим одновременно пришла одна и та же мысль.

— Вы думаете, это этаж предварительного содержания? спросил старик.

— Разве это не этаж предварительного содержания? в это же самое время спросил я.

Старик умолк. Подхватил швабру и заковылял прочь. Как мог быстро. Громко крича.

— Это не этаж предварительного содержания, приятель, завопил он. — Подследственные находятся на верхнем этаже. На шестом. А это третий этаж. Вы на третьем этаже, ребята. Здесь сидят те, кто отбывает пожизненное заключение, признанные особо опасными. Это даже не простые обитатели тюрьмы. Это гораздо хуже, приятель. Да, ребята, вы попали в плохое место. Вы попали в беду, это, точно. К вам придут гости. Они посмотрят, кто к ним попал. О, ребята, я поскорее убираюсь отсюда.

Оценить. Долгий опыт научил меня сначала оценивать и определять. Когда неожиданность падает как снег на голову, нельзя терять время. Не надо гадать, как и почему это произошло. Не надо винить себя. Не надо искать виновных. Не надо думать о том, как избежать повторения той же ошибки. Всем этим можно будет заняться позже. Если останешься жив. Первым делом надо оценить ситуацию. Проанализировать. Определить минусы. Найти плюсы. В соответствии с этим составить план действий. Если сделать так, у тебя появится шанс продержаться и потом заняться всем остальным.

Мы не в камере предварительного содержания на шестом этаже. Не там, где должны находиться подследственные. Мы на третьем этаже, среди заключенных, отбывающих пожизненное наказание. Особо опасных преступников. Плюсов никаких. Минусов хоть отбавляй. Мы новички на этаже осужденных. Без статуса нам не выжить. А статуса у нас нет. Нам бросят вызов. Вынудят опуститься на самое дно тюремной иерархии. Нам предстояли очень неприятные выходные. Возможно, со смертельным исходом.

Я вспомнил одного парня из армии, дезертира. Молодой новобранец, неплохой парень, ушел в самоволку, потому что у него была какая-то мудреная религия. Нашел на свою голову неприятности в Вашингтоне, присоединился к какой-то демонстрации. В итоге попал в тюрьму, на этаж к плохим ребятам. Умер в первую же ночь. Анальное изнасилование. По оценкам, не меньше пятидесяти раз. При вскрытии у него в желудке было обнаружено около пинты спермы. Новичок без

статуса. Попал на самое дно тюремной иерархии. Беззащитный перед всеми, кто выше его.

Плюсы. У меня есть интенсивная подготовка. И опыт, не имеющий отношения к тюремной жизни, но который все равно поможет. Мне пришлось пройти курс весьма неприятного образования, и не только в армии. Все началось еще с детства. Между начальной школой и колледжем дети военных успевают поучиться в двадцати, а то и в тридцати разных школах. Частично на военных базах, но в основном в местных. Суровое испытание. Филиппины, Корея, Исландия, Германия, Шотландия, Япония, Вьетнам. По всему земному шару. И первый день в каждой новой школе я был новичком, не имеющим статуса. На жарких, пыльных школьных дворах, на холодных и сырых школьных дворах мы с братом завоевывали себе статус, спина к спине.

Затем, когда я сам попал на военную службу, жестокость была отточена до совершенства. Меня учили профессионалы. Те, кто сам учился еще во время Второй мировой войны, Кореи, Вьетнама. Люди, пережившие то, о чем я только читал в книгах. Они обучали меня приемам, способам, навыкам. Но в первую очередь они учили меня социальной установке. Они учили тому, что запреты и ограничения равносильны смерти. Бей первым, бей изо всех сил. Убивай первым же ударом. Отвечай до того, как тебя ударили. Обманывай. Господа, ведшие себя прилично, больше никого ничему не могли научить. Они уже давно были мертвы.

В половине восьмого вдоль ряда камер разнесся нестройный лязг. Таймер отпер клетки. Дверь нашей камеры приоткрылась на дюйм. Хаббл сидел не шелохнувшись. Он до сих пор не проронил ни звука. У меня не было никакого плана. Конечно, лучше всего было бы отыскать охранника. Все ему объяснить и добиться перевода на другой этаж. Но я не надеялся найти охранника. На таких этажах они не несут службу поодиночке. Они ходят парами, а то и втроем или вчетвером. В этой тюрьме не хватает персонала. Нам это ясно дали понять вчера вечером. Маловероятно, что людей достаточно для того, чтобы патрулировать группами все этажи. Вполне вероятно, за весь день я не увижу ни одного охранника. Они будут сидеть в караульном помещении. И покидать его только в случае чрезвычайного происшествия. Но даже если я увижу охранника, что я ему скажу? Что я попал сюда по ошибке? Наверняка, он и так слышал это каждый день. Меня спросят: а кто меня сюда отправил? Я отвечу: Спиви, старший надзиратель. Мне скажут: значит, все в порядке, так? Поэтому мой план состоял в отсутствии плана. Жди и смотри. И действуй соответственно. *Цель:* дожить до понедельника.

Послышался скрежет; обитатели тюрьмы стали открывать двери своих камер. До меня донеслись шаги и обрывки разговоров, ознаменовавших начало еще одного бесцельного дня. Я ждал.

Ждать пришлось недолго. Со своего острого угла, лежа на койке ногами к двери, я увидел выходящих в коридор соседей. Они смешались в небольшую толпу. Все были одеты одинаково. Оранжевая тюремная форма. Туго повязанные красные банданы на бритых головах. Здоровенные негры. Судя по виду, культуристы. У некоторых были оторваны рукава курток. Это должно было говорить о том, что даже самый большой размер не может вместить их солидные бицепсы. Возможно, они были правы. Впечатляющее зрелище.

Ближайший к нам негр был в светлых солнцезащитных очках. Хамелеоны, темнеющие на солнечном свете. По всей вероятности, последний раз этот тип видел солнце еще в семидесятые. И, вероятно, больше увидеть солнце ему не суждено. Так что очки были рудиментом, но смотрелись очень хорошо. Как и обилие мускулов. Как и банданы и куртки с оторванными рукавами. Запоминающийся образ. Я ждал.

Наконец тип в солнцезащитных очках нас заметил. Выражение удивления у него на лице быстро сменилось восторгом. Он предупредил самого огромного верзилу, похлопав его по руке. Верзила обернулся. Долго непонимающе смотрел на нас. Затем ухмыльнулся. Я ждал. У нашей камеры собралась плотная кучка. Все таращились на нас. Верзила открыл дверь. Остальные передавали ее по дуге из руки в руку. Защелкнули ее.

— Смотрите, что нам прислали, — сказал верзила. — Вы видите, что нам прислали?

— Что нам прислали? — переспросил тип в солнцезащитных очках.

— Нам прислали свежее мясо, — ответил верзила.

— Это точно, — подтвердил тип в очках. — Свежее мясо.

— Свежее мясо для всех, — сказал верзила.

Он ухмыльнулся. Оглядел свою банду, и остальные ухмыльнулись в ответ. Похлопали друг друга по ладоням, не поднимая рук. Я ждал. Верзила зашел на полшага к нам в камеру. Он был просто громадный. На дюйм-два ниже меня, но зато вдвое тяжелее. Он заполнил собой дверной проем. Его тупые глазки мельком оглядели меня, затем переключились на Хаббла.

— Ты, белый парень, подойди сюда, — сказал верзила. Обращаясь к Хабблу.

Я почувствовал, что Хаббла охватила паника. Он не пошевелился.

— Подойди сюда, белый парень, — тихо повторил верзила.

Хаббл встал. Неуверенно шагнул к негру, стоящему в дверях. Верзила бросил на него яростный взгляд, призванный своей свирепостью заморозить у противника кровь в жилах.

— Эта территория Красного, — сказал верзила. Он повернулся к банданам. — Что делает бледнолицый на территории Красного?

Хаббл молчал.

— Налог на проживание, парень, — сказал верзила. — Как платят в гостиницах во Флориде. Ты должен заплатить налог. Дай мне свой свитер, белый парень.

Хаббл окаменел от страха.

— Дай мне свой свитер, белый парень, — повторил верзила. Тихо. Развязав рукава своего дорогого свитера, Хаббл протянул его верзиле.

Тот взял свитер и, не глядя, швырнул за спину.

— Дай мне свои очки, белый парень, — сказал верзила.

Хаббл бросил на меня взгляд, полный отчаяния. Снял свои очки в золотой оправе. Протянул верзиле. Тот взял и уронил на пол. Наступил на них. Покрутил каблуком. Очки хрустнули и разлетелись на мелкие осколки. Верзила шаркнул ногой, вышвыривая обломки в коридор. Остальные принялись по очереди их топтать.

— Хороший мальчик, — сказал верзила. — Ты заплатил налог.

Хаббла охватила дрожь.

— А теперь подойди сюда, белый парень, — сказал его мучитель.

Хаббл робко шагнул вперед.

— Ближе, белый парень, — сказал верзила.

Хаббл придвинулся ближе. Остановился в футе от него. Его уже трясло.

— На колени, белый парень, — сказал верзила.

Хаббл опустился на колени.

— Расстегни мне ширинку, белок.

Хаббл, объятый паникой, не шелохнулся.

— Расстегни мне ширинку, белый парень, — повторил верзила. — Зубами.

Вскрикнув от страха и отвращения, Хаббл отскочил назад и забился в самый дальний угол камеры. Попытался спрятаться за унитазом. Он буквально тянул его на себя.

Пора вмешаться. Не ради Хаббла. Я не испытывал к нему никаких чувств. Но я должен был вмешаться ради себя. Капитуляция Хаббла бросит пятно позора и на меня. Нас будут воспринимать как пару. Поражение Хаббла повергнет в грязь нас обоих. Игра шла за статус.

— Вернись, белый парень, разве я тебе не нравлюсь? — окликнул верзила Хаббла.

Я сделал бесшумный вдох. Сбросил ноги с койки и легко спрыгнул на пол перед верзилой. Он удивленно уставился на меня. Я спокойно выдержал его взгляд.

— Кусок сала, ты у меня в гостях, — сказал я. — Но я дам тебе возможность выбирать.

— Выбирать что? — спросил верзила. Непонимающе. Изумленно.

— Выбирать стратегию выхода, кусок сала, — сказал я.

— Не понял?

— Я хочу сказать следующее. Ты уйдешь отсюда. Можешь не сомневаться. У тебя есть возможность выбрать, как ты уйдешь. Или ты уйдешь сам, или те жирные ребята, что стоят у тебя за спиной, вынесут тебя отсюда в ведре.

— Вот как? — спросил верзила.

— Можешь не сомневаться, — сказал я. — Я буду считать до трех, хорошо? Так что ты решай быстрее, понятно?

Он молча смотрел на меня.

— Раз, — отсчитал я.

Никакого результата.

— Два, — отсчитал я.

Никакого результата.

И тут я пошел на обман. Вместо того чтобы считать до трех, я ударил верзилу головой в лицо. Шагнул вперед и со всего размаха врезал ему лбом в нос. У меня получилось просто прекрасно. Лоб изгибается идеальной дугой и очень прочный. Черепные кости впереди очень толстые. А у меня так они вообще железобетонные. Человеческая голова штука тяжелая. Ее удерживают в нужном положении всевозможные

шейные и спинные мышцы. Представьте себе, что вы получили в лицо удар шаром для боулинга. Кроме того, это всегда неожиданно. Люди ожидают удара кулаком или ногой. Удар головой всегда неожиданный. Как гром среди ясного неба.

Похоже, все лицевые кости верзилы провалились внутрь. Наверное, я разбил всмятку его нос и раздробил обе кости щек. Изрядно встряхнул его крохотный мозг. Под верзилой подогнулись ноги, и он рухнул на пол, как марионетка, у которой перерезали нитки. Как на бойне. Его череп с грохотом ударился о бетонный пол.

Я обвел взглядом кучку, толпившуюся перед дверью нашей камеры. Красные банданы быстро переоценивали мой статус.

— Кто следующий? — спросил я. — Но дальше у нас будет как в Лас-Вегасе: или ставки удваиваются, или пошел вон. Этот тип отправляется в тюремный госпиталь и проведет шесть недель в железной маске. Так что следующий получит уже двенадцать недель в госпитале, понятно? Парочка сломанных ребер, верно? Итак, кто следующий?

Ответа не последовало.

Я ткнул пальцем в негра в солнцезащитных очках.

— Кусок жира, дай мне свитер, — сказал я.

Нагнувшись, негр подобрал свитер. Передал его мне. Наклонился и протянул руку. Не желая чересчур приближаться. Взяв свитер, я бросил его на койку Хаббла.

— Дай мне очки, — сказал я.

Нагнувшись, негр подобрал с пола сломанную золотую оправу. Протянул ее мне. Я швырнул ее назад.

— Они сломаны. Дай свои.

Последовала долгая пауза. Негр смотрел на меня. Я, не моргая, смотрел на него. Наконец он снял свои солнцезащитные очки и протянул их мне. Я убрал их в карман.

— А теперь уберите отсюда эту тушу, — распорядился я.

Кучка людей в оранжевой форме с красными банданами схватила верзилу за обмякшие члены и выволокла из камеры. Я забрался на свою верхнюю полку. Меня трясло от прилива адреналина. В желудке все бурлило, я задыхался. Мое кровообращение готово было вот-вот остановиться. Я чувствовал себя ужасно. Но далеко не так ужасно, как чувствовал бы себя, если бы не сделал то, что сделал. Тогда к этому

моменту красные банданы уже закончили бы с Хабблом и переключились на меня.

Я не притронулся к завтраку. У меня не было аппетита. Я просто лежал на верхней койке и ждал, когда мне полегчает. Хаббл сидел на нижней койке, раскачиваясь взад-вперед. Он так и не произнес ни звука. Через какое-то время я соскользнул на пол. Вымыл лицо. По коридору проходили люди. Заглядывали к нам и уходили. Известие распространилось мгновенно. Новичок из последней камеры отправил Красного в госпиталь. Надо посмотреть на него. Я стал знаменитостью.

В конце концов, Хаббл перестал раскачиваться и посмотрел на меня. Открыл рот и снова закрыл. Открыл опять.

— Я так не могу, — сказал он.

Это были первые слова, что я услышал от него после уверенного разговора по телефону, который я слушал в кабинете Финлея. Хаббл говорил очень тихо, но его слова не вызывали сомнений. Это была не скулящая жалоба, а простая констатация факта. Он так не может. Я посмотрел на него, обдумывая его слова.

— Так почему вы здесь? — спросил я. — Что вы сделали?

— Я ничего не сделал, — ответил Хаббл. Безучастно.

— Вы сознались в том, чего не совершали, — сказал я. — Вы сами на это напросились.

— Нет, — сказал он. — Все было именно так, как я сказал. Это сделал я, и я так и сказал следователю.

— Чушь, Хаббл. Вас там даже не было. Вы были на вечеринке. Человек, отвозивший вас домой, служит в полиции, черт побери. Вы в этом невиновны, вы это знаете, и все это знают. Так что не вешайте мне лапшу на уши.

Хаббл уставился в пол. Задумался.

— Я ничего не могу объяснить, — наконец сказал он. — Я ничего не могу сказать. Мне просто необходимо узнать, что будет дальше.

Я снова посмотрел на него.

— Что будет дальше? — переспросил я. — Вы просидите здесь до понедельника, а утром вас отвезут назад в Маргрейв. А потом, полагаю, просто освободят.

— Правда? — спросил он. Словно полемизируя сам с собой.

— Вас там даже не было, — повторил я. — Полиции это известно. Возможно, она захочет узнать, почему вы сознались в том, что не совершали. И почему у того парня был номер вашего телефона.

— А если я ничего не могу ответить? — сказал Хаббл.

— Не можете или не хотите? — спросил я.

— Не могу, — уточнил он. — Я ничего и никому не могу объяснять.

Хаббл отвернулся, и его передернуло. Он был очень напуган.

— Но я не могу здесь оставаться, — сказал он. — Я этого не вынесу.

Хаббл был финансист. Такие люди разбрасывают свои телефоны как конфетти. Рассказывают каждому встречному о секретных фондах и налоговом рае. Говорят все что угодно, лишь бы получить в свое распоряжение заработанные тяжелым трудом чужие доллары. Но этот номер был на обрывке компьютерной распечатки, а не на визитной карточке. И обрывок был спрятан в ботинке, а не засунут в бумажник. Фоном ко всему этому словно ритм-секция звучал страх, буквально струившийся из Хаббла.

— Почему вы никому не можете рассказать? — спросил я.

— Потому что не могу, — ответил он. И на этом остановился.

Внезапно я почувствовал себя страшно усталым. Двадцать четыре часа назад я спрыгнул с автобуса на развилке и пошел пешком по шоссе, бодро шагая под теплым утренним дождем. Держась подальше от людей, держась подальше от неприятностей. Без вещей, без проблем. Свобода. Я не хотел, чтобы ее отнимали у меня Хаббл, Финлей или какой-то высокий тип, которому прострелили бритую голову. Я не желал иметь с этим никаких дел. Я хотел тишины и спокойствия, возможности искать следы Слепого Блейка. Я хотел найти какого-нибудь восьмидесятилетнего старика, когда-то выпивавшего вместе с ним. Мне нужно было разговаривать с тем старым негром, что подметал утром тюрьму, а не с Хабблом. Молодым, преуспевающим ослом.

Он напряженно думал. Теперь я понял, что имел в виду Финлей. Мне никогда не приходилось наблюдать так явственно мыслительный процесс. Хаббл беззвучно шевелил губами и загибал пальцы. Словно перебирал плюсы и минусы. Взвешивал за и против. Я молча следил за ним. И увидел, что он принял решение. Повернувшись, Хаббл посмотрел на меня.

— Мне нужен совет, — сказал он. — У меня возникла кое-какая проблема.

Я громко рассмеялся.

— Вы меня удивили, — сказал я. — А я ни за что бы об этом не догадался. Я думал, вы здесь потому, что вам надоело по выходным играть в гольф.

— Мне нужна помощь, — сказал он.

— Вы уже получили всю помощь, на которую только могли рассчитывать, — сказал я. — Если бы не я, вы бы сейчас стояли согнутый пополам перед своей кроватью, а сзади выстроилась бы очередь из этих сексуально возбужденных верзил. А вы до сих пор не слишком-то переусердствовали в выражении своей признательности.

Хаббл задумчиво посмотрел на меня. Кивнул.

— Извините, — сказал он. — Я вам очень признателен. Поверьте, очень признателен. Вы спасли мне жизнь. Вы за меня заступились. Вот почему вы должны мне сказать, что делать дальше. Мне угрожают.

Я откликнулся на это признание не сразу.

— Знаю, — сказал я. — В общем-то, это очевидно.

— И не только мне, — продолжал Хаббл. — Также и моим родным.

Он собирался впутать в свои проблемы и меня. Я смерил его взглядом. Хаббл снова начал думать. Его губы беззвучно шевелились. Он считал на пальцах. Стреляя глазами по сторонам. Как будто справа и слева лежали большие кучи доводов за и против. Какая куча больше?

— У вас есть семья? — наконец спросил Хаббл.

— Нет, — ответил я.

Что еще я мог сказать? Родители мои давно умерли. Где-то у меня был брат, с которым я не виделся целую вечность. Так что у меня не было никого. И я не мог точно ответить, хочу ли обзаводиться семьей.

— Я женат уже десять лет, — продолжал Хаббл. — Десять лет исполнилось в прошлом месяце. Мы это торжественно отпраздновали. У меня двое детей. Сын девяти лет и дочь семи.

Замечательная жена, замечательные дети. Я люблю их до безумия.

Он говорил искренне. Я видел это по его лицу. Затем Хаббл погрузился в молчание. При воспоминании о семье его затянула пелена грусти. Он ломал голову, какого черта торчит сейчас здесь, вдали от них. Но из тех, кто сидел в этой камере, не его первого одолевали такие мысли. И не последнего.

— У нас очень уютный дом, — снова заговорил Хаббл. — На Бекман-драйв. Я купил его пять лет назад. Заплатил уйму денег, но дом того стоит. Вам знакомы эти места?

— Нет, — снова сказал я.

Хаббл боялся перейти к сути. Скоро он начнет рассказывать мне про обои в ванной на первом этаже. И про то, как он собирается платить за курс ортодонтии, который предстоит пройти его дочери. Я не собирался ему мешать. Обычные тюремные разговоры.

— Так или иначе, — спокойно произнес Хаббл, — теперь все пошло прахом.

Он сидел на койке, одетый в выцветшую футболку и линялые джинсы. Подобрав свой белый свитер, он снова повязал его поверх плеч. Без очков его лицо казалось старше, а взгляд каким-то отсутствующим. Те, кто носит очки, без них выглядят рассеянными и беззащитными. Человек остался один в чужом, враждебном мире. Исчезла защитная преграда. Сейчас Хаббл напоминал усталого старика. Одна нога была выставлена вперед. Мне был виден рисунок на подошве.

Что именно он назвал угрозой? Какая-то тайна может стать явью? Что-то может разбить идеальную жизнь его семьи в доме на Бекман-драйв? Возможно, его жена в чем-то замешана, а он ее покрывает. Возможно, высокий тип, получивший пулю в голову, был ее любовником. Мало ли что возможно. Быть может, этой семье угрожает позор, банкротство, бесчестье, прекращение членства в местном клубе. Я ходил кругами. Я не был знаком с миром Хаббла. У меня были другие представления о том, что такое настоящая угроза. Да, он дрожал от страха. Но я не имел понятия, как много нужно для того, чтобы напугать такого человека. Или как мало. Когда я впервые увидел Хаббла вчера в полицейском участке, он был чем-то взволнован. С тех пор его то била дрожь, то он сидел, уставившись в одну точку, парализованный ужасом. Его не покидали отрешенность и апатия. Несомненно, Хаббл чего-то очень боялся. Прислонившись к стене камеры, я ждал, когда он мне расскажет, чего именно.

— Они нам угрожают, — наконец снова сказал он. — Они предупредили, что если я кому-нибудь расскажу о том, что происходит, они ворвутся к нам в дом. Соберут нас в моей спальне. Прибьют меня гвоздями к стене и отрежут мне яйца. А потом заставят мою жену их съесть. Потом перережут нам горло. А наших детей заставят смотреть на все это, после чего сделают с ними такое, что мы будем рады, что ничего не увидим, так как будем к тому времени уже мертвы.

Глава 7

— Так что мне делать? — спросил Хаббл. — Что бы вы сделали на моем месте?

Он смотрел мне в лицо. Ожидая ответа. Что бы я сделал на его месте? Если бы кто-то сказал мне что-либо подобное, эти люди умерли бы. Я бы разорвал их на части. Или еще когда они говорили свою угрозу, или через несколько дней, месяцев, лет. Я бы их выследил и разорвал на части. Но Хаббл так не поступит. У него семья. Три заложника, которые только и ждут, когда их захватят. Уже захваченные. В тот самый момент, когда была сделана угроза.

— Что мне делать? — повторил Хаббл.

Мне стало не по себе. Я должен был что-то ответить. И у меня болел лоб, разбитый в кровь после крепкого удара в лицо Красного. Я подошел к решетке, выглянул в коридор и осмотрел длинные ряды камер. Прислонился к верхней полке. Подумал. Нашел единственный ответ. Но не тот, который хотел услышать Хаббл.

— Ничего, — сказал я. — Вам сказали держать язык за зубами, вот и держите его за зубами. Никому ни о чем не говорите. Ни слова.

Хаббл уставился на свои ноги. Уронил голову на руки. Издал стон, наполненный отчаянием. Словно его сокрушило разочарование.

— Я должен с кем-то поговорить, — сказал он. — Я должен выпутаться из этой истории. Я говорю серьезно, я должен выпутаться из этой истории. Я должен с кем-то поговорить.

Я покачал головой.

— Ни в коем случае, — сказал я. — Вам сказали молчать, вот и молчите. Только так вы останетесь живы. И вы, и ваша семья.

Он поднял взгляд. Его передернуло.

— Происходит нечто очень серьезное, — сказал Хаббл. — И я должен остановить это, если смогу.

Я снова покачал головой. Если люди, делающие подобные угрозы, действительно затеяли что-то крупное, Хабблу их не остановить. Он крупно вляпался, ему никуда не деться. Печально улыбнувшись, я в третий раз покачал головой. Казалось, Хаббл все понял. В конце концов, он признал неизбежное. Он снова принялся раскачиваться взад-вперед, уставившись в стену. Широко открытыми глазами. Без золотой оправы красными и обнаженными. Он раскачивался и не говорил ни слова.

Я не мог понять его признания. Хаббл должен был держать язык за зубами. Отрицать всякую связь с убитым. Утверждать, что понятия не имеет, как его телефон попал в ботинок. Утверждать, что понятия не имеет, что такое pluribus. Тогда его бы отпустили домой.

— Хаббл, — сказал я. — Почему вы сделали признание?

Он поднял взгляд. Долго молчал, прежде чем ответить.

— Я ничего не могу вам объяснить. Я и так сказал гораздо больше, чем следовало.

— Я и так знаю гораздо больше, чем мне следовало, — ответил я. — Финлей спросил вас про труп и pluribus, и вы раскололись. Так что мне известно о том, что существует какая-то связь между вами, убитым и этим pluribus, что бы это ни было.

Хаббл отрешенно посмотрел на меня.

— Финлей — это тот чернокожий следователь? — спросил он.

— Да, — подтвердил я. — Финлей, старший следователь.

— Он у нас новенький, — сказал Хаббл. — Я его никогда раньше не видел. До него всегда был Грей. Он работал здесь испокон веку, еще с тех пор, как я был совсем маленьким. Вообще-то, знаете, в отделении только один следователь, так что я не понимаю, зачем говорить «старший следователь», когда других кроме него нет? Во всем полицейском участке всего восемь человек. Начальник полиции Моррисон, он тоже работает с незапамятных времен, затем дежурный сержант, четыре полицейских в форме, одна женщина и следователь, Грей. Только теперь вместо Грея этот Финлей. Новенький. Чернокожий. У нас таких раньше никогда не было. Видите ли, Грей покончил с собой. Повесился на балке в гараже. Кажется, в феврале.

Я слушал, не перебивая. Тюремные разговоры. Помогают скоротать время. В этом их главный смысл. У Хаббла это выходило хорошо. Но мне по-прежнему хотелось получить от него ответ на свой вопрос. У меня болел лоб, и я хотел вымыть его холодной водой. Я хотел прогуляться. Хотел есть. Хотел кофе. Я отключился, а Хаббл продолжал бормотать, рассказывая мне историю Маргрейва.

— О чем вы меня спросили? — вдруг спохватился он.

— Почему вы сознались в убийстве того типа? — повторил я.

Хаббл огляделся вокруг. Затем посмотрел мне в лицо.

— Есть связь, — сказал он. — Больше сейчас ничего нельзя сказать. Детектив рассказал про того человека и упомянул слово «pluribus», и я вздрогнул. Я был поражен. Не мог поверить, что ему известна связь. Затем я понял, что он ничего не знал, но я только что сам ему все выдал. Понимаете? Я сам себя выдал. Выболтал тайну. А делать это нельзя, из-за угрозы.

Хаббл снова умолк. Вернулись отголоски паники, охватившей его в кабинете Финлея. Наконец он снова посмотрел на меня. Глубоко вздохнул.

— Я был вне себя от ужаса, — сказал он. — Но потом следователь сказал мне, что этот человек мертв. Убит, выстрелом в голову. Я испугался еще больше, потому что раз они убили его, они могут убить и меня. Честное слово, я не могу вам объяснить, почему. Но есть связь, как вы уже сами догадались. Если они расправились с тем человеком, следует ли из этого, что они собираются расправиться и со мной? Мне нужно было все обдумать. Я даже не знал точно, кто убил того человека. Но тут следователь рассказал мне про зверские действия. Он вам об этом говорил?

Я кивнул.

— О побоях? Мало приятного.

— Точно, — подхватил Хаббл. — И это доказывает, что тут замешан тот самый человек, на которого я и подумал. Так что я не на шутку испугался. Я гадал, ищут ли и меня тоже? Или не ищут? Я не знал. Я был в ужасе. Я думал целую вечность. Все это снова и снова крутилось у меня в голове. Следователь начал сходить с ума. Я ничего не говорил, потому что думал. Мне казалось, прошло несколько часов. Я был перепуган, вы понимаете?

Он снова погрузился в молчание. Снова перебирал все в голове. Вероятно, в тысячный раз. Пытаясь определить, правильным ли было принятое им решение.

— И вдруг до меня дошло, что я должен делать, — сказал Хаббл. — Передо мной стояли три проблемы. Если они охотятся и за мной, я должен как-то от них укрыться. Спрятаться, понимаете? Чтобы защитить себя. Но если они за мной не охотятся, я должен молчать, верно? Чтобы защитить жену и детей, Кроме того, с их точки зрения того человека надо было убить. Три проблемы. Поэтому я сделал признание.

Я не мог проследить за его рассуждениями. В этих объяснениях для меня не было никакого смысла. Я непонимающе посмотрел на Хаббла.

— Три отдельные проблемы, — повторил он. — И я решил сесть в тюрьму. В этом случае, если они за мной охотятся, я буду в безопасности. Потому что они же не смогут добраться до меня здесь, правда? Они на свободе, а я в тюрьме. Вот решение проблемы номер один. Далее наступает самое сложное. Я подумал, а что если они на самом деле вовсе за мной и не охотятся, то почему бы мне не сесть в тюрьму, но ничего про них не рассказывать? Тогда они подумают, что меня арестовали по ошибке, и поймут, что я ничего не сказал. Поймут, что все в порядке. Это

докажет, что мне можно верить. Вроде как подтверждение моей надежности. Доказательство. Если так можно выразиться, проверка делом. Вот решение проблемы номер два. Ну, а взяв на себя убийство того человека, я однозначно становлюсь на их сторону. Все равно как приношу клятву верности, правда? И я подумал, что они будут мне признательны за то, что я на время отвлек огонь на себя. Вот и решение проблемы номер три.

Я посмотрел на него. Неудивительно, что в кабинете Финлея Хаббл сорок минут молчал и думал как сумасшедший. Три зайца одним выстрелом. Вот куда он целился.

К той части, где он показывал, что ему можно доверять, вопросов не было. Эти люди, кем бы они ни были, обязательно это заметят. Ты побывал в тюрьме и никого не выдал — это тебе обязательно зачтется. Ритуальное причащение. Получай орден почета. Это ты хорошо придумал, Хаббл.

К несчастью, вторая часть была очень сомнительна. Его не достанут здесь, в тюрьме? Да он шутит. На свете нет лучшего места, чем тюрьма, чтобы замочить человека. Известно, где именно он находится, никто не торопит со временем. Найдется масса людей, которые с радостью выполнят заказ. Масса возможностей. И дешево. Сколько будет стоить смертельный удар на улице? Штуку, две штуки? Плюс риск. А в тюрьме смерть человека обойдется заказчику в пачку сигарет. И никакого риска. Потому что никто ничего не заметит. Нет, тюрьму никак нельзя считать безопасным убежищем. Это ты плохо придумал, Хаббл. К тому же, в его рассуждениях был еще один изъян.

— А что вы собираетесь делать в понедельник? — спросил я. — Вы вернетесь домой, продолжите заниматься тем, чем занимались раньше. Будете ходить по улицам Маргрейва, или Атланты, или где вы еще ходили. Если за вами охотятся, разве у этих людей не будет возможности?

Хаббл снова начал думать. Как сумасшедший. Раньше он не заглядывал далеко вперед. Вчера его просто охватила слепая паника. Разобраться с настоящим. Неплохой подход. Вот только очень быстро подкатывает будущее, и приходится разбираться и с ним.

— Я просто надеюсь на лучшее, — сказал Хаббл. — Мне почему-то показалось, что если они действительно захотели расправиться со мной, то через какое-то время они бы остыли. Я могу быть для них очень полезным. Надеюсь, они это обязательно поймут. Сейчас ситуация очень напряженная. Но скоро все непременно успокоится. Мне только надо выждать. Но если меня убьют, мне все равно. Я уже перестал бояться. Меня беспокоит только моя семья.

Умолкнув, он пожал плечами. Шумно вздохнул. Неплохой парень. Он не был рожден для того, чтобы стать серьезным преступником. Это подкралось к нему сзади. Засосало так осторожно, что он ничего не заметил. До тех пор, пока не захотел выбраться. Если Хабблу очень повезет, ему не переломают все кости после того, как он будет убит.

— Что известно вашей жене? — спросил я.

Он в ужасе посмотрел на меня.

— Ничего. Совсем ничего. Я ей ничего не говорил. Ни слова. Я не мог. Это моя тайна. Кроме меня никто ничего не знает.

— Вам придется что-то ей объяснить, — сказал я. — Можно не сомневаться, она обратила внимание, что вас нет дома, вы не чистите бассейн — или чем еще вы занимаетесь по выходным?

Я просто попробовал хоть как-то его развеселить, но у меня ничего не получилось. Хаббл умолк. Снова расстроился при мысли о дворе своего дома, купающемся в лучах осеннего солнца. Его жена сейчас, наверное, суетится вокруг розовых кустов. Дети играют с громкими криками. Быть может, у них есть собака. И гараж на три машины, где стоят европейские седаны, ждущие, когда их окатят водой из шланга. Над дверью баскетбольное кольцо, ожидающее, когда у девятилетнего мальчишки хватит сил закинуть в него тяжелый мяч. Над крыльцом флаг. Первые опавшие листья, которые надо сметать. Семейная жизнь по субботам. Но в эту субботу Хабблу придется ее пропустить.

— Надеюсь, она решит, что произошла какая-то ошибка, — наконец сказал Хаббл. — А может быть, ей все скажут — не знаю. Мы близко знакомы с одним из полицейских. С Дуайтом Стивенсоном. Мой брат женат на сестре его жены. Не знаю, что он ей скажет. Думаю, я со всем разберусь в понедельник. Скажу, произошла какая-то страшная ошибка. Жена мне поверит. Всем известно, что время от времени случаются ошибки.

Он рассуждал вслух.

— Хаббл, — сказал я. — Чем так провинился перед ними тот высокий тип, что ему прострелили голову?

Встав, он прислонился к стене. Поставил ногу на край стального унитаза. Посмотрел на меня. Ничего не ответил. Теперь настал черед задать главный вопрос.

— Ну хорошо, чем провинились перед ними вы, раз вам грозит выстрел в голову?

Хаббл молчал. Тишина в нашей камере стала просто жуткой. Я тоже решил помолчать немного. Просто не мог придумать, что еще сказать. Хаббл принялся постукивать ботинком по металлическому унитазу. Дребезжащий ритм, чем-то напоминающий импровизации Бо Дидли.

— Вы когда-нибудь слышали о Слепом Блейке? — вдруг спросил я.

Перестав стучать, Хаббл посмотрел на меня.

— О ком? — тупо переспросил он.

— Неважно, — сказал я. — Я пойду искать уборную. Мне нужно положить мокрое полотенце на голову. Рана болит.

— Неудивительно, — сказал Хаббл. — Я пойду с вами.

Он очень боялся остаться один, что было вполне понятно.

На эти выходные я должен был стать его няней. Впрочем, у меня все равно не было других планов.

Мы прошли мимо ряда камер до площадки в конце коридора. Я увидел дверь пожарного выхода, через которую Спиви привел нас вчера вечером. За ней была выложенная кафелем туалетная комната. На стене висели часы. Времени было уже около полудня. Я никогда не мог понять, зачем нужны часы в тюрьмах. Зачем вести счет часам и минутам, когда заключенные отмеряют время годами и десятилетиями?

В туалетной комнате стояли плотной кучкой люди. Я протиснулся сквозь толпу, Хаббл проследовал за мной. Это было просторное квадратное помещение. В воздухе стоял сильный запах дезинфицирующих средств. В одной из стен дверь. Слева ряд открытых душевых кабинок. Сзади ряд туалетных кабинок. Открытых спереди, разделенных перегородками высотой по пояс. Справа раковины. Вся жизнь на глазах у общества. Ничего страшного, если ты всю свою жизнь провел в армии, но Хабблу было не по себе. Он привык совсем к другому.

Вся фурнитура металлическая. То, что должно было быть из фаянса, здесь из нержавеющей стали. В целях безопасности. Из разбитой фаянсовой раковины получаются довольно острые осколки. А осколок приличного размера может стать хорошим оружием. По этой же причине зеркала над раковинами были из полированной стали. Довольно мутные, но со своей целью справляются. Свое отражение в них увидишь, но разбить такое зеркало и проткнуть кого-нибудь осколком нельзя.

Подойдя к раковине, я открыл холодную воду. Отмотал большой кусок бумажного полотенца и намочил его. Прижал к ушибленному лбу. Хаббл стоял рядом. Подержав холодное полотенце у лба, я выбросил его

и отмотал новый кусок. У меня по лицу текла вода. Мне было приятно. Ничего серьезного не случилось. На лбу нет мяса, только кость, прикрытая кожей. Поранить практически нечего, а кость не сломаешь. Идеальная дуга, самая прочная форма в природе. Вот почему я предпочитаю ничего не бить руками. Руки очень хрупкие. В них множество мелких костей и сухожилий. Удар такой силы, какая понадобилась бы, чтобы уложить Красного, изуродовал бы заодно и мою руку, и я отправился бы в госпиталь вместе с ним. Особого смысла в этом нет.

Промокнув насухо лицо, я склонился к стальному зеркалу, изучая полученные повреждения. Ничего серьезного. Я расчесал волосы пятерней. Прислонившись к раковине, я почувствовал в кармане солнцезащитные очки. Боевой трофей. Достав очки, я нацепил их на нос. Посмотрел на свое мутное отражение.

Крутясь перед стальным зеркалом, я увидел за спиной какое-то оживление. Хаббл предостерегающе меня окликнул, и я обернулся. Солнцезащитные очки приглушали яркий свет. В туалетную комнату вошли пять белых парней. Они были похожи на тех, кто разъезжает в кожаных куртках на мотоциклах. Оранжевая форма, естественно, оторванные рукава, но с аксессуарами из черной кожи. Фуражки, ремни, перчатки без пальцев. Длинные бороды. Все пятеро были массивными, широкоплечими, с толстым слоем твердого, вязкого жира, очень похожего на мышцы и все же не мышцами. У всех пятерых лица и руки украшены грубой татуировкой. Свастики. На щеках под глазами и на лбу. Арийское братство. Белая тюремная банда.

Как только пятерка появилась в туалете, все остальные поспешили к двери. А тех, кто не понял, схватили за шкирку и выкинули в коридор. В том числе, голых намыленных ребят из душевых кабинок. Через считанные секунды просторное помещение опустело. Остались только пятеро рокеров, Хаббл и я. Рокеры рассредоточились веером, обступив нас. Это были здоровенные отвратительные ребята. Свастики были грубо нацарапаны на лицах. И замазаны чернилами.

Я предположил, что они пришли меня вербовать. Узнав каким-то образом, что я завалил Красного. Решили привлечь мою сомнительную репутацию на свою сторону. Превратить меня в кумира белого братства. Но я ошибся. Мое предположение оказалось в корне неверным. Поэтому меня застали врасплох. Средний из пятерых несколько раз перевел взгляд с меня на Хаббла и обратно. Наконец его глаза, моргнув, остановились на мне.

— Отлично, вот он, — сказал рокер, глядя прямо на меня.

Одновременно произошли две вещи. Два крайних верзилы схватили Хаббла и потащили его к двери. А главный ткнул мне в лицо своим

огромным кулачищем. Я увидел удар слишком поздно. Уклонился влево, и кулак попал мне в плечо. От удара меня развернуло. Тотчас же меня схватили сзади за горло. Две громадные руки стиснули мою шею. Начали душить. Главный приготовился ударить меня в живот. Если бы удар достиг цели, меня можно было бы считать покойником. Это я знал точно. Поэтому я откинулся назад и лягнул главного в пах. Врезал ему по яйцам так, словно собирался пробить через весь футбольный стадион. Качественный оксфордский ботинок попал куда нужно. Твердый рант обрушился главному в промежность тупым топором.

Меня крепко сдавили за плечи. Я напряг шею, чтобы помешать душителю. Он знал свое дело. Я чувствовал, что проигрываю. Поэтому я нащупал его руки и сломал ему мизинцы. Треск выворачиваемых суставов у самых ушей оглушил меня. Затем я сломал ему безымянные пальцы. Опять громкий треск. Как будто кто-то разрывал курицу. Напавший меня отпустил.

В дело вступил третий рокер. Он представлял собой сплошную гору сала, одетую массивными слоями мяса. Как броней. Ударить его некуда. Верзила молотил меня короткими ударами в руку и грудь. Я оказался зажат между двумя раковинами. Гора сала наступала. Ударить его некуда. Только в глаза. Я ткнул большим пальцем ему в правый глаз. Согнув остальные пальцы, засунул их в ухо и нажал, что есть силы. Выдавил ногтем большого пальца глазное яблоко вбок. Просунул палец дальше. Глаз почти вывалился из орбиты. Закричав, верзила схватил меня за запястье. Я продолжал давить.

Главный поднялся на колено. Я с размаха ударил его ногой в лицо. Промахнулся. Попал вместо этого ему в шею. Переломил трахею. Главарь повалился на пол. Я протянул второй большой палец к левому глазу горы сала. Промахнулся. Я не ослаблял давления на правый глаз. Это все равно что мять окровавленную вырезку. Верзила рухнул. Я оторвался от стены. Рокер со сломанными пальцами бросился к двери. Тот, у кого вывалился глаз, лежал на полу и громко вопил. Главарь судорожно кашлял, пытаясь дышать через перебитую трахею.

Меня снова схватили сзади. Я попытался вырваться. Один из дружков Красного. Нет, двое. У меня уже начала кружиться голова. Теперь мне точно не выстоять. Но негры просто схватили меня и потащили к двери. В коридоре завыли сирены.

— Убирайся отсюда, живо, — крикнули негры, перекрывая рев сирен. — Это наша работа. Понял? Это сделали мы. Черные. Мы берем все на себя.

Они швырнули меня в толпу. Я все понял. Негры скажут, что это их рук дело. Не потому, что они хотят снять вину с меня. Они хотят приписать всю заслугу себе. Расовая победа.

Я отыскал взглядом в толпе Хаббла. Увидел охранников. Увидел Спиви. Я схватил Хаббла, и мы побежали в свою камеру. Выли сирены. Через дверь в коридор один за другим вбегали охранники. Я разглядел ружья и дубинки. Застучали кованые сапоги. Раздались крики. Сирены. Мы добежали до камеры. Завалились внутрь. Я задыхался, у меня кружилась голова. Меня здорово избили. Сирены были оглушительными. Я не мог говорить. Плеснул себе в лицо холодной водой. Темные очки исчезли. Должно быть, упали.

Я услышал за дверью крик. Обернувшись, я увидел Спиви. Он кричал, приказывая нам выходить. Вбежал в камеру. Я сгреб с койки свое пальто. Спиви схватил Хаббла за локоть. Затем схватил и меня, потащил нас к выходу. Криками заставляя нас бежать. Надрывались сирены. Спиви дотащил нас до двери пожарного выхода, откуда появились охранники. Втолкнул внутрь, и мы побежали вверх по лестнице. Все выше и выше. Легкие у меня горели. На лестнице наверху последнего пролета была нарисована большая цифра шесть. Мы ворвались в эту дверь. Спиви протащил нас мимо ряда камер. Втолкнул в пустую камеру и захлопнул за нами дверь-решетку. Громко щелкнул замок. Спиви убежал. Упав на кровать, я крепко зажмурился.

Когда я снова открыл глаза, Хаббл сидел на койке и смотрел на меня. Мы находились в просторной камере. Наверное, вдвое шире той, где мы были до этого. Две отдельные койки, друг напротив друга. Раковина, унитаз. Одна стена из стальных прутьев. Все светлее и чище. Здесь было очень тихо. Пахло гораздо приятнее. Это был этаж для подследственных.

Этаж номер шесть. Тот этаж, где мы должны были находиться с самого начала.

— Черт побери, что там с вами случилось? — спросил Хаббл.

Я пожал плечами. В коридоре появилась тележка с обедом. Ее катил белый старик. Не охранник, а какой-то работник. Он был чем-то похож на стюарда на океанском лайнере. Старик просунул поднос в щель между прутьями. Накрытые тарелки, бумажные стаканчики, термос. Мы поели, сидя на койках. Затем я прошелся по камере. Потряс решетчатую дверь. Она была заперта. На шестом этаже было спокойно и тихо. Просторная чистая камера. Отдельные койки. Зеркало. Полотенца. Здесь я чувствовал себя гораздо лучше.

Сложив пустые тарелки на поднос, Хаббл просунул его под дверь в коридор. Затем лег на свою койку. Засунул руки под голову. Уставился в потолок. Занялся ничегонеделаньем. Я последовал его примеру. Но только мои мысли напряженно работали. Потому что арийские братья определенно выбрали меня неслучайно. Они очень тщательно осмотрели нас обоих и остановили свой выбор на мне. После чего попытались меня задушить.

Они бы меня убили. Если не одно обстоятельство. Тот тип, что схватил меня за горло, совершил ошибку. Он напал на меня сзади, что было в его пользу, и он был достаточно сильный и высокий. Но он не сжал пальцы. Душить лучше всего, обхватив шею сзади большими пальцами, при этом согнув остальные. Давить надо костяшками, а не кончиками. Этот тип оставил пальцы распрямленными. Поэтому я смог их схватить и выломать. Его ошибка спасла мне жизнь. Тут нет никаких сомнений. А как только он был нейтрализован, я остался один против двоих. А к такому соотношению сил мне было не привыкать.

И тем не менее, это была явная попытка со мной расправиться. Арийцы пришли, выбрали меня, попытались убить. А Спиви совершенно случайно оказался в коридоре. Это он все подстроил. Он нанял арийцев, чтобы те меня убили. Организовал нападение, а сам ждал рядом, чтобы прибежать и обнаружить меня уже мертвым.

И он задумал это еще вчера вечером, до десяти часов. Это было очевидно. Вот почему он отвел нас не на тот этаж. На третий, а не на шестой. На этаж осужденных, а не на этаж подследственных. Все знали, что мы должны быть на этаже подследственных. Это четко дали понять те два охранника, что нас принимали. Это было написано в потрепанной папке. Но в десять часов вечера Спиви отвел нас на третий этаж, где, как он надеялся, меня убьют. Он приказал арийцам напасть на следующий день в полдень. Сам он в это время ждал в коридоре, готовый ворваться в туалет и увидеть мой труп на кафельном полу.

Но весь его замысел расстроился. Меня не убили. Арийское братство потерпело поражение. Банда Красного воспользовалась подвернувшимся случаем. На этаже начались беспорядки. Запахло бунтом. Спиви испугался. Нажал сигнал тревоги и вызвал специальное подразделение. Поспешно забрал нас с третьего этажа и оттащил на шестой. Оставил нас здесь. Согласно бумагам, именно на шестом этаже мы и находились со вчерашнего вечера.

Очень аккуратный отход на запасные позиции. Причем я теперь мог не опасаться любых расследований. Спиви выбрал вариант, гласивший, что нас никогда не было на третьем этаже. Теперь у него на руках двое с тяжелыми телесными повреждениями, возможно, даже один труп. Очень вероятно, что главарь арийцев умер от удушья. Спиви знает, что это моих рук дело. Но он не может сказать ни слова. Потому что, согласно его собственным бумагам, меня не было на третьем этаже.

Я лежал на кровати, уставившись в бетонный потолок. Приходил в себя. План Спиви был мне ясен. Никаких сомнений. И отход на запасные позиции был тоже понятен. План, не доведенный до конца и аккуратно завершенный в аварийном порядке. Но почему? Этого я не понимал. Предположим, душитель согнул бы пальцы. Тогда арийцы справились

бы со мной. Я превратился бы в труп. Валялся бы на полу туалета с высунутым изо рта распухшим языком. Ворвавшийся Спиви обнаружил бы меня в таком виде. Но почему? Чем объяснялись поступки Спиви? Что он имел против меня? Я никогда раньше его не видел. Никогда даже рядом не был с его чертовой тюрьмой. Так почему он составил такой тщательный план, чтобы меня прикончить? На этот счет у меня не было никаких предположений.

Глава 8

Хаббл, лежавший на соседней койке, заснул. Через какое-то время он заворочался и проснулся. Недоуменно оглянулся вокруг, затем вспомнил, где находится. Решил узнать, который сейчас час, но увидел лишь полоску бледной кожи на том месте, где был массивный «Ролекс». Почесал переносицу и вспомнил, что потерял свои очки. Вздохнул и уронил голову на полосатую тюремную подушку. На этого человека жалко было смотреть.

Мне были понятны его страхи. Но Хаббл при этом выглядел побежденным. Как будто только что бросил кости и проиграл. Как будто он на что-то рассчитывал, а этого не произошло, и он снова погрузился в отчаяние.

И тут до меня начало доходить, в чем дело.

— Тот убитый, он пытался вам помочь, да? — спросил я.

Мой вопрос перепугал Хаббла.

— Я не могу вам сказать, — пробормотал он.

— Я должен знать, — сказал я. — Быть может, вы обратились к нему за помощью. Говорили с ним. Быть может, именно поэтому его и убили. Быть может, сейчас кому-то покажется, что вы говорили и со мной. И меня тоже решат убить.

Кивнув, Хаббл уселся на кровати и стал раскачиваться взад-вперед. Затем глубоко вздохнул. Посмотрел мне в лицо.

— Это был следователь, — сказал Хаббл. — Я пригласил его сюда, потому что хотел положить всему этому конец. Я больше не хотел иметь с этим никаких дел. Я не преступник. Я напуган до смерти и хочу выйти из игры. Этот человек должен был помочь мне выйти из игры и расправиться с мошенниками. Но он где-то оступился, и теперь он убит, а мне уже никогда не выпутаться. А если они узнают, что это я пригласил его сюда, они и меня убьют. Но даже если меня не убьют, я, скорее всего, отправлюсь в тюрьму на тысячу лет, потому что сейчас все откроется.

— Кто он такой? — спросил я.

— Фамилию он мне не назвал, — сказал Хаббл. — Дал только контактный телефон. Сказал, что так будет безопаснее. Я не могу поверить, что с ним расправились. Мне он показался человеком, знающим свое дело. Сказать по правде, вы мне его чем-то напоминаете. Вы тоже кажетесь мне человеком, знающим свое дело.

— Что он делал на том складе?

Пожав плечами, Хаббл покачал головой.

— Я ничего не понимаю. Я свел его с другим человеком, и они должны были встретиться там, но разве в этом случае этого второго человека не убили бы тоже? Я не понимаю, почему расправились только с одним.

— Кто этот второй, с кем должен был встретиться следователь? — спросил я.

Хаббл только покачал головой.

— Я и так сказал вам слишком много. Наверное, я сошел с ума. Теперь меня обязательно убьют.

— Кто замешан в этом деле? — настаивал я.

— Вы меня не слышите? Я больше не скажу вам ни слова.

— Мне не нужны имена, — пояснил я. — Дело крупное?

— Огромное, — сказал Хаббл. — Громадное. Вы о таком не слышали.

— Сколько в нем замешано человек?

Пожав плечами, он задумался. Мысленно считая.

— Десять, — наконец сказал он. — Не считая меня.

Окинув его взглядом, я пожал плечами.

— Десять человек — это совсем непохоже на крупное дело.

— Ну, есть еще те, кого нанимают, — сказал Хаббл. — Приглашают по мере надобности. Я имел в виду, ядро состоит из десяти человек. Десять человек, не считая меня, знают, что к чему. Несмотря на то, что народу мало, поверьте, дело очень крупное.

— А как насчет человека, которого вы направили на встречу с детективом? — спросил я. — Он входит в число тех десятерых?

Хаббл покачал головой.

— Его я тоже не считал.

— Значит, вы, он и еще десятеро? — уточнил я. — И крупное дело?

Он угрюмо кивнул.

— Вы ни о чем подобном не слышали.

— И сейчас все это должно открыться? — не сдавался я. — Почему? Потому что этот следователь что-то накопал?

Хаббл снова отрицательно затряс головой. Казалось, мои вопросы причиняли ему физическую боль.

— Нет, — сказал он. — Это тут совершенно не при чем. Просто сейчас дело стало особенно уязвимым. Риск был огромным с самого начала, и со временем все становилось только хуже. Но сейчас возможны два варианта. Если нам удастся выпутаться, никто и никогда ни о чем не узнает. Но если не удастся, поверьте, это будет самая громкая сенсация. Но как бы ни повернулось дело, сейчас ситуация критическая.

Я смерил его взглядом. Он не показался мне человеком, способным совершить что-то неслыханно сенсационное.

— И как долго продлится критическая ситуация? — спросил я.

— Она уже почти миновала, — сказал Хаббл. — Осталось подождать, быть может, с неделю. Мое предположение — неделя, начиная с завтрашнего дня. До следующего воскресенья. Возможно, я доживу до того, чтобы это увидеть.

— Значит, после следующего воскресенья вам больше ничего не будет угрожать? — спросил я. — Почему? Что произойдет в следующее воскресенье?

Покачав головой, он отвернулся. Как будто если он не мог меня видеть, я исчезал и не мог задавать ему вопросы.

— Что означает «pluribus»? — сказал я.

Хаббл молчал. Тряс головой, зажмурившись от ужаса.

— Это какой-то пароль? — настаивал я.

Он словно меня не слышал. Разговор окончился. Я оставил бесплодные попытки, и наступила полная тишина, что меня полностью устраивало. Я больше не хотел ничего знать. Совсем ничего. Похоже, тех, кто оказывается посвященными в тайны Хаббла, ничего хорошего не ждет. По крайней мере, высокому незнакомцу с бритой головой определенно пришлось несладко. Я не собирался разделить его судьбу, оказавшись с парой пуль в голове и переломанными костями под старым картоном. Я хотел лишь дотянуть до понедельника, а затем поскорее убраться куда

подальше. К следующему воскресенью я рассчитывал быть очень далеко отсюда.

— Ладно, Хаббл, — сказал я, — больше вопросов не будет.

Пожав плечами, он кивнул. Долго молчал. Наконец заговорил, очень тихо, и в его голосе прозвучала покорность.

— Спасибо. Право, так будет лучше.

Я неподвижно лежал на узкой койке, пытаясь забыться и погрузиться в какое-нибудь чистилище. Но Хаббл беспокойно ворочался, крутился и то и дело тяжело вздыхал. Мне это начинало действовать на нервы. Я повернулся к нему.

— Извините, — сказал Хаббл. — Я никак не могу успокоиться. Очень хорошо, что я высказался перед вами. Иначе я бы точно сошел с ума. Мы не могли бы поговорить о чем-нибудь еще? Например, о вас? Расскажите мне о себе. Кто вы такой, Ричер?

Я пожал плечами.

— Я никто. Просто случайный встречный. В понедельник меня и след простынет.

— Каждый человек кем-то является или был кем-то, — возразил он. — У каждого из нас есть своя история. Расскажите мне о своей жизни.

И я начал говорить. Лежа на койке, я прошелся по последним шести месяцам. Хаббл тоже лежал на койке, уставившись в потолок, и слушал. Это отвлекало его от своих забот. Я рассказал о том, как расстался с Пентагоном. Вашингтон, Балтимор, Филадельфия, Нью-Йорк, Бостон, Питтсбург, Детройт, Чикаго. Музеи, концерты, дешевые гостиницы, бары, автобусы и поезда. Одиночество. Я путешествовал по своей родине, словно бедный турист. Знакомился с историей, о которой узнал в пыльных классах на противоположном конце земного шара. Знакомился с главным, с тем, что формировало нацию. Места сражений, заводы, декларации, революции. Знакомился с мелочами. Домами, клубами, дорогами, легендами. Большое и маленькое, что должно означать дом. И кое-что я нашел. Я рассказал Хабблу о долгом путешествии по бескрайним равнинам, через устья бесчисленных рек от Чикаго до Нового Орлеана. Спуск по побережью залива до самой Тампы. Затем рывок на автобусе «Грейхаунд» на север к Атланте. Безумное решение сойти у развилки на Маргрейв. Длинный путь пешком под дождем вчера утром. Чистая прихоть. Случайное замечание моего брата о том, что он был проездом в этом крошечном городке, где больше шестидесяти лет назад умер Слепой Блейк. Рассказывая Хабблу об этом, я чувствовал себя довольно глупо. Хаббл пытался выпутаться из

кошмара, а я рассказывал ему о бесцельном паломничестве. Но он, похоже, меня понял.

— Со мной однажды тоже было нечто похожее, — сказал Хаббл. — На медовый месяц мы с женой отправились в Европу. Задержались в Нью-Йорке, и я целый день искал то здание, рядом с которым был убит Джон Леннон. Затем мы провели три дня в Англии, бродили по Ливерпулю и искали клуб «Каверна», где начинали играть «Битлз». Так и не смогли найти. Наверное, его снесли.

Он говорил некоторое время. В основном, рассказывал о своих путешествиях. Со своей женой он успел поездить по свету. Им это очень нравилось. Они изъездили всю Европу, были в Мексике, на островах Карибского моря. Исколесили вдоль и поперек все Штаты и Канаду. Они получали от путешествий огромное удовольствие.

— А вы не чувствуете себя одиноким? — спросил Хаббл. — Вы ведь все время один?

Я ответил, что мне наоборот так больше нравится. Я обожаю одиночество, анонимность. Порой мне кажется, что я становлюсь невидимым.

— Что вы хотите сказать, невидимым? — переспросил Хаббл. Мои слова его заинтересовали.

— Я путешествую наземным транспортом, — объяснил я. — Исключительно наземным транспортом. Хожу пешком, езжу на автобусах. Иногда на поездах. Всегда плачу наличными. За мной не остается бумажного следа. Ни авиабилетов, ни перевода денег с кредитной карточки. Мой путь невозможно проследить. Я никому не называю свое имя. Останавливаясь в гостинице, я плачу наличными и называю вымышленную фамилию.

— Зачем все это? — удивился Хаббл. — Разве за вами кто-нибудь охотится?

— Никто, — успокоил его я. — Просто мне так больше нравится. Я люблю анонимность. У меня такое ощущение, что я побеждаю систему. Но сейчас система уложила меня на обе лопатки.

По его лицу я понял, что он снова погрузился в размышления. Думал он долго. Я видел, как Хаббл сражается с неразрешимыми проблемами, и постепенно из него выходит весь воздух. Паника накатывала на него неудержимой приливной волной.

— Ладно, посоветуйте, как мне вести себя с Финлеем, — наконец сказал Хаббл. — Когда он спросит насчет признания, я могу ответить, что находился в состоянии стресса, вызванного проблемами на работе. Я

скажу, что у нас острая конкуренция, и раздавались угрозы в адрес моей семьи. Скажу, что понятия не имею, кто такой убитый и как у него оказался мой номер телефона. Буду все отрицать. А потом попытаюсь все уладить. Как вы это находите?

На мой взгляд, план был весьма неубедительный.

— Скажите мне одну вещь, — спросил я. — Не вдаваясь в подробности: вы выполняете для этих людей полезную функцию? Или вы просто что-то вроде стороннего наблюдателя?

Скрестив руки, Хаббл задумался.

— Да, я выполняю полезную функцию, — наконец ответил он. — Можно даже сказать, моя роль решающая.

— А если не вы? — продолжал я. — Могут они найти на ваше место кого-нибудь другого?

— Да, смогли бы, — сказал Хаббл. — Но, учитывая особенности выполняемой мной функции, сделать это достаточно трудно.

Он оценивал свои шансы остаться в живых так, как решал вопрос о кредитоспособности клиента своего банка.

— Ладно, — сказал я. — Ничего лучше вы, скорее всего, все равно не придумаете. Так что попробуйте.

Я не видел, что еще он может сделать. Хаббл был маленьким винтиком в какой-то большой махинации. Но очень важным винтиком. Никто не станет просто так ломать налаженный механизм. Так что на самом деле его будущее было четко определено. Если те, на кого Хаббл работает, узнают, что он пригласил следователя, его однозначно убьют. Но если не узнают, он однозначно может ничего не бояться. Все так просто. И на мой взгляд, у него были весьма неплохие перспективы — из-за одного весьма убедительного обстоятельства.

Хаббл сделал признание, потому что считал тюрьму чем-то вроде безопасного убежища, где до него никто не сможет добраться. По крайней мере, таковы были отчасти его рассуждения. Но это были неверные рассуждения. Хаббл ошибался. В тюрьме он вовсе не обезопасил себя от нападения, а как раз наоборот. Если бы те, на кого он работал, захотели с ним расправиться, они сделали бы это без труда. Однако обратной стороной этой медали было то, что с Хабблом не пытались расправиться. Так случилось, что напали на меня. Не на Хаббла. Так что, на мой взгляд, это можно было считать определенным свидетельством, что ему нечего опасаться. На него никто не будет охотиться, потому что если его хотели убить, его уже могли убить и давно бы убили. Но этого не произошло. Даже несмотря на то, что

сейчас сложилась очень критическая ситуация, сопряженная с большим риском. Так что это можно было рассматривать как доказательство. Я начинал думать, что с Хабблом все будет в порядке.

— Да, Хаббл, — повторил я, — попробуйте. Это лучшее, что вы можете сделать.

Камера оставалась заперта весь день. На этаже было тихо. Мы лежали на койках, а день медленно тянулся к вечеру. Мы больше не разговаривали. Уже выговорились. Я изнывал от скуки и жалел, что не захватил с собой газету, оставленную в полицейском участке Маргрейва. Можно было бы перечитать ее заново. Прочитать о том, как президент, добиваясь переизбрания на второй срок, сокращает расходы на предупреждение преступлений. Экономит сегодня доллар на береговой охране, чтобы завтра нужно было потратить десять на такие тюрьмы, как эта.

Часов в семь пожилой служитель принес нам ужин. Мы поели. Он вернулся и забрал поднос. Медленно прошел пустой вечер. В десять часов выключили свет, и мы остались в темноте. Ночь. Я не снимал ботинки и спал очень чутко. На тот случай, если у Спиви были в отношении меня еще какие-то планы.

В семь часов утра свет зажегся снова. Воскресенье. Я проснулся, чувствуя себя усталым, однако сделал над собой усилие и встал. Заставил себя немного размяться, чтобы унять боль в ноющих суставах. Хаббл проснулся, но лежал молча. Краем глаза наблюдая за тем, как я делаю упражнения. Около восьми принесли завтрак. Тот же самый старик прикатил тележку. Я поел и выпил кофе. Когда я допивал то, что было в термосе, щелкнул дверной замок, и дверь приоткрылась. Распахнув ее, я шагнул в коридор и едва не столкнулся с охранником, собиравшимся войти к нам в камеру.

— Сегодня ваш счастливый день, — сказал охранник. — Вас освободили.

— Меня? — переспросили.

— Обоих, — ответил он. — Ричер и Хаббл, освобождены по распоряжению управления полиции Маргрейва. Будьте готовы к выходу через пять минут, хорошо?

Я вернулся назад в камеру. Хаббл приподнялся на локтях. Он даже не притронулся к завтраку. Он выглядел встревоженным как никогда.

— Я боюсь, — сказал Хаббл.

— С вами будет все в порядке, — заверил его я.

— Вы так думаете? Как только я выйду из тюрьмы, они со мной расправятся.

Я покачал головой.

— Сделать это было гораздо проще, пока вы находились здесь. Поверьте, если бы эти люди желали вашей смерти, вы бы уже давно были трупом. А сейчас вы чисты, Хаббл.

Кивнув, он уселся на кровати. Я взял свое пальто, мы вышли из камеры и стали ждать у двери. Через пять минут вернулся охранник. Он провел нас по коридору через двойные запирающиеся двери. Пригласил войти в лифт. Зашел сам и с помощью ключа привел лифт в движение. Как только двери начали закрываться, охранник вышел из кабины.

— Прощайте, — сказал он. — И больше не возвращайтесь.

Лифт спустил нас на первый этаж, а затем мы вышли на душный бетонный двор. За нами закрылась и заперлась дверь тюрьмы. Я повернулся лицом к солнцу и вдохнул свежий воздух. Наверное, я был похож на героя какого-нибудь старого фильма, которого выпускают на свободу после целого года, проведенного в одиночной камере.

Во дворе стояли две машины. Одной из них был большой темный седан, английский «Бентли» двадцатилетней давности, но внешне новый, как с иголочки. За рулем сидела светловолосая женщина, по-видимому, жена Хаббла, потому что он бросился к ней, как будто она была самым милым зрелищем, какое ему только довелось видеть. В другой машине сидела офицер Роско.

Выйдя из машины, молодая женщина направилась мне навстречу. Она выглядела просто прекрасно. Без формы. Одетая в джинсы и тонкую хлопчатобумажную рубашку. В кожаной куртке. Спокойное, умное лицо. Мягкие темные волосы. Огромные глаза. В пятницу она показалась мне красивой. Теперь я видел, что не ошибся.

— Привет, Роско, — сказал я.

— Привет, Ричер, — сказала она и улыбнулась.

У нее был чудесный голос. И удивительная улыбка. Я смотрел на нее до тех пор, пока она не погасла, то есть очень долго. Чета Хабблов, помахав нам, уехала. Я помахал в ответ, гадая, как сложится их судьба. Вероятно, я никогда об этом не узнаю, если только с ними не произойдет серьезное несчастье, и я не прочту о них в газете.

Мы с Роско сели в ее машину. На самом деле, не в ее собственную, объяснила она, просто в полицейскую машину без специальных знаков. Новенький «Шевроле», большой, бесшумный, спокойный. Роско не глушила двигатель, и в салоне было прохладно. Мы развернулись на бетонном дворе и проехали через шлюзы клеток с воротами. Как только мы выехали из последних ворот, Роско выкрутила руль, и мы повернули

на шоссе. Передняя часть машины приподнялась, а зад осел на мягкой подвеске. Я не оглядывался назад. Мне было просто очень хорошо. Выходить из тюрьмы — одно из самых больших удовольствий, которые может подарить жизнь. Другое удовольствие — полное неведение относительно того, что готовит день грядущий. А еще очень приятно нестись по залитому солнцем шоссе с красивой женщиной за рулем.

— Так что лее произошло? — спросил я, когда мы проехали около мили. — Поведай мне.

Рассказ Роско получился весьма бесхитростным. В пятницу вечером они начали проверять мое алиби. Она и Финлей, оставшись вдвоем в темном участке. Две включенные настольные лампы. Стопка бумаги. Стаканчики с кофе. Телефонные справочники. Они зажимали между ухом и плечом телефонные трубки и грызли карандаши. Разговаривали вполголоса. Терпеливо задавали вопросы. Мне самому приходилось тысячу раз проходить через такое.

Они позвонили в Тампу и Атланту и к полуночи разыскали одного из пассажиров с того автобуса, на котором я ехал, и кассира из билетной кассы на автовокзале Тампы. Оба вспомнили меня. Затем они разыскали также водителя автобуса. Он подтвердил, что остановился на автостраде у развилки на Маргрейв и высадил меня в пятницу в восемь часов утра. К полуночи мое алиби стало твердым как скала, как я и обещал.

В субботу утром по факсу пришло длинное сообщение из Пентагона с моим послужным списком. Тринадцать лет моей жизни, низведенные до скручивающихся листов. Теперь это была уже чья-то чужая жизнь, однако она подтвердила мой рассказ. На Финлея она произвела впечатление. Затем из базы данных ФБР пришел ответ на запрос относительно моих отпечатков. Работавший без устали компьютер идентифицировал их в половине третьего утра. Армия Соединенных Штатов, отпечатки сняты тринадцать лет назад при поступлении на службу. Мое алиби было железным, мое прошлое не вызывало сомнений.

— Финлей был удовлетворен, — сказала Роско. — Ты оказался именно тем, кем назвался, и в четверг в полночь ты находился за добрых четыреста миль отсюда. Это было установлено совершенно точно. Финлей перезвонил медицинскому эксперту и спросил, не изменились ли данные относительно времени смерти, но нет, по-прежнему это была полночь.

Я покачал головой. Финлей оказался очень осторожным человеком.

— А что насчет убитого? — спросил я. — Вы запросили повторно его отпечатки?

Внимание Роско было поглощено тем, чтобы обогнать грузовик. Первую машину, встретившуюся нам за четверть часа пути. Наконец она посмотрела на меня и кивнула.

— Финлей сказал, это ты предложил их перепроверить. Но почему?

— Отрицательный результат пришел слишком быстро.

— Слишком быстро? — переспросила она.

— Ты ведь сама рассказала мне про систему пирамиды, так? Сначала первые десять, потом первые сто, затем первые тысяча и так далее до самого низа, правильно?

Роско снова кивнула.

— Так вот, возьмем в качестве примера меня, — продолжал я. — Мои отпечатки есть в базе данных, но они находятся у самого основания пирамиды. Ты только что сказала, что потребовалось четырнадцать часов, чтобы до них добраться, правильно?

— Правильно, — подтвердила она. — Я отправила твои отпечатки в половине первого дня, а идентифицированы они были в два тридцать ночи.

— Отлично. Четырнадцать часов. Значит, если требуется четырнадцать часов, чтобы добраться почти до самого низа пирамиды, для того, чтобы добраться до самого дна, потребуется больше четырнадцати часов. Это диктует логика, так?

— Так, — согласилась Роско.

— Ну, а что произошло с убитым? — продолжал я. — Труп был обнаружен в восемь утра, так что когда отпечатки отправились в архив? Самое раннее, в половине девятого. Но Бейкер сказал, что в архиве ничего нет, когда они с Финлеем меня допрашивали. Это было в половине третьего. Я запомнил время, потому что как раз посмотрел на часы. То есть, прошло лишь шесть часов. Если потребовалось четырнадцать часов на то, чтобы узнать, что я есть в базе данных, как всего за шесть часов можно было определить, что убитого там нет?

— Господи, — сказала Роско. — Ты прав. Должно быть, Бейкер что-то напутал. Отпечатки снял Финлей, а отправлял их Бейкер. Наверное, он неправильно вставил их в сканер. Это надо делать очень аккуратно, иначе они будут переданы с ошибкой. Если картинка нечеткая, база данных пытается ее расшифровать, а затем отправляет ответ, что отпечатки не читаются. А Бейкер, судя по всему, принял это сообщение за отрицательный ответ. Коды похожи. Так или иначе, первым делом я отправила повторный запрос. Скоро мы все узнаем.

Мы ехали на восток, а Роско рассказывала мне, как она приставала к Финлею, чтобы меня освободили из Уорбертона еще вчера вечером. Финлей поворчал, но согласился, однако возникла проблема. Поэтому пришлось ждать до сегодняшнего утра, так как вчера вечером тюрьма уже закрылась. Финлею сказали, что в туалете начались беспорядки. Один заключенный был убит, другой лишился глаза, и начался настоящий бунт. Разгорелась война между белой и черной бандами.

Я сидел рядом с Роско и смотрел на накатывающийся навстречу горизонт. Я одного человека убил, другого лишил зрения. Теперь мне надо было разобраться в своих чувствах. Но я ничего не испытывал. Абсолютно ничего. У меня было такое ощущение, будто я догнал двух тараканов, бегавших по полу в туалете, и раздавил их. Вот только таракан — рациональное, сознательное, развитое существо. А те арийцы в туалете были хуже насекомых. Я ударил одного из них ногой в горло, перебив ему трахею, и он задохнулся. Что ж, и поделом. Ведь он сам первый начал, правда? Нападать на меня — все равно, что открывать запретную дверь. То, что ждало за ней, было уже его проблемой. Он пошел на риск. Ему не понравилось? Не надо было открывать дверь. Пожав плечами, я выбросил это из головы. Повернулся к Роско.

— Спасибо, — сказал я. — От чистого сердца. Тебе пришлось потрудиться, чтобы вытащить меня.

Покраснев, она смущенно махнула рукой, не отрываясь от дороги. Она начинала все больше и больше мне нравиться. Но, вероятно, все же не достаточно для того, чтобы лишить меня желания как можно скорее убраться из Джорджии ко всем чертям. Возможно, я задержусь на час-другой, а затем попрошу Роско отвезти меня на ближайшую автобусную станцию.

— Я хочу пригласить тебя пообедать вместе, — сказал я. — Выразить, таким образом, свою благодарность.

Роско думала над моим предложением в течение четверти мили, затем улыбнулась.

— Хорошо, — согласилась она.

Свернув направо на шоссе округа, она нажала на газ, спеша назад к Маргрейву. Мы проехали мимо новенького заведения Ино и направились в центр города.

Глава 9

Я попросил Роско завернуть в полицейский участок и забрать пакет с моими вещами, где были все мои деньги. Затем она отвезла меня в центр Маргрейва, и мы договорились, что через пару часов я зайду за ней в участок. Стоя на тротуаре под палящим сентябрьским солнцем, я

помахал ей на прощание. Мне стало гораздо лучше. Я снова был в движении. Я собирался проверить рассказ о Слепом Блейке, пообедать с Роско, а затем убраться ко всем чертям из Джорджии и никогда больше сюда не возвращаться.

Итак, я какое-то время бродил по городку, занимаясь всем тем, чем я должен был заниматься в пятницу. На самом деле, смотреть особенно было нечего. Старое шоссе пересекало Маргрейв строго с севера на юг, на протяжении четырех кварталов, и именовалось Главной улицей. Эти четыре квартала состояли из маленьких магазинчиков и контор, глядевших друг на друга через широкое дорожное полотно, разделенных узкими проездами, отходившими от шоссе. Я нашел бакалейную лавку, парикмахерскую, галантерею, приемную частного врача, адвокатскую контору и зубоврачебный кабинет. За каждым зданием имелась стоянка, обнесенная белой оградой и обсаженная декоративными деревьями. Вдоль тротуаров стояли скамейки, но они были пустыми. Вообще весь городок словно вымер. Воскресное утро, много миль до чего бы то ни было.

Главная улица, прямая как стрела, шла несколько сотен ярдов через парк, затем подходила к полицейскому участку и пожарной части. Дальше на север через полмили был ресторан Ино, а еще, через несколько миль, был поворот на запад к тюрьме Уорбертон. За этой развилкой ничего не было до самых складов у пересечения с автострадой — четырнадцать миль пустоты от того места, где я сейчас находился.

Южная окраина города утопала в зелени. От бронзовой статуи на запад отходила пустынная улица. Прогулявшись до нее, я нашел неброский указатель с надписью «Бекман-драйв». Улица, на которой живет Хаббл. Со своего места я мало что видел, так как через сотню ярдов от перекрестка улица резко виляла влево, а затем вправо, огибая зеленый сквер с белой деревянной церковью. Церковь была окружена вишневыми деревьями, а по периметру сквера полукругом расставлены чистые, аккуратные машины. До меня донеслись звуки органа и хора.

Памятник на перекрестке воздвигнут в честь какого-то Каспара Тила, чем-то отличившегося сто с лишним лет назад. Напротив Бекман-драйв от Главной улицы отходила на восток другая улица с одиноким круглосуточным магазином на углу. И это было все. Крохотный городок. Ничего примечательного. Мне потребовалось меньше тридцати минут для того, чтобы ознакомиться со всеми его достопримечательностями.

Но это был самый безукоризненно чистый и опрятный город из всех, какие мне довелось видеть. Все до одного здания были или совершенно новые, или недавно отреставрированные. Дороги гладкие как стекло, а тротуары ровные и чистые. Ни ям, ни трещин, ни неровностей.

Крошечные конторы и магазинчики выглядели так, словно их перекрашивали каждую неделю. Газоны и кустарники были идеально ухоженные. Бронзовая статуя Каспара Тила блестела так, словно ее вылизывали языком каждое утро. Краска на церкви была такой белоснежной, что у меня заболели глаза. Повсюду висели звездно-полосатые флаги, в лучах солнца горевшие белыми, красными и синими красками. Здесь было так чисто, что я боялся оставить грязные следы своими ботинками.

В круглосуточном магазинчике продавалось все то, что оправдывает работу в воскресенье утром. Правда, магазинчик был открыт, но в нем никого не было. Ни одного покупателя, только продавец за прилавком. Но кофейный автомат работал. Усевшись за столик, я заказал большую чашку кофе и купил воскресную газету.

Вся первая страница по-прежнему была посвящена президенту. Теперь он был в Калифорнии. Объяснял представителям военно-промышленного комплекса, почему после пятидесяти славных лет их безбедное существование заканчивается. До сих пор звучали отголоски на его заявление по поводу береговой охраны. В субботу вечером пограничные катера вернулись на базы. До тех пор, пока не будут выделены новые деньги, они больше не выйдут в море. Газета очень переживала по этому поводу.

Услышав, как открылась входная дверь, я оторвался от чтения и поднял взгляд. В магазинчик вошла женщина. Села на высокий стул у прилавка. Она была старше меня, лет сорока. Темные волосы, очень стройная, одетая во все черное. У нее была очень бледная кожа, почти прозрачная. В движениях женщины сквозила нервная напряженность. На запястьях тонкими шнурками вздувались сухожилия. Продавец поспешил к ней, и женщина заказала кофе таким тихим голосом, что, я ее едва услышал, несмотря на то, что она сидела совсем близко и в магазинчике было тихо.

Женщина долго не задержалась. Она успела выпить половину своего кофе, не отрывая взгляда от окна. Затем к магазинчику подъехал большой черный пикап, и женщина вздрогнула. Это была совершенно новая машина, еще ни разу не перевозившая настоящих грузов. Я успел мельком увидеть водителя, открывавшего дверь. Крепкий тип. Высокий, черноволосый. Широкие плечи, толстая шея. Густые черные волосы на длинных, мускулистых руках. Возраст лет тридцать. Бледная женщина как привидение соскользнула с табурета и встала. Сглотнула комок в горле. Открыла входную дверь, и послышалось ворчание мощного двигателя, работающего на холостых оборотах. Женщина села в кабину, но пикап не тронулся с места. Остался стоять на обочине.

Я повернулся к продавцу.

— Кто это? — спросил я.

— Это миссис Клинер, — ответил тот. — Вы не знаете Клинеров?

— Слышал о них, — сказал я. — Я здесь недавно. Клинеру принадлежат склады у автострады, верно?

— Верно, — подтвердил продавец. — И еще много чего. Мистер Клинер ворочает большими делами.

— Вот как?

— Точно. Вы слышали о Фонде?

Я покачал головой. Допил кофе и протянул чашку, прося повторить.

— Клинер основал «Фонд Клинера», — сказал продавец. — Заботится о процветании нашего города. Он приехал сюда пять лет назад, и с тех пор у нас тут непрерывное Рождество.

Я кивнул.

— А у миссис Клинер со здоровьем все в порядке?

Налив кофе, продавец покачал головой.

— Она больна, тяжело больна. Очень бледная, да? Болезненный вид? Совсем больная. Наверное, туберкулез. Я видел, что делает с людьми туберкулез. Раньше она была красивой, но теперь выглядит как растение, выросшее в темноте, правда? Она очень больна, это точно.

— А кто в пикапе? — спросил я.

— Ее пасынок. Сын Клинера от первого брака. Миссис Клинер его вторая жена. Я слышал, она не очень-то ладит с парнем.

Продавец кивнул, показывая, что праздный разговор закончен. Ушел натирать какое-то хромированное устройство в противоположном конце прилавка. Черный пикап не трогался с места. Я был согласен с тем, что женщина выглядела как растение, выросшее в темноте. Как редкая орхидея, изголодавшаяся по свету и питательным веществам. Но насчет болезни я был с продавцом не согласен. Вряд ли у миссис Клинер был туберкулез. На мой взгляд, она страдала от чего-то другого. Чего-то такого, что мне уже доводилось видеть прежде. На мой взгляд, она смертельно боялась. Но я не хотел знать, чего именно. Меня это не касалось. Встав, я бросил на прилавок пятерку. Продавец отсчитал сдачу мелочью. У него не было долларовых бумажек. Пикап по-прежнему стоял на обочине. Водитель, навалившись грудью на рулевое колесо, выглядывал из-за плеча своей мачехи. Смотрел прямо на меня.

Напротив прилавка висело зеркало. Посмотревшись в него, я пришел к выводу, что выгляжу именно так, как должен выглядеть человек, ехавший всю ночь на автобусе, а затем проведший двое суток в тюрьме. Я решил, мне нужно привести себя в порядок перед тем, как вести Роско в ресторан. Продавец прочитал мои мысли.

— Можете зайти в парикмахерскую, — предложил он.

— В воскресенье?

Он пожал плечами.

— Там всегда кто-то есть. Она вроде как не бывает совсем закрыта. И не бывает совсем открыта.

Кивнув, я толкнул дверь. Из церкви вышла небольшая группа людей. Они разошлись по своим машинам. Городок оставался пустынным. Но черный пикап упорно стоял на обочине перед магазинчиком. И водитель упорно смотрел на меня.

Я направился на север под палящим солнцем, пикап тронулся за мной следом, держась на некотором расстоянии. Водитель сидел, навалившись на руль, и смотрел куда-то в сторону. Я сделал пару быстрых шагов, пикап увеличил скорость, чтобы не отстать. Затем я резко остановился, и машина проскочила мимо. Я стоял на месте. Судя по всему, водитель решил, что сдавать назад — это уже слишком. Вдавив педаль газа в пол, он с ревом рванул вперед. Пожав плечами, я направился дальше. Дошел до парикмахерской. Нырнул под навес и подергал дверь. Открыто. Я вошел внутрь.

Как и все в Маргрейве, парикмахерская выглядела безукоризненно. Внутри сверкали отполированные старинные кресла и бронзовая фурнитура. Тридцать лет назад от подобной обстановки все спешили избавиться. Сейчас все стремятся заполучить ее назад. За нее платят огромные деньги, потому что она позволяет воссоздать Америку такой, какой ее хотят видеть люди. Такой, какой, как им кажется, она была раньше. Я, например, считаю, что раньше Америка выглядела именно так. Сколько раз я сидел в классе где-нибудь в Маниле или Мюнхене и представлял себе зеленые лужайки, деревья и флаги, и такие же сверкающие парикмахерские, как эта.

Внутри я увидел двоих негров. Они просто убивали здесь время. Парикмахерская вроде была не совсем открыта. Но, и не совсем закрыта. Негры дали мне понять, что обслужат меня. Ну, раз они здесь, и я здесь, почему бы и нет? К тому же, наверное, у меня был тот еще вид. Я заказал целый список услуг. Побрить, постричь, помыть голову и почистить ботинки. На стенах висели в рамках первые полосы старых газет. Большие заголовки. Смерть Рузвельта, День Победы, убийство Джона

Кеннеди, убийство Мартина Лютера Кинга. На столе приятно мурлыкал старинный радиоприемник в корпусе из красного дерева. На скамейке у окна лежала аккуратно сложенная хрустящая свежая воскресная газета.

Старики-негры взбили в чашке мыльную пену, поправили опасную бритву, сполоснули щетку для бритья. Обернув меня полотенцем, они принялись за работу. Один брил меня опасной бритвой. Другой стоял рядом и ничего не делал. Я решил, что он, наверное, вступит в игру позже. Тот, который работал, начал болтать, как поступают все парикмахеры. Рассказал мне историю этой парикмахерской. Оказывается, старики дружат с детства. Живут в Маргрейве с незапамятных времен. Начали работать парикмахерами до Второй мировой войны. Учились ремеслу в Атланте. Открыли салон еще молодыми. Перебрались сюда, когда старое здание было снесено. Негр рассказал мне историю городка, увиденную с точки зрения парикмахера. Перечислил мне всех более или менее значимых персон, сидевших в этих креслах. Рассказал мне о самых разных людях.

— Расскажите мне о Клинерах, — попросил я.

Старик был из болтунов, но мой вопрос заставил его замолчать. Прервавшись, он задумался.

— Тут я ничем не могу вам помочь, это точно, — сказал он, наконец. — Эту тему мы предпочитаем здесь не обсуждать. Лучше спросите меня о ком-нибудь другом.

Я пожал плечами под слоями полотенец.

— Ладно. Вы когда-нибудь слышали о Слепом Блейке?

— Слышать-то слышал, это точно, — подтвердил старик. — Его мы можем обсуждать, тут нет никаких проблем.

— Вот и отлично, — сказал я. — Так что вы можете о нем рассказать?

— Он время от времени бывал здесь, давным-давно, — сказал негр. — Говорят, родился в Джексонвиле, штат Флорида, это у самой границы. Путешествовал по этим местам, знаете, через Атланту и на север до самого Чикаго, а потом обратно на юг. Опять через Атланту, через эти места, домой. Знаете, тогда все было совсем по-другому. Ни автострад, ни машин, по крайней мере, для бедного чернокожего музыканта и его друзей. Все пешком или на попутных грузовиках.

— Вы слышали, как он играл? — спросил я.

Снова прервавшись, он посмотрел на меня.

— Послушайте, мне семьдесят четыре года. Это случилось тогда, когда я еще был маленьким мальчиком. Мы ведь говорим о Слепом Блейке.

Такие люди играли в барах. А я не ходил по барам, когда был маленьким, понимаете? Если бы пошел, мне бы хорошо надрали задницу. Он был гораздо старше меня. Вы лучше поговорите с моим напарником. Возможно, он слышал, как играет Слепой Блейк, только сейчас он, наверное, этого уже не помнит, потому что он мало что помнит. Не помнит даже, что ел сегодня на завтрак. Я прав? Эй, старина, что ты сегодня ел на завтрак?

Второй старик, скрипя, подошел к нам и облокотился на соседний умывальник. Его сморщенное лицо имело цвет красного дерева, которым был облицован радиоприемник.

— Я не помню, что сегодня ел на завтрак, — сказал он. — Не помню, завтракал ли я вообще. Но вот что я скажу. Да, я старый, но дело в том, что у стариков хорошая память. Только помнят они не то, что было недавно, понимаете? Они помнят то, что было давно. Представьте мою память как старое ведро, понимаете? Когда оно чем-то наполнено, в нем больше нет места для нового. Совсем нет, понимаете? Так что я не помню новое, потому что мое старое ведро переполнено старым, тем, что произошло давно. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Конечно, понимаю, — подтвердил я. — Значит, вы слышали, как он играет?

— Кто?

Я поочередно посмотрел на стариков, гадая, не разыгрывают ли они какую-то хорошо отрепетированную сцену.

— Слепой Блейк, — сказал я. — Вы слышали, как он играет?

— Нет, я не слышал, как он играет, — ответил старик. — Но моя сестра слышала. Моей сестре лет девяносто, а то и больше, да хранит ее Господь. До сих пор жива. В свое время она сама пела, и ей не раз доводилось петь со Слепым Блейком.

— Вот как? Она пела с ним?

— Точно, — подтвердил сморщенный старик. — Она пела со всеми, кто проезжал через наши места. Вы должны понять, что раньше наш город находился на большой дороге в Атланту. Старое шоссе шло раньше на юг до самой Флориды. Это была единственная дорога, пересекающая Джорджию с севера на юг. Конечно, сейчас есть автострады, по которым можно мчаться без остановок, есть самолеты. Теперь Маргрейв никому не нужен. Никто больше через него не проезжает.

— Значит, Слепой Блейк останавливался здесь? — не отставал от него я. — И ваша сестра пела вместе с ним?

— Раньше все здесь останавливались, — сказал старик. — В северной части города были бары и постоялые дворы, и все для тех, кто проезжал мимо. Все эти сады, отсюда до пожарной части, — прежде вместо них здесь были бары и постоялые дворы. Потом все снесли, что само не развалилось. Давно уже никто не проезжает через наши места. Но в то время город был совсем другим. Потоки людей туда и сюда, все время. Рабочие, сборщики кукурузы, торговцы, бродяги, боксеры, музыканты. И все они останавливались у нас, и моя сестра им пела.

— И она помнит Слепого Блейка? — спросил я.

— Конечно, помнит, — сказал старик. — Она считала его величайшим человеком из живущих на свете. Говорит, играл он классно, очень классно.

— А что с ним случилось? Вы знаете?

Старик призадумался. Принялся рыться в своей тускнеющей памяти. Пару раз тряхнул седой головой. Затем взял из нагревателя теплое влажное полотенце и положил его мне на лицо. Начал меня стричь. Еще раз тряхнул головой.

— Не могу сказать точно, — наконец признался старик. — Он время от времени приезжал к нам. Это я хорошо помню. Потом его не стало. Я тогда был в Атланте, не знаю, что с ним случилось. Слышал, его убили, может быть, здесь, в Маргрейве, может быть, где-то в другом месте. Он впутался в какую-то серьезную неприятность, и его убили. Насмерть.

После того, как старики закончили, я еще посидел в салоне, слушая радио. Затем достал пачку денег, дал им двадцать долларов, вышел на Главную улицу и направился на север. Времени было уже около полудня, и солнце припекало немилосердно. Для сентября было очень жарко. Кроме меня на улице никого не было. Черная дорога дышала жаром. По этой дороге ходил Слепой Блейк, быть может, в полуденный зной. В те времена, когда эти старики-негры еще были мальчишками, здесь проходила артерия, ведущая на север, в Атланту, Чикаго, к рабочим местам, надежде, деньгам. Полуденный зной не мог остановить тех, кто шел к своей цели. Но сейчас это была лишь черная, гладкая полоса асфальта, ведущая в никуда.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы по такой жаре добраться до полицейского участка. Пройдя по ухоженному газону мимо еще одной бронзовой статуи, я открыл массивные стеклянные двери. Шагнул внутрь, в прохладу. Роско ждала меня, прислонившись к столу дежурного. У нее за спиной я увидел Стивенсона, бурно говорившего по телефону. Роско была бледна и очень встревожена.

— Мы нашли еще один труп, — сказала она.

— Где? — спросил я.

— Опять рядом со складами, — сказала она. — Только на этот раз с другой стороны шоссе, у развилки, под насыпью.

— Кто его обнаружил?

— Финлей. Он отправился туда утром, чтобы еще раз осмотреть место преступления и найти какие-нибудь улики, которые могли бы помочь разобраться с первым трупом. Хорошая мысль, правда? А нашел он еще один труп.

— Вы определили, чей? — спросил я.

Роско покачала головой.

— Личность не установлена. Как и у первого.

— Где сейчас Финлей?

— Отправился к Хabблу, — сказала она. — Он считает, Хаббл что-то знает.

Я кивнул.

— Сколько времени пролежал второй труп?

— Дня два-три. Финлей убежден, что в ночь с четверга на пятницу произошло двойное убийство.

Я снова кивнул. Хабблу действительно что-то известно. Например, тот человек, которого он направил на встречу с высоким детективом с бритой головой. Хаббл не мог понять, как ему удалось скрыться. А этот человек никуда не скрылся. С улицы донесся шум подъехавшей машины, и большие стеклянные двери раскрылись. Финлей просунул к нам свою голову.

— Роско, едем в морг, — сказал он. — И ты тоже, Ричер.

Я и Роско вышли следом за ним на жару. Сели в седан Роско без отличительных знаков. Финлей оставил свою машину у участка. Роско села за руль. Я сел назад. Финлей устроился спереди слева, развернувшись так, чтобы одновременно говорить с нами обоими. Роско вывела машину на шоссе и повернула на юг.

— Я не смог найти Хаббла, — сказал Финлей, глядя на меня. — У него дома никого нет. Он ничего не говорил о том, что куда-то собирается?

— Нет, — ответил я. — Ничего не говорил. За все выходные мы не сказали друг другу и пары слов.

Финлей проворчал что-то невнятное.

— Мне нужно выяснить все, что известно Хабблу об этом деле, — сказал он. — Мы имеем дело с чем-то серьезным, и Хаббл что-то знает, это точно. Ричер, что он тебе рассказал?

Я ничего не ответил. Я до сих пор не был до конца уверен, на чьей я стороне. Вероятно, на стороне Финлея, но если Финлей сейчас сунет свой нос в то, в чем замешан Хаббл, и Хабблу, и его семье крышка. Это точно. Поэтому я решил остаться в стороне и постараться как можно скорее убраться отсюда ко всем чертям. Я не хотел впутываться в эту историю.

— Ты пробовал позвонить ему на сотовый телефон? — спросил я.

Буркнув себе под нос, Финлей покачал головой.

— Телефон отключен, — сказал он. — Мне сообщил об этом какой-то автоматический голос.

— Хаббл заезжал за своими часами? — спросил я.

— За чем?

— За своими часами, — повторил я. — В пятницу он оставил у Бейкера «Ролекс» стоимостью десять тысяч долларов, когда Бейкер надевал на нас наручники, чтобы отправить в Уорбертон. Так вот, Хаббл заезжал за часами?

— Нет, — ответил Финлей. — По крайней мере, мне об этом никто не говорил.

— Ладно, — сказал я. — Значит, у него какое-то неотложное дело. Даже такой осел как Хаббл не забудет про часы стоимостью десять тысяч долларов, верно?

— Что за неотложное дело? — спросил Финлей. — Что он тебе говорил об этом?

— Ровным счетом ничего, — сказал я. — Как я уже тебе говорил, мы с ним почти не разговаривали.

Финлей раздраженно смотрел на меня.

— Слушай, Ричер, ты со мной не шути. До тех пор, пока я не разыщу Хаббла, я буду трясти тебя, выпытывая, что он тебе сказал. И не пытайся меня убедить, что он два дня держал рот на замке, потому что такие как он всегда начинают говорить. Я это знаю, и ты тоже знаешь, так что не шути со мной, хорошо?

Я только пожал плечами. Финлей не может снова меня арестовать. Быть может, я смогу сесть на автобус там, где находится морг. Придется отказаться от обеда с Роско. Жаль.

— Что можно сказать о втором трупе? — спросил я.

— Почти то же самое, что и о предыдущем, — сказал Финлей. — Похоже, это произошло в одно время. Убит тремя выстрелами. Возможно, из того же самого оружия. Этого, после смерти, не пинали, но, скорее всего, оба убийства связаны между собой.

— Вы установили личность убитого?

— Его зовут Шерман, — сказал Финлей. — Кроме этого мы больше ничего не знаем.

— Расскажи мне подробнее, — попросил я.

Я сделал это по привычке. Финлей задумался. Принял решение. Мы с ним напарники.

— Неопознанный белый мужчина, — сказал Финлей. — То же самое, что и в первом случае: никаких документов, ни бумажника, ни отличительных примет. Но у этого были золотые часы с гравировкой: «Шерману с любовью от Джуди». Убитому лет тридцать — тридцать пять. Точнее сказать трудно, труп пролежал на улице трое суток, и над ним изрядно потрудились всякие мелкие животные, понимаешь? Губ нет, глаз тоже, но правая рука уцелела. Она была подвернута под тело, так что мне удалось снять приличные отпечатки пальцев. Мы их отправили час назад, так что, если повезет, это что-нибудь даст.

— Огнестрельные ранения? — спросил я.

Финлей кивнул.

— Судя по всему, из того же оружия. Пули маленького калибра с мягкими наконечниками. По-видимому, первая лишь ранила этого парня, и он мог бежать. Потом он получил еще пару пуль, но все же успел добежать до развилки. Там он упал и умер от потери крови. Его не пинали ногами, потому что не смогли найти. По крайней мере, на мой взгляд, все произошло именно так.

Меня передернуло. В восемь часов утра в пятницу я проходил мимо тех самых мест. Между двумя трупами.

— И ты полагаешь, что убитого зовут Шерман? — спросил я.

— Это имя выгравировано на часах.

— А может быть, это не его часы, — предположил я. — Он мог их украсть. Получить по наследству. Купить в ломбарде, найти на улице.

Финлей снова проворчал что-то невнятное.

К этому моменту мы уже отъехали к югу от Маргрейва миль на десять. Роско держала приличную скорость, следуя по старому шоссе. Затем мы свернули налево и поехали по прямой как стрела дороге, уходящей к горизонту.

— Черт побери, куда мы направляемся? — спросил я.

— В окружную больницу, — сказал Финлей. — В Йеллоу-Спрингс. Предпоследний город штата на юге. Теперь осталось совсем немного.

Через некоторое время, впереди, пятном на горизонте в горячем мареве показался Йеллоу-Спрингс. На самой окраине города обособленно стоял окружной больничный комплекс, построенный еще тогда, когда болезни были заразные, и больных требовалось изолировать. Это был большой центр, состоящий из нескольких приземистых длинных зданий, раскинувшихся на территории в пару акров. Сбавив скорость, Роско свернула на главную дорожку. Попрыгав на «лежачих полицейских», мы подъехали к группе зданий в дальней части комплекса. Морг находился в длинном бункере с большой открытой дверью. Выйдя из машины, мы переглянулись и вошли внутрь.

Нас встретил сотрудник и провел в кабинет. Он сел за металлический стол, знаком предложив Финлею и Роско устроиться на стульях. Я прислонился к столу, между компьютером и факсом. Судя по всему, больница не могла похвастать крупными бюджетными вливаниями. Все было старым и неухоженным. Разительный контраст с полицейским участком Маргрейва. Сотрудник морга выглядел очень уставшим. Не молодой и не старый, наверное, одних лет с Финлеем. Белый халат. Он производил впечатление человека, чье мнение никого не интересует. Сотрудник не представился. Решил, что мы должны знать, кто он такой и чем здесь занимается.

— Чем могу вам помочь? — спросил он.

По очереди посмотрел на всех нас, ожидая ответа. Мы молча смотрели на него.

— Это одно и то же дело? — наконец спросил Финлей.

Его поставленный гарвардский акцент прозвучал очень странно в этом обшарпанном кабинете. Патологоанатом пожал плечами.

— Со вторым трупом я работал только час, — сказал он. — Но, наверное, действительно одно и то же дело. Практически однозначно одно и то же оружие. В обоих случаях пули маленького калибра с мягкими наконечниками. Пули имели очень небольшую скорость, так что, по-видимому, оружие было с глушителем.

— Маленький калибр? — спросил я. — Что значит маленький?

Врач перевел взгляд на меня.

— Я не эксперт по стрелковому оружию, — сказал он. — На мой взгляд, двадцать второй калибр. По крайней мере, мне так показалось. Пули двадцать второго калибра с мягкими наконечниками. Возьмем, к примеру, голову первого трупа. Два небольших входных отверстия с рваными краями, и огромные выходные отверстия, снесшие пол-лица, что характерно для пуль маленького калибра с мягкими наконечниками.

Я кивнул. Именно такие ранения наносят пули с мягкими наконечниками. Попадая в тело, они расплющиваются. Превращаются в комок свинца размером с четвертак, кувыркающийся в тканях. Выходя из тела, вырывают большой комок. И аккуратную, неторопливую пулю 22-го калибра имеет смысл применять с глушителем. Глушитель бесполезен, если пуля имеет сверхзвуковую скорость. В этом случае она на всем пути до цели создает собственную звуковую волну, словно крошечный самолет-перехватчик.

— Хорошо, — сказал я. — Обе жертвы были убиты там, где их нашли?

— В этом не может быть сомнений, — подтвердил врач. — В обоих трупах очевидны признаки гипостаза.

Он посмотрел на меня, ожидая, что я спрошу, что такое гипостаз. Я это знал и без него, но решил проявить вежливость. Поэтому я изобразил недоумение.

— Посмертный гипостаз, — пояснил врач. — Покраснение тканей. После смерти кровообращение прекращается, так? Сердце больше не бьется. Кровь подчиняется закону всемирного притяжения. Стекает вниз по телу, в сосуды, находящиеся, так сказать, «на дне», как правило, в мельчайшие капилляры кожного покрова у пола или у того, на чем лежит тело. Первыми опускаются красные кровяные тельца. Они окрашивают кожу в красный цвет. Потом кровь сворачивается, и картинка фиксируется, словно фотография. По прошествии нескольких часов пятна уже не будут меняться. Пятна на первом трупе полностью совпадают с его положением на земле во дворе склада. Он был застрелен, упал мертвым, был избит ногами, затем пролежал около восьми часов. Тут нет никаких сомнений.

— Что можете сказать относительно побоев? — спросил Финлей.

Покачав головой, патологоанатом пожал плечами.

— Никогда не видел ничего похожего. Время от времени такое встречается в медицинских журналах. Несомненно, работа психопата. Объяснить это никак нельзя. Трупу уже было все равно. Он ничего не чувствовал, потому что был мертв. Так что, наверное, колотивший его

просто дал выход своим чувствам. Невероятная ярость, огромная сила. Травмы страшные.

— А что насчет второго трупа? — спросил Финлей.

— Ему удалось убежать, — сказал врач. — Первый выстрел был сделан в спину с близкого расстояния, но он не был смертельным, и раненый побежал. По дороге получил еще две пули. Одну в шею, вторую в бедро, и она оказалась смертельной. Перебила бедренную артерию. Раненый добежал до насыпи у развилки, упал и умер от потери крови. Тут тоже нет никаких сомнений. Если бы всю ночь с четверга на пятницу не шел проливной дождь, вы бы увидели на дороге кровавый след. Раненый потерял не меньше полутора галлонов, потому что сейчас их в нем больше нет.

Мы молчали. Я думал об отчаянном рывке второго парня по дороге. Он искал спасения, а пули кромсали его тело. Обессиленный, он упал на насыпь и умер под тихий шорох ночных животных.

— Ну, хорошо, — сказал Финлей. — Значит, мы можем с большой долей вероятности предположить, что обе жертвы были вместе. Убийца встречает их со своими двумя товарищами, застает врасплох, дважды стреляет первому в голову, а тем временем второй пытается убежать и получает три пули в спину, так?

— Вы считаете, убийц было трое? — спросил врач.

Финлей кивнул на меня. Это была моя версия, поэтому объяснять должен был я.

— Три различных типа поведения, — сказал я. — Профессиональный стрелок, обезумевший маньяк и дилетант, пытающийся спрятать труп.

Врач кивнул.

— Готов с вами согласиться. Первый мужчина был убит выстрелом в упор, так что можно предположить, что он знал убийц и позволил им приблизиться.

Финлей кивнул.

— По-видимому, так все и произошло. Встречаются пятеро. Трое нападают на двоих. Похоже, дело серьезное, так?

— Нам известно, кто убийцы? — спросил врач.

— Нам даже не известно, кто жертвы, — сказала Роско.

— Есть на этот счет какие-нибудь гипотезы? — спросил Финлей, обращаясь к врачу.

— По поводу второго убитого ничего не могу сказать, если не считать имени на часах, — сказал тот. — Он попал ко мне на стол всего час назад.

— Значит, насчет первого есть кое-что? — спросил Финлей.

Врач начал рыться в бумагах на столе, но тут зазвонил телефон. Врач ответил, затем протянул трубку Финлею.

— Это вас.

Подавшись вперед, Финлей взял трубку. Некоторое время слушал.

— Отлично, — сказал он наконец. — Распечатай и перешли по факсу сюда, хорошо?

Вернув трубку врачу, он откинулся на спинку стула. У него на лице обозначились зачатки улыбки.

— Это звонил Стивенсон, он в участке. В картотеке обнаружены отпечатки первого убитого. Похоже, мы правильно поступили, отправив повторный запрос. Сейчас Стивенсон перешлет нам полученные данные по факсу, а вы, док, тем временем расскажете нам, что вам удалось узнать, и мы сравним результаты.

Усталый человек в белом халате пожал плечами и взял лист бумаги.

— Первый убитый? — начал он. — Много про него не скажу. Тело было в жутком состоянии. Высокий, в хорошей спортивной форме, голова обрита наголо. Главное — его зубы. Похоже, ему их лечили в самых разных местах. Кое-что определенно американское, кое-что похоже на американское, кое-что точно заграничное.

Рядом с моим бедром запищал и заворчал факс, заглатывая полоску тонкой бумаги.

— И что можно из всего этого заключить? — спросил Финлей. — Это иностранец? Или американец, много живший за границей?

Полоска бумаги появилась с противоположной стороны, покрытая отпечатанным текстом. Факс остановился и затих, и я, взяв листок, пробежал по нему взглядом. Затем прочитал внимательнее, еще раз. Меня пробрала холодная дрожь. Охваченный ледяным параличом, я был не в силах пошевелиться. Я не мог поверить своим глазам. Казалось, на меня обрушился небосвод. Повернувшись к врачу, я начал говорить.

— Этот человек вырос за границей. Он лечил зубы в тех местах, где ему приходилось жить. В возрасте восьми лет он сломал правую руку, и ее лечили в Германии. Гланды ему удаляли в военном госпитале в Сеуле.

Врач удивленно посмотрел на меня.

— И это все определили по его отпечаткам пальцев?

Я покачал головой.

— Этот человек был моим братом.

Глава 10

Однажды я видел документальный фильм об экспедиции во льдах Арктики. Идешь по сплошному леднику. Вдруг лед вздымается и трескается. Какие-то невидимые напряжения в торосах. Вокруг возникает совершенно новый ландшафт. Там, где только что была равнина, высятся ледяные скалы. За спиной глубокие расселины. Впереди озеро, которого только что не было. За какое-то мгновение весь мир полностью изменился. Именно так я себя сейчас чувствовал. Застыв от потрясения у столика между факсом и компьютером, я ощущал себя исследователем Арктики, сделавшим один шаг и увидевшим, как вокруг него все переменилось.

Меня провели в холодильное отделение морга для формального опознания тела. Лицо полностью снесли выстрелы, все кости были переломаны, но я узнал брата по шраму в виде звездочки на шее. Он получил его двадцать девять лет назад, когда мы с ним играли с разбитой бутылкой. Затем меня повезли назад в полицейский участок Маргрейва. Машину вел Финлей, Роско сидела сзади, рядом со мной, и всю дорогу держала меня за руку. Мы ехали всего минут двадцать, но за это время я пережил заново две жизни. Свою и брата.

Мой брат Джо. На два года старше меня. Он родился на военной базе на Дальнем Востоке в самом конце эпохи Эйзенхауэра. Я родился на военной базе в Европе в самом начале эпохи Кеннеди. Мы росли вместе, странствуя по всему свету, но оставаясь в замкнутой, изолированной мимолетной среде, которую создают для себя семьи военных. Вся жизнь для нас состояла из случайных и непредсказуемых переездов. Нам становилось не по себе, если мы ходили полтора семестра в одну и ту же школу. Иногда для нас проходили целые годы без зимы. В начале осени мы покидали Европу и перебирались куда-нибудь на Тихий океан, где снова начиналось лето.

Наши друзья постоянно исчезали. Какую-то часть перебрасывали на новое место, и два-три парня пропадали. Иногда мы снова встречали их через несколько месяцев в совершенно другом месте. Но большинство мы больше никогда не видели. Никто не здоровался и не прощался. Сегодня ты здесь, а завтра тебя уже здесь нет.

Потом, когда мы с Джо стали старше, нам пришлось путешествовать еще больше. После войны во Вьетнаме армия начала тасовать людей по всему миру все чаще и чаще. Жизнь превратилась в расплывающуюся

перед глазами череду военных баз. У нас никогда не было никаких пожитков. Каждому разрешалось брать на транспортный самолет только по одной сумке.

Все эти шестнадцать слившихся воедино лет мы с братом были вместе. Джо являлся единственной постоянной составляющей в моей жизни. И я любил его как брата. Но эта фраза обладает исключительно определенным смыслом. Как и большинство распространенных поговорок. Кто-то говорит, что он спит как младенец. Он подразумевает, что спит хорошо? Или, наоборот, хочет сказать, что каждые десять минут просыпается в криках и слезах? Я любил Джо как брата, что в нашей семье означало многое.

Сказать по правде, я не могу сказать точно, любил ли я его или нет. И Джо не мог сказать, любил ли он меня. У нас с ним была разница всего в два года, но Джо родился в пятидесятые, а я в шестидесятые. Нам это казалось гораздо значительнее, чем какие-то два года. Разумеется, как и все братья с разницей в возрасте в два года мы устраивали друг другу сущий ад. Мы ссорились и дрались, только и ждали, когда вырастем и избавимся друг от друга. Все шестнадцать лет, что мы прожили вместе, мы не знали, любим или ненавидим друг друга.

Но у нас было то, что есть в семьях всех военных. Семья — это твоя часть. В армии солдат учат быть до конца преданными своей части. Это основополагающий закон жизни. А дети копируют взрослых. Переносят ту же самую беззаветную преданность на свою семью. Так что ты можешь ненавидеть своего брата, но ты ни за что не позволишь кому бы то ни было сделать ему плохо. Это было справедливо и в отношении нас с Джо. Мы были безоговорочно преданы друг другу. Попадая в новую школу, мы стояли спиной к спине, кулаками прокладывали себе дорогу через неприятности. Я вступался за Джо, а он вступался за меня. В течение шестнадцати лет. Нельзя сказать, что у нас было нормальное детство, но иного мы не знали. Джо был для меня началом и концом. А теперь кто-то его убил. Я сидел на заднем сиденье полицейского «Шевроле» и слушал звучавший у меня в голове голос, настойчиво спрашивающий, что я собираюсь делать.

Проехав весь Маргрейв, Финлей остановился у полицейского участка, прямо перед большими стеклянными дверями. Он и Роско вышли из машины и остановились, дожидаясь меня, совсем как Бейкер и Стивенсон сорок восемь часов назад. Я присоединился к ним в полуденном зное. Мы постояли, затем Финлей открыл массивную входную дверь, и мы вошли внутрь. Прошли через пустынное дежурное помещение в просторный кабинет, отделанный красным деревом.

Финлей сел за письменный стол. Я сел на тот самый стул, на котором сидел в пятницу. Роско пододвинула стул и села рядом со мной. Финлей

с грохотом выдвинул ящик. Достал магнитофон. Снова проделал рутинную проверку микрофона своим ногтем. Затем посмотрел на меня.

— Прими мои искренние соболезнования, — сказал он.

Я кивнул, ничего не ответив.

— Боюсь, мне придется задать тебе массу вопросов, — продолжал Финлей. Я снова молча кивнул. Я понимал, в каком положении он находится. Мне самому не раз приходилось бывать в таком положении.

— Кто ближайший родственник твоего брата? — спросил Финлей.

— Я, — сказал я. — Если только он не женился, не поставив меня в известность.

— Как ты думаешь, такое могло произойти?

— Мы не были очень близки, — сказал я. — Но я сомневаюсь.

— Ваши родители умерли?

Я кивнул. Финлей тоже кивнул. Записал меня как ближайшего родственника.

— Как полное имя твоего брата?

— Джо Ричер, — ответил я. — Без среднего имени.

— Джо — это сокращение от Джозефа?

— Нет, — сказал я. — Просто Джо. Как и меня зовут просто Джек. Наш отец любил простые имена.

— Хорошо, — сказал Финлей. — Он был младше или старше тебя?

— Старше. — Я назвал дату рождения Джо. — Старше на два года.

— Значит, ему было тридцать восемь?

Я кивнул. Бейкер сказал, жертве было лет сорок. Наверное, Джо плохо сохранился.

— У тебя есть его последний адрес?

Я покачал головой.

— Нет. Он жил где-то в Вашингтоне. Как я уже сказал, мы с ним не были особенно близки.

— Хорошо, — повторил Финлей. — Когда ты видел брата в последний раз?

— Около двадцати минут назад, — сказал я. — В морге.

Финлей сочувственно кивнул.

— А до этого?

— Семь лет назад, — сказал я. — На похоронах нашей матери.

— У тебя есть его фотография?

— Ты же видел все мои пожитки, когда меня обыскали, — сказал я. — У меня нет никаких фотографий.

Финлей снова кивнул. Помолчал. Ему становилось не по себе.

— Ты можешь его описать?

— До того, как ему выстрелом снесли лицо?

— Ты же понимаешь, это может помочь, — сказал Финлей. — Нам необходимо узнать, кто, где и когда видел его в наших местах.

Я кивнул.

— Полагаю, можно сказать, он был похож на меня, — сказал я. — Где-то на дюйм выше, фунтов на десять легче.

— То есть, его рост около шести футов шести дюймов? — спросил Финлей.

— Наверное, — подтвердил я. — И вес около двухсот фунтов.

Финлей записал все это.

— И он брил голову? — спросил он.

— Нет, по крайней мере, когда я видел его в последний раз, — ответил я. — У него были обыкновенные волосы, как у всех.

— Значит, это было семь лет назад, да? — спросил Финлей. Я пожал плечами.

— Быть может, Джо начал лысеть, — предположил я. — И очень страдал по этому поводу.

Финлей кивнул.

— Где твой брат работал? — спросил он.

— Последнее, что я о нем слышал, он работал в Государственном казначействе, — сказал я. — Чем именно занимался, я не в курсе.

— А до этого? Он тоже служил в армии?

Я кивнул.

— В военной разведке. Затем уволился и работал в государственных учреждениях.

— Брат писал тебе, что бывал здесь, так? — спросил Финлей.

— Он упоминал про Слепого Блейка, — сказал я. — Не уточнял, что именно привело его сюда. Но это будет нетрудно установить.

Финлей кивнул.

— Завтра же с утра мы сделаем несколько телефонных звонков. А до тех пор ты точно не сможешь нам ответить, что он делал в наших краях?

Я покачал головой. Я понятия не имел, что привело Джо сюда. Но я знал, что это известно Хабблу. Джо был тем самым высоким детективом с бритой головой и кодовым именем. Это Хаббл пригласил его сюда, и Хаббл знал, зачем именно. Первым делом надо найти Хаббла и расспросить его.

— Ты сказал, вы не смогли найти Хаббла? — спросил я.

— Нигде не смогли, — подтвердил Финлей. — Его нет дома на Бекман-драйв, его никто не видел в городе. Хаббл может нас просветить, точно?

Я только пожал плечами. Я не собирался раскрывать все свои карты. Если мне придется надавить на Хаббла, выжимая из него то, о чем он не хочет распространяться, лучше будет сделать это без посторонних. Мне не очень-то хотелось, чтобы Финлей стоял при этом у меня за спиной. Возможно, ему покажется, что я надавил слишком сильно. И я определенно не собирался стоять за спиной у Финлея, наблюдая за тем, что делает он. Я не хотел давить на него. Возможно, мне покажется, что Финлей давит слишком слабо. Кроме того, Хаббл разговорится со мной быстрее, чем с полицейским. Он уже на полпути к откровенности. Так что, сколько именно известно Хабблу, останется моим маленьким секретом. Пока.

— Я понятия не имею, что известно Хабблу, — сказал я. — Это ведь ты утверждаешь, что он рассыпался.

Опять проворчав что-то невнятное, Финлей пристально посмотрел на менл. Я понял, что его мысли начинают течь в новом направлении. Причем у меня не было сомнений, в каком именно. Мне следовало догадаться раньше, что так и произойдет. В делах об убийстве есть так называемое «правило большого пальца». Оно выведено на основе опыта и статистических данных. Правило большого пальца гласит, что, имея убитого, нужно первым делом хорошенько присмотреться к его семье.

Потому что чертовски огромное количество убийств совершается родственниками. Мужьями, женами, сыновьями. И братьями. Этому учит теория. За двадцать лет в полиции Бостона Финлею приходилось сотни раз видеть подтверждение этого на практике. Я понял, что теперь он попробует повторить то же самое в Маргрейве. Мне надо было направить его мысли в другую сторону. Я не хотел снова терять время в тюрьме. Так как у меня, похоже, появились другие заботы.

— Ты доволен моим алиби, ведь так? — спросил я.

Финлей понял, к чему я клоню. Как будто мы были коллегами, разбирающими запутанное дело. Он сверкнул улыбкой.

— Все без изменений, — подтвердил Финлей. — В тот момент, когда все это происходило, ты был в Тампе.

— Отлично, — сказал я. — А ваш начальник Моррисон этим удовлетворен?

— Он пока что ничего не знает, — сказал Финлей. — У него дома никто не отвечает на звонки.

— Мне не нужны новые ошибки, — сказал я. — Жирный придурок утверждал, что видел меня на месте преступления. Я хочу, чтобы он уяснил: больше этот номер не пройдет.

Финлей кивнул. Пододвинул к себе телефонный аппарат и набрал номер. Я услышал из трубки тихие гудки, звучавшие долго-долго и оборвавшиеся только тогда, когда Финлей нажал на рычажки.

— Дома никого нет, — сказал он. — Сегодня ведь воскресенье, правда? Затем он достал из ящика телефонный справочник. Раскрыл его на букву "Х". Нашел номер Хаббла в доме по Бекман-драйв. Набрал его и получил тот же результат. Много длинных гудков и никакого ответа. Затем Финлей попытался позвонить Хабблу на сотовый телефон. Электронный голос начал отвечать, что аппарат отключен. Не дослушав ответ до конца, Финлей положил трубку.

— Как только найду Хаббла, я возьмусь за него всерьез. Он кое-что знает, но не хочет ничего нам сказать. А до тех пор я мало что могу предпринять, правда?

Я пожал плечами. Финлей был прав. След успел остыть. Единственной зацепкой, намекающей на то, что Хаббл что-то знает, была паника, охватившая его в пятницу.

— Что ты собираешься делать, Ричер? — спросил меня Финлей.

— Пока не решил, — ответил я.

Финлей подозрительно смерил меня взглядом. Не враждебным, но очень серьезным, словно пытаясь передать им просьбу и одновременно приказ.

— Предоставь это мне, прошу, — сказал он. — Тебе сейчас очень плохо, и ты хочешь увидеть торжество правосудия, но мне не нужны независимые расследования, понятно? Этим делом будет заниматься полиция. Ты частное лицо. Так что предоставь все мне, договорились?

Пожав плечами, я кивнул. Встал.

— Пойду прогуляюсь.

Оставив Финлея и Роско в кабинете, отделанном красным деревом, я прошел через дежурное помещение. Толкнул дверь и вышел в полуденный зной. Прогулялся по стоянке и пересек широкую лужайку. Подошел к бронзовому памятнику. Это было еще одно свидетельство благодарности чертову Каспару Тилу, кем бы он ни был. Тому же типу, чей памятник стоял в сквере на южной окраине городка. Прислонившись к теплому металлическому боку Тила, я задумался.

Соединенные Штаты — огромная страна. Миллионы квадратных миль. Почти триста миллионов жителей. Я не видел Джо семь лет, и он не видел меня, но мы с интервалом в восемь часов оказались в одной и той же точке. Я прошел в пятидесяти ярдах от места, где лежало его тело. Это было чертовски большое совпадение, практически невероятное. Так что Финлей оказывал мне большую любезность, относясь к этому как к совпадению. Вообще-то он должен был попытаться развалить мое алиби. Быть может, он уже этим занимается. Звонит в Тампу, перепроверяет показания свидетелей.

Но он ничего не найдет, потому что это действительно было случайным совпадением. Нет смысла снова и снова копаться в нем. Я оказался в Маргрейве, поддавшись безумной прихоти. Если бы я на минуту дольше разглядывал карту своего соседа, автобус проехал бы мимо развилки, и я забыл бы о Маргрейве. Доехал бы до Атланты и так ничего и не узнал бы о Джо. Быть может, прошло бы еще семь лет, прежде чем до меня дошло известие о его смерти. Так что нет смысла переживать из-за совпадений.

Мне остается только решить, как отнестись к случившемуся.

Мне было года четыре, когда я впервые понял, что такое преданность семье. Я вдруг осознал, что должен вступаться за Джо, так же как он вступается за меня. Со временем это стало второй натурой, дошло до автоматизма. В моей голове постоянно присутствовала мысль, что нужно найти Джо и убедиться, что с ним все в порядке. Много раз я выбегал во двор новой школы и заставал группу ребят, выясняющих отношения с долговязым худым новичком. Я вступал в дело и давал двоим-троим в

морду. После чего возвращался к своим приятелям и продолжал играть в футбол. Выполнив свой долг, занимался своим делом. Это продолжалось двенадцать лет, с того момента, как мне исполнилось четыре года, и до тех пор, пока Джо не ушел из дома. Эти двенадцать лет оставили в моем сознании неизгладимый след, потому что с тех пор в моей голове постоянно звучал слабым отголоском один и тот же вопрос: где Джо? После того, как брат вырос и стал жить отдельно, беспокоиться за его судьбу уже не имело смысла. Но отголоски звучали постоянно. Где-то в глубине души я всегда понимал, что, если понадобится, я должен буду вступиться за Джо.

Теперь он умер. Его больше нет в живых. Я стоял, прислонившись к памятнику перед зданием полицейского участка, и слушал тихий голос, настойчиво твердивший: ты должен что-то предпринять.

Двери полицейского участка распахнулись. Прищурившись, я увидел выходящую Роско. Солнце было у нее за спиной, отчего вокруг ее головы светился нимб. Оглядевшись по сторонам, она увидела меня на лужайке рядом с памятником. Направилась ко мне. Я оторвался от теплой бронзы.

— Как ты? — спросила Роско.

— Замечательно, — ответил я.

— Ты в этом уверен?

— Я не собираюсь закатывать истерики, — заверил ее я. — Быть может, я должен был так себя вести, но если честно, я сейчас ничего не чувствую.

Это была правда. Я ничего не чувствовал. Возможно, это была странная реакция, но я действительно не испытывал никаких чувств. Бессмысленно это отрицать.

— Ладно, — вздохнула Роско. — Быть может, тебя куда-нибудь подбросить?

Возможно, Финлей послал ее присматривать за мной, но мне было все равно. Она стояла, освещенная солнцем, потрясающе красивая. Я поймал себя на мысли, что чем дольше смотрю на нее, тем больше она мне нравится.

— Ты не хочешь показать мне, где живет Хаббл? — наконец спросил я.

Роско задумалась.

— А не лучше ли оставить это Финлею? — спросила она.

— Я только хочу узнать, вернулся ли он домой, — сказал я. — Я не собираюсь его есть. Если Хаббл дома, мы сразу позовем Финлея, договорились?

— Договорились. — Пожав плечами, Роско улыбнулась. — Что ж, поехали.

Пройдя через лужайку, мы сели в полицейский «Шевроле». Роско завела двигатель и выехала со стоянки, повернула налево и проехала на юг через идеальный городок. День стоял великолепный. Яркое сентябрьское солнце превратило его в сказку. Мощеные тротуары сверкали, белая краска своим сиянием резала глаза. Было тихо. Маргрейв купался в воскресном зное. На улицах не было ни души.

У сквера Роско повернула направо и поехала по Бекман-драйв. Обогнула церковь. Машины исчезли, все вокруг было тихо. Поклонение богу закончилось. Бекман-драйв оказалась широкой улицей, обсаженной деревьями и поднимающейся в гору. От нее веяло богатством, тенистой прохладой и процветанием. Вот что подразумевают агенты по торговле недвижимостью, говоря о престижном месте. Домов не было видно. Они отстояли далеко от дороги и прятались за широкими лужайками, высокими деревьями, густыми кустами. Время от времени мне удавалось мельком разглядеть белое крыльцо или красную крышу. Чем дальше мы ехали, тем более обширными становились земельные участки. Несколько сотен ярдов между почтовыми ящиками. Огромные раскидистые деревья. От этих мест веяло солидностью. Однако за зеленой листвой скрывались свои тайны. В случае с Хабблом это была какая-то трагедия, полная отчаяния, вынудившая его связаться с моим братом. И стоившая моему брату жизни.

Сбросив скорость у белого почтового ящика, Роско свернула налево, к дому номер двадцать пять. Примерно в миле от города, спиной к клонящемуся к закату солнцу, последний дом на улице. Дальше в туманное марево уходили персиковые рощи. Мы медленно петляли по извивающейся дорожке между огромными клумбами. Дом оказался не таким, каким я его представлял. Я почему-то видел его обычным белым коттеджем, только большим. Он же оказался просто великолепным, настоящим дворцом, огромным. Все было очень дорогим. Широкая дорожка, вымощенная гравием, большие бархатные газоны, развесистые деревья редких видов, все сверкает в ярких солнечных лучах. Но темный «Бентли», который я видел у тюрьмы, отсутствовал. Похоже, хозяев не было дома.

Роско остановила машину у крыльца, и мы вышли. Стояла полная тишина. Я не слышал ничего, кроме гудения полуденного зноя. Мы звонили и стучали в дверь, но нам никто не ответил. Пожав плечами, мы обошли дом сбоку. Акры зеленых газонов, пестрящие самыми разными

цветами. Затем просторный внутренний дворик и лужайка, спускающаяся к огромному бассейну. На солнце вода казалась ярко-голубой. В раскаленном воздухе чувствовался запах хлорки.

— Неплохое местечко, — заметила Роско.

Я кивнул, гадая, бывал ли здесь мой брат.

— Кажется, сюда подъехала машина, — сказала Роско.

Вернувшись к крыльцу, мы увидели на дорожке большой «Бентли». За рулем сидела та светловолосая женщина, которую я видел, покидая тюрьму. С ней были два ребенка. Мальчик и девочка. Семья Хаббла, которую он любил до безумия. Но его самого с ними не было.

Судя по всему, блондинка была знакома с Роско. Женщины поздоровались, и Роско представила меня. Крепко пожав мне руку, блондинка сказала, что ее зовут Чарлина, но предложила мне звать ее Чарли. С виду она была очень дорогой: высокая, стройная, хорошая фигура, безукоризненно одетая, безукоризненно ухоженная. Ее лоб пересекала глубокая волевая складка. Воли в ней было достаточно, чтобы блондинка сразу же мне понравилась. Задержав мою руку в своей, она улыбнулась, но в ее улыбке сквозило напряжение.

— Боюсь, эти выходные никак не назовешь лучшими в моей жизни, — сказала Чарли. — Однако, мистер Ричер, я должна поблагодарить вас от всего сердца. Муж сказал, что в тюрьме вы спасли ему жизнь.

В ее голосе прозвучал лед. Направленный не на меня. На обстоятельства, вынудившие ее употребить слова «муж» и «тюрьма» в одном предложении.

— Пустяки, — сказал я. — Где он сейчас?

— У него какие-то дела, — ответила Чарли. — Полагаю, он вернется домой позже.

Я кивнул. В этом состоял план Хаббла. Он сказал, что сначала навешает своей жене какую-нибудь лапшу, а затем попытается все замять. У меня мелькнула мысль, что Чарли хочется поговорить со мной о случившемся, но рядом молча стояли дети, и я понимал, что она не станет говорить при них. Поэтому я им улыбнулся. Надеясь, что они засмущаются и убегут, как обычно поступают все дети, которым я улыбаюсь. Но они лишь улыбнулись мне в ответ.

— Это Бен, — представила мне детей Чарли. — А это Люси.

Это были очень симпатичные дети. Девочка еще сохранила детскую пухлость. У нее не было передних зубов. Замечательные золотистые волосы, завязанные в хвостики. Мальчик был почти одного роста со

своей младшей сестрой. Худощавый и не по годам серьезный. Он совсем не был похож на уличного хулигана. Замечательные дети, вежливые и спокойные. Поздоровавшись со мной, они отошли назад и встали рядом с матерью. Глядя на Чарли и ее детей, я видел нависшую над ними грозовую тучу. Если Хаббл не примет строжайшие меры предосторожности, он их убьет, как убил моего брата.

— Не хотите зайти в гости и выпить чаю со льдом? — предложила нам Чарли. Она стояла, склонив голову набок, и ждала ответа. Ей было лет тридцать, столько же, сколько Роско. Ноу нее были замашки богатой женщины.

Сто пятьдесят лет назад она была бы владелицей большой плантации.

— С удовольствием, — сказал я. — Спасибо.

Дети убежали играть, а Чарли провела нас в дом. На самом деле мне нисколько не хотелось чая со льдом, но я собирался дождаться Хаббла. Я хотел получить его в свое распоряжение на пять минут. Хотел задать несколько неотложных вопросов, прежде чем Финлей не начнет зачитывать ему его права.

Дом был потрясающий. Огромный. Роскошно обставленный. Светлый и свежий. Прохладные кремовые и солнечные желтые тона. Цветы. Чарли провела нас в комнату, выходящую в сад, которую мы видели с улицы. Это была просто картинка из глянцевого журнала. Роско ушла, чтобы помочь хозяйке приготовить чай. Я остался один. Мне стало не по себе. Я не привык к домам. Мне тридцать шесть лет от роду, а я никогда не жил в доме. Бесчисленные служебные квартиры и жуткая голая комната в общежитии с видом на Гудзон, когда я учился в академии Уэст-Пойнт. Вот где я жил. А сейчас я сидел отвратительным чужаком на диванчике, обтянутом тканью в цветочек, и ждал. Беспокойный, смущенный, застрявший в мертвой зоне между действием и ответным действием.

Вернулись женщины с чаем. Чарли несла серебряный поднос. Она была красивой, но рядом с Роско ее даже близко нельзя было поставить. У Роско в глазах сверкали такие яркие искры, что Чарли не было видно.

И тут кое-что случилось. Роско села на диван рядом со мной. При этом она отодвинула мою ногу. Ничего не значащее действие, но очень интимное. Онемевшие нервные окончания внезапно ожили и громко завопили: ты ей тоже нравишься. Ты ей тоже нравишься. Вот как Роско прикоснулась к моей ноге.

Вернувшись чуть назад, я увидел недавние события в новом свете. Поведение Роско, когда она меня фотографировала и снимала отпечатки пальцев. Принесла мне кофе. Улыбнулась и подмигнула. Рассмеялась. Работала в пятницу до ночи и в субботу, чтобы вытащить меня из

Уорбертона. Приехала в тюрьму, чтобы меня забрать. Держала меня за руку после того, как я увидел изувеченное тело брата. Отвезла меня сюда. Я ей тоже нравлюсь.

Внезапно я перестал жалеть о том, что спрыгнул с чертова автобуса. Обрадовался, что, поддавшись сиюминутному порыву, принял это сумасшедшее решение. Я успокоился. Почувствовал себя лучше. Тихий настойчивый голосок, звучавший у меня в голове, умолк. Пока я ничего не могу предпринять. Когда встречусь с Хабблом, я с ним поговорю. А до тех пор я буду сидеть на диване рядом с красивой, дружелюбной темноволосой женщиной в мягкой хлопчатобумажной рубашке. Неприятности не за горами. От них никуда не деться.

Чарли Хаббл села напротив нас и налила нам чаю со льдом. Воздух наполнился приятным ароматом лимона и специй. Поймав на себе мой взгляд, Чарли улыбнулась той натянутой улыбкой, которой она нас встретила.

— Вообще-то, сейчас я должна была бы спросить у вас, как вам понравился наш Маргрейв, — сказала Чарли.

Я не смог найти ответ на этот вопрос и лишь пожал плечами. Было очевидно, что Чарли ничего не знает. Она уверена, ее мужа арестовали вследствие какой-то ошибки, а не потому, что он попал в большую беду, стоившую двоим жизни. Один из которых был родным братом человека, кому она сейчас улыбалась. Мне пришла на помощь Роско. Женщины начали обсуждать последние городские новости. Я молча пил чай и ждал Хаббла. Его все не было. Наконец разговор выдохся, мы собрались уходить. Чарли засуетилась, будто у нее были какие-то неотложные дела. Роско взяла меня под руку. Ее прикосновение обожгло меня электрическим разрядом.

— Пошли, — сказала Роско. — Я отвезу тебя назад в город.

Я был расстроен тем, что не дождался Хаббла. У меня было такое ощущение, будто я предал Джо. Но мне хотелось побыть вдвоем с Роско. Я сгорал от этого желания. Возможно, его усиливало сдерживаемое горе. Мне хотелось отложить проблемы Джо до завтра. Я постарался убедить себя в том, что у меня все равно нет выбора. Хаббл так и не вернулся домой. Мне больше нечего тут делать. Поэтому мы с Роско сели в ее «Шевроле» и поехали назад по извивающейся дорожке. Проехали в обратную сторону по Бекман-драйв. Через милю дома стали стоять плотнее друг к другу. Мы обогнули церковь. Впереди показался сквер с памятником Каспару Тилу.

— Ричер, — сказала Роско. — Ты ведь собираешься задержаться в наших краях, так? До тех пор, пока не выяснишь насчет своего брата?

— Думаю, да, — подтвердил я.

— Где ты намерен остановиться? — спросила она.

— Не знаю, — признался я.

Она остановила машину у сквера. Перевела переключатель автоматической коробки на парковку. У нее на лице появилась нежная улыбка.

Мне бы хотелось, чтобы ты поехал ко мне домой, — произнесла Роско. Мне показалось, я схожу с ума, но я буквально сгорал от вожделения, поэтому привлек Роско к себе, и мы поцеловались. Ни с чем не сравнимый первый поцелуй. Новые и незнакомые губы, волосы, вкус, запах. Поцелуй получился долгим и страстным. Мы пару раз отрывались друг от друга чтобы передохнуть, и наконец Роско отодвинулась на свое место.

Четверть мили по улице, отходившей от сквера в противоположную от Бекман-драйв сторону, она пронеслась со скоростью пули. Я увидел лишь мелькающую за окном зелень. Роско свернула к своему дому. Машина остановилась, визжа тормозами. Буквально вывалившись из нее, мы побежали к двери. Роско с трудом попала ключом в замочную скважину, и мы вошли внутрь. Дверь за нами закрылась, но еще до того, как щелкнул язычок замка, Роско снова оказалась у меня в объятиях. Целуясь, мы кое-как добрались до гостиной. Роско была на целый фут ниже меня, и ее ноги не касались пола.

Мы сорвали друг с друга одежду, словно она была объята огнем. У Роско было потрясающее тело. Сильное и упругое, а формы — просто мечта. Кожа как шелк. Роско повалила меня на пол, исчерченный полосами солнечного света, пробивающегося сквозь жалюзи. Это было безумство. Мы катались по полу, и нас больше ничего не разделяло. Казалось, наступил конец света. Наконец мы забились в исступленной дрожи и отпустили друг друга, пытаясь отдышаться. Мы были мокрые от пота и полностью обессиленные.

Мы лежали, обнимая и лаская друг друга. Затем Роско встала и подняла меня. Поцеловавшись, мы нетвердой походкой побрели в спальню. Роско сорвала покрывало, мы рухнули на постель. Сплетенные в объятиях, провалившиеся в глубокую истому. Я был измотан до предела. Мне казалось, что все мои кости и сухожилия стали резиновыми. Я лежал в незнакомой кровати. На меня навалилась теплая тяжесть тела Роско. Я вдыхал аромат ее волос. Наши руки лениво ласкали незнакомые тела.

Она спросила, хочу ли я поселиться в мотеле. Или пожить у нее. Рассмеявшись, я ответил, что если она хочет от меня избавиться, ей

придется одолжить в полицейском участке ружье, чтобы выгнать меня. Предупредил, что и в этом случае положительный результат не гарантирован. Хихикнув, Роско прижалась ко мне.

— Ружье мне не нужно, — прошептала она. — А вот наручники мне бы пригодились. Я бы приковала тебя к кровати и оставила здесь навеки.

Мы провели в приятной полудреме весь день. В семь вечера я позвонил Хабблу домой. Он до сих пор не вернулся. Оставив Чарли домашний телефон Роско, я попросил ее передать ему, чтобы он перезвонил мне, как только вернется. После чего мы провели в сладостной неге весь вечер. Крепко заснули в полночь. Хаббл так и не позвонил.

Утром в понедельник я смутно ощутил, как Роско собирается на работу. Я слышал шум душа, чувствовал ее нежный поцелуй, затем в доме воцарилась тишина. Я спал до девяти часов. Телефон так и не звонил. Для меня это было даже лучше. Мне было нужно время, чтобы все спокойно обдумать. Я должен был принять решение. Развалившись в теплой кровати Роско, я стал отвечать на вопросы, которые снова начал задавать настойчивый голос у меня в голове.

Как мне отнестись к гибели Джо? Этот ответ дался мне без труда. Я в этом и не сомневался. Я знал его с того самого момента, как впервые увидел изувеченное тело брата в морге. Ответ был прост. Я должен вступиться за Джо. Должен довести до конца его дело. Каким бы оно ни было. Чего бы мне это ни стоило.

Особых сложностей я не видел. Хаббл был моей единственной ниточкой, но этой ниточки мне будет достаточно. Хаббл окажет мне необходимое содействие. Он надеялся, что ему поможет Джо. Вместо брата ему помогу я. Он даст мне всю необходимую информацию. В течение недели его хозяева будут особенно уязвимы. Как там выразился Хаббл? До следующего воскресенья окно угрозы разоблачения раскрыто настежь? Я воспользуюсь им, чтобы разорвать этих людей на части. Я принял решение. Выбора у меня нет. Я не могу оставить все на Финлея. Финлей не поймет, что связывает нас с Джо. Финлей не одобрит те меры наказания, к которым мне придется прибегнуть. Финлей не поймет простую правду, которую я усвоил в возрасте четырех лет: никому нельзя обижать моего брата. Так что это мое дело. Оно касается только меня и Джо. Это мой долг.

Я лежал в теплой кровати Роско и рассуждал. Все должно быть достаточно просто. Проще некуда. Схватить Хаббла за шкирку будет нетрудно. Я знаю, где он живет. Знаю номер его телефона. Потянувшись, я улыбнулся, чувствуя, как меня переполняет беспокойная энергия. Встав с кровати, я нашел кофе. К кофейнику была приклеена записка: «Как насчет обеда у Ино? В одиннадцать? И оставь Хаббла Финлею, хорошо?» Записка была подписана множеством поцелуев и рисунком

наручников. Прочтя ее, я улыбнулся. Но я не собирался оставлять Хаббла Финлею. Об этом нечего и думать. Хаббл — мое дело. Так что я нашел его номер и снова позвонил в дом на Бекман-драйв. Мне никто не ответил.

Налив большую кружку кофе, я направился в гостиную. За окном ослепительно сияло солнце. Начинался еще один жаркий день. Я обошел весь дом. Он оказался небольшим. Гостиная, кухня-столовая, две спальни, полторы ванных комнаты. Все очень новое, везде очень чисто. Обстановка спокойная и простая. Именно то, что я и ожидал от Роско. Спокойный, простой стиль. Белые стены, украшения индейцев-навахо. Судя по всему, Роско бывала в Нью-Мексико, и ей там понравилось.

В доме было очень тихо. В гостиной я нашел стереокомплекс и несколько пластинок и кассет с мелодиями, более приятными и мелодичными, чем те завывания и скрежет, что я называю музыкой. Вернувшись на кухню, я налил себе еще кофе. Вышел из дома через заднюю дверь. Там был небольшой дворик, аккуратный газон и свежие вечнозеленые посадки. Земля для борьбы с сорняками посыпана древесной корой. Вокруг ухоженных клумб простенькие деревянные ограды. Я стоял, нежась на солнце и потягивая кофе.

Вернувшись в дом, я снова набрал номер Хаббла. Тишина. Приняв душ, я оделся. Душевая кабинка оказалась крохотной, сеточка душа висела слишком низко. На полочке женские шампуни и мыло. Я нашел в шкафчике полотенце, а на туалетном столике — расческу. Одевшись, я сполоснул кружку из-под кофе. Еще раз набрал номер Хаббла с аппарата на кухне. Долго ждал ответа. В доме на Бекман-драйв никто не подходил. Я решил лично наведаться туда после обеда с Роско. Ждать до бесконечности нельзя. Заперев заднюю дверь, я вышел через парадное крыльцо.

Было около половины одиннадцатого. До ресторана Ино миля с четвертью. Спокойная получасовая прогулка под солнцем. Уже было очень жарко, градусов под восемьдесят. Восхитительная осень на Юге. Я прошел четверть мили вверх к Главной улице. Все вокруг было безукоризненно ухоженным. Повсюду возвышались раскидистые магнолии, кусты пестрели поздними цветами. Повернув у круглосуточного магазинчика, я пошел по Главной улице. Тротуары были подметены. Во всех сквериках и парках суетились садовники. Они выгружали поливочные установки и тележки из аккуратных зеленых грузовичков с выведенными золотыми буквами надписями: «Фонд Клинера». Два маляра красили забор. Я помахал двум старикам-неграм, стоявшим в дверях своей парикмахерской в ожидании клиентов. Они помахали мне в ответ, и я пошел дальше.

Впереди показалось заведение Ино. В солнечных лучах сверкнули стены из полированного алюминия. «Шевроле»

Роско уже был на стоянке. Рядом с ним стоял черный пикап, который я видел вчера у круглосуточного магазинчика. Дойдя до ресторана, я толкнул дверь. В пятницу меня вывели через эту самую дверь под прицелом ружья Стивенсона. Я был в наручниках. Интересно, вспомнит ли меня прислуга ресторана. Наверное, вспомнит. Маргрейв — очень спокойное местечко. Чужие здесь появляются крайне редко.

Роско сидела в той самой кабинке, в которой я завтракал в пятницу. Она снова была в форме; ничего более сексуального я в жизни не видел. Я подошел к ней. Роско встретила меня нежной улыбкой, и я, нагнувшись, поцеловал ее в губы. Она переставила свой пластмассовый стульчик к окну. На столе стояли две чашки кофе. Я передвинул одну Роско.

У стойки сидел водитель черного пикапа. Мальчишка Кли-нер, пасынок бледной женщины. Развернув высокий стул, он прислонился спиной к стойке. Парень сидел широко расставив ноги, раздвинув локти, вскинув голову. Он не отрывал от меня глаз. Повернувшись к нему спиной, я снова поцеловал Роско.

— Это не подорвет твой авторитет? — спросил я. — Если люди увидят, как ты целуешься с бродягой, которого в пятницу арестовали в этом самом заведении?

— Возможно, и подорвет. Но какое мне до этого дело?

И я снова ее поцеловал. Мальчишка Клинер следил за нами. Я затылком чувствовал его взгляд. Развернувшись, я посмотрел ему в глаза. Выдержав мой взгляд не больше секунды, он сполз со стула и вышел из ресторана. Задержавшись в дверях, на прощание еще раз посмотрел на меня. Затем вскочил в кабину пикапа и уехал. Послышался рев двигателя, затем в ресторане снова стало тихо. Как и в прошлую пятницу, посетителей почти не было. Два старика и две официантки. Те же самые, что были в пятницу. Обе светленькие, одна чуть выше и полнее другой. В белых фартуках. Та, что пониже, была в очках. Нельзя сказать, что официантки совсем одинаковые, но очень похожи друг на друга. Как сестры. Наверное, одни и те же гены. Крохотный городок, за много миль от чего бы то ни было.

— Я принял решение, — сказал я. — Я должен выяснить, что произошло с Джо. Так что хочу заранее принести свои извинения, если что-нибудь будет не так. Хорошо?

Пожав плечами, Роско улыбнулась и обеспокоенно взглянула на меня.

— Все будет в порядке, — заверила она меня. — Иначе и быть не может.

Я отпил кофе. Он был замечательный. Я запомнил это еще по пятнице.

— Нам удалось идентифицировать второе тело, — сказала Роско. — Его отпечатки есть в архиве. Два года назад его арестовывали во Флориде. Некий Шерман Столлер. Эта фамилия тебе что-нибудь говорит?

Я покачал головой.

— Никогда не слышал о таком.

Тут у Роско запищал бипер. Маленькая черная коробочка на ремне. Раньше я его у нее не видел. Возможно, ей предписывалось носить бипер только на службе. Бипер продолжал пищать. Наконец Роско его выключила.

— Проклятие, мне нужно связаться с участком. Извини, я позвоню из машины.

Я встал, пропуская ее.

— Закажи что-нибудь поесть, хорошо? — бросила Роско. — Я буду то же, что и ты.

— Хорошо, — сказал я. — Которая из официанток наша?

— Та, что в очках, — ответила она.

Роско вышла из ресторана. Я видел, как она наклонилась к опущенному окну машины, доставая телефон. Обменявшись парой фраз, Роско подала мне знак, показывая, что случилось что-то чрезвычайное. Ей нужно вернуться, а я должен остаться. Сев в машину, она поехала на юг. Я рассеянно помахал ей вслед, так как на самом деле мое внимание было привлечено к официанткам. Я буквально перестал дышать. Мне был нужен Хаббл. А Роско только что дала мне понять, что Хаббл убит.

Глава 11

Я тупо смотрел на двух светловолосых официанток. Одна была дюйма на три выше другой. Весила фунтов на пятнадцать больше. Была на пару лет старше. Вторая в сравнении с ней выглядела миниатюрной, симпатичной. У нее были более длинные и более светлые волосы. Более красивые глаза, скрытые очками. Официантки были похожи друг на друга, но не одинаковые. Миллион отличий. Спутать их невозможно.

Я спросил Роско, которая из официанток наша. И как она мне ответила? Она не сказала, что та, которая ниже, та, у которой волосы более длинные и светлые, та, которая стройнее, та, которая красивее, та, которая моложе. Она сказала:

«Та, что в очках». Одна официантка носит очки, другая нет. Очки — главное отличие между ними, перекрывающее все остальные отличия. Все прочее — это лишь степени сравнения. Более высокая, более крупная, более длинные и более светлые волосы, более красивая, более молодая. Очки — это не степень сравнения. У одной официантки они есть, у другой нет. Абсолютное отличие. Тут уже не перепутаешь. Наша официантка — та, что в очках.

Вот что увидел Спиви в пятницу. Он пришел в приемное отделение в десять вечера. С ружьем и папкой в больших красных руках потомственного фермера. Он спросил, кто из нас Хаббл. Я запомнил его высокий голос, раскатившийся в тишине пустого помещения. У Спиви не было никаких причин задавать этот вопрос. Какое ему дело, черт побери, кто из нас кто? Ему было незачем это знать. Но он все же спросил. Хаббл поднял руку. Спиви окинул его с ног до головы взглядом своих змеиных глазок. Он увидел, что Хаббл ниже ростом, уже в плечах, меньше весит, светловолосый, лысеющий, моложе меня. Но каким было главное отличие, за которое он зацепился? Хаббл был в очках. Я — нет. Очки в тонкой золотой оправе. Абсолютное отличие. И Спиви сказал самому себе: Хаббл — это тот, кто в очках.

Но на следующее утро в очках уже был я, а не Хаббл. Потому что золотые очки Хаббла растоптали дружки Красного у дверей нашей камеры. Это произошло рано утром, как только были отперты двери. А я отобрал солнцезащитные очки у одного из них. В качестве трофея. Забрал и забыл о них. Я прислонился к раковине в туалете, исследуя свой нежный лоб в зеркале из полированной стали. Нащупал очки у себя в кармане. Достал и надел их. Эти очки не были темными, потому что стекла в них реагируют на свет. Внешне они выглядели обычными очками. И в этот момент в туалете появились арийцы. Спиви отдал им простой приказ: отыщите новеньких и убейте того, кто в очках. Арийцы старались изо всех сил. Они старались изо всех сил убить Пола Хаббла.

Они напали на меня, потому что полученное ими описание внезапно стало ошибочным. Спиви уже давно доложил о сбое. Тот, кто натравил его на Хаббла, не собирался успокаиваться. Была предпринята вторая попытка. На этот раз она оказалась успешной. Все сотрудники полицейского участка вызваны на Бекман-драйв в дом номер двадцать пять. Потому что там обнаружили жуткую картину. Кровавое побоище. Хаббл мертв. Вся его семья убита. Расправились со всеми четверыми. И в этом моя вина. Я должен был это предвидеть.

Я подбежал к стойке. Обратился к нашей официантке. Той, что была в очках.

— Вы можете вызвать такси?

Из кухни высунулся повар. Быть может, это был сам Ино. Невысокий, коренастый, темноволосый, с залысиной. Старше меня.

— Нет, не можем, — крикнул он. — За кого вы нас принимаете? У нас здесь что, отель? Это вам не «Уолдорф-Астория», приятель. Если вам нужно такси, ищите его сами. И вообще у нас вам не рады, приятель. Вы приносите беду.

Я молча посмотрел на него. У меня не осталось сил, чтобы реагировать на его слова. Но официантка, рассмеявшись, взяла меня за руку.

— Не обращайте внимания на Ино, — сказала она. — Он просто старый ворчун. Сейчас я вызову для вас такси. Подождите на стоянке, хорошо?

Я вышел к дороге. Ждал пять минут. Наконец подъехало такси. Машина совершенно новая, в идеальном состоянии, как и все в Маргрейве.

— Вам куда, сэр? — спросил водитель.

Я назвал ему адрес Хаббла, и он медленно развернулся во всю ширину проезжей части, от обочины до обочины. Поехал назад в город. Мы проехали мимо пожарной части и полицейского участка. На стоянке было пусто. Ни «Шевроле» Роско. Ни патрульных машин. Ничего. Все выехали к Хабблу. Мы спустились до сквера и обогнули церковь. Свернули на Бекман-драйв. Еще миля, и я увижу скопление машин перед домом номер двадцать пять. Патрульные машины с включенными мигалками. Машины без опознавательных знаков, в которых приехали Финлей и Роско. Карета скорой помощи, а то и две. Еще там будет коронер, приехавший из своего убогого кабинета в Йеллоу-Спрингс.

Но улица была пустынной. Я направился пешком к дому Хаббла. Такси, развернувшись, поехало назад в город. Вокруг стояла тишина. Гнетущая тишина, которая бывает только на тихой улочке в знойный, тихий день. Я обогнул две большие клумбы. Перед домом никого не было. Ни полицейских машин, ни скорой помощи. Ни толпящихся зевак, ни криков, проникнутых ужасом. Ни фотографов-криминалистов, ни желтой ленты оцепления.

Большой темный «Бентли» мирно стоял на гравийной дорожке. Обойдя машину, я направился в дом. Хлопнула входная дверь. Навстречу выбежала Чарли Хаббл, заливаясь слезами. Она была в истерике, но она была жива.

— Хаб исчез! — рыдая, крикнула Чарли.

Она подбежала ко мне.

— Хаб пропал, — воскликнула молодая женщина. — Он исчез. Я нигде не могу его найти.

Значит, расправились с одним Хабблом. Его увезли из дома и убили. Кто-то обнаружил тело и сообщил в полицию. Взволнованный, сбивчивый голос по телефону. Из этого следует, что полицейские машины и кареты скорой помощи там. Не здесь, на Бекман-драйв, а где-то в другом месте. Но расправились только с одним Хабблом.

— Что-то случилось, — сквозь слезы простонала Чарли. — Этот арест, он был не спроста! В банке что-то случилось. Я твердо знаю. Хаб был сам не свой. А теперь он куда-то пропал. Исчез. Случилось что-то серьезное, я знаю.

Зажмурившись, она принялась тереть глаза, заводясь все больше и больше, срываясь в истерику. Я не знал, как ее успокоить.

— Вчера вечером он вернулся домой очень поздно, — захлебываясь от рыданий, проговорила Чарли. — Сегодня утром, когда я отвозила Бена и Люси в школу, Хаб еще был дома. Но сейчас его нет. На работу он не поехал. Ему позвонили из банка и попросили остаться дома. Его портфель здесь, сотовый телефон здесь, пиджак здесь, бумажник здесь, а в нем все кредитные карточки и водительские права. Его ключи на кухне. Хаб не уехал на работу. Он просто исчез.

Я стоял на месте, словно парализованный. Хаббла силой вытащили из дома и убили. Чарли едва держалась на ногах. Вдруг она перешла на шепот. Это оказалось еще хуже, чем крики.

— Его машина здесь, — прошептала Чарли. — Он никуда не мог уйти пешком. Хаб никогда не ходит пешком. Он всегда ездит на своем «Бентли».

Она неопределенно махнула рукой в сторону дома.

— У Хаба зеленый «Бентли», — продолжала она. — Он стоит в гараже. Я проверяла. Вы должны нам помочь. Вы должны его найти. Мистер Ричер, пожалуйста! Я умоляю вас нам помочь. Хаб попал в беду, я знаю. Он исчез. Он говорил, что вы можете нам помочь. Вы спасли ему жизнь. Хаб говорил, вы знаете, что к чему.

У Чарли началась истерика. Она умоляла меня со слезами на глазах. Но я не мог ей помочь. Чарли скоро это узнает. С минуты на минуту к ней приедут Бейкер или Финлей. Сообщат ей убийственную новость. Скорее всего, это возьмет на себя Финлей. Вероятно, он в этом поднаторел. Наверное, в Бостоне ему приходилось проделывать подобное тысячу раз. У него есть достоинство и серьезность. Финлей сообщит о трагедии, вскользь упомянет подробности, отвезет Чарли в морг для опознания. Сотрудники морга закутают труп в плотную марлю, чтобы скрыть жуткие раны.

— Вы нам поможете? — настаивала Чарли.

Я решил не задерживаться у нее. Решил вернуться в полицейский участок. Выяснить подробности: где, когда и как это произошло. Но я вернусь с Финлеем. В случившемся есть и моя вина, так что я должен вернуться.

— Оставайтесь здесь, — сказал я. — Вам придется одолжить мне свою машину.

Порывшись в сумочке, Чарли достала большую связку ключей и протянула ее мне. На ключе от машины была выбита большая буква "Б". Рассеянно кивнув, Чарли не тронулась с места. Подойдя к «Бентли», я сел за руль. Сдал назад и поехал по извивающейся дорожке. Бесшумно проскользнул по Бекман-драйв. Повернул налево на Главную улицу и понесся к полицейскому участку.

На стоянке перед участком стояли в беспорядке патрульные машины и машины без отличительных знаков. Оставив «Бентли» Чарли на обочине, я вошел в здание. В дежурном помещении царило настоящее столпотворение. Я увидел Бей-кера, Стивенсона, Финлея. Увидел Роско. Узнал ребят из отряда прикрытия, бравших меня в пятницу. Не было только Моррисона и дежурного сержанта. За столом никого. Все были в шоке. Таращились друг на друга в оцепенении. Были охвачены ужасом. Находились в полной растерянности. Никто не сказал мне ни слова. Все молча скользили по мне пустыми взглядами. Не отводили глаза, скорее, просто меня не видели. В помещении стояла полная тишина. Наконец ко мне подошла Роско. Она была в слезах. Подойдя ко мне, она уткнулась лицом мне в грудь. Обвила меня руками, прижимаясь ко мне.

— Это ужасно! — сказала Роско.

И это было все.

Я отвел ее к столу и усадил. Потрепал по плечу, а затем направился к Финлею. Финлей сидел за столом, уставившись перед собой невидящим взглядом. Я кивком указал ему на дверь просторного кабинета, отделанного красным деревом. Я должен был все узнать, и Финлей был именно тем, кто все мне расскажет. Он прошел следом за мной в кабинет. Сел на стул перед столом. Туда, где в пятницу сидел в наручниках я. Я занял место за столом. Мы поменялись ролями.

Некоторое время я молча смотрел на Финлея. Он был сильно потрясен. У меня внутри все похолодело. Судя по всему, с Хабблом сотворили что-то страшное, раз это произвело такое впечатление на Финлея. Он двадцать лет прослужил в полиции в крупном городе. Повидал все, что только можно увидеть. Но сейчас он был по-настоящему потрясен. Я сидел перед ним, сгорая от стыда. Да, Хаббл, мне показалось, что ты в полной безопасности.

— Итак, что случилось? — спросил я.

С трудом подняв голову, Финлей посмотрел на меня.

— А тебе какое дело? — сказал он. — Кем он был для тебя?

Хороший вопрос. На него у меня не было ответа. Финлей не знал то, что было известно мне о Хаббле. Я умолчал об этом. Так что Финлей не понимал, почему Хаббл так важен для меня.

— Просто расскажи мне, что произошло.

— Жуткая штука, — сказал Финлей и умолк.

Это меня здорово встревожило. Моего брата убили выстрелами в голову. Два огромных выходных отверстия снесли ему лицо. После его тело превратили в мешок с пульпой. Но Финлей сохранил выдержку. Второго убитого обожрали крысы. В нем не осталось ни капли крови. Но Финлей и тут сохранил выдержку. Конечно, Хаббл был из местных жителей, так что его смерть была более болезненной, это я понимал. С другой стороны, до прошлой пятницы Финлей понятия не имел, кто такой Хаббл. А сейчас Финлей вел себя так, словно увидел привидение. Так что, похоже, картина была очень впечатляющей.

Из чего следовало, что в Маргрейве дела идут по-крупному. Потому что нет смысла устраивать зрелища, если не ставишь перед собой никакой цели. В первую очередь, угроза действует против того, кому она адресована. И она определенно подействовала на Хаббла. Он отнесся к ней очень серьезно. В этом и состоит цель угрозы. Но осуществить угрозу — уже совершенно другое. К тому, кому угроза была адресована, это уже не относится. Тут цель другая. Осуществление угрозы направлено не против того, кому она была адресована. Так делается предостережение следующему по списку. Его как бы предупреждают: «Видишь, что мы сделали с тем, кто нас ослушался? То же самое мы можем сделать и с тобой». Устроив зрелище из смерти Хаббла, кто-то непроизвольно выдал, что ставки в игре очень высоки, и есть следующие по списку, причем здесь, в Маргрейве.

— Финлей, расскажи, что произошло, — повторил я.

Он подался вперед. Закрыл лицо ладонями, шумно дыша сквозь пальцы.

— Хорошо, слушай. Это было ужасно. Одно из самых жутких зрелищ, какие мне только приходилось видеть. А мне пришлось повидать порядком, можешь поверить. Я много видел, но это было что-то. Он был раздет догола. Его прибили гвоздями к стене. Шестью или семью большими плотницкими гвоздями за руки и за ноги. Через мягкие ткани. Ступни прибили к полу. Затем ему отрезали гениталии. Просто отсекли. Повсюду кровь. Картина страшная, поверь мне. После чего ему

перерезали горло. От уха до уха. Это сделали плохие люди, Ричер. Очень плохие люди. Хуже не бывает.

Я был оглушен. Финлей ждал, что я скажу. Я ничего не мог придумать. У меня из головы не выходила Чарли. Она спросит у меня, узнал ли я что-нибудь. Пусть к ней сначала отправляется Финлей. Едет прямо сейчас и сообщает о трагедии. Это его работа, не моя. Я понимал, почему Финлею не хочется это делать. Очень нелегко сообщать подобное известие. Очень нелегко обходить подробности. Но это его работа. Я поеду вместе с ним. Потому что я во всем виноват. И от этого никуда не деться.

— Да, — наконец сказал я. — Похоже, дело страшное.

Закинув голову назад, Финлей осмотрелся по сторонам. Выдохнул в потолок.

— Но это еще не самое страшное, — сказал он. — Ты бы видел, что сделали с его женой.

— С его женой? — встрепенулся я. — О ком ты, черт побери?

— О его жене, — повторил Финлей. — Там была настоящая бойня.

Мгновение я не мог вымолвить ни слова. Мир начал вращаться в обратную сторону.

— Но я же только что ее видел, — сказал я. — Двадцать минут назад. Она была жива и здорова. С ней ничего не случилось.

— Кого ты видел? — спросил Финлей.

— Чарли.

— Кто такая Чарли, черт побери?

— Чарли, — тупо повторил я. — Чарли Хаббл. Его жена. С ней все в порядке. Ее не тронули.

— А причем тут Хаббл? — удивился Финлей.

Я молча смотрел на него.

— О ком ты говорил? — наконец опомнился я. — Кого убили?

Финлей посмотрел на меня как на сумасшедшего.

— Я думал, ты знаешь. Начальника полиции Моррисона. Моррисона и его жену.

Глава 12

Я пристально смотрел на Финлея, пытаясь решить, насколько ему можно доверять. От этого решения зависела жизнь и смерть. В конце концов, я подумал, что мне поможет ответ Финлея на один простой вопрос.

— Теперь тебя сделают начальником полиции? — спросил я.

Финлей покачал головой.

— Нет. Ни за что.

— Ты в этом уверен?

— Абсолютно.

— Кто принимает решения?

— Мэр, — сказал Финлей. — Начальника полиции назначает мэр города. Он уже едет сюда. Некий тип по фамилии Тил. Он из какой-то старинной семьи. Его предок был железнодорожным королем, которому принадлежало все вокруг.

— Это тот самый, кому здесь стоят памятники? — спросил я.

Финлей кивнул.

— Каспар Тил, — подтвердил он. — Он был родоначальником. С тех пор Тилы постоянно играют в Маргрейве первые роли. Нынешний мэр, кажется, приходится Каспару Тилу праправнуком.

Я находился на минном поле. Мне нужно было найти безопасный путь.

— Что ты можешь рассказать про этого Тила? — спросил я.

Финлей пожал плечами. Попытался подобрать подходящие слова.

— Обычный осел-южанин, — сказал он. — Старинный род, испокон веку живут в Джорджии, возможно, несколько поколений ослов-южан. С незапамятных времен это семейство поставляет Маргрейву мэров. Смею предположить, этот ничуть не лучше и не хуже остальных.

— Как он отнесся к твоему сообщению? — спросил я. — Насчет Моррисона?

— Думаю, встревожился. Тил любит тишину и спокойствие.

— Почему он не назначит тебя начальником полиции? У тебя ведь самый большой опыт, разве не так?

— Не назначит, и все, — отрезал Финлей. — А почему, меня не касается.

Я долго смотрел на него. Жизнь или смерть.

— Мы можем срочно где-нибудь поговорить? — наконец спросил я.

Финлей пристально посмотрел на меня.

— Ты решил, что убили Хаббла?

— Хаббла действительно убили, — сказал я. — И то, что Моррисона тоже убили, ничего не меняет.

Мы прошли в круглосуточный магазинчик. Сели рядом у пустой стойки, у окна. Я занял место, где сидела вчера миссис Клинер. Казалось, это было целую вечность назад. С тех пор весь мир перевернулся вверх дном. Нам принесли высокие кружки с кофе и большой поднос с булочками. Мы не смотрели друг другу в лицо. Вместо этого смотрели в зеркало за стойкой.

— Почему ты не получишь повышение? — спросил я. Отражение Финлея в зеркале пожало плечами. Он был озадачен. Не видел связи. Но скоро он все поймет.

— Именно я должен был занять это место, — сказал Финлей. — У меня больше опыта, чем у всех остальных вместе взятых. Я двадцать лет прослужил в крупном городе. В настоящем полицейском участке. А эти, черт побери? Возьмем, к примеру, Бейкера. Он мнит себя большим умником. Но какие у него заслуги? Пятнадцать лет в глухом захолустье? В этом болоте? Черт побери, что он знает?

— Так почему же ты не получишь повышение? — повторил я.

— Это дело личного характера.

— Надеюсь, ты не боишься, что я продам твои откровения желтой прессе?

— Это долгая история.

— Вот и расскажи мне, — сказал я. — Я должен знать все.

Финлей посмотрел на мое отражение в зеркале и глубоко вздохнул.

— Мой срок в Бостоне закончился в марте, — начал он. — Отбарабанил двадцать лет. Без единого нарекания. Восемь благодарностей. Я был чертовски хорошим полицейским, Ричер. Выслужил полную пенсию. Смотрел в будущее с оптимизмом. Но моя жена словно спятила. С прошлой осени она себе места не находила. Мы прожили с ней все эти двадцать лет. Я работал как вол. Полиция Бостона — это сумасшедший дом. Мы работали по семь дней в неделю. Днем и ночью. У всех моих знакомых браки распадались. Все до одного развелись. Один за другим.

Остановившись, Финлей сделал большой глоток кофе. Откусил кусок булочки.

— Но не я, — продолжал он. — Моя жена переносила все стойко. Никогда не жаловалась, ни разу. Просто чудо. Никогда не выясняла со мной отношений.

Финлей снова умолк. Я представил себе двадцать лет в Бостоне. Работа круглые сутки в старом, беспокойном городе. Мрачные здания девятнадцатого века, в которых располагаются полицейские участки. Переполненные тюрьмы. Постоянное давление. И бесконечная вереница наркоманов, преступников, политиков, проблем. Финлею пришлось несладко.

— Все началось прошлой осенью, — повторил он. — Нам оставалось ждать всего полгода. И тогда все должно было закончиться. Мы мечтали купить где-нибудь домик. Устроить себе длительные каникулы. Проводить много времени вместе. И вдруг жена начала паниковать. Заявила, что не хочет проводить много времени вместе со мной. Не хочет, чтобы я уходил со службы. Не хочет, чтобы я постоянно был дома. Она сказала, что, наконец, словно очнулась от сна и поняла: она меня не любит. Терпеть не может. Не хочет, чтобы я был рядом. Ей нравилось то, как все было в течение этих двадцати лет. И она ничего не хочет менять. Я не мог поверить своим ушам. Это была моя сокровенная мечта. Отбарабанить двадцать лет, а затем в сорок пять уйти на пенсию. А потом еще лет двадцать жить в свое удовольствие, пока мы не станем слишком старыми, понимаешь? Это была моя мечта, и я двадцать лет работал как проклятый, чтобы она осуществилась. Но моей жене это было не нужно. В конце концов, она призналась, что при мысли еще о двадцати годах, проведенных со мной в домике, у нее мурашки по коже бегают. Все пошло прахом. Мы стали постоянно ругаться. Я не находил себе места.

Финлей снова умолк. Нам принесли еще кофе. Это была печальная история. Как и все истории о разбитой мечте.

— Так что, естественно, мы развелись, — сказал Финлей. — Нам больше ничего не оставалось. Жена настояла на этом. Это было ужасно. Я не знал, как быть дальше. Потом, когда мне осталось проработать последний месяц, я начал снова читать объявления о вакансиях. Узнал про это место. Связался с приятелем, он работает в отделении ФБР в Атланте. Спросил у него, как и что. Он пытался меня отговорить. Советовал даже не думать об этом. Говорил, что это игрушечное отделение полиции в городке, которого нет ни на одной карте. В объявлении говорилось о старшем следователе, но на самом деле в участке всего один следователь. Раньше эту должность занимал какой-то чудак, который недавно повесился. Командует всем жирный дурак. В городке всем заведует тип из старинного рода, испокон веку живущего в Джорджии, который никак не может запомнить, что рабство отменено. Мой друг из Атланты посоветовал выбросить эту мысль из головы. Но

мне было настолько гадко, что я упрямо хотел попасть сюда. Понимаешь, мне казалось, я смогу наказать себя, похоронив здесь. Поэтому я подал прошение и приехал сюда. Со мной встретились мэр Тил и Моррисон. Я произвел на них жуткое впечатление. Я был сам не свой. Не мог связать двух слов. Должно быть, с сотворения мира я был худшим соискателем вакансии. Я выставил себя полным идиотом. Но меня взяли. Наверное, им просто нужен был чернокожий. Я первый чернокожий полицейский в истории Маргрейва.

Повернувшись, я посмотрел ему в лицо.

— Значит, ты полагаешь, что ты просто символ? — спросил я. — И поэтому Тил никогда не назначит тебя главой полицейского участка?

— По-моему, это очевидно, — подтвердил Финлей. — Он считает меня идиотом, которого нельзя повышать. В этом есть определенный смысл. Я до сих пор не могу поверить, что меня взяли сюда на работу — символ я или не символ.

Я подозвал продавца, прося нас рассчитать. Рассказ Финлея меня удовлетворил. Ему не быть новым начальником полиции. Поэтому я мог ему доверять. И я доверял Роско. Так что нам предстоит сражаться троим против всех, сколько бы их ни было. Я покачал головой отражению Финлея в зеркале.

— Ты ошибаешься, — сказал я. — Настоящая причина не в этом. Тебя не сделают начальником полиции, потому что ты не преступник.

Я расплатился десяткой и получил на сдачу горсть четвертаков. У продавца по-прежнему не было долларовых бумажек. Затем я сказал Финлею, что мне нужно осмотреть дом Моррисона и узнать все подробности. Пожав плечами, он предложил мне следовать за ним. Мы повернули на юг. Прошли мимо сквера, оставив городок позади.

— Я приехал туда первым, — начал Финлей. — Примерно в десять утра. Моррисона я не видел с пятницы, мне было необходимо познакомить его с новыми обстоятельствами, но я никак не мог ему дозвониться. Уже начался понедельник, а мы так ни черта и не сделали по поводу двойного убийства в четверг. Нам нужно было пошевеливаться. Поэтому я отправился к Моррисону домой.

Он умолк, мысленно вернувшись на место действия, каким он его нашел.

— Входная дверь была приоткрыта, — снова заговорил Финлей. — Где-то на полдюйма. У меня сразу возникло неприятное предчувствие. Я вошел в дом и нашел хозяев в спальне. Она была похожа на мясную лавку. Повсюду кровь. Моррисон был прибит гвоздями к стене, висел на них. И он, и его жена были изрезаны. Это было ужасно. Трупы разлагались

больше суток. Погода стояла жаркая. Очень неприятно. Я вызвал всех наших. Мы прошли по дому дюйм за дюймом и собрали все по кускам. Боюсь, в буквальном смысле.

Он снова умолк.

— Значит, это произошло в воскресенье утром? — спросил я.

Финлей кивнул.

— На столе в кухне воскресные газеты. Две-три раскрыты, остальные нетронуты. На столе завтрак. Как сказано в медицинском заключении, смерть наступила в воскресенье утром около десяти часов.

— Есть какие-нибудь улики?

Финлей снова кивнул. Угрюмо.

— Отпечатки ног в крови. Там было целое озеро крови. Несколько галлонов. Разумеется, в основном засохшей. Повсюду следы ног. Но эти подонки были в резиновых галошах, понимаешь? В таких, какие носят зимой на севере. Нет никакой возможности выяснить их происхождение. Каждый год в стране продаются миллионы галош.

Значит, эти люди пришли подготовленными. Они знали, что будет много крови, и захватили галоши. Скорее всего, и комбинезоны. Что-нибудь вроде нейлоновых костюмов, которые носят работники на бойне. Там, где убивают. Просторные белые нейлоновые костюмы, с капюшонами, и белый нейлон покрылся пятнами и потеками алой крови.

— И они были в перчатках, — продолжал Финлей. — На стенах отпечатки резиновых перчаток.

— Сколько их было? — спросил я. Я пытался представить себе общую картину.

— Четверо. Следы перепутаны, но я считаю, что их было четверо.

Я кивнул. Четверо — это как раз столько, сколько надо. По моим оценкам, минимум. Моррисон и его жена сопротивлялись отчаянно. Для того чтобы с ними справиться, требовалось не меньше четырех человек. Итак, четверо из тех десяти, о которых упомянул Хаббл.

— Транспорт? — спросил я.

— Ничего определенного сказать нельзя, — ответил Финлей. — Дорожка покрыта щебнем, местами на ней протерты колеи. Я обнаружил колеи, показавшиеся мне более новыми.

Широкие шины. Полноприводной внедорожник или небольшой грузовичок.

Проехав на юг до конца Главной улицы, мы свернули на запад на гравийную дорожку, идущую параллельно Бекман-драйв. В самом ее конце стоял дом Моррисона. Это было большое строгое здание, с белой колоннадой у крыльца и симметрично посаженными деревьями спереди. У двери стоял новый «Линкольн», а между колоннами на уровне пояса была натянута желтая полицейская лента.

— Зайдем? — предложил Финлей.

— А почему бы и нет? — согласился я.

Нырнув под ленту, мы толкнули входную дверь. В доме царил полный разгром. Повсюду серая металлическая пыль для снятия отпечатков пальцев. Все осмотрено, обыскано и сфотографировано.

— Можешь не трудиться, — сказал Финлей. — Мы обыскали весь дом.

Кивнув, я направился к лестнице. Поднялся наверх и отыскал спальню хозяев. Остановился в дверях и заглянул внутрь. Смотреть там было почти не на что, если не считать расщепленных отверстий от гвоздей в стене и множества пятен крови. Кровь уже почернела. Казалось, в спальне расплескали на пол и стены деготь. Ковер покрылся хрустящей черной коркой. На паркете в дверях я увидел следы галош. Можно было различить сложный рисунок на подошвах. Спустившись вниз, я нашел Финлея прислонившимся к колонне у входа.

— Ну, как? — спросил он.

— Жуть. Машину обыскивали?

Финлей покачал головой.

— Это машина Моррисона, — сказал он. — А мы искали следы, которые могли оставить те, кто сюда приходил.

Подойдя к «Линкольну», я дернул за ручку. Дверь оказалась открыта. Внутри сильный аромат новой машины и больше почти ничего. Это машина начальника. В ней не найдешь оберток от чизбургеров и банок из-под газированной воды, которых полно в машине простого полицейского. Все же я не поленился ее осмотреть. Заглянул в карманы на дверях и под сиденья. Ничего не нашел. Затем открыл бардачок и кое-что обнаружил. Там лежал складной нож. Замечательная штука. Рукоятка из черного дерева с выгравированной золотом фамилией Моррисона. Я раскрыл лезвие. Двустороннее, длиной семь дюймов, из японской хирургической стали. Очень неплохой нож. Совершенно новый, ни разу не использованный.

Закрыв лезвие, я убрал нож в карман. У меня не было оружия, а я столкнулся с большими неприятностями. Быть может, нож Моррисона окажется очень кстати. Выйдя из машины, я присоединился к Финлею.

— Нашел что-нибудь? — спросил он.

— Нет. Пошли.

Мы с хрустом проехали по гравийной дороге и, повернув на север, выехали на шоссе. Поехали назад в город. Вдалеке показалась ограда церкви и бронзовый монумент.

Глава 13

— Я хочу еще кое-что у тебя спросить, — сказал я.

Финлей начинал терять терпение. Он взглянул на часы.

— Ты лучше не тяни время, Ричер.

Мы шли пешком. Солнце уже спускалось к закату, но жара по-прежнему стояла невыносимая. Я не понимал, как Финлей может терпеть твидовый пиджак и молескиновый жилет. Я провел его в сквер. Пройдя по газону, мы подошли к памятнику старине Каспару Тилу и стали рядом.

— Моррисону отрезали гениталии? — спросил я.

Финлей кивнул, выжидательно глядя на меня.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда вот мой вопрос: а их нашли?

Он покачал головой.

— Нет. Мы обыскали весь дом. И мы, и судмедэксперт. Гениталий Моррисона нигде нет.

Сказав это, Финлей усмехнулся. Ему возвращалось профессиональное чувство юмора полицейского.

— Отлично, — сказал я. — Это-то мне и нужно было узнать.

Его улыбка стала еще шире. Достигла глаз.

— Почему? — спросил он. — Ты знаешь, где они?

— Когда будут готовы результаты вскрытия? — спросил я.

Финлей продолжал улыбаться.

— Результаты вскрытия Моррисона ничего не дадут. Его гениталии отрезаны. Больше не соединены с его телом. Их там нет. Они отсутствуют. Так что как их смогут найти при вскрытии?

— Я имел в виду не Моррисона, — сказал я. — Его жену. Когда станет известно, что она съела перед смертью?

Финлей перестал улыбаться. Молча посмотрел на меня.

— Говори, Ричер, — наконец сказал он.

— Хорошо, — согласился я. — Именно для этого мы сюда и пришли, не забыл? Но сначала ответь еще на один вопрос. Часто ли в Маргрейве случаются убийства?

Финлей задумался. Пожал плечами.

— Вообще не бывало. По крайней мере, лет тридцать. Полагаю, с тех пор, как ввели обязательную регистрацию избирателей.

— А сейчас мы имеем четыре убийства за четыре дня, — сказал я. — И очень скоро будет обнаружен пятый труп.

— Пятый? — спросил Финлей. — Кто пятый?

— Хаббл. Считай сам: мой брат, потом этот Шерман Столлер, двое Моррисонов и Хаббл — всего пятеро. Ни одного убийства в течение тридцати лет, и вдруг сразу пять. Вряд ли это совпадение, ведь так?

— Об этом нечего и думать, — согласился Финлей. — Разумеется, все эти убийства связаны.

— Точно, — сказал я. — А теперь я тебе расскажу, что их связывает. Но сначала ты должен уяснить одну вещь, хорошо? Я оказался здесь совершенно случайно. Всю пятницу, субботу и воскресенье до того времени, как были идентифицированы отпечатки пальцев моего брата, я не обращал никакого внимания на происходящее вокруг. Я думал только о том, как бы переждать и поскорее убраться отсюда ко всем чертям.

— Ну и? — спросил Финлей.

— А мне наговорили много всякой всячины. Хаббл многое рассказал мне в Уорбертоне, но я почти не обращал на его слова внимания. Меня это не интересовало, понимаешь? Он рассказывал мне разные вещи, а я его совсем не слушал, так что сейчас я кое-что уже и не вспомню.

— Какие вещи? — спросил Финлей.

И я рассказал ему то, что запомнил. Начал с того же, с чего начал Хаббл. Он запутался в каком-то нечистом деле, и теперь угрожают ему и его жене. Причем угроза слово в слово соответствовала тому, что Финлей увидел сам сегодня утром.

— Ты в этом уверен? — спросил он. — Та же самая угроза?

— Слово в слово, — подтвердил я. — Абсолютно та же самая. Прибить гвоздями к стене, отрезать яйца, заставить жену их съесть, после чего перерезать обоим горло. Хабблу сказали слово в слово то же самое, Финлей. Так что или мы имеем дело с двумя извращенцами, делающими абсолютно одинаковые угрозы, или это еще одна связь.

— Получается, Моррисон был замешан в той же самой махинации, что и Хаббл? — сказал Финлей.

— Которой заправляют одни и те же люди, — подтвердил я.

Затем я рассказал о том, что Хаббл разговаривал со следователем. После чего этот следователь отправился на встречу с Шерманом Столлером, кем бы он ни был.

— Кто этот следователь? — спросил Финлей. — И каким боком тут участвует Джо?

— Джо и был тем следователем, — сказал я. — Хаббл сказал, что высокий мужчина с бритой головой был тем следователем, который пытался вывести его из-под удара.

— Какого типа расследования проводил твой брат? — спросил Финлей. — Черт возьми, где он работал?

— Не знаю, — сказал я. — Последнее, что я слышал, он работал в Государственном казначействе.

Оторвавшись от памятника, Финлей направился назад на север.

— Мне нужно кое-кому позвонить. Пора заниматься делом.

— Ты иди медленнее, — сказал я. — Я еще не закончил.

Финлей шел по тротуару. Я шел по проезжей части, чтобы не пригибаться под навесами перед каждым магазинчиком. Улица была пустынной, так что о машинах можно было не беспокоиться. Понедельник, два часа дня, в городке ни души.

— С чего ты решил, что Хаббл мертв? — спросил Финлей. Я рассказал ему про очки. Подумав, он согласился.

— Это случилось потому, что он говорил со следователем? Я покачал головой. Мы остановились перед парикмахерской.

— Нет. Об этом они не знали. В противном случае с Хаб-блом расправились бы значительно раньше. Самое позднее, в четверг. Полагаю, решение убрать Хаббла было принято в пятницу, часов в пять. Потому что ты зацепил его за номер телефона, найденный в ботинке Джо. Эти люди решили, что ему нельзя позволить говорить с

полицейскими или тюремными охранниками. Поэтому они договорились со Спиви. Однако ребята Спиви не выполнили задачу, поэтому была предпринята новая попытка. По словам жены Хаббла, сегодня утром ему позвонили и попросили остаться дома. Так было подготовлено второе покушение. Похоже, на этот раз сработало.

Финлей медленно кивнул.

— Черт, — выругался он. — Хаббл был нашей единственной зацепкой. Только через него мы могли узнать, что здесь происходит. Ричер, ты должен был надавить на него сильнее, когда у тебя была такая возможность.

— Спасибо, Финлей, — сказал я. — Если бы я знал, что убит мой брат Джо, я бы надавил так сильно, что его крики были бы слышны даже здесь.

Финлей буркнул что-то неопределенное. Мы уселись на скамейку под окном парикмахерской.

— Я спросил у него, что такое pluribus, — сказал я. — Хаббл мне не ответил. Он сказал, что в махинации участвуют десять человек из местных жителей, плюс при необходимости привлекают посторонних. Еще он сказал, что вся эта махинация будет оставаться очень уязвимой до чего-то такого, что произойдет в ближайшее воскресенье.

— А что произойдет в ближайшее воскресенье? — спросил Финлей.

— Хаббл не сказал.

— А ты на него не надавил.

— Я ведь уже говорил тебе, что мне это было неинтересно.

— И он даже не намекнул о том, что за махинация? — спросил Финлей.

— Ни словом.

— Он сказал, кто эти десятеро?

— Нет.

— Проклятье, Ричер, от тебя мало толку, ты это знаешь?

— Извини, Финлей, — сказал я. — Я думал, что Хаббл просто какой-то осел. Поверь, если бы у меня была возможность вернуться назад и переиграть все заново, я бы вел себя совсем по-другому.

— Десять человек? — снова спросил Финлей.

— Не считая его, — подтвердил я. — И не считая Шермана Столлера. Но, полагаю, Моррисона он имел в виду.

— Замечательно, — уныло заметил Финлей. — То есть, мне предстоит найти еще девятерых.

— Одного из них ты найдешь сегодня, — заверил я.

Черный пикап, который я последний раз видел на стоянке перед ресторанчиком Ино, остановился на противоположной стороне улицы. Двигатель работал на холостых оборотах. Малыш Клинер, положив голову на руку, таращился на меня из окна. Финлей его не видел. Он смотрел прямо перед собой.

— Полагаю, ты думаешь о Моррисоне, — сказал я.

— А чего о нем думать? Он ведь мертв, правильно?

— Но как он умер? — продолжал я. — Что это должно тебе говорить?

Он пожал плечами.

— Кто-то устроил ему показательную смерть? Сделал предостережение?

— В самую точку, Финлей, — согласился я. — Но где Мор-рисон допустил ошибку?

— Полагаю, он что-то испортил, — предположил Финлей.

— В самую точку, Финлей, — повторил я. — Ему велели замести следы на складе после того, что произошло в четверг ночью. Это была его задача. Знаешь, он ведь действительно был там в полночь.

— Вот как? — удивился Финлей. — Ты же говорил, он все придумал от начала до конца.

— Не совсем, — поправил его я. — Меня он там не видел. Не мог видеть, потому что меня там не было. Но вот сам он там был. И видел Джо.

— Да? — спросил Финлей. — Почему ты так решил?

— Помнишь, когда Моррисон впервые увидел меня в пятницу? В кабинете? Он смотрел на меня так, словно уже где-то видел, но не может вспомнить, где именно. Потому что на самом деле он видел Джо. Моррисон заметил сходство. То же самое говорил Хаббл. Он сказал, что я похож на следователя.

— Получается, Моррисон был там? Это он стрелял?

— Не могу себе этого представить, — сказал я. — Джо был достаточно опытный и осторожный. Он не допустил бы, чтобы его застрелил жирный кретин Моррисон. Стрелял кто-то другой. Я также не могу себе представить Моррисона маньяком. После таких физических упражнений он свалился бы с сердечным приступом. По-моему,

Моррисон был третьим. Тем, кто должен был замести следы. Но он не проверил ботинки Джо. Из-за этого Хаббла притащили в полицейский участок. Кого-то это очень разозлило. Это означало, что Хаббла придется убрать. И Моррисон был убит в наказание.

— Хорошенькое наказание, — заметил Финлей.

— Кроме того, это предостережение, — продолжал я. — Задумайся над этим.

— Над чем? Это предостережение обращено не ко мне.

— Тогда к кому?

— Кому делают подобные предостережения? Следующему по списку, правильно?

Я кивнул.

— Теперь понимаешь, почему меня так беспокоило, кто станет новым начальником полиции?

Финлей снова уставился себе под ноги.

— Проклятье! — выругался он. — Ты считаешь, новый начальник полиции также замешан в этом деле?

— Иначе и быть не может, — сказал я. — Зачем этим людям был нужен Моррисон? Не за какие-то выдающиеся личные качества, ведь так? Им просто нужен свой человек в полиции. Потому что они используют его в каких-то своих целях. Так что Моррисона могли убрать только в том случае, если ему уже была готова замена. И кто бы это ни был, нам придется иметь дело с очень опасным человеком. Потому что у него перед глазами будет пример Моррисона. Этому человеку шепнули: видишь, что мы сделали с Моррисоном? То же самое будет и с тобой, если ты нас подведешь.

— Так кто же он? — спросил Финлей. — Кто будет новым начальником полиции?

— Вот это я как раз у тебя и спрашивал, — сказал я.

Мы посидели молча на скамейке перед парикмахерской, наслаждаясь солнечными лучами, заглядывающими под маркизы из полосатой ткани.

— Только ты, я и Роско, — наконец сказал я. — Пока что безопаснее всего предполагать, что все остальные враги.

— Почему Роско? — спросил Финлей.

— По многим причинам. Но в первую очередь потому, что она так старалась вытащить меня из Уорбертона. Моррисон пытался свалить на меня то, что произошло в четверг ночью, так? Значит, если бы Роско была замешана, она бы не стала вытаскивать меня из тюрьмы. Но она меня вытащила. То есть, Роско тянула в противоположную сторону. Следовательно, если Моррисон преступник, она чиста.

Посмотрев на меня, Финлей вздохнул.

— Значит, нас только трое? А ты парень осторожный, Ричер.

— А ты чего хотел? Финлей, здесь убивают людей. И одним из них был мой брат.

Мы встали. Малыш Клинер, заглушив двигатель, вышел из пикапа. Медленно пошел по тротуару. Финлей потер лицо руками, словно умываясь без воды.

— И что дальше? — спросил он.

— У тебя много работы, — сказал я. — Ты должен отвести Роско в сторону и ввести ее в курс дела, хорошо? Передай, чтобы она была очень осторожна. Затем тебе надо будет позвонить в Вашингтон и узнать, чем занимался Джо.

— Хорошо, — согласился Финлей. — Ну, а ты? Я кивнул на мальчишку Клинера.

— А я собираюсь поговорить с этим парнем. Он что-то слишком пристально смотрит на меня.

В тот момент, когда молодой Клинер приблизился ко мне, одновременно произошли две вещи. Во-первых, Финлей поспешно ушел. Во-вторых, у меня за спиной послышался шум опускающихся жалюзи в витрине парикмахерской. Я оглянулся. Казалось, на всей планете не осталось никого кроме нас с мальчишкой Клинером.

Вблизи он представлял собой любопытное зрелище. Маленьким его никак нельзя было назвать. Рост около шести футов двух дюймов, вес приблизительно сто девяносто фунтов, наполненный беспокойной энергией. В его глазах светился ум, но при этом они горели также каким-то странным огнем. По ним я определил, что передо мной далеко не самый рассудительный человек на земле. Малыш Клинер подошел и остановился прямо передо мной, молча глядя в глаза.

— Ты зашел на чужую территорию, — наконец сказал он.

— Этот тротуар принадлежит тебе? — спросил я.

— Можешь в этом не сомневаться. Фонд моего отца заплатил за каждый квадратный дюйм. За каждую плитку. Но я имею в виду не тротуар. Я имею в виду мисс Роско. Она моя. Моя с того самого момента, как я ее впервые увидел. И она меня ждет. Ждет уже пять лет, пока не придет время.

Я спокойно выдержал его взгляд.

— Ты понимаешь английский язык? — спросил я.

Парень напрягся. Начал переминаться с ноги на ногу.

— Я человек понятливый, — продолжал я. — Как только мисс Роско скажет, что предпочитает тебя мне, меня здесь больше не будет. До тех пор держись от меня подальше. Ты все понял?

Парень вскипел, и вдруг все переменилось. Как будто он подчинялся командам пульта дистанционного управления, и кто-то нажал кнопку, переключаясь на другой канал. Мгновенно остыв, парень пожал плечами и по-мальчишески широко улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Надеюсь, ты на меня не в обиде?

Он протянул руку, предлагая ее пожать, и едва не провел меня. В самую последнюю долю секунды я отдернул свою руку чуть назад, схватив его не за ладонь, а за пальцы. Это старый армейский трюк. Человек делает вид, будто собирается пожать тебе руку, но на самом деле он хочет ее стиснуть. Своеобразный ритуал больших мачо. Надо быть начеку. Вовремя отдернуть руку назад и давить что есть силы. Давить пальцы, а не ладонь. И тогда твой противник ничего не сможет поделать. Если все сделать правильно, победа будет за тобой.

Малыш Клинер начал ломать мне руку, но у него не было никаких шансов. Он что есть силы сжимал мою ладонь, глядя мне в глаза, ждал, что я сломаюсь. У него ничего не получилось. Я стиснул его пальцы, затем еще раз, уже сильнее, после чего выпустил его руку, развернулся и пошел прочь. Я успел пройти добрых шестьдесят ярдов, прежде чем послышался звук ожившего двигателя пикапа. Машина уехала на юг, и ее шум растворился в полуденном зное.

Глава 14

Прямо перед входом в здание полицейского участка стоял большой белый «Кадиллак» — новый, как с иголочки, со всеми наворотами, набитый скрипучей черной кожей и искусственным деревом. После строгого лакированного ореха и старой кожи «Бентли» Чарли Хаббл он казался публичным домом из Лас-Вегаса. Мне потребовалось сделать пять шагов, чтобы обойти его капот.

Внутри здания царила прохлада. Все суетились вокруг высокого старика с серебристой шевелюрой. На нем был старомодный костюм, галстук-шнурок с серебряной заколкой. Выглядел старик полным идиотом. Судя по всему, какой-то политик. Хозяин «Кадиллака». На вид ему было лет семьдесят пять, он прихрамывал, опираясь на толстую палку с большим серебряным набалдашником. Я предположил, это и есть мэр Тил.

Из большого кабинета вышла Роско. Она была потрясена увиденным в доме Моррисонов. Выглядела она неважно, но все же помахала мне рукой и попробовала улыбнуться. Знаком подозвала меня к себе, приглашая пройти в кабинет. Оглянувшись на мэра Тила, я подошел к Роско.

— Как ты? — спросил я.

— Бывало и лучше.

— Ты уже в курсе? Финлей обрисовал тебе, что к чему?

Она кивнула.

— Финлей рассказал мне все.

Мы прошли в просторный кабинет, отделанный красным деревом. Финлей сидел за столом под старинными часами. На них было четверть четвертого. Роско закрыла за нами дверь.

Я перевел взгляд с нее на Финлея.

— Ну, кому досталась эта должность? — спросил я. — Кто ваш новый начальник?

Финлей покачал головой.

— Никто. Мэр Тил лично возглавит полицию города.

Подойдя к двери, я чуть приоткрыл ее. Посмотрел на Тила.

Мэр прижал Бейкера к стене. Похоже, разносил его за что-то. Некоторое время я следил за ним.

— И какой из этого следует вывод? — спросил я.

— Все остальные в участке чисты, — сказала Роско.

— Похоже на то, — согласился я. — С другой стороны, это доказывает, что сам Тил замешан в махинациях. Раз Тила назначили вместо Моррисона, значит, он работает на этих людей.

— А почему ты думаешь, что Тил всего лишь работает на них? — спросила Роско. — Может быть, он самый большой босс. Может быть, именно он всем заправляет.

— Нет, — сказал я. — Большой босс выпотрошил Моррисона, делая предостережение. Если бы большим боссом был Тил, зачем ему делать предостережение самому себе? Нет, он пляшет под чью-то дудку. И сюда его поставили для того, чтобы ставить палки в колеса.

— Это точно, — согласился Финлей. — Он уже начал. Сказал, что Джо и Столлер отодвигаются на второй план. Все силы надо бросить на дело Моррисонов. Раскрыть его самим, не прибегая к посторонней помощи, не обращаясь в ФБР. Как сказал Тил, дело чести полиции Маргрейва раскрыть это двойное убийство. И он уже направил нас в тупик. По его мнению, несомненно, Моррисона убил человек, только что освободившийся из тюрьмы, которого давным-давно туда упрятал Моррисон. Теперь он ему отомстил.

— Тот еще тупик, — подхватила Роско. — Нам предстоит перерыть архивы за двадцать лет, проверить и перепроверить всех недавно вышедших из мест заключения по всей стране. Тил уже засадил за это Стивенсона. Пока дело не будет закрыто, Стивенсон занимается только этим. Как и я.

— Это не просто тупик, — сказал Финлей. — Это зашифрованное предупреждение. У нас в архивах нет никого, кто был бы способен на такое зверство. В нашем округе таких преступлений давно не было. Мы это знаем. И Тилу известно, что мы это знаем. Но мы ведь не можем назвать его лжецом или дураком.

— А вы можете не обращать на него внимания? — спросил я. — Заниматься тем, чем нужно заниматься?

Финлей откинулся назад. Опять выдохнул в потолок и покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Мы вынуждены действовать прямо под носом у врага. Пока у Тила нет оснований подозревать, что нам что-то известно. Мы должны и дальше поддерживать это заблуждение. Строить из себя невинных дурачков, так? Естественно, это ограничит нашу свободу маневра. Но самая главная проблема заключается в полномочиях. Например, если мне понадобится ордер на обыск, я должен буду подписать его у Тила. А ведь он мне его ни за что не подпишет, так?

Я пожал плечами.

— Я не собираюсь пользоваться ордерами, — сказал я. — Ты связывался с Вашингтоном?

— Мне обещали перезвонить, — сказал Финлей. — Будем надеяться, Тил не схватит трубку раньше меня.

Я кивнул.

— Вам нужно другое место, где можно было бы работать, — сказал я. — Как насчет твоего приятеля из ФБР? Из Атланты? Ты сможешь пользоваться его кабинетом?

Подумав, Финлей кивнул.

— Мысль неплохая, — согласился он. — Только надо связаться с ним частным образом. Я же не могу попросить Тила сделать официальный запрос, правильно? Сегодня же вечером позвоню ему из дома. Его фамилия Пикард. Отличный парень, он тебе понравится. Он из Нового Орлеана. Миллион лет назад мучился у нас в Бостоне. Здоровенный верзила, очень умный, очень крепкий.

— Передай ему, надо действовать тихо, — сказал я. — Не надо, чтобы его агенты появились здесь до того, как мы будем готовы.

— А что ты собираешься делать с Тилом? — спросила у меня Роско. — Он работает на тех, кто убил твоего брата.

Я снова пожал плечами.

— Все зависит от степени его участия. Стрелял в Джо явно не он.

— Не он? — спросила Роско. — Почему ты так думаешь?

— Ему не хватило бы расторопности, — объяснил я. — Он ковыляет, держа в руке трость. Слишком неповоротливый, чтобы быстро вытащить пистолет. По крайней мере, слишком неповоротливый, чтобы опередить Джо. Маньяк тоже не он. Для этого Тил слишком старый, у него не хватило бы сил. Ну, и следы заметал тоже не он. Это делал Моррисон. Если Тил начнет со мной шутить, он вляпается в дерьмо по самые уши. А так, черт с ним.

— Что дальше? — спросила Роско.

Я пожал плечами и ничего не ответил.

— Я считаю, главное — это воскресенье, — сказал Финлей. — В воскресенье у этих людей разрешится какая-то проблема. Понимаешь, в назначении Тила на должность начальника полиции есть что-то временное. Ему ведь семьдесят пять лет, никакого опыта работы в полиции. Это временное решение, только чтобы продержаться до воскресенья.

На столе зазвонило устройство внутренней связи. Голос Стивенсона спросил Роско. Надо проверить какие-то архивы.

Я открыл дверь, но Роско задержалась. Ее только что осенила одна мысль.

— А как насчет Спиви? — спросила она. — Из Уорбертона? Это ведь он распорядился устроить нападение на Хаббла? Значит, он должен знать, кто отдал ему приказ это сделать. Ты должен спросить у него. Возможно, это куда-нибудь приведет.

— Возможно, — согласился я, закрывая за ней дверь.

— Пустая трата времени, — сказал Финлей. — Ты полагаешь, Спиви просто возьмет и все тебе расскажет?

Я улыбнулся.

— Если ему что-либо известно, он все мне расскажет. В вопросах такого рода главное — как их задавать, правильно?

— Берегись, Ричер, — сказал Финлей. — Если они увидят, что ты приближаешься к тому, что знал Хаббл, с тобой расправятся также, как расправились с ним.

У меня перед глазами мелькнула Чарли с детьми, и я поежился. Эти люди могут решить, что Чарли близка к тому, что знал ее муж. Это неизбежно. Возможно, под удар попадут и дети. Осторожный человек предположит, что дети могли что-нибудь случайно услышать. Времени четыре часа дня. Дети должны вернуться из школы. Их могут ждать люди в резиновых галошах, нейлоновых комбинезонах и хирургических перчатках. С острыми ножами. С мешком гвоздей. И молотком.

— Финлей, немедленно позвони своему приятелю Пикарду, — сказал я. — Нам нужна его помощь. Надо спрятать Чарлину Хаббл в безопасное место. Чарли и детей. Немедленно.

Финлей мрачно кивнул. Он все видел. Все понял.

— Разумеется, — сказал он. — Давай, лети на Бекман-драйв. Живо! Оставайся там. Я договорюсь с Пикардом. Не уходи оттуда до тех пор, пока он не приедет, хорошо?

Он снял трубку. По памяти набрал номер в Атланте.

Роско сидела за своим столом. Мэр Тил вывалил ей стопку пухлых папок. Подойдя к ним, я взял свободный стул. Подсел к Роско.

— Когда ты освободишься? — спросил я.

— Думаю, часов в шесть, — ответила она.

— Захвати домой наручники, хорошо?

— Ты дурак, Джек Ричер.

Тил смотрел на нас, поэтому я встал и поцеловал Роско в волосы. Вышел на залитую солнцем улицу и направился к «Бентли». Солнце клонилось к закату, и жара стала спадать. Тени удлинились. Приближалась осень. Меня кто-то окликнул. Мэр Тил вышел следом за мной из здания полицейского участка и окликнул меня. Я остановился. Тил захромал ко мне, постукивая тростью и улыбаясь. Протянув руку, он представился. Сказал, что его зовут Гровер Тил. Он обладал даром профессиональных политиков сверлить собеседника взглядом; его улыбка была ослепительной, словно прожектор. Как будто он до смерти счастлив возможности поговорить со мной.

— Рад, что успел вас застать, — сказал Тил. — Сержант Бейкер ввел меня в курс дела относительно убийств на складе. Мне все ясно. Мы совершили ошибку, задержав вас. Примите наши сожаления по поводу вашего брата. Можете не сомневаться, как только у нас появится какая-то информация, мы дадим вам знать. Так что пока вы еще здесь, спешу принести вам искренние извинения от лица полиции Маргрейва. Мне бы не хотелось, чтобы вы уехали, затаив на нас обиду. Полагаю, мы можем считать это недоразумением?

— Хорошо, Тил, — сказал я. — Но почему вы решили, что я уезжаю?

Он вывернулся очень аккуратно. Колебался лишь мгновение.

— Насколько я понял, вы у нас проездом, — сказал Тил. — В Маргрейве нет мотеля, и я полагал, что вам будет негде остановиться.

— Тем не менее, я остаюсь, — сказал я. — Я получил радушное приглашение погостить. Насколько я понимаю, именно этим и славится Юг — своим гостеприимством, верно?

Просияв, он схватил себя за расшитый лацкан.

— О, конечно же, истинная правда, сэр! Весь Юг и Джорджия в особенности славятся своим гостеприимством. Однако, как вам известно, в настоящее время у нас в городе возникли серьезные неприятности. При данных обстоятельствах вам действительно больше подошел бы мотель в Атланте или Мейконе. Естественно, мы будем поддерживать с вами самую тесную связь. Кроме того, мы поможем организовать похороны вашего брата, когда наступит этот скорбный момент. Но, боюсь, у нас здесь, в Маргрейве, будет очень много дел. Вам тут будет скучно. Офицеру Роско предстоит много работать. Вам не кажется, что сейчас ее лучше не отвлекать?

— Я не буду ее отвлекать, — спокойно ответил я. — Я знаю, что она занимается очень важным делом.

Тил смотрел на меня. Совершенно равнодушно. Прямо мне в глаза, но только для этого он чуть недотягивал ростом. Ему пришлось вытянуть свою старую бурую шею. Я решил, что если он будет смотреть на меня так достаточно долго, он ее точно сломает. Одарив его зимней улыбкой, я подошел к «Бентли». Отпер дверь и сел. Завел мощный двигатель и опустил стекло.

— До встречи, Тил! — бросил я, трогаясь с места.

Окончание уроков в школе в Маргрейве оказалось временем наибольшего оживления. Я проехал мимо двух прохожих по Главной улице и увидел еще четверых в скверике возле церкви. Что-то вроде вечернего клуба — чтение Библии или заготовка персиков на зиму. Проехав мимо, я промчался в шикарном большом автомобиле по Бекман-драйв, миле роскоши. Свернул у белого почтового ящика Хабблов и долго крутил в разные стороны старинное бакелитовое рулевое колесо, петляя по извилистой дорожке к дому.

Главная проблема заключалась в том, что я еще не решил, что именно скажу Чарли. Определенно, посвящать ее в подробности я не собирался. Далее не хотел говорить ей о смерти мужа. Мы стояли на пороге ада. Но я не мог вечно держать ее в неведении. Чарли должна узнать хотя бы общее положение дел. В противном случае она не послушает моего предостережения.

Оставив машину у крыльца, я позвонил в дверь. Чарли впустила меня в дом, тотчас откуда-то выскочили дети. Она выглядела уставшей и измученной. Дети же, казалось, радовались жизни. Они не заразились беспокойством своей матери. Выпроводив их, Чарли провела меня на кухню. Это было просторное современное помещение. Чарли предложила мне кофе. Я видел, что ей очень хочется со мной поговорить, но она никак не могла начать. Я смотрел, как она суетится возле кофеварки.

— У вас нет горничной? — спросил я.

Чарли покачала головой.

— Мне она не нужна. Я люблю все делать сама.

— Но дом у вас большой, — заметил я.

— Мне нравится быть постоянно чем-нибудь занятой.

Мы умолкли. Чарли включила кофеварку, и послышалось тихое шипение. Я сел за стол у окна, выходившего на целый акр бархатной лужайки. Чарли села напротив меня. Сложила руки на коленях.

— Я слышала о Моррисонах, — наконец сказала она. — Мой муж имеет к этому какое-то отношение?

Я попытался разобраться, что именно могу ей сказать. Чарли ждала ответа. Тишина в просторной кухне нарушалась лишь бульканьем кофеварки.

— Да, Чарли, — сказал я. — Боюсь, имеет. Но это происходит помимо его воли, понимаете? Его шантажируют.

Чарли приняла эту новость достаточно хорошо. Впрочем, должно быть, она уже сама до всего дошла. Мысленно прокрутила все возможные варианты. И подходило только это объяснение. Вот почему Чарли не удивилась, не пришла в ярость. Она просто кивнула. И расслабилась. Как будто ей стало легче, когда об этом сказал кто-то другой. Теперь это перестало быть тайной. И можно предпринимать какие-то меры.

— Боюсь, вы правы, — сказала Чарли.

Встав, она пошла наливать кофе, но не переставала говорить.

— Только так я могу объяснить его поведение. Ему угрожает опасность?

— Чарли, я понятия не имею, где он, — признался я.

Она протянула мне чашку кофе. Присела на разделочный столик.

— Ему угрожает опасность? — повторила она.

Я не мог ей ответить. Не мог заставить себя произнести эти слова. Чарли встала с разделочного столика и села напротив меня за стол у окна. Обхватила чашку обеими руками. Она была очень привлекательная. Светловолосая и красивая. Безукоризненные зубы, стройная, атлетическое телосложение и сильный дух. Я представил ее владелицей плантации из далекого прошлого. Как тогда говорили, красавицей Юга. Сто пятьдесят лет назад эта женщина владела бы сотнями рабов. Но постепенно я начал менять свое мнение. Я ощутил в Чарли внутреннюю твердость. Да, ей нравится быть богатой и ничего не делать. Салоны красоты и роскошные обеды в Атланте. «Бентли» и золотые кредитные карточки. Но если будет надо, эта женщина спустится в грязь и станет драться. Быть может, сто пятьдесят лет назад она бы ехала с обозом повозок на запад. Для этого у нее была достаточная сила духа. Чарли пристально посмотрела на меня.

— Сегодня утром я потеряла голову, — сказала она. — Это совсем на меня непохоже. Боюсь, я произвела на вас отвратительное впечатление. После

того как вы уехали, я немного успокоилась и все обдумала. Пришла к тому же выводу, как и вы. Хаб случайно вляпался во что-то и не смог выбраться. Но разве я могу это как-либо изменить? Одним словом, я перестала рвать на себе волосы и начала думать. С прошлой пятницы я вела себя просто ужасно, мне за это стыдно. На самом деле, я совсем не такая. Одним словом, я предприняла кое-какие шаги, и, надеюсь, вы меня за это простите.

— Продолжайте, — сказал я.

— Я позвонила Дуайту Стивенсону, — сказала Чарли. — Он упомянул про факс из Пентагона о вашей службе в военной полиции. Я попросила его найти этот факс и зачитать его мне. На мой взгляд, у вас безупречный послужной список.

Она улыбнулась. Придвинула ближе свой стул.

— Так что я хочу нанять вас, — продолжала она. — Чтобы вы, действуя как частное лицо, выпутали моего мужа из беды. Вы согласны работать на меня?

— Нет, — сказал я. — Я не могу, Чарли.

— Не можете или не хотите? — спросила она.

— В данном деле неизбежно столкновение интересов, — сказал я. — То есть, возможно, я не смогу надлежащим образом выполнить ваше поручение.

— Столкновение интересов? — переспросила Чарли. — Что вы имеете в виду?

Я долго молчал. Пытаясь придумать, как ей объяснить.

— Понимаете, ваш муж хотел выйти из игры, — наконец начал я. — Он связался со следователем, работающим на правительство, и они попытались разобраться в сложившейся ситуации. Но этого следователя убили. И, боюсь, мои предпочтения на стороне этого следователя, а не вашего мужа.

Обдумав мои слова, Чарли кивнула.

— Но почему? — спросила она. — Вы ведь не работаете на правительство.

— Потому что этим следователем был мой брат, — сказал я. — Понимаю, это безумное совпадение, но теперь у меня нет обратной дороги.

Чарли молчала. Она поняла, что я имел в виду.

— Извините, — наконец сказала она. — Примите мои искренние соболезнования. Надеюсь, вы не хотите сказать, что Хаб предал вашего брата?

— Нет, — ответил я. — Он ни за что не пошел бы на такое. Ваш муж надеялся, что Джо вытащит его из беды. Просто что-то пошло не так как нужно, вот и все.

— Могу я задать вам один вопрос? — сказала Чарли. — Почему вы говорите о моем муже в прошедшем времени?

Я посмотрел ей прямо в глаза.

— Потому что он мертв. Мне очень жаль.

Чарли застыла. Побледнев, стиснула руки с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Но ей удалось удержать себя в руках.

— По-моему, Хаб жив, — прошептала она. — Я бы знала. Почувствовала бы. По-моему, он где-то прячется. И я хочу, чтобы вы его нашли. Я заплачу столько, сколько вы скажете.

Я лишь медленно покачал головой.

— Пожалуйста! — сказала она.

— Нет, Чарли, — решительно ответил я. — Я не возьму у вас деньги за то, что буду делать. Это нечестно, потому что я уверен — Хаб уже мертв. Мне очень жаль, но это так.

Наступила тишина. Я сидел, покручивая перед собой чашку кофе.

— А что вы будете делать, если я вам не заплачу? — наконец нарушила затянувшееся молчание Чарли. — Быть может, выясняя то, что произошло с вашим братом, вы заодно поищете Хаба?

Я подумал, и не нашел причины, чтобы отказаться от этой просьбы.

— Хорошо, — согласился я. — Этим я могу заняться. Но, Чарли, как я уже говорил, не ждите чуда. На мой взгляд, дела очень плохи.

— Я думаю, Хаб жив, — уверенно заявила Чарли. — В противном случае я бы об этом узнала.

Я забеспокоился. Что произойдет, когда обнаружат труп Хаббла? Она столкнется лицом к лицу с реальностью, как сталкивается с каменной стеной потерявший управление грузовик.

— Вам могут потребоваться деньги на расходы, — сказала Чарли.

Пока я колебался, она протянула мне пухлый конверт.

— Этого хватит?

Я заглянул в конверт. Внутри лежала толстая пачка стодолларовых купюр. Я кивнул. Этого хватит.

— И, пожалуйста, оставьте себе машину, — сказала она. — Пользуйтесь ей до тех пор, пока она вам нужна.

Я снова кивнул. Подумал о том, каким будет мой следующий вопрос, и заставил себя использовать настоящее время.

— Где работает ваш муж? — спросил я.

— В «Санрайз Интер», — сказала Чарли. — Это банк.

Она продиктовала адрес в Атланте.

— Хорошо, Чарли, — сказал я. — А теперь позвольте задать вам еще один вопрос. Это очень важно. Ваш муж никогда не упоминал слово «pluribus»?

Подумав, она пожала плечами.

— Это что-то связанное с политикой? Это слово написано на трибуне, с которой произносит речь президент? Я никогда не слышала, чтобы Хаб его упоминал. Он занимался исключительно финансами.

— Вы никогда не слышали, чтобы ваш муж произносил это слово? — настаивал я. — Ни по телефону, ни во сне?

— Никогда.

— А насчет следующего воскресенья? — спросил я. — Ваш муж ничего не говорил о следующем воскресенье? Не говорил, что должно произойти что-то важное?

— Следующее воскресенье? — переспросила Чарли. — По-моему, ничего не говорил. А что? Что должно произойти в следующее воскресенье?

— Не знаю, — сказал я. — Это я как раз и пытаюсь выяснить.

Она задумалась, но, в конце концов, снова покачала головой и пожала плечами, разводя руки: нет, она ничем не могла мне помочь.

— Извините.

— Ничего страшного, — сказал я. — А теперь вам предстоит кое-что сделать.

— Что именно?

— Вы должны уехать отсюда.

У нее снова побелели костяшки пальцев, но она сохранила самообладание.

— Я должна убежать и спрятаться?

— Сейчас за вами приедет агент ФБР.

Чарли в ужасе посмотрела на меня.

— Агент ФБР? — Она еще больше побледнела. — Значит, дело действительно очень серьезное, да?

— Речь идет о жизни и смерти, — подтвердил я. — Приготовьтесь к отъезду.

— Хорошо, — медленно произнесла Чарли. — Не могу поверить, что это происходит наяву.

Выйдя из кухни, я прошел в комнату с видом на сад, где вчера мы пили чай со льдом. Шагнул в стеклянные двери и медленно обошел дом. Спустился по дорожке, прошел мимо клумб, вышел на Бекман-драйв. Прислонился к белому почтовому ящику. Вокруг было тихо. Я слышал только сухой шорох травы, остывающей у меня под ногами.

Затем с запада, со стороны города донесся шум приближающейся машины. Поднявшись на пригорок, она начала сбавлять скорость, и послышался звук щелкающей автоматической коробки передач. Наконец я ее увидел. Коричневый «Бьюик», ничем не примечательный с виду, в нем двое. Низкорослые, смуглые ребята мексиканского типа, в пестрых рубашках. Сбросив скорость, они прижались к левой обочине, глядя на белый почтовый ящик. Я стоял, прислонившись к этому белому почтовому ящику, и смотрел на них. Мы встретились взглядами. Набрав скорость, машина умчалась прочь и скрылась среди пустынных персиковых садов. Выйдя на дорогу, я проводил ее взглядом. Поднявшееся облако пыли показало то место, где машина съехала с идеального асфальта шоссе на грунтовую дорогу. Затем я бегом вернулся в дом, чтобы поторопить Чарли.

Она суетилась, разговаривая сама с собой, словно ребенок, отправляющийся на каникулы. Зачитывала вслух списки. Неплохое средство подавить накатывающуюся панику. В пятницу она была богатой женщиной, не обремененной никакими проблемами, женой преуспевающего банкира. А в понедельник незнакомец, сообщивший ей о смерти мужа-банкира, говорит, что она должна спешно бежать, спасая свою жизнь.

— Обязательно захватите с собой сотовый телефон, — окликнул я Чарли.

Она ничего не ответила. Я слышал только тишину, нарушаемую торопливыми шагами и стуком дверей. Почти целый час я сидел на кухне, нянча чашку с остывшим кофе. Затем послышался автомобильный гудок, на улице зашуршал гравий под грузными шагами. В дверь громко постучали. Сунув руку в карман, я стиснул рукоятку ножа с выкидными лезвиями. Вышел в коридор и открыл дверь.

Рядом с «Бентли» припарковался аккуратный синий седан, а на крыльце стоял огромный негр. Ростом с меня, а то и выше, он весил на добрую сотню фунтов больше. Триста десять, триста двадцать фунтов. Рядом с ним я выглядел легковесом. Негр шагнул вперед со свободной эластичной грациозностью спортсмена.

— Ричер? — спросил он. — Рад познакомиться. Я Пикард, из ФБР.

Мы пожали руки. Негр был просто громадный. В нем была какая-то небрежная деловитость, и я порадовался, что мы с ним по одну сторону баррикады. Мне всегда были по душе такие люди. На них можно положиться, когда тебя загоняют в угол. Внезапно меня захлестнула волна облегчения. Я отступил в сторону, пропуская Пикарда в дом.

— Так, — сказал он. — Финлей мне все рассказал. Я очень сожалею о твоем брате. Очень сожалею. Где мы можем поговорить?

Я провел его на кухню. Он преодолел это расстояние двумя огромными шагами. Оглянувшись вокруг, плеснул себе остатки чуть теплого кофе. Затем, подойдя ко мне, положил руку на плечо. Мне показалось, на меня уронили мешок цемента.

— Основное правило, — сказал Пикард, — все, что здесь происходит, останется неофициальным, так?

Я кивнул. Его голос был под стать внушительной туше. Это был низкий глухой рык. Такой голос был бы у бурого медведя, если бы он выучился говорить. Я никак не мог определить, сколько Пикарду лет. Он относился к категории тех крепко сбитых великанов, чьи лучшие годы длятся десятилетия. Кивнув, Пикард отошел. Прислонил свою тушу к разделочному столику.

— Вы с Финлеем поставили передо мной большую проблему, — сказал он. — Бюро не может начать действовать без официального запроса руководителя местных правоохранительных органов. То есть, этого типа, Тила, так? А из того, что рассказал мне Финлей, я заключил, что старина Тил ни за что не сделает такой запрос. Так что мне может здорово достаться. Но ради Финлея я готов нарушить кое-какие правила. Мы с ним давние приятели. Но ты должен помнить, что все это неофициально, договорились?

Я снова кивнул. По мне так даже было лучше. Намного лучше. Меня полностью устраивал неофициальный характер расследования. Это позволит сделать дело, не обременяя себя формальностями. До воскресенья пять дней. Сегодня утром пять дней казалось мне более чем достаточным. Но сейчас, без Хаббла, времени оставалось в обрез. Слишком мало, чтобы тратить его на формальности.

— Куда вы их поместите? — спросил я.

— В охраняемый дом в Атланте, — сказал Пикард. — Находится в ведении Бюро, мы им пользуемся много лет. Там они будут в безопасности, но где именно это находится, я сказать не могу. И еще я попрошу не выпытывать это у миссис Хаббл, когда все останется позади, хорошо? Дело серьезное. Если я засвечу охраняемый дом, мне влетит по первое число.

— Договорились, Пикард, — сказал я. — Постараюсь не доставлять тебе никаких неприятностей. Огромное спасибо за помощь.

Он кивнул, мрачно, показывая, что не в восторге от происходящего. На кухню пришла Чарли с детьми. У всех в руках были собранные наспех сумки. Пикард представился. Его габариты испугали девочку. У мальчишки округлились глаза при виде значка специального агента ФБР, который показал Пикард. Мы вынесли сумки и уложили их в багажник синего седана. Я попрощался с Пикардом и Чарли. Все сели в машину. Пикард сел за руль. Я помахал им вслед.

Глава 15

Я мчался в Уорбертон в тысячу раз быстрее водителя тюремного автобуса и доехал туда менее чем за пятьдесят минут. Мне открылось потрясающее зрелище. С запада стремительно надвигалась гроза; косые лучи клонящегося к горизонту солнца, пробиваясь сквозь тучи, освещали комплекс. Стальные башни и шпили сверкали в оранжевых лучах. Сбросив скорость, я свернул к въезду в тюрьму. Остановился за первыми воротами. Я не собирался внутрь. С меня хватило того, что было. Пусть Спиви сам выйдет ко мне. Выбравшись из «Бентли», я подошел к охраннику. Тот встретил меня вполне дружелюбно.

— Спиви сегодня дежурит? — спросил я.

— Он вам нужен?

— Передайте, его спрашивает мистер Ричер.

Нырнув в будку, охранник снял трубку. И тотчас же снова высунул голову.

— Он не знает никакого Ричера, — крикнул он.

— Передайте, меня послал Моррисон, — сказал я. — Начальник полиции Маргрейва.

Охранник опять скрылся в будке. Через минуту он появился.

— Хорошо, проезжайте, — сказал он. — Спиви встретит вас в приемном отделении.

— Передайте ему, пусть выходит сюда, — сказал я. — Я буду ждать его на дороге.

Отойдя от ворот, я остановился на обочине шоссе. Это был поединок нервов. Я поспорил сам с собой, что Спиви выйдет ко мне. Через пять минут я буду знать, кто выиграл. Я ждал. С запада доносился запах дождя. Через час нас накроет ливень. Я стоял и ждал.

Появился Спиви. Послышался скрежет решетки ворот. Обернувшись, я увидел выезжающий грязный «Форд». Он остановился рядом с «Бентли». Из машины грузно выбрался Спиви. Подошел ко мне. Жирный, вспотевший, с раскрасневшимися руками и лицом. Его мундир был грязным.

— Помнишь меня? — спросил я.

Его змеиные глазки забегали. Спиви был очень напуган.

— Вы тот самый Ричер. И что с того?

— Точно, — подтвердил я. — Я тот самый Ричер. С пятницы. Так в чем было дело?

Спиви переминался с ноги на ногу. Ему хотелось разыграть из себя крутого. Он уже раскрыл свои карты. Тем, что вышел ко мне. Спиви уже проиграл. Но он молчал.

— Итак, что произошло в пятницу? — повторил я.

— Моррисон мертв, — сказал Спиви. Пожав плечами, он сжал губы. Умолк.

Я вроде бы случайно шагнул влево. Всего на фут, но так, что Спиви загородил своей тушей меня от охранника у ворот. Так что охранник не мог меня видеть. У меня в руке появился нож Моррисона с выкидным лезвием. Я на мгновение поднес его к глазам Спиви. Достаточно, чтобы успеть прочесть золотые буквы на черном дереве. Затем с громким щелчком вылетело лезвие. Маленькие глазки Спиви словно приклеились к нему.

— Ты думаешь, с его помощью я расправился с Моррисоном? — спросил я.

Спиви не мог оторвать взгляда от лезвия, светившегося голубым пламенем в лучах предгрозового солнца.

— Это был не ты, — наконец сказал он. — Но, возможно, у тебя были все основания.

Я улыбнулся. Спиви знал, что это не я убил Моррисона. Следовательно, он знал, кто это сделал. Все так просто. Три простых слова, и я уже кое-чего добился. Я поднес лезвие к жирному, красному лицу.

— Хочешь, чтобы я поработал этим ножиком над тобой? — спросил я.

Спиви испуганно оглянулся. Увидел в тридцати ярдах охранника у ворот.

— Он и не подумает прийти на помощь, — сказал я. — Он ненавидит твои никчемные кишки. Он простой охранник, а ты лизал задницы, добиваясь повышения по службе. Если будешь гореть, он на тебя не помочится, чтобы сбить огонь. Зачем?

— Что ты хочешь? — спросил Спиви.

— Пятница, — сказал я. — Как было дело?

— А если я тебе все расскажу?

Я пожал плечами.

— Все зависит от того, что ты мне расскажешь. Если скажешь правду, я позволю тебе вернуться назад. Итак, хочешь рассказать правду?

Спиви молчал. Мы стояли друг напротив друга на обочине. Поединок нервов. Нервы Спиви были разболтаны до предела. Он проигрывал. Его маленькие глазки постоянно бегали. И все время возвращались к лезвию.

— Хорошо, я все скажу, — наконец не выдержал он. — Время от времени я оказываю небольшие услуги Моррисону. Он позвонил мне в пятницу. Сказал, что направляет сюда двоих. Фамилии для меня ничего не значили. Я никогда не слышал ни о тебе, ни о том втором типе. Я должен был убить этого Хаббла. Вот и все. С тобой ничего не должно было случиться, клянусь.

— Так что же произошло? — спросил я.

— Мои ребята все напутали, — сказал Спиви. — Только и всего, клянусь. Нам нужен был другой. С тобой ничего не должно было случиться. Ты ведь выбрался оттуда, да? Не пострадал, да? Так что тебе от меня надо?

Быстро взмахнув ножом, я ткнул острием ему в шею. Спиви испуганно застыл. Через мгновение из пореза выполз жирный червяк темной крови.

— Как тебе это объяснили? — спросил я.

— Никак, — дрожащим голосом ответил он. — Я просто делаю то, что мне говорят.

— Значит, ты делаешь то, что говорят? — переспросил я.

— Я делаю то, что мне говорят, — повторил Спиви. — Я не хочу ничего знать.

— И кто дал тебе это задание?

— Моррисон, — сказал он. — Моррисон сказал, что надо сделать.

— А кто сказал Моррисону, что надо сделать? — настаивал я.

Я держал лезвие в дюйме от щеки Спиви. Он уже буквально скулил от страха. Я смотрел в его маленькие змеиные глазки. Ему известен ответ на мой вопрос. Я видел это в глубине его глаз. Спиви знал, кто дал задание Моррисону.

— Кто ему сказал, что надо сделать? — повторил я.

— Не знаю, — ответил Спиви. — Я ничего не знаю, клянусь могилой своей матери!

Пристально посмотрев ему в глаза, я покачал головой.

— Ложь, Спиви. Ты знаешь. И сейчас ты мне это расскажешь.

Теперь Спиви покачал головой. Его жирная красная рожа метнулась из стороны в сторону. Кровь стекала по подбородку на дряблую шею.

— Если я скажу, меня убьют, — взмолился он.

Я ткнул ножом ему в живот. Разрезал грязную рубашку.

— А я тебя убью, если ты мне ничего не скажешь.

Такие типы как Спиви мыслят короткими категориями.

Если он мне скажет, его убьют завтра. Если не скажет — сегодня. Вот каким был ход его мыслей. Короткими категориями. Поэтому Спиви собрался говорить. У него задергался кадык, словно у него пересохло в горле. Я смотрел ему в глаза. Он не мог выдавить ни слова. Он был похож на киногероя, ползущего по песчаным барханам и молящего послать ему воду. Но он должен был мне все сказать.

И вдруг все изменилось. За плечом Спиви на востоке показался столб пыли. Затем послышался отдаленный рев дизеля. Наконец я различил серый силуэт приближающегося тюремного автобуса. Стремительно обернувшись, Спиви уставился на свое спасение. Охранник у ворот шагнул навстречу автобусу. Спиви снова повернулся ко мне. В его глазах блеснул недобрый торжествующий огонек. Автобус был совсем близко.

— Кто это был, Спиви? — спросил я. — Лучше скажи сейчас, а то я вернусь.

Но он попятился, развернулся и побежал к своему грязному «Форду». Автобус проревел мимо, обдав меня облаком пыли. Сложив нож, я убрал его в карман. Подбежал к «Бентли» и рванул с места.

Всю дорогу обратно на восток за мной гналась надвигающаяся гроза. Но мне казалось, что меня преследует не только гроза. Меня тошнило от отчаяния. Сегодня утром я находился всего в одном разговоре от того, чтобы узнать всю правду. И до сих пор ничего не знал. Обстоятельства резко изменились к худшему.

У меня не было ничего необходимого, мне никто не помогал. Я не мог рассчитывать на Роско и Финлея. Не мог ожидать, что они согласятся с моим планом. К тому же, у них хватает забот у себя в участке. Как там выразился Финлей? Приходится работать под носом у врага? И я не мог слишком надеяться на Пи-карда. Он и так делает все, что может, нарушая порядки своего Бюро. Я мог рассчитывать только на себя самого.

С другой стороны, меня не волновали никакие законы, запреты, правила. Я мог не беспокоиться по поводу прав Миранды, презумпции невиновности, конституционных прав. Я мог обходиться без неопровержимых улик. Мои противники лишены возможности обжаловать мои действия. Справедливо ли это? А как же. Я имел дело с плохими людьми. Уже давно перешагнувшими черту. С очень плохими. Как там сказал Финлей? Хуже не бывает. И эти люди убили Джо Ричера.

«Бентли» плавно скатился по отлогой горке к дому Роско. Я оставил машину на дороге. Роско дома не было. Ее «Шевроле» нигде не было видно. Большие хромированные часы на приборной панели «Бентли» показывали без десяти минут шесть. Ждать еще десять минут. Я перебрался с переднего сиденья назад. Вытянулся на старой коже.

Мне хотелось уехать на ночь из Маргрейва. Вообще из Джорджии. В кармашке на спинке водительского сиденья я нашел карту. Изучил ее и обнаружил, что если ехать на запад час-полтора, опять мимо Уорбертона, можно пересечь границу штата и попасть в Алабаму. Я решил сделать именно это. Рвануть с Роско на запад, в Алабаму, и завернуть в первый же встретившийся нам бар с живой музыкой. Забыть

до утра обо всех своих невзгодах. Поесть чего-нибудь простого и дешевого, выпить холодного пива, послушать музыку вместе с Роско. Вот как в моем представлении выглядел чертовски интересный вечер. Устроившись поудобнее на просторном сиденье «Бентли», я стал ждать. Сгущались сумерки. Начинало холодать. Около шести по крыше забарабанили тяжелые капли. Казалось, надвигается ливень с грозой. Но дождь так и не начинался. Пока все ограничивалось редкими крупными каплями; небо было готово прорваться, но все-таки выдержало. Вскоре совсем стемнело. В сырой тишине мягко ворчал мощный двигатель.

Роско задерживалась. Ливень грозил начаться вот уже двадцать минут, когда вверху, на дороге наконец показался ее «Шевроле». Свет фар метнулся сначала влево, затем вправо. Прошелся по мне, озарил дверь гаража у дома Роско и умер. Погасив фары, Роско заглушила двигатель. Я вышел из «Бентли» и подошел к ней. Мы обнялись и поцеловались. Направились в дом.

— Как ты? — спросил я. — Все в порядке?

— Надеюсь. День выдался жуткий.

Я кивнул. День действительно был ужасный.

— Никак не можешь прийти в себя?

Роско ходила по дому, зажигая везде свет и задергивая шторы.

— Сегодня утром я видела страшное зрелище. Самое страшное, какое мне только приходилось видеть. Но я скажу тебе кое-что такое, что кроме тебя больше никому не говорила. Моррисона мне нисколько не жалко. Такого человека нечего жалеть. Но мне жалко его жену. Плохо уже то, что она прожила всю жизнь с таким типом, как Моррисон, так она еще и умерла из-за него, правда?

— Ну, а остальные? — спросил я. — Что ты скажешь о Тиле?

— Я нисколько не удивлена. На протяжении двухсот лет у них в семействе были одни мерзавцы и негодяи. Мой род тоже давно в этих местах и хорошо знает Тилов. Почему этот должен был оказаться не таким как остальные? Но, видит Бог, я очень рада, что у нас в участке все оказались чисты. Я пришла бы в ужас, узнав, что у одного из тех, с кем я работала, тоже рыльце в пушку. Не знаю, смогла бы я это перенести.

Роско направилась на кухню, и я пошел следом за ней. Она умолкла. Нельзя сказать, что она сломалась, но радостной ее никак нельзя было назвать. Роско открыла дверь холодильника. Это движение говорило: в буфете пусто. Устало улыбнулась.

— Не хочешь угостить меня ужином? — спросила она.

— Хочу. Но только не здесь. В Алабаме.

Я поделился с ней своей мыслью. Просияв, Роско пошла в душ. Решив, что и мне неплохо помыться, я последовал за ней. Но тут произошла непредвиденная задержка: как только Роско начала расстегивать хрустящую форменную рубашку, у меня вмиг изменились приоритеты. Манящий зов бара в Алабаме отступил на второй план. Да и душ тоже может подождать. Под формой на Роско было черное нижнее белье. Очень соблазнительное. Все кончилось безумством на полу в спальне. Дождь поливал маленький дом. Сверкали молнии, грохотал гром.

В конце концов, мы вернулись в душ. К тому времени нам действительно требовалось вымыться. Затем я лежал в постели и смотрел, как Роско одевается. Она надела линялые джинсы и шелковую блузку. Погасив свет, мы заперли входную дверь и направились к «Бентли». Времени уже было половина восьмого, и гроза уходила на восток, к Чарльстону, чтобы потом побушевать вдоволь над просторами Атлантики. Возможно, завтра она дойдет до Бермудов. А мы поехали на запад, в сторону розовевшего заката. Я отыскал дорогу, ведущую к Уорбертону. Долго петлял по проселкам среди бесконечных черных полей, затем пронесся мимо тюрьмы. Приземистый комплекс был озарен призрачным желтым светом.

Через полчаса после Уорбертона мы остановились и наполнили огромный бензобак «Бентли». Потом ехали мимо табачных плантаций и во Франклине пересекли Чаттаучи по старому мосту. Еще не было девяти, а мы оказались в Алабаме. Мы договорились положиться на волю случая и остановиться в первом же встречном баре.

Примерно через милю мы увидели старое здание у дороги, свернули на стоянку и вышли из машины. Похоже, это было то, что надо. Достаточно просторное, невысокое, из потемневших бревен. Яркий неоновый свет, много машин на стоянке, громкие звуки музыки. Вывеска над дверью гласила: «Омут. Живая музыка семь дней в неделю, начиная с половины десятого вечера». Взявшись за руки, мы с Роско вошли внутрь.

Нам в лицо ударил гул голосов и грохот музыкального автомата. Воздух был пропитан запахом пива. Протиснувшись сквозь толпу, мы увидели расположенные полукругом кабинки, танцевальную площадку и сцену. В действительности сцена представляла собой невысокую бетонную площадку. Должно быть, когда-то это был дебаркадер для погрузки и разгрузки машин. Потолок нависал низко, в баре царил полумрак. Отыскав пустую кабинку, мы устроились внутри. Стали ждать, когда нас обслужат, наблюдая за тем, как готовятся выступать музыканты. Официантки носились по залу баскетбольными центровыми. Одна нырнула к нам, и мы заказали пиво, чизбургеры, жареную картошку и

лук колечками. Официантка вернулась практически тотчас же с маленьким подносом. Выпив и поев, мы попросили повторить.

— Так что ты собираешься делать по делу Джо? — спросила Роско.

Я намеревался довести его до конца. Каким бы оно ни было. Чего бы для этого ни потребовалось. Это решение я принял сегодня утром в теплой постели Роско. Но она служит в полиции. Она приняла присягу стоять на страже самых разных законов. Законов, стоявших у меня на пути. Я не знал, что ей сказать. Но Роско и не ждала, что я отвечу.

— Полагаю, ты должен найти того, кто его убил, — сказала она.

— А дальше?

Но нам пришлось остановиться на этом. Группа начала играть. Разговаривать стало невозможно. Виновато улыбнувшись, Роско покачала головой. Группа играла громко. Роско пожала плечами, извиняясь за то, что я не могу ее слышать. Она показала мне жестом, что продолжит разговор позже, и мы повернулись к сцене. Я жалел о том, что не расслышал ее ответ на свой вопрос.

Бар назывался «Омут», а группа — «Жизнь в омуте». Начало было очень неплохим. Классическое трио. Гитара, бас и барабаны. Уверенно в духе Стиви Рея Воэна. После того как Стиви Рей разбился на вертолете в окрестностях Чикаго, в южных штатах можно смело делить на три число всех белых мужчин моложе сорока, и получится количество групп, воздающих дань восхищения памяти Воэна. Этим занимаются все кому не лень. Потому что для этого нужно совсем немного. Неважно, как ты выглядишь, неважно, какой у тебя инструмент. Достаточно лишь опустить голову и начать играть. Лучшим из этих групп удается приблизиться к проникновенному техасскому блюзу в исполнении Стиви Рея.

Эта группа играла весьма неплохо. «Жизнь в омуте». Музыканты соответствовали своему ироническому названию. Басист и барабанщик были большие и толстые, с длинными, нечесаными, грязными волосами. На гитаре играл маленький смуглый парень, чем-то похожий на старину Стиви Рея. Та же широкая улыбка, демонстрирующая неровные зубы. И он знал свое дело. У него был черный «Гибсон Лес-Пол», подключенный к большому усилителю «Маршалл». Качественный старый звук. Свободно натянутые толстые струны и двойные звукосниматели перегружали ламповый «Маршалл», выдавая сочный, гудящий крик, которого невозможно добиться никаким другим способом.

Мы с Роско наслаждались вечером. Пили пиво, прижимаясь друг к другу. Потом вышли танцевать. Не смогли удержаться. Группа играла и

играла. В зале было многолюдно и душно. Музыка становилась все громче и быстрее. Официантки носились туда-сюда с длинными вытянутыми бутылками.

Роско выглядела бесподобно. Ее шелковая блузка промокла. Под блузкой у нее ничего не было. Это было видно по тому, как влажный шелк лип к телу. Я был на седьмом небе. Я в простом старом баре, в обществе потрясающей женщины, слушаю приличную группу. Джо придется подождать до завтра. Маргрейв находился в миллионе миль отсюда. У меня не было никаких проблем. Я хотел, чтобы вечер никогда не кончался.

Группа играла очень долго. Когда она закончила, было за полночь. Мы вспотели и устали. О том, чтобы возвращаться назад, не могло быть и речи. Снова начал накрапывать дождь. Нам не хотелось ехать полтора часа под дождем. Особенно, если учесть, что мы набрались пива. Мы запросто могли окончить путь в кювете или в полицейском участке. Дорожный знак сообщал, что в миле отсюда есть мотель. Роско предложила отправиться туда. Ее это очень развеселило. Как будто мы откуда-то сбежали. Как будто я увез ее в другой штат именно ради этого. Если честно, я об этом не думал. Но у меня не было настроения возражать.

Поэтому мы, пошатываясь, вышли из бара, пытаясь справиться со звоном в ушах, и направились к «Бентли». Я медленно и осторожно вел большую старую машину по мокрому шоссе. Через милю мы увидели мотель. Длинное приземистое старое здание, какое можно увидеть только в кино. Свернув к мотелю, я зашел в контору и поднял ночного дежурного. Расплатился и попросил, чтобы нас разбудили рано утром.

Получил ключи и вернулся к машине. Подъехал к нашему домику. Мы вошли. Это было тихое, приличное место. В Америке такое можно найти где угодно. По крыше барабанил дождь, но внутри было тепло и уютно. И кровать была большая.

Я не хотел, чтобы Роско простудилась. Ей надо было снять промокшую блузку. Я так ей и сказал. Она рассмеялась. Сказала, что не подозревала о том, что я силен в медицине. Я ответил, что нас учили основам на чрезвычайный случай.

— А сейчас как раз чрезвычайный случай? — хихикнула Роско.

— Скоро наступит, — улыбнулся я. — Если ты не снимешь блузку.

Так что, в конце концов, Роско была вынуждена снять блузку. И я тотчас же набросился на нее. Она была такой красивой, такой соблазнительной. Готовой на все.

Потом мы лежали в изнеможении, переплетенные друг с другом, и говорили. О том, кто мы, о том, что у нас в прошлом. О том, кем мы хотим быть и чем заниматься. Роско рассказала про свою семью. Это была история неудачи, растянувшейся на несколько поколений. Простые, порядочные люди, фермеры, которым, казалось, до успеха в жизни было рукой подать, но только они так его и не добились. Заложники природы, они бились изо всех сил, еще когда не было удобрений, не было сельскохозяйственных машин. Один из далеких предков все же выбился в люди, но потерял все лучшие земли, когда прадед мэра Тила построил железную дорогу. Потом были какие-то закладные, и с годами хозяйство приходило во все больший упадок. Роско любила свой родной Маргрейв, но не могла смотреть, как Тил расхаживает по нему, словно город принадлежит ему. Хотя в действительности так оно и было. Тилы из поколения в поколение были хозяевами Маргрейва.

Я рассказал Роско о Джо. Сказал ей то, о чем больше никому не говорил. Все то, что я держал в себе. Рассказал о своих чувствах к нему и том, почему должен расплатиться за его смерть. О том, что сделаю это с радостью. Мы говорили о личном, близком сердцу. Говорили долго и заснули в объятиях друг друга.

Казалось, почти сразу же к нам в дверь постучал дежурный, которого попросили разбудить нас рано утром. Наступил вторник. Мы собрались и вышли на улицу. Утреннее солнце боролось с холодной росой. Через пять минут мы уже были в «Бентли», катящемся на восток. Поднимающееся над горизонтом солнце слепило нас через запотевшее лобовое стекло.

Постепенно мы пробуждались, приходили в себя. Мы пересекли границу и оказались снова в Джорджии. Во Франклине переехали через реку. Быстро помчались по пустынной дороге. Поля прятались под плавающим в воздухе покрывалом тумана, висевшего над красноземом облаками пара. Взбирающееся вверх солнце вело с ним смертельную борьбу.

Мы молчали. Старались как можно дольше сохранить интимный кокон. Вернувшись в Маргрейв, мы и так разорвем этот пузырь. Поэтому я вел большой, величественный автомобиль по шоссе и думал. Думал о том, что впереди будет еще много ночей, таких, как эта. За которыми будет следовать тихое, спокойное утро, такое, как это. Роско сидела на удобном сиденье, обтянутом кожей, обхватив себя руками. Погруженная в размышления. Она казалась очень счастливой. По крайней мере, я на это надеялся.

Мы опять промчались мимо Уорбертона. Тюрьма плавала над ковром тумана призрачным городом. Проехали мимо рощицы, которую я видел

из окна тюремного автобуса, мимо полей с ровными рядами кустов. Доехали до развилки и свернули на юг, мимо ресторана Ино, полицейского участка и пожарной части, по Главной улице. Повернули налево у памятника человеку, отобравшему хорошие земли, чтобы построить железную дорогу. Спустились вниз к дому Роско. Я поставил машину на обочине, и мы вышли, зевая и потягиваясь. Переглянулись друг с другом и улыбнулись. Нам было весело. Взявшись за руки, мы пошли к дому.

Входная дверь была приоткрыта. Не распахнута настежь, а лишь приоткрыта на дюйм-два. Она была приоткрыта потому, что замок был выбит. Кто-то выломал его фомкой. И расщепленный косяк не давал двери закрыться до конца. Зажав рот рукой, Роско ахнула, широко раскрыв глаза. Перевела взгляд с двери на меня.

Схватив за локоть, я отстранил ее. Мы прильнули к двери гаража. Пригнулись. Обошли вокруг дома, прижимаясь к стенам, прислушиваясь у каждого окна, распрямляясь на мгновение, чтобы заглянуть в каждую комнату. Мы вернулись к выломанной двери, промокшие от ползания на коленях по сырой земле среди влажных от росы растений. Мы выпрямились. Переглянулись, пожали плечами. Распахнули дверь и вошли в дом.

Мы посмотрели всюду. В доме никого не было. Все цело. Все на своих местах. Ничего не украдено. Стереокомплекс на месте, телевизор на месте. Роско заглянула в шкаф. Служебный револьвер по-прежнему в кобуре на ремне. Она проверила ящики письменного стола и комода. В них никто не рылся, никто ничего не трогал. Выйдя в коридор, мы снова переглянулись. И тут я заметил то, что все же оставили незваные гости.

В распахнутую входную дверь проникали косые лучи утреннего солнца, падавшие на пол. Я различил на паркете следы. Много следов. Несколько человек вошли в дверь и направились в гостиную. Следы обрывались у ковра в гостиной. Снова появлялись на деревянном полу в спальне. Возвращались через гостиную к входной двери. Их оставили люди, пришедшие с дождя. Тонкая пленка грязной дождевой воды, высохнув на деревянном полу, оставила едва различимые следы, но отчетливые. Я насчитал не меньше четырех ночных гостей. Вошедших и вышедших. Разобрал отпечатки, оставленные подошвами их обуви. Все были обуты в резиновые галоши. В такие же, какие носят зимой на севере.

Глава 16

Ночью за нами приходили. Эти люди рассчитывали, что будет море крови. Они пришли со своим снаряжением. В резиновых галошах и нейлоновых комбинезонах. С ножами, молотком, мешочком гвоздей.

Они собирались сделать с нами то же, что сделали с Моррисоном и его женой.

Они открыли запретную дверь. Это была их вторая роковая ошибка. Теперь они могут считать себя трупами. Я буду охотиться на них и с улыбкой наблюдать за тем, как они умирают. Потому что, напав на меня, они как бы снова напали на Джо. Он больше не мог вступиться за меня. Мне был брошен второй вызов. Меня оскорбили второй раз. Тут дело не в самозащите. Я не мог допустить осквернения памяти Джо.

Роско изучала следы. Классическая реакция. Отрицание опасности. Этой ночью к ней в дом пришли четыре человека, чтобы зверски с ней расправиться. Она это понимала, но не обращала на это внимания. Закрыла двери сознания. Решила проблему тем, что не стала ее решать. Неплохой подход, но пройдет немного времени, и Роско сорвется с натянутой над пропастью проволоки. А пока она внимательно изучала следы на полу своего дома.

Эти люди проникли в ее дом, чтобы найти нас. Разделившись в спальне, они обошли весь дом. Снова встретились в спальне и ушли. Мы попытались найти следы на улице, но гладкий мокрый асфальт парил. Мы вернулись в дом. Никаких следов, кроме выломанного замка и едва различимых отпечатков галош по всему дому.

Мы не обменялись ни словом. Я пылал гневом и наблюдал за Роско. Ждал, когда прорвется плотина. Она видела трупы Моррисонов. Я — нет. Финлей обрисовал мне детали. С меня хватило и этого. Финлей там был. Увиденное его потрясло. Роско тоже была там. Она видела то, что неизвестные собирались сделать с нами.

— Так за кем же они приходили? — наконец спросила Роско. — За мной, за тобой или за нами обоими?

— Они приходили за нами обоими, — сказал я. — Они решили, что в тюрьме Хаббл мне что-то рассказал. Решили, что я передал это тебе. Так что, по их мнению, сейчас нам известно все то, что знал Хаббл.

Роско рассеянно кивнула. Отошла и прислонилась к двери черного входа. Уставилась на аккуратный садик, засаженный вечнозелеными растениями. У меня на глазах она побледнела. Ее охватила дрожь. Защитные рубежи рухнули. Она забилась в угол. Прижалась к стене. Уставившись в никуда, словно увидев что-то ужасное. Зарыдала так, будто у нее разбилось сердце. Я подошел и обнял ее. Крепко прижал к груди и держал так, давая ей выплакать страх и напряжение. Роско плакала долго. Жалобно всхлипывая, заливаясь горячими слезами. У меня промокла рубашка.

— Слава богу, нас вчера здесь не было, — прошептала она.

Я знал, что должен успокоить ее своей уверенностью.

Страх никуда ее не приведет. Только высосет из нее все силы. Она должна научиться смотреть правде в глаза. Ей придется столкнуться с молчаливым мраком сегодня ночью. А также все последующие ночи.

— А я жалею о том, что меня здесь не было, — решительно заявил я. — Тогда мы получили бы ответы на кое-какие вопросы.

Роско посмотрела на меня как на сумасшедшего. Покачала головой.

— И что бы ты сделал? — спросила она. — Убил всех четверых?

— Нет, только троих. А четвертый нам бы ответил.

Я произнес это уверенным голосом. Как можно более убедительно. Как будто другой возможности просто не существовало. Роско посмотрела на меня. Я хотел, чтобы она увидела здоровенного силача, прослужившего в армии долгих тринадцать лет и умеющего убивать голыми руками. Ледяные голубые глаза. Я вложил в них все, что у меня было. Дал себе мысленную установку излучать неуязвимость, спокойствие, уверенность. Я использовал пристальный немигающий взгляд, которым в свое время усмирял пьяных морских пехотинцев. Я хотел, чтобы Роско почувствовала себя в безопасности. Я должен был отплатить ей за то, что она сделала для меня. Я не хотел, чтобы ей было страшно.

— Для того чтобы меня одолеть, потребуется что-то получше четырех провинциальных громил, — сказал я. — Кого они пытаются обмануть? Я мешал с дерьмом гораздо более серьезных противников. Если эти подонки еще раз осмелятся сюда сунуться, их унесут на носилках. И еще я тебе скажу вот что, Роско: если кто-нибудь только подумает о том, чтобы сделать тебе больно, он умрет прежде, чем додумает до конца эту мысль.

У меня получилось. Мне удалось ее убедить. Я хотел, чтобы она была бодра, крепка, уверена в себе. Усилием воли я заставил ее взять себя в руки. Это мне удалось. Поразительно прекрасные глаза Роско зажглись огнем.

— Верь мне, Роско, — сказал я. — Держись за меня, и все будет в порядке.

Она снова посмотрела на меня. Откинула волосы назад.

— Даешь слово?

— Положись на меня, крошка.

Я затаил дыхание.

Роско нервно вздохнула. Оторвалась от стены. Попыталась храбро улыбнуться. Кризис миновал. Она пришла в себя.

— А теперь нам надо поскорее убраться отсюда, — сказал я. — Нельзя торчать здесь неподвижными мишенями. Так что бросай самое необходимое в сумку.

— Хорошо, — согласилась Роско. — А ты не хочешь тем временем починить замок?

Я задумался. Это будет важный тактический ход.

— Нет, — наконец сказал я. — Если мы починим замок, это будет означать, что мы его видели. А раз мы его видели, значит, мы знаем об угрозе. Пусть лучше наши враги считают, что мы ничего не знаем. Потому что в этом случае они в следующий раз не предпримут дополнительные меры предосторожности. Так что мы никак не отреагируем на случившееся. Притворимся, будто мы не видели выломанную дверь. Будем строить из себя невинных глупцов. Если наши враги примут нас за невинных глупцов, они потеряют бдительность. И в следующий раз их будет проще выследить.

— Ладно, — сказала Роско.

Похоже, мои слова ее убедили не до конца, но она все же согласилась со мной.

— Так что набивай сумку, — повторил я.

Роско без особой радости пошла собирать вещи. Игра началась. Я не знал, кто мои противники. Даже не имел понятия, в какую игру мы играем. Но я знал, как в нее играть. Первым делом я хотел убедить наших врагов, что мы все время отстаем от них на шаг.

— Мне сегодня идти на работу? — спросила Роско.

— Обязательно. Все должно быть как обычно. И нам нужно переговорить с Финлеем. Он ждет звонка из Вашингтона. Кроме того, понадобится все, что мы сможем узнать об этом Шермане Столлере. Но не беспокойся, никто не откроет по нас пальбу прямо в полицейском участке. Для этого выберут какое-нибудь тихое укромное местечко. Желательно ночью. Во всем участке единственный плохой тип — Тил, так что не оставайся с ним наедине. Держись Финлея, Бейкера или Стивенсона, договорились?

Роско кивнула. Сходила приняла душ и переоделась для работы. Через двадцать минут она вышла из спальни уже в форме. Одернула рубашку. Готова к новому дню. Она посмотрела на меня.

— Не забыл свое обещание?

Она произнесла эту короткую фразу как вопрос, как извинение, как заклинание. Я посмотрел ей в глаза.

— Будь спокойна, — подмигнув, сказал я.

Роско кивнула. Подмигнула в ответ. Все в порядке. Мы вышли из дома, оставив входную дверь чуть приоткрытой, как она и была.

Я спрятал «Бентли» у Роско в гараже, поддерживая иллюзию, будто мы не возвращались. Затем мы сели в ее «Шевроле» и решили начать день с завтрака у Ино. После высокого старого «Бентли» машина показалась низкой и неудобной. Навстречу ехал грузовик: темно-зеленый, очень чистый, совершенно новый. На борту была надпись затейливым золотым шрифтом: «Фонд Клинера». Такой же машиной пользовались вчера садовники.

— Что за грузовик? — спросил я у Роско.

Она свернула направо у круглосуточного магазинчика. Стала подниматься по Главной улице.

— У фонда много грузовиков.

— Чем они занимаются? — не отставал от нее я.

Старик Клинер у нас большая шишка. Город продал ему землю под склады, и в сделке было оговорено, что Клинер будет финансировать социальные программы. Ими заправляет из мэрии Тил.

— Вот как? — переспросил я. — Тил наш враг.

— Он заправляет ими потому, что он мэр, — возразила Роско. — А не потому, что он Тил. Деньги расходуются на дороги, скверы, библиотеку, кредиты малому бизнесу. Очень много достается полицейскому участку. Я, например, получила субсидию на покупку дома — только потому, что служу в полиции.

— А Тилу это дает огромную власть, — заметил я. — А как насчет Клинера-младшего? Мальчишка пытался отвадить меня от тебя. Заявил, что первый предъявил свои права.

Ее передернуло.

— Ненормальный ублюдок! Я стараюсь его избегать. И тебе надо вести себя так же.

Она поехала дальше, то и дело тревожно оглядываясь по сторонам. Как будто опасаясь чего-то. Как будто кто-то мог выскочить на улицу перед нами и открыть огонь. Ее спокойная жизнь в глуши Джорджии

закончилась. Ее разбили четверо, приходившие к ней в дом вчера ночью.

Мы свернули на гравий перед заведением Ино, и большой «Шевроле» мягко закачался на рессорах. Я соскользнул с низкого сиденья, и мы заскрипели гравием, направляясь в ресторан. День был пасмурный. Ночной дождь принес прохладу и оставил разбросанные по всему небу обрывки туч. Стены заведения казались серыми и унылыми. У меня было такое ощущение, будто сменилось время года.

Мы вошли в ресторан. Там никого не было. Мы сели в кабинку, и официантка в очках принесла нам кофе. Мы заказали яичницу с беконом и гарнир. На стоянку подъехал черный пикап. Тот самый пикап, который я уже видел трижды. Но водитель был другой. Не мальчишка Клинер. Мужчина в годах. Лет под шестьдесят, но поджарый и плотный. Серо-стальные волосы, остриженные под корень. Он был одет как фермер, во все джинсовое. Судя по его виду, он много времени проводил на открытом воздухе, на солнце. Даже сквозь стекло я почувствовал силу, горящую в его глазах.

— Это старик Клинер, — сказала Роско. — Собственной персоной.

Войдя в ресторан, Клинер остановился в дверях. Посмотрел налево, посмотрел направо, подошел к стойке. Из кухни появился Ино. Мужчины обменялись вполголоса парой фраз, склонив головы друг к другу. Затем Клинер выпрямился, повернулся к двери. Посмотрел налево, посмотрел направо. На мгновение задержал взгляд на Роско. У него было вытянутое, плоское и жесткое лицо. Рот казался высеченной на нем полосой. Затем Клинер перевел взгляд на меня. Мне показалось, меня осветили прожектором. Рот Клинера приоткрылся в усмешке. У него были поразительные зубы. Длинные клыки, загнутые внутрь, и плоские квадратные резцы, желтые, как у матерого волка. Потом губы сомкнулись, и он отвел взгляд. Распахнул дверь и заскрипел гравием. Взревев мощным двигателем, пикап рванул с места, разбрасывая дождь мелкого щебня.

Проводив машину взглядом, я повернулся к Роско.

— Расскажи мне поподробнее об этих Клинерах, — сказал я.

Она до сих пор не могла прийти в себя.

— А что? Нам приходится бороться за свою жизнь, а ты хочешь говорить о Клинерах?

— Мне нужна информация, — сказал я. — Куда ни сунься, всюду всплывает фамилия Клинер. Сам Клинер показался мне интересным типом. У него тот еще сынок. И я видел его жену. Она очень несчастна. Мне хочется знать, не связано ли это с чем-то еще.

Пожав плечами, Роско покачала головой.

— Не представляю, какая тут может быть связь, — сказала она. — Клинеры в наших краях живут недавно, всего пять лет как приехали. Несколько поколений назад их семейство сколотило себе состояние на хлопке в Миссисипи. Изобрело какое-то удобрение, какую-то новую формулу. Что-то с хлором и натрием, точно я не знаю. Они заработали кучу денег, но потом у них возникли неприятности с департаментом защиты окружающей среды — понимаешь, отходы, сброс в реки и тому подобное. Рыба дохла до самого Нового Орлеана.

— И что было дальше? — спросил я.

— Клинер перенес свой завод в другое место. К тому времени компания перешла к нему. Он закрыл производство в Миссисипи и открыл его где-то в Венесуэле. Потом решил расширить сферу деятельности. Пять лет назад появился в Джорджии, построил эти склады, теперь занимается бытовой техникой и электроникой.

— Значит, Клинеры не местные?

— Впервые их увидели в наших краях пять лет назад, — сказала Роско. — Много о них не могу сказать. Но ничего плохого я не слышала. Клинер, похоже, человек крутой, быть может, даже беспощадный, но в этом ведь нет ничего плохого, если ты не рыба.

— А чем так напугана его жена? — спросил я.

Роско состроила гримасу.

— Она не напугана, она больна. Быть может напугана тем, что больна. Она ведь при смерти. Но Клинер в этом не виноват.

Появилась официантка с нашим заказом. Мы молча поели. Гарнир был превосходный. Яичница оказалась просто восхитительной. Этот парень Ино умеет готовить яйца. Я запил все несколькими пинтами кофе. Официантке пришлось бегать туда и обратно, наполняя кофейник.

— Для тебя что-нибудь значит слово «pluribus»? — спросила Роско. — У вас с братом в детстве ничего не было с ним связано?

Подумав, я покачал головой.

— Это латынь? — продолжала она.

— По-моему, это ведь часть девиза Соединенных Штатов? — сказал я. «E Pluribus Unum». То есть «из множества один». Одно государство, созданное из нескольких прежних колоний.

— Значит, «pluribus» значит «много»? — спросила Роско. — Джо знал латынь?

Я пожал плечами.

— Понятия не имею. Возможно, и знал. Он был эрудированный. Наверняка знал зачатки латыни. Но точно сказать не могу.

— Ну, хорошо. У тебя нет никаких мыслей, почему Джо оказался здесь?

— Возможно, деньги, — неуверенно произнес я. — Только это и приходит в голову. Насколько мне известно, Джо работал в Государственном казначействе. Хаббл работал в банке. Быть может, мы все узнаем, получив ответ из Вашингтона. Если нет, придется начинать сначала.

— Хорошо. Тебе что-нибудь понадобится?

— Мне нужен протокол того задержания во Флориде, — сказал я.

— Ты насчет Шермана Столлера? — удивилась Роско. — Это же было два года назад.

— Надо же с чего-то начать.

— Ладно, вышлю запрос. — Она пожала плечами. — Свяжусь с Флоридой. Что-нибудь еще?

— Мне нужен пистолет.

Роско ничего не ответила. Я положил на стол двадцатку, и мы вышли из кабинки. Направились к «Шевроле».

— Мне нужен пистолет, — повторил я. — Игра идет по-крупному, так? Значит, мне нужно оружие. А я не могу просто взять и купить его в магазине. У меня нет ни документов, ни постоянного адреса.

— Хорошо, — сдалась Роско, — я тебе что-нибудь достану.

— Разрешения на ношение у меня нет, — сказал я. — Так что тебе придется действовать без особого шума, поняла?

Она кивнула.

— Все в порядке. У меня есть одна штуковина, о которой никто не знает.

На стоянке перед зданием полицейского участка мы обменялись долгим страстным поцелуем. Затем вышли из машины и прошли через массивные стеклянные двери. Чуть не столкнулись с Финлеем, спешившим на улицу.

— Надо вернуться в морг, — сказал он. — Не хотите съездить со мной? Нам нужно поговорить. Накопилось много вопросов.

Мы снова вышли на пасмурную улицу. Сели в «Шевроле» Роско. Разместились так же, как и в прошлый раз. Роско за рулем. Я сзади. Финлей справа спереди, развернувшись так, чтобы можно было одновременно говорить с нами обоими. Роско завела машину и поехала на юг.

— У меня был долгий разговор с Государственным казначейством, — начал Финлей. — Продолжался минут двадцать, а то и полчаса. Я боялся, как бы меня не застал врасплох Тил.

— И что тебе сказали? — спросил я.

— Ничего. Им потребовалось полчаса, чтобы не сказать ничего.

— Ничего? — переспросил я. — Что это значит, черт побери?

— Мне отказались что-либо сообщить, — сказал Финлей. — Для того чтобы вытянуть из них хотя бы слово, требуется куча запросов и санкций от Тила.

— Но они подтвердили, что Джо работал у них? — спросил я.

— Да, в этом они все же уступили. Джо пришел к ним из военной разведки десять лет назад. Его пригласили специально. За ним долго охотились.

— Почему? — спросил я.

Финлей пожал плечами.

— Мне не объяснили. Ровно год назад он начал заниматься каким-то совершенно новым делом, но все это держится в строжайшей тайне. Одно могу сказать, Ричер: твой брат был там очень большой шишкой. Ты бы слышал, как о нем отзывались. Как будто речь шла о самом Господе Боге.

Я молчал. Мне ничего не было известно о моем брате. Совершенно ничего.

— И это все? — наконец спросил я. — Это все, что ты узнал?

— Нет, — сказал Финлей. — Я давил до тех пор, пока не вышел на женщину по имени Молли-Бет Гордон. Тебе знакомо это имя?

— Нет, — сказал я. — А должно быть знакомо?

— По-видимому, они с Джо были очень близки. Похоже, у них были какие-то отношения. Эта Молли-Бет очень расстроилась. Залилась слезами.

— И что она тебе рассказала?

— Ничего. Без санкции она не имеет права говорить. Но она обещала рассказать все, что знает, тебе. Сказала, что ради тебя отступит от правил, потому что ты младший братишка Джо.

Я кивнул.

— Так, это уже лучше. Когда я смогу с ней поговорить?

— Позвони ей около половины второго, — сказал Финлей. — У них будет перерыв на обед, и она останется одна в кабинете. Она рискует навлечь на себя большие неприятности, но с тобой она поговорит. По крайней мере, так она обещала.

— Хорошо, — сказал я. — Больше она ничего не сказала?

— В разговоре она случайно обмолвилась об одной детали. Джо запланировал большое совещание. На утро в следующий понедельник.

— В следующий понедельник? — переспросил я. — То есть как раз после следующего воскресенья?

— Точно, — подтвердил Финлей. — Судя по всему, Хаббл был прав. В ближайшее воскресенье или чуть раньше должно произойти что-то важное. Чем бы ни занимался Джо, черт побери, похоже знал, что к понедельнику все так или иначе разрешится. Но ничего конкретного Молли-Бет не сказала. Она и так нарушила правила тем, что согласилась разговаривать со мной, причем, по-видимому, она говорила, опасаясь, что ее услышат. Так что позвони ей, Ричер, но не строй слишком большие надежды. Вполне возможно, ей ничего не известно. В этой конторе левая рука не знает, что делает правая. Секретность по полному разряду, точно?

— Бюрократия, — поправил его я. — Кому это нужно, черт возьми? Ладно, придется действовать, исходя из предпосылки, что мы одни. По крайней мере, какое-то время одни. Нам снова понадобится Пикард.

Финлей кивнул.

— Он сделает все, что сможет. Вчера вечером он мне звонил. Хabблы в безопасном месте. Пока что Пикард остается в стороне, но если понадобится, он придет нам на помощь.

— Пусть попробует проследить Джо, — сказал я. — Джо должен был пользоваться машиной. Скорее всего, он прилетел из Вашингтона в Атланту самолетом, снял номер в гостинице и взял напрокат машину, верно? Надо найти эту машину. Именно на ней он приехал сюда в четверг ночью. Скорее всего, она брошена где-то здесь. По машине мы сможем выйти на гостиницу. Возможно, в номере Джо что-нибудь есть. Какие-нибудь бумаги.

— Пикард не сможет этим заняться, — сказал Финлей. — ФБР не занимается розыском брошенных машин, взятых напрокат. И сами мы тоже не можем этим заняться, пока над нами маячит Тил.

Я пожал плечами.

— Придется. Иного выхода нет. Попробуй навешать Тилу лапшу на уши. Подхвати его же собственное вранье. Скажи, что по твоим предположениям вышедший на свободу уголовник, расправившийся с Моррисонами, пользовался взятой напрокат машиной. Скажи, что должен это проверить. Тил не сможет тебе отказать, в противном случае он развалит свою же собственную версию, правильно?

— Хорошо, — согласился Финлей, — я попробую. Быть может, что-нибудь и получится.

— У Джо должны были быть какие-то номера телефонов, — сказал я. — Тот, что вы обнаружили у него в ботинке, оторван от компьютерной распечатки, так? А где остальная часть этой распечатки? Готов поспорить, в гостиничном номере лежит распечатка, исписанная телефонными номерами, а в самом верху был оторванный номер Хаббла. Так что, когда будет найдена машина, ты сможешь выкрутить Пи-карду руку и заставить его через компанию по найму выйти на гостиницу, так?

— Так, — сказал Финлей. — Сделаю все, что смогу.

Доехав до Йеллоу-Спрингс, мы свернули к больничному комплексу и сбросили скорость, прыгая на «лежачих полицейских». Проехали до стоянки в самом конце. Остановились у дверей морга. Я не хотел заходить внутрь. Там до сих пор был Джо. У меня мелькнули смутные мысли насчет организации похорон. Я никогда прежде этим не занимался. Моего отца хоронила морская пехота США. Мать хоронил Джо.

Но я вышел из машины, и мы шагнули в прохладу морга. Отыскали убогий кабинет. За столом сидел тот же самый врач-патологоанатом. В том же белом халате. По-прежнему усталый. Он махнул рукой, и мы сели. На этот раз я устроился на стуле. Мне не хотелось снова стоять рядом с факсом. Врач поочередно осмотрел нас. Мы молча смотрели на него.

— Что у вас для нас? — спросил Финлей.

Усталый человек за столом приготовился отвечать. Как готовится к лекции преподаватель. Взяв из стопки слева от себя три папки, он бросил их на стол, раскрыл верхнюю, раскрыл вторую.

— Моррисоны, — сказал он. — Мистер и миссис.

Врач снова посмотрел на нас. Финлей кивнул.

— Убиты после предварительных истязаний, — продолжал патологоанатом. — Последовательность не вызывает сомнений. Женщину держали. На мой взгляд, двое, за руки, заломив их за спину. Сильные кровоподтеки на запястьях и руках, порваны связки. Несомненно, образование кровоподтеков продолжалось с того момента, как ее схватили, и до самой смерти. Вы понимаете, что после остановки кровообращения образование кровоподтеков прекращается?

Мы кивнули. Нам было все понятно.

— По моим оценкам, это продолжалось десять минут, — сказал врач. — Десять минут, от начала до конца. Итак, женщину держали. Мужчину прибили гвоздями к стене. Полагаю, к этому моменту оба уже были раздеты донага. Перед нападением они были в нижнем белье, так?

— В халатах, — уточнил Финлей. — Они завтракали.

— Ладно, но халаты были быстро сняты. Мужчину прибили гвоздями к стене и полу, через ступни. Его гениталии подверглись ампутации. Мошонка была отрезана. Вскрытие позволяет предположить, что женщину заставили съесть отрезанные части тела.

В кабинете стало тихо, как в гробнице. Роско посмотрела на меня. Долго не отрывала взгляд. Затем повернулась к врачу.

— Я обнаружил их у нее в желудке, — наконец сказал патологоанатом. Роско побледнела как его халат. Мне показалось, она вот-вот рухнет вперед со стула. Закрыв глаза, она вцепилась в спинку. Только что ей рассказали, что собирались сделать с нами вчера ночью.

— И? — спросил Финлей.

— Женщина подверглась истязаниям, — продолжал врач. — Отрезана грудь, изуродованы половые органы, перерезано горло. Затем перерезали горло мужчине — последняя нанесенная рана. Это можно определить по брызгам артериальной крови из его сонной артерии, наложившимся на все остальные пятна крови в комнате.

В кабинете наступила мертвая тишина, продлившаяся довольно долго.

— Оружие? — спросил я.

Врач за столом перевел усталый взгляд на меня.

— Несомненно, что-то острое, — сказал он. Едва заметно усмехнувшись. — Прямое лезвие, дюймов пять длиной.

— Бритва? — спросил я.

— Нет, — уверенно ответил он. — Определенно что-то очень острое, но жестко крепящееся на рукоятке, а не складывающееся, и двустороннее.

— Почему?

— Есть свидетельства того, что им действовали в обе стороны. — Патологоанатом махнул рукой взад и вперед. — Вот так. Как нарезают филе лосося. Так резали грудь женщине.

Я кивнул. Роско и Финлей молчали.

— А что насчет третьего трупа? — спросил я. — Столлера?

Отодвинув папки Моррисонов в сторону, патологоанатом раскрыл третью. Взглянул в нее и посмотрел на меня. Третья папка была более пухлая, чем первые две.

— Его фамилия Столлер? — спросил врач. — У нас он значится как «неизвестный мужчина».

Роско подняла взгляд.

— Мы направили вам факс, — сказала она. — Вчера утром. Его отпечатки пальцев имелись в картотеке.

Патологоанатом порылся на захламленном столе. Нашел скрученный лист факса. Прочитал и кивнул. Зачеркнул на папке «Неизвестный мужчина» и написал «Шерман Столлер». Снова улыбнулся.

— Он у меня с воскресенья, — сказал врач. — Понимаете, я успел с ним поработать. Правда, его обглодали крысы, но он не измочален в месиво, в отличие от первого трупа, и в целом сохранился гораздо лучше Моррисонов.

— И что вы можете нам сказать? — спросил я.

— Вы насчет пуль, да? — переспросил патологоанатом. — Не могу ничего добавить, кроме того, что установлена точная причина смерти.

— А что еще вы смогли установить?

Папка была слишком толстой для описания одних выстрелов, бега и смерти от потери крови. Определенно, у врача было что нам рассказать. Он прижал пальцы к странице, словно пытаясь уловить внутренние колебания или прочесть надпись шрифтом Бройля.

— Он был водителем грузовика, — наконец сказал он.

— Вот как? — удивился я.

— Я так считаю, — уверенно произнес он.

Финлей встрепенулся. В нем пробудилось любопытство. Ему нравилось наблюдать за процессом дедукции. Это его зачаровывало. Он был в восторге от моих рассуждений насчет Гарварда, развода, бросания курить.

— Продолжайте, — сказал Финлей.

— Ну, хорошо, вкратце вот что, — сказал патологоанатом. — Я установил несколько весьма убедительных факторов. Работа сидячая, потому что мускулатура слабая, спина сгорбленная, ягодицы дряблые. Довольно огрубелые руки, в кожу въелись частицы дизельного топлива. Также частицы дизельного топлива в подошвах ботинок. Внутренние органы: плохое питание, повышенное содержание жиров, к тому же многовато гидроокиси серы в крови и тканях. Этот человек всю свою жизнь проводил на оживленных магистралях, нюхая автомобильные выхлопы. Из-за дизельного топлива я бы сказал, что он был водителем грузовика.

Финлей кивнул. Я тоже кивнул. Столлер поступил в морг без документов, без истории болезни, вообще без чего бы то ни было кроме часов. Этот врач знал свое дело. Он с удовлетворением отметил наши одобрительные кивки. Похоже, ему еще было что нам сказать.

— Но он уже довольно давно не работает, — сказал врач.

— Почему? — спросил Финлей.

— Потому что все следы старые, — пояснил врач. — У меня получается, он шоферил очень долго, но затем перестал. На мой взгляд, в последние девять месяцев, быть может, год он почти не сидел за рулем. Так что это водитель грузовика, но оставшийся без работы.

— Отлично, док, замечательная работа, — похвалил его Финлей. — У вас есть для нас копия всего сказанного?

Врач протянул пухлый конверт. Финлей его взял. Мы встали. Мне хотелось выйти. У меня не было желания снова отправляться в холодильник. Почувствовав это, Роско и Финлей кивнули. Мы поспешно вышли на улицу, словно куда-то опаздывали. Врач проводил нас взглядом. Он насмотрелся на людей, поспешно выходивших из его кабинета, словно куда-то опаздывающих.

Мы сели в машину Роско. Финлей открыл пухлый конверт и достал бумаги относительно Шермана Столлера. Сложил их и убрал в карман.

— Пока что это принадлежит нам, — сказал он. — Быть может, они нас куда-нибудь приведут.

— Я запрошу данные об аресте Столлера из Флориды, — сказала Роско. — И мы выясним его адрес. За профессиональным водителем

остается длинный бумажный след, ведь так? Профсоюз, медицинская страховка, лицензия. Надеюсь, это будет достаточно просто.

Оставшуюся часть пути до Маргрейва мы ехали молча. В полицейском участке не было никого, кроме дежурного сержанта.

В Маргрейве обеденный перерыв, в Вашингтоне тоже обеденный перерыв. Один и тот же часовой пояс. Достав из кармана клочок бумаги, Финлей протянул его мне, а сам остался сторожить у дверей кабинета, отделанного красным деревом. Я снял трубку, чтобы позвонить женщине, вероятно, бывшей возлюбленной моего брата.

По номеру, который дал мне Финлей, я вышел сразу на Молли-Бет Гордон. Она сняла трубку после первого звонка. Я назвал себя. Она расплакалась.

— Ваш голос так похож на голос Джо.

Я ничего не ответил. Я не хотел погружаться в воспоминания. Женщина также не должна была хотеть этого, если она действительно нарушила правила и рисковала тем, что наш разговор услышат. Она должна сказать мне то, что знает, и положить трубку.

— Так чем занимался Джо? — спросил я.

Послышалось шмыганье носом, затем отчетливо прозвучал ее голос.

— Он проводил расследование. В чем именно оно заключалось, я не знаю.

— Но хоть в каком направлении? В чем состояла его работа?

— А разве вы не знаете? — удивилась она.

— Не знаю. Мы надолго теряли друг друга из виду. Боюсь, вам придется начать с самого начала.

На противоположном конце последовала долгая пауза.

— Ну, хорошо, — наконец сказала женщина. — Мне не следовало бы говорить вам об этом без соответствующей санкции. Но я скажу. Фальшивые деньги. Ваш брат занимался борьбой с фальшивомонетчиками.

— С фальшивомонетчиками? — переспросил я.

— Да, — подтвердила Молли-Бет. — Он возглавлял специальный отдел. Руководил всеми операциями. Ваш брат был поразительный человек, Джек.

— Но почему он оказался в Джорджии? — спросил я.

— Не знаю, — сказала она. — Честное слово, не знаю. Но я собираюсь выяснить это специально для вас. Я могу скопировать файлы с компьютера Джо. Мне известен пароль.

Последовала новая пауза. Теперь мне было кое-что известно о Молли-Бет Гордон. Я посвятил много времени компьютерным паролям. Как и все военные полицейские. Я изучал психологию. Большинство пользователей выбирает пароль плохо. Некоторые доходят до того, что пишут его на листке бумаги и приклеивают рядом с монитором. Те, кто умнее, используют в качестве пароля имя жены, кличку собаки, название любимой машины или фамилию футболиста, название острова, на котором провели медовый месяц или впервые совратили свою секретаршу. Тот, кто считает себя совсем умным, использует не слова, а цифры, но он выбирает дату своего рождения, годовщины свадьбы или еще что-нибудь вполне очевидное. Обладая кое-какой информацией о пользователе, можно с высокой степенью вероятности угадать пароль.

С Джо такой вариант не проходил. Мой брат был профессионалом. Он много лет служил в военной разведке. Его пароль должен представлять собой случайный набор цифр, букв, знаков препинания, в верхнем и нижнем регистрах. Его пароль расколоть невозможно. Если он известен Молли-Бет Гордон, значит, Джо сам сказал ей его. Только так. Значит, он действительно ей доверял. Они были близки. Поэтому в моем голосе прозвучала нежность.

— Молли, это было бы замечательно, — сказал я. — Мне очень нужна эта информация.

— Знаю. Надеюсь завтра же ее скопировать. Я перезвоню вам сразу как смогу, как только что-нибудь узнаю.

— Здесь, в Джорджии, печатают фальшивые деньги? — спросил я. — Все дело в этом?

— Нет, — сказала она. — Это происходит совсем не так и не в Штатах. Все рассказы о пугливых человечках в темных очках, печатающих фальшивые доллары в темных подвалах, — полная чушь. Такое осталось в прошлом. И в этом заслуга Джо. Джек, ваш брат был гений. Несколько лет назад он ввел строгий контроль за продажей специальной бумаги и краски, так что если кто-нибудь и вздумает заняться этим делом, его схватят через считанные дни. Стопроцентная защищенность. В Соединенных Штатах фальшивые деньги больше не печатают, Джо об этом позаботился. Все фальшивые доллары поступают из-за границы. Вот чем сейчас занимался Джо. Международными фальшивомонетчиками. Почему он оказался в Джорджии, я не знаю. Честное слово. Но завтра же я это выясню, обещаю.

Я дал ей телефон полицейского участка и предупредил, чтобы она не говорила ни с кем, кроме меня, Роско и Финлея. Затем Молли поспешно положила трубку, словно опасаясь быть застигнутой врасплох. Я сидел за столом, пытаясь представить, как она выглядит.

В участок вернулся Тил. Вместе с ним пришел старший Клинер. Они долго стояли у стола дежурного и разговаривали вполголоса друг с другом. Клинер говорил с Тилом так, как перед тем говорил с Ино в ресторане. Вероятно, о делах фонда.

Роско и Финлей стояли у камер. Я подошел к ним. Заговорил тихим голосом.

— Фальшивые деньги. Джо занимался в казначействе борьбой с фальшивыми деньгами. Вы ничего не слышали о подобном в ваших краях?

Оба пожали плечами и покачали головами. Я услышал, как открылась входная дверь. Обернулся. Клинер вышел на улицу, а Тил направился к нам.

— Я уже ухожу, — сказал я.

Пройдя мимо Тила, я открыл дверь. Клинер стоял на стоянке у черного пикапа, очевидно дожидаясь меня. Он улыбнулся, обнажив волчьи зубы.

— Примите мои соболезнования, — сказал он.

У него был негромкий, поставленный голос, в котором чувствовалось хорошее образование. Голос никак не вязался с загорелым, обветренным лицом.

— Вы оскорбили моего сына, — продолжал Клинер.

Он пристально посмотрел на меня. В его глазах вспыхнул огонь. Я пожал плечами.

— Ваш мальчишка первый оскорбил меня.

— Чем? — резко спросил Клинер.

— Тем, что живет и дышит, — сказал я.

Я направился через стоянку. Клинер забрался в черный пикап. Завел двигатель и тронулся. Он повернул на север. Я повернул на юг. Пошел пешком к дому Роско. Мне предстояло пройти полмили по первой осенней прохладе. Десять минут быстрым шагом. Я вывел «Бентли» из гаража. Поднялся назад в город. Повернул направо на Главную улицу и медленно прокатился по ней. Я смотрел налево и направо под аккуратные полосатые маркизы, ища магазин одежды. Нашел его в

третьем здании к северу от парикмахерской. Заплатил полученными от Чарли Хаббл деньгами угрюмому продавцу средних лет за брюки, рубашку и пиджак. Светло-коричневый цвет, так близко к строгой официальности, на которую я был готов пойти. Без галстука. Я надел новые вещи в примерочной. Сложил старую одежду в сумку и бросил ее в багажник «Бентли».

Пройдя три дома на юг, я поравнялся с парикмахерской. Тот из стариков, что помоложе, как раз выходил на улицу. Остановившись, он взял меня за руку.

— Как тебя зовут, сынок? — спросил он.

Не было никаких причин ему не отвечать. По крайней мере, я их не видел.

— Джек Ричер.

— У тебя здесь были друзья-мексиканцы?

— Нет.

— А теперь есть. Двое. Ищут тебя повсюду.

Я посмотрел на старика-негра. Он равнодушно глядел на улицу.

— Кто они? — спросил я.

— Никогда раньше их не видел. Маленькие, в пестрых рубашках, коричневая машина. Ходили и спрашивали у всех Джека Ричера. Мы сказали, что никогда не слышали ни о каком Джеке Ричере.

— И когда это было?

— Сегодня утром, — сказал старик. — После завтрака.

Я кивнул.

— Я все понял. Спасибо.

Негр распахнул передо мной дверь.

— Заходи. Мой напарник тебя обслужит. Но сегодня утром он какой-то чересчур веселый. Наверное, стареет.

— Спасибо, — повторил я. — Увидимся.

— Надеюсь, надеюсь, сынок, — заулыбался старик.

Он не спеша удалился по Главной улице, а я зашел в парикмахерскую. Старший из двух негров был там. Сморщенный старик, чья сестра пела

вместе со Слепым Блейком, и больше никого. Кивнув старику, я сел в кресло.

— Доброе утро, дружище, — приветствовал меня он.

— Вы меня помните? — спросил я.

— Конечно, помню. Вы были нашим последним клиентом. После вас у нас больше никого не было.

Я попросил, чтобы он меня побрил, и старик стал взбивать пену.

— Я был вашим последним клиентом? — спросил я. — Это же было в воскресенье. А сегодня вторник. Дела всегда идут так плохо?

Выпрямившись, старик махнул бритвой.

— Уже много лет, — сказал он. — Старый мэр Тил к нам не заходит, а что не делает мэр, не будут делать и остальные белые. Кроме старого мистера Грея из полиции, он как часы заходил к нам три или четыре раза в неделю, пока не повесился, упокой Господи его душу. Вы первый белый клиент с прошлого февраля, да, сэр, это точно.

— А почему Тил сюда не заходит? — спросил я.

— Наверное, боится. По-моему, ему не по душе сидеть закутанным в простыню, когда рядом стоит чернокожий с бритвой в руке. Наверное, он опасается, как бы с ним чего не случилось.

— А может случиться?

Старик издал короткий смешок.

— Полагаю, риск очень большой, — сказал он. — Осел.

— Значит, у вас хватает чернокожих клиентов, чтобы зарабатывать на жизнь? — продолжал я.

Обернув меня полотенцем, негр принялся намыливать мне подбородок.

— Парень, нам не нужны клиенты, чтобы заработать на жизнь.

— Не нужны? Почему?

— Мы получаем деньги от города.

— Вот как? И сколько же?

— Тысячу долларов.

— И кто их вам платит? — спросил я.

Негр принялся скоблить бритвой мой подбородок. Руки у него тряслись, как это бывает у стариков.

— Фонд Клинера, — прошептал он. — Социальная программа. Помощь малому бизнесу. Ее получают все, кто имеет свое дело. Так продолжается вот уже пять лет.

Я кивнул.

— Все это хорошо. Но на тысячу долларов в год вы не проживете. Конечно, это лучше чем ничего, но без клиентов вам все равно не обойтись, ведь так?

Я просто поддерживал разговор, как это бывает в парикмахерских. Но старик завелся. Он затрясся, закашлял смехом. Ему пришлось приложить все силы, чтобы добрить меня до конца. Я с опаской смотрел в зеркало. После прошедшей ночи будет обидно, если мне случайно перережут горло.

— Дружище, я не должен говорить об этом, — прошептал негр. Но поскольку ты друг моей сестры, я открою тебе большую тайну.

У него в голове все смешалось. Я не был другом его сестры. Я ее в глаза не видел. Он сам рассказал мне о ней. Негр стоял у меня за спиной, держа в руке бритву. Мы смотрели друг на друга в зеркало. Как тогда с Финлеем в магазинчике.

— Тысяча долларов не в год, — прошептал он, нагибаясь к самому моему уху. — Тысяча долларов в неделю.

После этого он запрыгал вокруг меня, хохоча будто одержимый. Наполнив водой раковину, он смыл остатки пены. Промокнул мне лицо теплым влажным полотенцем. Затем сдернул с меня простыню, словно фокусник.

— Вот почему мы обходимся без клиентов, — хихикнул старик.

Расплатившись, я вышел. Он явно спятил.

— Передай привет моей сестре, — крикнул старик мне вдогонку.

Глава 17

Ехать до Атланты почти пятьдесят миль. Дорога заняла около часа. Автострада привела меня прямо в город. Я направился к самым высоким зданиям. Как только появились отделанные мрамором вестибюли, я вышел из машины, подошел к полицейскому на ближайшем перекрестке и спросил, где находится деловой район.

По его указанию я прошел полмили пешком, после чего банки стали встречаться мне один за другим. «Санрайз Интер» располагался в отдельном здании. Большая башня из стекла и бетона, перед которой имелась площадка с фонтаном. Эта часть напоминала Милан, но подъезд, облицованный мрачным гранитом, вызывал в памяти Франкфурт или Лондон. Попытка изобразить солидный банк. В вестибюле обилие темных ковров и кожи. Секретарша за столом из красного дерева. Казалось, я попал в роскошный отель.

Я спросил, в каком кабинете работает Пол Хаббл, и секретарша раскрыла справочник. Извинившись, она сказала, что работает здесь недавно, не знает меня, поэтому придется подождать, пока она получит разрешение меня пропустить. Сняв трубку телефона, секретарша заговорила тихим голосом. Затем она закрыла трубку рукой.

— Могу я узнать цель вашего визита?

— Я друг мистера Хаббла.

Снова поговорив по телефону, секретарша предложила пройти к лифту. Мне предстояло подняться на семнадцатый этаж. Войдя в кабину, я нажал кнопку. Стоял и ждал, когда меня поднимут наверх.

Семнадцатый этаж напоминал скорее клуб. Ковры, деревянные панели на стенах, приятный полумрак. Обилие сверкающего антиквариата и старинных полотен. Я направился вперед, но открылась дверь, и мне навстречу шагнул мужчина в костюме. Он пожал мне руку и предложил вернуться в небольшую приемную. Представился каким-то управляющим. Мы сели.

— Итак, чем могу вам помочь? — спросил мужчина.

— Я ищу Пола Хаббла, — сказал я.

— Могу я поинтересоваться, зачем?

— Мы с ним старые друзья, — сказал я. — Пол как-то говорил, что работает здесь, и я решил заглянуть к нему. Я здесь проездом.

Мужчина в костюме кивнул. Опустил взгляд.

— Видите ли, все дело в том, — сказал он, — что мистер Хаббл здесь больше не работает. К сожалению, мы были вынуждены уволить его полтора года назад.

Я тупо кивнул. И стал ждать, сидя в этом маленьком кабинете и глядя на мужчину в костюме. Надеясь, что немного молчания сможет его разговорить. Если я начну задавать вопросы, он, скорее всего, замкнется. Станет скрытным, как это свойственно юристам и банкирам. Но я видел, что он любит поболтать, как и многие управляющие. Дай им

возможность, они постараются всеми силами пустить тебе пыль в глаза. Поэтому я сидел неподвижно и ждал. Наконец мужчина в костюме начал извиняться передо мной, поскольку я был другом Хаббла.

— Понимаете, он был ни в чем не виноват, — сказал он. — Мистер Хаббл великолепно справлялся со своей работой, но мы просто ушли из этой сферы деятельности. Стратегическое решение, очень неприятные последствия для тех, кого это коснулось, но таков бизнес.

Я кивнул с таким видом, будто что-то понял.

— Видите ли, я уже довольно давно не общался с Полом, — сказал я. — И я не совсем в курсе, чем именно он здесь занимался.

Я улыбнулся. Постарался изобразить дружелюбие и неведение. В банке для этого особых усилий не требуется. Я одарил мужчину в костюме своим самым обаятельным взглядом. Гарантированный прием разговорить болтливого человека. Я уже не раз добивался этим успеха.

— Мистер Хаббл занимался розничным оборотом, — сказал управляющий. — Мы закрыли это направление.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Розничным оборотом?

— Прямыми расчетами. Понимаете, наличностью, чеками, векселями, частными лицами.

— И вы закрыли это направление? Почему?

— Слишком дорого, — объяснил он. — Большие накладные расходы, маленькая прибыль. Увы.

— Пол занимался именно этим?

Управляющий кивнул.

— Мистер Хаббл занимался наличностью, — сказал он. — Это очень важная работа. И он с ней справлялся великолепно.

— В чем именно состояла его работа?

Управляющий не знал, как мне объяснить. Не знал, с чего начать. Он начинал говорить пару раз, но оба раза умолкал.

— Вы понимаете, что такое наличные деньги? — наконец сказал он.

— У меня есть сколько-то, — сказал я. — Но я не уверен, понимаю ли я, что это такое.

Встав, управляющий махнул рукой, приглашая меня подойти к окну. С высоты семнадцатого этажа мы посмотрели на прохожих, идущих по улице. Управляющий указал на мужчину в костюме, идущего по тротуару.

— Возьмем, к примеру, этого господина, — сказал он. — Попробуем сделать кое-какие предположения, хорошо? Вероятно, живет в своем доме в пригороде, имеет домик для отдыха, две закладные, две машины, полдюжины различных фондов, пенсионное обеспечение, играет на бирже, дети учатся в престижном колледже, пять-шесть кредитных карточек, дисконтные карточки, дебетовые карточки. Скажем, всего около полумиллиона, хорошо?

— Хорошо, — согласился я.

— Но сколько у него при себе наличности? — спросил управляющий.

— Понятия не имею.

— Долларов пятьдесят. Пятьдесят долларов в кожаном бумажнике стоимостью сто пятьдесят долларов.

Я недоуменно посмотрел на него, не понимая, к чему он клонит. Он не терял терпения. Решил зайти с другой стороны.

— Экономика Соединенных Штатов огромная. Совокупные доходы и совокупные обязательства исчисляются невероятно большими суммами. Триллионы долларов. Но большая часть не представлена в конкретных банкнотах. Этот господин имеет полмиллиона долларов, из которых лишь пятьдесят имеются в наличных купюрах. Все остальное на бумаге или в памяти компьютера. Я веду все к тому, что на самом деле наличных денег очень немного. Всего в Соединенных Штатах около ста тридцати миллиардов наличных долларов.

Я снова пожал плечами.

— По-моему, этого более чем достаточно.

Управляющий смерил меня строгим взглядом.

— Но сколько у нас в стране жителей? — спросил он. — Почти триста миллионов. То есть, на каждого жителя приходится всего около четырехсот пятидесяти наличных долларов. Вот проблема, с которой изо дня в день сталкиваются банки, занимающиеся розничным оборотом. Четыреста пятьдесят долларов — очень скромная сумма, но если все жители страны захотят взять по четыреста пятьдесят долларов, наличность в банках иссякнет в мгновение ока.

Остановившись, управляющий посмотрел на меня. Я кивнул.

— Хорошо. Это я понял.

— А наличность в основном сосредоточена не в банках, — продолжал он. — Она в Лас-Вегасе или на скачках. Сосредоточена в так называемых «областях концентрации наличности». Хорошему специалисту по наличности, а мистер Хаббл был одним из лучших в своем деле, приходится вести постоянную борьбу за пополнение запасов бумажных долларов. Он должен их искать. Он должен знать, где их искать. Он должен буквально их вынюхивать. Это очень непросто. В конце концов, именно поэтому данный род деятельности оказался для нас слишком хлопотным. Именно поэтому мы и ушли из этой сферы. Мы держались сколько могли, но были вынуждены свернуть розничный оборот. И нам пришлось уволить мистера Хаббла. Мы сделали это с тяжелым сердцем.

— Вы не имеете понятия, где он работает сейчас? — спросил я.

Управляющий покачал головой.

— Боюсь, я ничем не могу вам помочь.

— Но должен же он где-нибудь работать? — настаивал я.

Он снова покачал головой.

— Как профессионал он выпал из поля зрения. В банковском деле мистер Хаббл больше не работает, это я заявляю с полной уверенностью. Его членство в финансовой гильдии автоматически прекратилось, а запросов насчет рекомендаций мы не получали. Извините, но я ничем не могу вам помочь. Если бы мистер Хаббл работал в банковской сфере, мне обязательно было бы об этом известно, уверяю вас. Должно быть, он переключился на что-то совершенно другое.

Я пожал плечами. След Хаббла был холодным как лед, и разговор с управляющим был окончен. Об этом красноречиво говорил язык его жестов. Он подался вперед, готовый встать и уйти. Я поднялся с места. Поблагодарил его за то, что он потратил на меня время. Пожал ему руку. Прошел через антикварный полумрак к лифту. Нажал кнопку первого этажа и вышел на пасмурную улицу.

Мои предположения оказались в корне неверны. Я считал Хаббла банкиром, занимающимся честным делом. Быть может, закрывающим глаза на какие-то махинации, быть может, частично замешанным в них. Например, он мог вписывать в какую-то бумагу дутые цифры, так как ему выкрутили руки. Я видел его зараженным гнилью, соучастником, но не центральным персонажем. Но Хаббл не был банкиром. Не был уже полтора года. Он был преступником. Это стало его основным местом работы. Он находился в самой гуще махинации. В самом центре. А вовсе не на периферии.

Я сразу вернулся в полицейский участок Маргрейва. Поставил машину на стоянку и отправился искать Роско. В дежурном помещении маячил Тил, но сержант, подмигнув, указал кивком на комнату архива. Роско была там. Она выглядела очень уставшей. В руках у нее была стопка старых папок.

— Привет, Ричер, — улыбнулась она. — Приехал, чтобы спасти меня от всего этого?

— Что нового? — спросил я.

Роско бросила стоику на стол. Стряхнула с себя пыль и откинула волосы назад. Взглянула на дверь.

— Два момента, — сказала она. — Через десять минут Тил уходит на совещание совета фонда. Как только за ним закроется дверь, я получу факс из Флориды. И мы ждем звонка от полиции штата по поводу брошенных машин.

— Где пистолет, что ты приготовила для меня? — спросил я.

Роско замялась. Прикусила губу. Она вспомнила, почему мне нужно оружие.

— В коробке, — сказала она. — У меня на столе. Надо подождать до тех пор, пока Тил не уйдет. И не открывай ее здесь, хорошо? Об этом никто не знает.

Выйдя из архива, мы прошли в кабинет. В дежурном помещении было тихо. Два полицейских, обеспечивавших прикрытие в пятницу, листали компьютерные распечатки. Повсюду аккуратные стопки папок. Напряженные поиски убийцы начальника полиции. Я заметил на стене новую доску объявлений. Она была подписана: «Моррисон». На ней ничего не было. Пока что никакого прогресса.

Мы присоединились к Финлею и стали ждать. Пять минут. Десять. Наконец послышался стук в дверь, и в кабинет заглянул Бейкер. Улыбнулся. Я снова увидел его золотой зуб.

— Тил ушел, — сказал Бейкер.

Мы вышли в дежурное помещение. Роско включила факс п сняла трубку, чтобы позвонить во Флориду. Финлей связался с полицией штата, выясняя сведения о брошенных машинах. Я сел за стол Роско и позвонил Чарли Хаббл. Я набрал номер сотового телефона, который Джо спрятал в своем ботинке. Мне никто не ответил. Только гудок и записанный на магнитофон голос, сообщающий, что абонент недоступен.

Я повернулся к Роско.

— Черт побери, она отключила сотовый, — сказал я.

Пожав плечами, Роско занялась факсом. Финлей продолжал говорить с полицией штата. Бейкер мотался по периметру треугольника, образованного нами троими. Встав, я подошел к Роско.

— Бейкер тоже хочет участвовать? — вполголоса спросил я.

— Похоже на то, — ответила она. — Финлей сделал из него часового. Как ты думаешь, рассказать ему, что к чему?

Подумав, я покачал головой.

— Нет. В таких делах, чем меньше народу, тем лучше.

Вернувшись за стол Роско, я снова набрал номер сотового телефона. Тот же результат. Тот же терпеливый электронный голос, объясняющий, что абонент недоступен.

— Проклятье! — выругался я. — Разве можно в это поверить?

Мне необходимо было узнать, где Хаббл проводил время последние полтора года. Чарли могла подбросить какую-нибудь мысль. Когда он уходил по утрам на работу, когда вечерами возвращался домой, в каких ресторанах обедал, какие счета оплачивал. Кроме того, возможно, она вспомнила что-либо насчет следующего воскресенья или «pluribus». Или еще что-нибудь полезное. А мне требовалось что-нибудь полезное. Очень требовалось. А Чарли, черт возьми, выключила свой телефон.

— Ричер! — окликнула меня Роско. — Я получила сведения о Шермане Столлере.

Она держала в руках две странички из факса, покрытые плотным мелким шрифтом.

— Замечательно, — сказал я. — Давай посмотрим.

Положив трубку, Финлей подошел к нам.

— Ребята из штата обещали перезвонить, — сказал он. — Быть может, у них что-нибудь найдется для нас.

— Замечательно, — повторил я. — Будем надеяться, это поможет нам сдвинуться с места.

Мы втроем вернулись в кабинет. Разложили на столе данные по Шерману Столлеру и склонились над ними. Это был рапорт о задержании из полицейского управления Джексонвилля, штат Флорида.

— Слепой Блейк родился в Джексонвилле, — заметил я. — Вы это знали?

— Кто такой Слепой Блейк? — спросила Роско.

— Певец, — ответил Финлей.

— Гитарист, Финлей, — поправил я.

Шермана Столлера остановила патрульная машина за превышение скорости на мосту между Джексонвиллем и Джексонвилль-Бичем без четверти двенадцать ночи, два года назад, в сентябре. Он ехал на небольшом грузовике на одиннадцать миль быстрее допустимого. Столлер отнесся к задержанию очень возбужденно и пытался оказать сопротивление экипажу патрульной машины. Это стало причиной его ареста по подозрению в управлении транспортным средством в состоянии опьянения. В центральном управлении полиции Джексонвилля у Столлера сняли отпечатки пальцев и сфотографировали. В качестве своего постоянного места жительства он назвал адрес в Атланте.

Личный обыск дал отрицательные результаты. Машина была обыскана вручную и с помощью служебной собаки, также с отрицательным результатом. Груз состоял из двадцати новых кондиционеров, предназначенных для отправки за рубеж через порт в Джексонвилль-Биче. Все коробки были запечатаны и помечены клеймом фирмы-изготовителя; на каждой имелся серийный номер продукции.

После того, как Столлеру были зачитаны права Миранды, он сделал один телефонный звонок. Через двадцать минут после звонка в полицию прибыл адвокат по фамилии Перес из уважаемой джексонвилльской конторы «Захария Перес», и еще через десять минут Столлер был отпущен на свободу. Всего с момента задержания до того, как он в сопровождении адвоката вышел из полицейского участка, прошло пятьдесят пять минут.

— Очень интересно, — сказал Финлей. — Этот тип находится в трехстах милях от дома, на дворе полночь, и через двадцать минут к нему прибегает адвокат? Причем не кто-нибудь, а партнер уважаемой конторы? Столлер был далеко не простым водителем грузовика, это точно.

— Адрес его тебе знаком? — спросил я у Роско.

Она покачала головой.

— Нет, но я могу поискать.

Дверь со скрипом приоткрылась, и снова показалась голова Бейкера.

— На связи полиция штата, — сказал он. — Похоже, вашу машину нашли.

Финлей взглянул на часы. Решил, что до возвращения Тила время еще есть.

— Хорошо. Бейкер, переключи звонок сюда.

Сняв трубку, Финлей стал слушать. Записал кое-что на листке, пробормотал слова благодарности. Положил трубку и встал.

— Что ж, давайте съездим и посмотрим.

Мы быстро вышли из здания. Нам нужно было уехать отсюда до того, как Тил вернется и начнет задавать вопросы. Бейкер проводил нас взглядом. Крикнул нам вдогонку:

— Что сказать Тилу?

— Скажи, мы нашли машину, — ответил Финлей. — Ту, на которой сумасшедший уголовник приезжал к Моррисонам. Передай, в деле наметился прогресс.

На этот раз за руль сел Финлей. У него тоже был «Шевроле» без опознавательных знаков, абсолютно такой же, как у Роско. Выехав со стоянки, он повернул на юг и на большой скорости пронесся через городок. Первые несколько миль были мне знакомы как шоссе на Йеллоу-Спрингс, но затем мы свернули на ответвление, отходящее строго на восток. Оно вело в сторону автострады и заканчивалось маленькой площадкой. Груды затвердевшего асфальта, бочки из-под битума. И машина. Она скатилась с откоса и лежала на крыше. Сгоревшая.

— Ее обнаружили в пятницу утром, — сказал Финлей. — В четверг машины не было, в этом ребята уверены. Возможно, именно на ней приехал Джо.

Мы тщательно осмотрели машину. Впрочем, смотреть особенно было не на что. Машина выгорела дотла. От всего, что было не из железа, остался только пепел. Невозможно было даже определить модель. По форме Финлей предположил, что это машина концерна «Дженерал Моторс», но какой именно марки, сказать было нельзя. Седан средних размеров, но после того, как пластмассовая облицовка исчезла, «Бьюик» не отличишь от «Шевроле» или «Понтиака».

Попросив Финлея подержать передний бампер, я забрался под капот. Стал искать заводской номер кузова. Мне пришлось соскоблить слой копоти, но я нашел маленькую алюминиевую табличку, и прочитал почти все знаки. Выполз из-под машины и повторил номер Роско. Она его записала.

— Что ты думаешь? — спросил Финлей.

— Может быть, это та самая машина, — сказал я. — Скажем, Джо взял ее напрокат в четверг вечером в аэропорту Атланты с полным баком. Приехал к складам у развилки на Маргрейв, потом кто-то перегнал машину сюда. Всего было израсходовано два — два с половиной галлона бензина. Осталось достаточно для того, чтобы спалить ее дотла.

Финлей кивнул.

— Разумно. Но это могли сделать только местные. Для того, чтобы бросить машину, места лучше не придумаешь, верно? Подогнать машину к откосу, столкнуть ее вниз, потом спуститься и поднести зажигалку, затем поспешить к своему дружку, который ждет в своей машине. Но только если знаешь об этой площадке. А об этой маленькой площадке знают только местные жители, так?

Мы вернулись в полицейский участок. Финлея встретил сержант.

— Тил ждет тебя у себя в кабинете, — сказал он.

Проворчав что-то себе под нос, Финлей направился туда, но я поймал его за руку.

— Задержи его, — сказал я. — Пусть Роско позвонит в Детройт и попытается по номеру кузова узнать, что это была за машина.

Кивнув, Финлей ушел. Мы с Роско направились к ее столу. Она потянулась к телефону, но я ее остановил.

— Дай мне пистолет, — шепнул я. — Пока Тил занят с Финлеем.

Кивнув, Роско оглянулась вокруг. Села и отстегнула связку ключей от ремня. Отперла свой письменный стол и выдвинула глубокий ящик. Кивнула на небольшую картонную коробку. Я достал коробку. Это была коробка из-под бумаги, глубиной около двух дюймов. Картон был покрыт затейливым узором. Кто-то вывел на нем фамилию: «Грей». Сунув коробку под мышку, я кивнул Роско. Задвинув ящик, она заперла стол.

— Спасибо, — сказал я. — А теперь можешь звонить.

Подойдя к выходу, я толкнул спиной тяжелую стеклянную дверь. Подошел к «Бентли». Положил коробку на крышу машины и отпер дверь. Бросил коробку на сиденье и сел за руль. Положил коробку на колени. Увидел на шоссе коричневый седан, начавший сбавлять скорость в ста ярдах от развилки.

В нем два мексиканца. Та самая машина, которую я вчера видел у дома Чарли Хаббл. Те же двое внутри. Сомнений быть не могло. Машина остановилась в семидесяти пяти ярдах от здания участка. Плавно застыла, словно у нее заглушили двигатель. Из машины никто не

вышел. Мексиканцы сидели и смотрели на стоянку перед полицейским участком. Мне показалось, они смотрят прямо на «Бентли». Похоже, мои новые друзья наконец меня нашли. Они искали меня все утро. Но больше им искать нечего. Они не двигались. Сидели в машине и смотрели на меня. Я минут пять смотрел на них. Они не собирались выходить из машины. Я это понял. Судя по всему, поселились здесь. Поэтому я переключил свое внимание на коробку.

Она была пуста, если не считать коробки патронов и пистолета. И какого — чертовски хорошего! Это был автоматический пистолет «Дезерт Игл». Мне уже приходилось таким пользоваться. Их производят в Израиле. В армии мы выменивали такие на то, чем нас снабжали. Я взял пистолет. Очень тяжелый, ствол четырнадцать дюймов, общая длина более полутора футов. Я достал обойму. Это была восьмизарядная модификация под патрон 44-го калибра. Восемь патронов «Магнум». Такое оружие никак не назовешь тихим и незаметным. Пуля весит вдвое больше, чем у полицейского револьвера 38-го калибра. Она покидает ствол со сверхзвуковой скоростью. Ударяет в цель с энергией, уступающей только столкновению с поездом. Совсем не тихое оружие. Проблема с выбором боеприпасов. Если использовать пулю с твердым наконечником, она пробьет насквозь того, в кого ты стрелял, а также, вероятно, еще и того, кто стоит за ним в ста ярдах. Но можно использовать пулю с мягким наконечником, которая, выходя из тела, вырывает кусок размером с мусорное ведро. Выбор за стрелком.

Все пули в коробке были с мягкими наконечниками. Я ничего не имел против. Я проверил оружие. Оно было в идеальном состоянии. Все работало. На рукоятке выгравирована фамилия. «Грей». Та же самая, что и на коробке. Умерший следователь, предшественник Финлея. Повесился в феврале. Должно быть, собирал оружие. Это не был его табельный пистолет. Ни одна полиция в мире не разрешит использовать на работе подобную пушку. К тому же, слишком тяжелую.

Я зарядил огромный пистолет покойного следователя восемью патронами. Остальные оставил в коробке, а коробку бросил на пол машины. Дослал патрон в патронник и поставил пистолет на предохранитель. Как мы говорили в армии, оружие «готовое и запертое». Позволяет сберечь решающую долю секунды перед выстрелом. Возможно, спасти жизнь. Я убрал пистолет в отделанный ореховым деревом бардачок «Бентли». Он поместился с трудом.

Затем я посмотрел на двоих мексиканцев. Они по-прежнему сидели в машине и следили за мной. Мы переглянулись, разделенные семьюдесятью пятью ярдами. Мексиканцы сидели расслабившись, уютно развалившись на сиденьях. Но не спускали с меня глаз. Выйдя из «Бентли», я запер машину. Поднялся по ступеням и потянул дверь.

Оглянулся на коричневый седан. Мексиканцы не двинулись с места, продолжая следить за мной.

Роско сидела за своим столом, разговаривая по телефону. Она махнула рукой. Возбужденно. Подняла руку, предлагая мне подождать. Я следил за дверью в кабинет, моля бога о том, чтобы Тил вернулся не раньше, чем Роско закончит разговор.

Мэр появился в тот самый момент, когда она положила трубку. У него было побагровевшее лицо. Он был чем-то взбешен. Принялся расхаживать по дежурному помещению, громко стуча по полу тяжелой палкой. С раздражением взглянул на пустую доску. Высунувшись из своего кабинета, Финлей кивнул мне, приглашая зайти. Поймав взгляд Роско, я пожал плечами и пошел узнать, что случилось.

— Что у вас произошло? — спросил я.

Финлей рассмеялся.

— Я довел его до белого каления. Тил спросил, какую машину мы искали. Я ответил, что ничего мы не искали. Мы сказали Бейкеру, что поедем перекусить на моей машине. Он не расслышал, и решил, что мы едем искать какую-то машину.

— Берегись, Финлей, — сказал я. — Эти люди готовы пойти на все. Игра идет по-крупному.

Он пожал плечами.

— Иначе я сойду с ума. Должны же у меня быть свои маленькие радости, правда?

Финлей остался жив, прослужив двадцать лет в Бостоне. Возможно, он переживет и это.

— Что слышно от Пикарда? — спросил я. — Вы с ним связывались?

— Ничего. Он пока выжидает.

— Как ты думаешь, он мог прислать сюда двоих людей? Наблюдать за происходящим?

Финлей уверенно покачал головой.

— Об этом не может быть и речи. Сначала он обязательно предупредил бы меня. А что?

— За участком следят двое, — сказал я. — Приехали минут десять назад. В простом коричневом седане. Вчера они были у дома Хаббла, а сегодня катались по городу, расспрашивая обо мне.

Финлей снова покачал головой.

— Это не люди Пикарда. Он обязательно предупредил бы меня.

Роско вошла в кабинет и закрыла за собой дверь. Оставила руку на ручке, словно Тил мог ворваться следом за ней.

— Я дозвонилась в Детройт, — сказала Роско. — Это был «Понтиак». Доставленный четыре месяца назад. Крупный заказ для фирмы проката. В Детройте обещали проследить путь этой машины. Я попросила сообщить ответ Пикарду в Атланту. Быть может, в фирме проката смогут сказать, кто и где взял эту машину. Возможно, это нам как-то поможет.

Мне показалось, что Джо стал чуть ближе. Как будто я услышал слабое эхо.

— Замечательно, — сказал я. — Отличная работа, Роско. Сейчас я уезжаю. Встретимся в шесть вечера. А вы держитесь вместе, хорошо? Приглядывайте друг за другом.

— Куда ты направляешься? — спросил Финлей.

— Собираюсь прокатиться за город.

Я вышел из кабинета. Толкнул дверь. Посмотрел на дорогу. Коричневый седан был на месте, в семидесяти пяти ярдах. В нем по-прежнему сидели двое. Смотрели на меня. Я подошел к «Бентли». Открыл дверь и сел за руль. Выехал со стоянки и свернул на шоссе. Не спеша, спокойно. Медленно проехал мимо седана и направился на север. В зеркало я увидел, что седан тронулся с места, развернулся и поехал за мной. Набрал скорость и пристроился следом за «Бентли». Как будто я тащил его на длинной невидимой веревке. Я сбрасывал скорость, и седан сбрасывал скорость. Я прибавлял скорость, и седан прибавлял. Как будто мы играли в какую-то игру.

Глава 18

Я проехал мимо заведения Ино и дальше на север, прочь от города. Коричневый седан следовал за мной на расстоянии сорока ярдов и не пытался спрятаться. Двое мексиканцев просто катили за мной следом. Смотрели перед собой. Я свернул на запад, на дорогу, ведущую к Уорбертону. Сбавил скорость. Седан следовал за мной, выдерживая дистанцию в сорок ярдов. Мы ехали на запад. Насколько хватало глаз, мы были единственными движущимися точками. В зеркало мне были видны двое мексиканцев, не спускавших с меня глаз, ярко освещенных низким вечерним солнцем. В бронзовом свете они казались очень выразительными. Молодые ребята, пестрые рубашки, черные волосы, очень аккуратные, похожие друг на друга. Их машина неотступно следовала за мной.

Я проехал семь или восемь миль, выискивая одно место. Где-то через каждые полмили от шоссе влево и вправо отходили грунтовые колеи. Ведущие в поля. Бесцельно петляющие. Я не знал, для чего они нужны. Быть может, они вели к сборным пунктам, где фермеры готовили свои машины в преддверии урожая. Как бы там ни было, я искал одну определенную колею, на которую обратил внимание раньше. Она вела к небольшой роще справа от дороги. Единственное укромное место на многие мили вокруг. Я видел эту рощу, когда меня в пятницу везли в тюремном автобусе. Видел ее еще раз, возвращаясь утром из Алабамы. Тесная кучка деревьев. Утром она плавала островком в море тумана. Небольшая овальная рощица, рядом с дорогой, справа, к ней подходит грунтовая дорога, затем возвращающаяся обратно к шоссе.

Я увидел рощицу, когда до нее было мили две. Деревья появились на горизонте темным пятном. Я ехал вперед. Раскрыл бардачок и достал тяжелый автоматический пистолет. Сунул его на соседнее сиденье между подушками. Мексиканцы не отставали. Держались в сорока ярдах сзади. В четверти мили от рощицы я переключился на вторую передачу и вдавил педаль газа в пол. Старая машина, взревев, рванула вперед. Выкрутив руль, я скатился с шоссе на грунтовую дорогу. Домчался до рощицы. Резко затормозил. Схватил пистолет и выпрыгнул из машины, оставив водительскую дверь нараспашку, как будто я побежал налево к деревьям.

Но на самом деле я так не сделал. Я побежал вправо. Обогнув капот, я отбежал футов на пятнадцать в заросли арахиса и распластался на земле. Прополз по кустам и залег напротив того места, где должен был остановиться седан мексиканцев. За «Бентли». Прижался к побуревшим стеблям, притаился под листьями, на сырой красной земле и стал ждать. По моим расчетам, преследователи отстали ярдов на шестьдесят-семьдесят. Мой маневр застиг их врасплох. Я снял пистолет с предохранителя. Послышался шум коричневого «Бьюика». Рев двигателя и стоны подвески. Наконец показался и сам седан, подпрыгивающий на неровной дороге. Машина остановилась позади «Бентли», перед рощей, футах в двадцати от меня.

Ребята оказались довольно рассудительными. Не самыми плохими из тех, с кем мне приходилось иметь дело. Пассажир выскочил на дорогу еще до того, как машина остановилась. Он думал, что я спрятался в роще, и собирался обойти меня сзади. Водитель, перебравшись на соседнее сиденье, вывалился из правой двери, в противоположную сторону от деревьев. Прямо передо мной. Сжимая пистолет, он припал на колено, повернувшись ко мне спиной, прячась за «Бьюиком» от того места, где, как он думал, я нахожусь, и посматривая из-за машины на деревья. Мне было нужно сдвинуть его с места. Я не хотел, чтобы он

находился рядом с седаном. Машина должна остаться на ходу. Я не хотел, чтобы она получила повреждения.

Мексиканцы остерегались рощи. На это я и рассчитывал. Зачем мне ехать к единственным деревьям на много миль вокруг, а затем скрываться в поле? Классический обман. И мексиканцы на него попались. Тот, что остался у машины, не спускал глаз с рощи. Я смотрел ему в спину, направив на него «Дезерт Игл», дыша ровно и неглубоко. Его напарник медленно крался между деревьев, ища меня. Скоро он тоже будет у меня на виду.

Он появился минут через пять, выставив перед собой пистолет. Обогнул «Бьюик» сзади, держась подальше от «Бентли». Присел рядом со своим дружком, и оба пожали плечами. Затем уставились на «Бентли», испугавшись, что я лежу на полу машины или затаился за хромированным радиатором. Тот, что вернулся из рощи, распластался на земле, прикрываясь «Бьюиком» от деревьев, заглядывая под «Бентли» и ища мои ноги.

Он прополз вдоль всего старого лимузина. Я слышал, как он кряхтит и тяжело дышит, подтягиваясь на локтях. Затем мексиканец вернулся ползком назад и снова поднялся на колено рядом со своим дружком. Они медленно встали. Вышли из-за «Бьюика» и заглянули в «Бентли». Затем осторожно приблизились к роще, вглядываясь в темноту. Они никак не могли меня найти. Вернувшись, они остановились на дороге, вдали от машин, четко выделяясь на фоне оранжевого неба, спиной к полям, спиной ко мне.

Эти ребята не знали, что делать дальше. Они были городскими жителями. Возможно, из Майами. Так одеваются во Флориде. Они привыкли к улицам, ярко освещенным неоновыми вывесками, и строительным площадкам. Привыкли действовать под эстакадами и на свалках, о существовании которых большинство туристов даже не догадывается. Они понятия не имели, как вести себя в одинокой рощице среди миллионов акров арахисовых полей.

Я выстрелил им в спины. Два выстрела, один за другим. Целясь между лопаток. Огромный пистолет прогремел так, будто взорвались две гранаты. Вокруг поднялись перепуганные птицы. Сдвоенный грохот грозовым раскатом разнесся над полями. Отдача больно ударила мне в руку. Мексиканцев свалило с ног. Они упали лицом вниз на красную землю. Я приподнял голову и посмотрел на них. У них был тот обмякший, опустевший вид, который приобретают тела, когда их покидает жизнь.

Держа пистолет наготове, я приблизился к мексиканцам. Они были мертвы. Я повидал достаточно мертвецов, и эти двое были ничуть не живее остальных. Мощные пули «Магнум» попали им в спины. Туда, где

проходят крупные артерии и вены, ведущие к голове. Пули наделали много бед. Я молча смотрел на убитых, думая о Джо.

Но меня ждали дела.

Я вернулся к «Бентли». Поставил «Дезерт Игл» на предохранитель и бросил его на сиденье. Подошел к коричневому «Бьюику» и вытащил ключи из замка зажигания. Открыл багажник. Наверное, я надеялся там что-нибудь найти. Меня не мучили угрызения совести из-за этих типов. Но я определенно почувствовал бы себя лучше, если бы что-нибудь нашел у них в багажнике. Например, пистолет 22-го калибра с глушителем. Или четыре пары резиновых галош и четыре нейлоновых комбинезона. Ножи с пятидюймовыми лезвиями. Что-нибудь в таком духе. Но ничего подобного я не нашел. Зато я нашел Спиви.

Он был мертв уже несколько часов. Ему выстрелили в голову из пистолета 38-го калибра. С близкого расстояния. Дуло находилось в нескольких дюймах от его головы. Я потер пальцем кожу рядом с входным отверстием. Посмотрел на него. Копоти не было, но на коже имелись крохотные частицы сгоревшего пороха, которые нельзя было стереть. Подобная татуировка свидетельствует о выстреле с небольшого расстояния. Что-нибудь около шести дюймов, возможно, восьми. Кто-то внезапно поднял пистолет, и неуклюжий грузный надзиратель не успел пригнуться.

На подбородке у Спиви была небольшая царапина, ее я оставил ножом Моррисона. Его маленькие змеиные глазки были открыты. Он был по-прежнему в своей грязной форме. На белом волосатом животе также виднелась отметина от моего лезвия. Спиви был мужчиной крупным. Для того чтобы запихнуть его в багажник, пришлось сломать ему ноги. Вероятно, это сделали лопатой. Ноги сломали и согнули в коленях. Глядя на Спиви, я почувствовал вскипающую злость. Он знал, но ничего мне не сказал. Но его все равно убили. То обстоятельство, что он мне ничего не сказал, его не спасло. Наши противники в панике. Они всех заставляют замолчать, а часы неумолимо отсчитывают время, оставшееся до воскресенья. Я смотрел в остекленевшие глаза Спиви, словно мог в них что-то прочесть.

Затем я бегом вернулся к трупам на опушке и обыскал их. Два бумажника и документ об аренде машины. Сотовый телефон. И все. «Бьюик» был взят напрокат в аэропорту Атланты в понедельник в восемь часов утра. Ранний рейс откуда-то. Я осмотрел бумажники. Авиабилетов не было. Водительские права штата Флорида, у обоих адреса в Джексонвилле. Улыбающиеся фотографии, ничего не значащие имена. Кредитные карточки на те же фамилии. И много наличных денег. Я забрал их себе. Мексиканцам они больше не нужны.

Вынув из сотового телефона аккумулятор, я положил аппарат в карман одному из убитых, а аккумулятор — другому. Затем подтащил трупы к «Бьюику» и уложил их в багажник к Спиви. Сделать это оказалось непросто. Мексиканцы были невысокими и щуплыми, но их обмякшие тела никак не желали меня слушаться. Несмотря на прохладу, мне пришлось попотеть. Я долго ворочал трупы так и сяк, чтобы запихнуть их к Спиви. Вернувшись на дорогу, я нашел оружие. Два револьвера 38-го калибра. Один с полным боекомплектом. Из другого сделан один выстрел. Судя по запаху, совсем недавно. Я бросил револьверы в багажник. Нашел ботинки одного из мексиканцев. Пуля «Дезерт Игла» выбила из них их владельца. Положив ботинки в багажник, я захлопнул крышку. Вернулся в поле и отыскал место, где прятался в кустах и откуда стрелял. Пополза по земле и подобрал две стреляные гильзы. Положил их в карман.

Затем я запер «Бьюик» и вернулся к «Бентли». Открыл багажник. Достал сумку со своей старой одеждой. Мой новый наряд был перепачкан красноземом и вымазан кровью убитых. Я надел старые вещи. Свернул грязную окровавленную одежду и убрал ее в сумку. Бросил сумку в багажник «Бентли» и закрыл крышку. В последнюю очередь я сухой веткой затер все следы ног, какие только смог найти.

Сев в «Бентли», я медленно поехал на восток в Маргрейв, приходя в себя. Примитивная засада, никаких технических сложностей, никакой опасности. У меня за плечами были тринадцать суровых лет. Один против двух любителей я справлюсь даже спящий. И все же сердце стучало гораздо сильнее, и я ощущал прилив адреналина. На меня повлиял вид Спиви, лежащего в багажнике с вывернутыми вбок ногами. Я дышал размеренно и глубоко, пытаясь взять себя в руки. Правая рука ныла, как будто меня ударили по ладони молотком. Боль разливалась до самого плеча. У «Дезерт Игла» чертовски сильная отдача. И выстрелы чертовски громкие. От сдвоенного взрыва у меня в ушах до сих пор стоял звон. Но у меня было очень легко на душе. Отлично проделанная работа. Когда я ехал на запад, меня преследовали два крутых типа. Они не преследуют меня, когда я возвращаюсь назад.

Я поставил «Бентли» на стоянку перед полицейским участком как можно дальше от дверей. Убрал пистолет в бардачок и вышел из машины. Вечерело. Сгущались сумерки. Бескрайнее небо над Джорджией темнело, приобретая темно-синий оттенок. Поднималась луна.

Роско сидела на своем месте. Увидев меня, она встала и шагнула навстречу. Мы вышли на улицу. Прошли несколько шагов. Поцеловались.

— От конторы проката машин есть что-нибудь? — спросил я.

Роско покачала головой.

— Будет завтра. Этим занимается Пикард. Делает все, что в его силах.

— Хорошо. Какие отели есть в аэропорту Атланты?

Она назвала несколько гостиниц. Такие же, что можно встретить в любом аэропорту. Я выбрал первую. Затем рассказал Роско о том, что случилось с двумя парнями из Флориды. На прошлой неделе она за это меня арестовала бы и отправила на электрический стул. Сейчас ее реакция была совершенно другой. Те четверо, кто расхаживал по ее квартире в резиновых галошах, изменили взгляд Роско на многие вещи. Поэтому она просто кивнула и мрачно усмехнулась.

— Минус два, — удовлетворенно заметила она. — Хорошая работа, Ричер. Это те самые?

— Что приходили вчера ночью? — уточнил я. — Нет. Они не местные. Не из десятки Хаббла. Это посторонние, нанятые на конкретное дело.

— И как, они знали, что к чему?

Я пожал плечами. Загадочно помахал рукой.

— Так себе. В любом случае, того, что они знали, им оказалось недостаточно.

Затем я рассказал о том, что нашел в багажнике «Бьюика». Роско поежилась.

— Значит, он один из десятерых? — спросила она. — Спиви?

Я покачал головой.

— Нет. У меня не получается. Он был всего лишь помощником. Никто не станет посвящать такого слизняка в тайны.

Роско кивнула. Отперев «Бентли», я достал из бардачка пистолет. Он был слишком громоздкий, чтобы положить его в карман. Я убрал оружие в коробку, вместе с патронами. Роско отнесла все это в багажник своего «Шевроле». Я достал сумку со своими окровавленными вещами, запер «Бентли» и оставил его на стоянке.

— Мне надо еще раз позвонить Молли, — сказал я. — Я глубоко завяз. Мне нужно от чего-то оттолкнуться. Я многого не понимаю.

В участке никого не было, поэтому я прошел в кабинет, отделанный красным деревом. Набрал номер в Вашингтоне. Молли ответила после второго звонка.

— Вы можете говорить? — спросил я.

Она попросила меня подождать, и я услышал, как она встала и закрыла дверь своего кабинета.

— Вы позвонили слишком быстро, Джек, — сказала она. — Я смогу скопировать файлы только завтра.

— Мне нужна отправная точка, — сказал я. — Я должен узнать, чем именно занимался Джо. Я хочу понять, почему события происходят здесь, в Джорджии, тогда как, судя по вашим словам, подобными делами занимаются за границей.

Молли помолчала, пытаясь решить, с чего начать.

— Ладно, отправная точка, — наконец сказала она. — Полагаю, Джо подозревал, что контроль за подобной деятельностью осуществляется из нашей страны. Объяснить это очень трудно, но я попытаюсь. Фальшивые доллары изготавливают за пределами Штатов, и они преимущественно там и остаются. Лишь очень небольшое количество купюр попадает к нам, так что особых проблем это не представляет, хотя мы, естественно, стараемся с этим бороться. Но за границей проблема совершенно другого рода. Джек, вы представляете себе, сколько наличных долларов находятся в обращении в Соединенных Штатах?

Я вспомнил, что говорил мне об этом управляющий банка.

— Сто тридцать миллиардов долларов.

— Верно, — подтвердила Молли. — Но ровно вдвое больше их за границей. Это факт. Люди по всему миру держат на руках двести шестьдесят миллиардов американских долларов. Они лежат на депозитах в Лондоне, Риме, Берлине, Москве, засунуты под матрасы по всей Южной Америке и Восточной Европе, спрятаны под половицы, в щели в стенах, лежат в банках, туристических агентствах и так далее. И чем это объясняется?

— Не знаю, — сказал я.

— Тем, что доллар является самой надежной мировой валютой. В него верят. Его хотят. И, естественно, наше правительство этому очень радо.

— Льстит самолюбию, да? — предположил я.

Я услышал, как Молли переложила трубку в другую руку.

— Эмоции тут не при чем, — сказала она. — Подход исключительно деловой. Только задумайтесь, Джек. Если у кого-нибудь в Бухаресте в столе припрятана стодолларовая купюра, это означает, что когда-то за нее кто-то обменял какой-то зарубежный товар стоимостью сто долларов. Это означает, что наше правительство продало бумажку, раскрашенную черной и зеленой краской, за сто полновесных долларов.

Очень выгодный бизнес. И поскольку доллар является надежной валютой, высока вероятность, что эта стодолларовая купюра останется в том столе в Бухаресте еще много лет. И Соединенным Штатам не придется возвращать этот зарубежный товар. До тех пор пока доллару верят, мы не будем в проигрыше.

— Так в чем проблема? — спросил я.

— Трудно описать в двух словах, — сказала Молли. — Все дело в доверии и надежности. Тут надо подходить с позиций метафизики. Если зарубежные рынки заполонят фальшивые доллары, само по себе это не окажет особого влияния на нашу экономику. Но вот если об этом станет известно, нам придется плохо. Потому что людей охватит паника. Они потеряют доверие к доллару. Перестанут считать его надежным. И доллар больше не будет им нужен. Они станут набивать свои матрасы японскими иенами или немецкими марками. Они станут избавляться от долларов. И нашему правительству в кратчайшие сроки придется выплатить иностранный заем размером в двести шестьдесят миллиардов долларов. В самые кратчайшие сроки. А мы не сможем этого сделать, Джек.

— Серьезная проблема, — признал я.

— Вот в чем все дело. И эту проблему очень нелегко решать. Все фальшивые доллары изготавливаются за границей, и в основном там они и остаются. В этом есть свой смысл. Типографии располагаются где-нибудь за пределами Соединенных Штатов, и мы даже не знаем об их существовании. Фальшивки распространяются среди иностранных граждан, которые счастливы, если эти бумажки хоть отдаленно напоминают настоящие доллары. Вот почему подделки почти не попадают к нам. Лишь самые лучшие образцы возвращаются в Штаты.

— В каком объеме? — спросил я.

Я услышал, как Молли пожала плечами. Вздохнула, сжимая губы.

— В очень небольшом, — сказала она. — Наверное, несколько миллиардов, не больше.

— Несколько миллиардов? И это немного?

— Капля в океане. С макроэкономической точки зрения. Я хочу сказать, в масштабах экономики страны.

— И что именно мы предпринимаем? — спросил я.

— Две вещи. Во-первых, Джо из кожи лез вон, чтобы это остановить. Причина очевидна. Во-вторых, мы из кожи лезем вон, притворяясь, что этого вообще не происходит. Для того, чтобы поддерживать доверие.

Я кивнул, начиная понимать, чем объяснялась строжайшая секретность в Вашингтоне.

— Понятно, — сказал я. — А что если я позвоню в казначейство и попрошу рассказать о проблеме фальшивых денег?

— Мы будем все отрицать.

Пройдя через пустое дежурное помещение, я сел в машину к Роско. Попросил ее поехать в направлении Уорбертона. Когда мы доехали до рощицы, уже стемнело. Лунного света едва хватало, чтобы различать силуэты деревьев. Роско остановилась там, где я сказал. Поцеловав ее, я вышел из машины. Похлопал ладонью по крыше «Шевроле» и помахал ей на прощание. Роско развернулась. Медленно поехала назад.

Я пошел прямо через заросли. Мне не хотелось оставлять следы на дороге. Объемистая сумка очень мешала, постоянно цепляясь за ветки. Я подошел к «Бьюику». Все тихо. Совсем тихо. Отперев ключом водительскую дверь, я сел. Завел двигатель и поехал по грунтовой дороге. Задние рессоры стучали на выбоинах. Меня это нисколько не удивляло. Как никак, в багажнике лежало не меньше пятисот фунтов груза.

Выехав на шоссе, я поехал на восток к Маргрейву. Затем свернул на север и направился к автостраде, проехал мимо складов и влился в автомобильный поток, текущий к Атланте. Я ехал не слишком быстро и не слишком медленно. Не хотел, чтобы на меня обращали внимание. Коричневый «Бьюик» был совсем неприметный и не вызывал подозрений. Именно это и было мне нужно.

Через час я увидел указатель дороги, ведущей к аэропорту. Свернув, я отыскал автостоянку. Купил парковочный билет у автоматического шлагбаума и въехал. Стоянка была большая. Лучше не придумаешь. Я нашел свободное место в середине, в сотне ярдов от ближайшей ограды. Вытер рулевое колесо и ручку переключения передач. Взял сумку. Запер «Бьюик» и пошел прочь.

Через минуту я оглянулся и не смог отыскать взглядом машину, из которой только что вышел. Где лучше всего спрятать машину? На стоянке в аэропорту. Все равно, что песчинку лучше всего прятать на песчаном берегу. «Бьюик» простоит тут целый месяц, и никто даже не шелохнется.

Я направился к шлагбауму. Выбросил в первый же попавшийся по дороге мусорный бак сумку. В следующий бак отправился парковочный билет. У шлагбаума сел на автобус для авиапассажиров и подъехал к зданию вокзала. Нашел там туалет. Завернул ключи от «Бьюика» в

бумажное полотенце и выбросил в урну. Затем снова вышел во влажную ночь. Сел на автобус до гостиницы и поехал к Роско.

Я нашел ее в залитом ярким неоновым светом вестибюле отеля. Я снял номер, расплатившись наличными. Купюрой, позаимствованной у ребят из Флориды. Мы поднялись наверх на лифте. В номере было темно и довольно грязно, но просторно. Окна выходили на аэропорт. Тройное остекление для борьбы с шумом. Очень душно.

— Первым делом надо поужинать, — сказал я.

— Первым делом надо принять душ, — поправила Роско.

Мы приняли душ. Это улучшило наше настроение. Намылившись, мы принялись дурачиться. В конце концов, занялись любовью прямо в кабинке, под струями воды. Затем мне захотелось просто свернуться калачиком в постели. Но мы проголодались. И нас ждали дела. Роско переоделась в то, что захватила сегодня утром из дома. Джинсы, рубашка, куртка. В такой одежде она выглядела прекрасно. Очень женственной, но при этом крепкой. В ней чувствовалась внутренняя сила.

Мы поднялись в ресторан на последнем этаже. Очень приличное место. Панорамный вид на район аэропорта. Мы сели за освещенный свечой столик у окна. Веселый парень иностранного вида принес нам еду. Я набросился на нее как волк. Я просто умирал от голода. Я выпил кружку пива и не меньше пинты кофе. Снова почувствовал себя хотя бы наполовину человеком. Расплатился деньгами убитых мексиканцев. Затем мы спустились в вестибюль и взяли у администратора схему Атланты. Вышли из отеля и направились к машине Роско.

В прохладном и сыром воздухе чувствовался резкий запах керосина. Запах аэропорта. Мы сели в «Шевроле» и развернули схему. Затем направились на северо-запад. Роско вела машину, а я давал указания. Мы долго петляли по запруженным улицам и, наконец, прибыли на место. Это был район малоэтажных коттеджей. Такие видишь из иллюминатора самолета, заходящего на посадку. Небольшие домики на небольших участках земли, низкие заборчики, надувные бассейны. Дворики чистые и дворики захламленные. Старые машины без колес. Все залито желтым неоновым светом.

Мы отыскали нужную улицу. Отыскали нужный дом. Приличное место. Ухоженное. Чистое и опрятное. Крошечный одноэтажный коттедж. Небольшой дворик, маленький гараж на одну машину. Узкие ворота в проволочной ограде. Мы вошли. Позвонили. Пожилая женщина приоткрыла дверь, запертую на цепочку.

— Добрый вечер, — сказала Роско. — Мы ищем Шермана Столлера.

Сказав это, она посмотрела на меня. Она должна была бы сказать, что мы ищем его дом. Мы и так знали, где находится Шерман Столлер. Шерман Столлер лежал в морге в Йеллоу-Спринс, в семидесяти милях отсюда.

— А вы кто? — вежливо поинтересовалась женщина.

— Мы из полиции, мэм, — ответила Роско. Полуправда.

Прикрыв дверь, женщина сняла цепочку.

— Заходите, — сказала она. — Он на кухне. Ужинает.

— Кто? — спросила Роско.

Женщина остановилась и недоуменно посмотрела на нее.

— Шерман. Ведь вам он нужен, не так ли?

Мы прошли следом за ней на кухню. Там за столом ужинал пожилой мужчина. Увидев нас, он отложил вилку и промокнул губы салфеткой.

— Шерман, они из полиции, — сказала женщина.

Старик спокойно посмотрел на нас.

— А другого Шермана Столлера нет? — спросил я.

Старик кивнул. Встревоженно.

— Наш сын, — сказал он.

— Ему лет тридцать? — спросил я. — Тридцать пять?

Старик снова кивнул. Женщина подошла к нему сзади и положила руку ему на плечо. Родители.

— Он здесь не живет, — сказал старик.

— С ним что-нибудь случилось? — спросила женщина.

— Вы не можете сказать нам его адрес? — спросила Роско.

Они засуетились, как это бывает со стариками. Почтительное отношение к власти. Им хотелось засыпать нас вопросами, но они просто сообщили нам адрес сына.

— Вот уже два года как Шерман не живет с нами, — пояснил старик.

Он был напуган. Пытался отстраниться от неприятностей, в которые попал его сын. Кивнув, мы вышли из дома. Когда мы закрывали входную дверь, старик напомнил:

— Шерман переехал отсюда два года назад.

Мы вышли из ворот и сели в машину. Снова раскрыли схему. Нового адреса на ней не было.

— Что скажешь о них? — спросила Роско.

— О родителях? Они знают, что от их сына нечего ждать чего-нибудь путного. Подозревают, что он занимается чем-то плохим. Но, скорее всего, чем именно не знают.

— Я так и подумала, — сказала Роско. — Поехали искать его новый дом.

Мы подъехали к бензоколонке. Заправившись, Роско узнала, как найти нужный адрес.

— Около пяти миль в противоположную сторону, — сказала она, вернувшись в машину. Мы развернулись и поехали из города. — Новые кондоминиумы на бывшем поле для гольфа.

Роско вглядывалась в темноту, отыскивая ориентиры, которые ей сказали на заправке. Примерно через пять миль она свернула с главной улицы. Проехала мимо рекламного щита строительной фирмы. Качественные кондоминиумы, остались нераспроданными лишь несколько квартир. За щитом ряды новых коттеджей. Очень приятные, небольшие, но аккуратные. Балконы, гаражи, хорошая отделка. Залитая светом площадка перед спортивным комплексом. На противоположной стороне дороги пустырь. Должно быть, поле для гольфа.

Роско заглушила двигатель. Мы остались сидеть в машине. Я протянул руку. Обнял Роско за плечо. Я чувствовал себя уставшим. Весь день я был на ногах. Мне хотелось немного посидеть. Ночь была тихой и спокойной. В машине было тепло. Я хотел послушать хорошую музыку, которая взяла бы за душу. Но у нас были дела. Мы должны были найти Джуди. Женщину, подарившую Шерману Столлеру часы с надписью. «Шерману с любовью от Джуди». Мы должны были найти Джуди и сказать ей, что мужчина, которого она любила, умер от потери крови под откосом автострады.

— Что думаешь по этому поводу? — спросила Роско.

— Не знаю, — сказал я. — Эти дома продаются, а не сдаются внаем. Судя по всему, они дорогие. Может ли такой дом позволить себе водитель грузовика?

— Сомневаюсь. Вероятно, они стоят столько же, сколько мой дом, а я не смогла бы купить такой, если бы не субсидия. Ну, а получаю я больше водителя грузовика, это точно.

— Отлично, — подвел итог я. — Значит, получается, что старина Шерман также получал какую-то субсидию, верно? В противном случае он не мог бы позволить себе жить в таком месте.

— Точно. Но какую субсидию?

— Такую, за которую приходится расплачиваться жизнью.

Дом Столлера находился в последнем ряду от дороги. Вероятно, он был построен одним из первых. Старик, живший в бедном районе города, сказал, что его сын перебрался на новое место два года назад. Наверное, так оно и было. Первые дома здесь были построены около двух лет назад. Мы прошли по дорожке мимо клумб к дому Шермана Столлера. Дорожка была выложена плитками, разделенными участками стриженой травы. Шагать было неудобно. Я делал слишком короткие шаги. Роско наоборот тянула ногу, чтобы наступить на соседнюю плитку. Мы подошли к входной двери, выкрашенной синей краской. Без глянца.

— Мы ей скажем? — спросил я.

— Мы же не можем ничего не говорить, правда? — сказала Роско. — Она должна знать.

Мы постучали в дверь. Подождали. Постучали снова. Внутри скрипнула половица. Кто-то шел. Дверь открылась. К нам вышла женщина. Лет тридцати, но выглядела она старше: невысокая, встревоженная, уставшая. Крашеная блондинка. Она посмотрела на нас.

— Мы из полиции, мэм, — сказала Роско. — Мы ищем дом Шермана Столлера.

Последовала пауза.

— Что ж, полагаю, вы его нашли, — сказала женщина.

— Мы можем войти? — мягко спросила Роско.

Снова последовала пауза. Женщина не двигалась с места. Затем она развернулась и пошла в дом. Мы с Роско переглянулись. Роско пошла следом за блондинкой. Я пошел следом за Роско. Закрыл за нами дверь.

Женщина провела нас в гостиную. Просторная комната. Дорогая мебель, ковры. Большой телевизор. Ни стереокомплекса, ни книг. В обстановке не чувствовалось души. Как будто кто-то за двадцать минут, очень спеша, пролистал каталог и потратил десять тысяч долларов. Вот это, вот это и парочку вот этого. Все привезено в один день и просто вывалено здесь.

— Вы миссис Столлер? — спросила Роско.

— Более или менее, — подтвердила женщина. — Не совсем миссис, но особой разницы нет.

— Вас зовут Джуди? — спросил я.

Женщина кивнула. Опять кивнула, словно разговаривая сама с собой, рассуждая.

— Он умер, да? — спросила Джуди.

Я молчал. Такие вещи у меня получаются плохо. Я оставил это Роско. Но она тоже молчала.

— Он ведь умер, правда? — повторила Джуди громче.

— Да, — подтвердила Роско. — Примите наши соболезнования.

Рассеянно кивнув, Джуди обвела взглядом жуткую гостиную. Все молчали. Мы стояли у двери. Джуди села. Махнула рукой, предлагая и нам садиться. Мы тоже сели. Получилось, что мы сидим в вершинах правильного треугольника.

— Нам нужно задать кое-какие вопросы, — сказала Роско. Она подалась к блондинке. — Вы не возражаете?

Джуди кивнула. Совершенно безучастно.

— Вы давно знакомы с Шерманом? — спросила Роско.

— Что-то около четырех лет, — сказала Джуди. — Познакомились во Флориде, где я жила. Четыре года назад перебралась с ним сюда. С тех пор мы жили вместе.

— Где Шерман работал? — продолжала Роско.

Джуди печально пожала плечами.

— Он был водителем грузовика. Работал в крупной фирме. Был уверен, что работа стабильная, понимаете? Поэтому мы купили дом. Родители Шермана тоже переехали туда. Какое-то время мы жили все вместе. Затем мы перебрались сюда. Родители остались в старом доме. Три года Шерман зарабатывал очень прилично. Все время был занят. Потом все прекратилось. С год назад. С тех пор он почти не работал. Так, день-два в месяц, случайные заработки.

— Вам принадлежат оба дома? — спросила Роско.

— Мне ни черта не принадлежит, — сказала Джуди. — Дома принадлежат Шерману. Да, оба.

— Значит, первые три года он хорошо зарабатывал? — спросила Роско.

Джуди презрительно посмотрела на нее.

— Хорошо зарабатывал? Раскройте глаза, ради бога! Шерман был вором. Он кого-то обчищал.

— Вы в этом уверены? — сказал я.

Джуди перевела взгляд на меня. Как будто нацелила артиллерийское орудие.

— Для этого особых мозгов не требуется. За три года он заплатил наличными за два дома, за кучу мебели, за машины и еще бог знает за что. А этот дом совсем не дешевый. Здесь живут адвокаты, врачи и прочие богачи. Кроме того, у Шермана еще было отложено на черный день, так что с прошлого сентября он мог почти не работать. Если все это было законно, тогда я первая леди страны, разве не так?

Джуди с вызовом посмотрела на нас. Она с самого начала знала правду. Знала, что произойдет, когда ее Шермана выведут на чистую воду. Сейчас она всем своим видом показывала нам, что мы не имеем права обвинять ее в этом.

— Где работал Шерман? — спросила Роско.

— В какой-то крутой фирме «Айленд», выпускавшей кондиционеры, — сказала Джуди. — Шерман возил их три года. Во Флориду. Быть может, потом они отправлялись на острова, не знаю. Время от времени он их воровал. И сейчас в гараже валяются две коробки. Хотите посмотреть?

Она не стала ждать ответа. Просто вскочила с места и вышла. Мы последовали за ней. Спустились по лестнице в подвал. Прошли в гараж. Там не было ничего, кроме двух картонных коробок у стены. Картон старый, возраст года два. Клеймо изготовителя. «Кондиционеры Айленд. Вскрывать с этой стороны». Коробки были вскрыты. На каждой имелся длинный серийный номер, написанный от руки. Судя по всему, в каждой лежало по одному кондиционеру. Их вставляют в оконную раму и они жутко шумят при работе. Джуди с отвращением посмотрела на коробки, с отвращением посмотрела на нас. Ее взгляд говорил: «Я подарила ему золотые часы, а он мне вагон неприятностей».

Подойдя к коробкам, я заглянул внутрь. Они были пустые. Я уловил исходящий от них слабый кисловатый запах. Мы поднялись наверх. Джуди достала из буфета фотоальбом. Села, разглядывая снимок Шермана.

— Что с ним произошло? — спросила она.

Это был простой вопрос, заслуживающий простого ответа.

— Его убили выстрелом в голову, — солгал я. — Он умер мгновенно.

Джуди кивнула. Как будто это ее нисколько не удивило.

— Когда?

— В ночь с четверга на пятницу, — сказала Роско. — Около полуночи. Шерман не говорил, куда собирается в четверг вечером?

Джуди покачала головой.

— Он мало мне рассказывал.

— Он не упоминал о том, что встречается со следователем? — продолжала Роско.

Джуди снова молча покачала головой.

— А что такое «pluribus»? — вставил я. — Шерман никогда не произносил это слово?

Она недоуменно посмотрела на меня.

— Это болезнь? Что-то с легкими?

— А насчет воскресенья? — сказал я. — Насчет ближайшего воскресенья Шерман ничего не говорил?

— Нет, — сказала Джуди. — Он почти ни о чем со мной не говорил.

Она откинулась назад и принялась разглядывать фотографии в альбоме. В комнате наступила тишина.

— Шерман знал адвокатов во Флориде? — спросила Роско.

— Адвокатов? — удивилась Джуди. — Во Флориде? С какой стати?

— Однажды его задержали в Джексонвилле, — сказала Роско. — Два года назад. Он на своем грузовике нарушил правила дорожного движения. К нему сразу же приехал адвокат.

Джуди пожала плечами, как будто то, что произошло два года назад, для нее уже было древней историей.

— Адвокаты вечно крутятся рядом с полицейскими участками, предлагая свою помощь, — заметила она. — Что тут такого?

— Это был не дешевый начинающий юрист, — возразила Роско. — Это был партнер солидной фирмы. Вы не можете предположить, как Шерман вышел на него?

Джуди снова пожала плечами.

— Наверное, это сделали его хозяева, — предположила она. — Фирма «Айленд». Нас обеспечивали хорошей медицинской страховкой. Когда мне было нужно, Шерман всегда водил меня к врачу.

Мы умолкли. Говорить больше было не о чем. Джуди разглядывала фотографии в альбоме.

— Не хотите взглянуть на него? — вдруг предложила она.

Обойдя ее кресло сзади, я наклонился, рассматривая фотографию. На ней был изображен мужчина с соломенными волосами и крысиной физиономией. Маленький, щуплый. Он стоял перед желтым грузовиком, прищуривающийся и улыбающийся в объектив.

— Вот машина, на которой он ездил, — сказала Джуди. Но я смотрел не на грузовик и не на улыбку Шермана Столлера. Я смотрел на человека на заднем плане. Он отвернулся от объектива, его изображение было нерезким, но все же я его узнал. Это был Пол Хаббл.

Я подозвал знаком Роско, и она, склонившись рядом со мной, вгляделась в фотографию. Она тоже узнала Хаббла, и у нее на лице отобразилось удивление. Затем Роско наклонилась еще ближе. Всмотрелась пристальнее. Я заметил вторую волну удивления. Она узнала что-то еще.

— Когда был сделан этот снимок? — спросила Роско.

Джуди пожала плечами.

— По-моему, в прошлом году летом.

Роско ткнула ногтем в размытое изображение Хаббла.

— Шерман не говорил, кто это такой?

— Его новый шеф, — сказала Джуди. — Он проработал у него шесть месяцев, потом Шермана выставили за дверь.

— Это — новый глава фирмы «Айленд»? — спросила Роско. — У него были какие-то причины уволить Шермана?

Джуди пожала плечами и неуверенно кивнула.

— Наверное, — сказала она. — Шерман не рассказывал мне о своей работе.

— Нам нужно забрать эту фотографию с собой, — сказала Роско. — Мы вам ее вернем.

Джуди достала снимок из альбома. Протянула его Роско.

— Оставьте ее себе. Мне она не нужна.

Взяв фотографию, Роско убрала ее во внутренний карман куртки. Мы отошли в середину комнаты.

— Убит выстрелом в голову, — сказала Джуди. — Вот что происходит, когда начинаешь совать нос не в свое дело. Я говорила Шерману, что рано или поздно с ним обязательно произойдет что-нибудь подобное.

Роско сочувственно кивнула.

— Мы будем держать с вами связь, — сказала она. — Я имела в виду похороны; кроме того, возможно, нам понадобится опознание.

Джуди снова бросила на нас взгляд, полный ненависти.

— Можете не беспокоиться. На похороны Шермана я все равно не пойду. Я не была ему женой, так что теперь я ему не вдова. Я собираюсь вычеркнуть из памяти, что когда-то знала его. От этого человека с самого начала были одни неприятности.

Она встала, сверля нас глазами. Мы заторопились к выходу, прошли по коридору, вышли за дверь, направились по неудобной дорожке. Взявшись за руки, пошли к машине.

— Что? — спросил я. — Что было на фотографии?

Роско ускорила шаг.

— Подожди. Покажу в машине.

Глава 19

Мы сели в «Шевроле», и Роско зажгла свет в салоне. Достала из кармана фотографию. Повернула ее так, чтобы свет падал на глянцевую поверхность. Внимательно посмотрела на нее. Передала ее мне.

— Взгляни на край, — сказала она. — Слева.

На снимке был изображен Шерман Столлер, стоящий перед желтым грузовиком. На заднем плане Пол Хаббл, отвернувшийся от объектива. Две фигуры и грузовик заполняли почти весь кадр кроме черной полоски внизу и узкого поля фона слева. Фон был еще более нерезким, чем Хаббл, но все же я различил серебристую стену современного металлического ангара. Высокое дерево рядом. Дверной проем. Это были широкие ворота, с поднятой створкой. Темно-красного цвета. Промышленное покрытие. Декоративное и в то же время защитное. За воротами темнота.

— Это склад Клинера, — сказала Роско. — У развилки.

— Ты уверена?

— Я узнала дерево.

Я снова посмотрел на фотографию. Дерево действительно было очень характерным. Мертвым с одной стороны. Вероятно, расщепленным молнией.

— Это склад Клинера, — повторила Роско. — Это точно.

Убрав фотографию, она включила телефон в машине. Позвонила в дорожную полицию Атланты и зачитала номерной знак грузовика Столлера. Долго ждала, постукивая пальцем по рулевому колесу. Наконец в трубке захрипел ответный голос. Отключив телефон, Роско повернулась ко мне.

— Грузовик зарегистрирован компанией «Клинер Индастриз», — сказала она. — Регистрационный адрес — адвокатская контора «Захария Перес», Джексонвилль, штат Флорида.

Я кивнул. Роско кивнула в ответ. Вот они, дружки Шермана Столлера, два года назад вытащившие его из центрального полицейского участка Джексонвилля ровно за пятьдесят пять минут.

— Хорошо, — сказала Роско. — Складываем все вместе. Хаббл, Столлер, расследование Джо. На складе Клинера печатают фальшивые деньги, правильно?

Я покачал головой.

— Неправильно. В Штатах фальшивые деньги не печатают. Все происходит за пределами страны. Так сказала мне Молли-Бет Гордон, а она знает, о чем говорит. Она сказала, Джо поработал над тем, чтобы печатать фальшивые доллары в Соединенных Штатах стало невозможно. К тому же, чем бы ни занимался Столлер, по словам Джуди, это прекратилось год назад. А Финлей сказал, что Джо как раз около года назад начал работу над новым проектом. Приблизительно в то самое время, когда Хаббл уволил Столлера.

Роско кивнула. Пожала плечами.

— Нам не обойтись без помощи Молли, — сказала она. — Нужны копии файлов Джо.

— Или без помощи Пикарда, — добавил я. — Тогда мы сможем найти номер в отеле, который снимал Джо, и получить оригиналы. Это гонка — кто быстрее. Посмотрим, кто позвонит первым — Молли или Пикард.

Роско погасила свет г салоне. Завела машину и поехала назад в отель у аэропорта. Я, зевнув, растянулся рядом. Я чувствовал, как в ней нарастает напряжение. Неотложные дела подходили к концу. Отвлекаться было не на что. Теперь ей предстояло пережить самые

уязвимые ночные часы. Первую ночь после вчерашней ночи. Роско была очень взволнована.

— Ричер, пистолет у тебя с собой? — спросила она.

Я повернулся к ней лицом.

— Он в багажнике. В коробке. Ты сама его туда положила, помнишь?

— Захвати его в номер, хорошо? Мне так будет спокойнее.

Я сонно улыбнулся в темноте. Зевнул.

— И мне тоже будет спокойнее. Чертовски замечательная штука.

Мы умолкли. Роско поставила машину на стоянку перед отелем. Мы вышли и потянулись, разминая затекшие члены. Я открыл багажник, достал коробку и захлопнул крышку. Мы вошли в отель и поднялись на лифте.

Оказавшись в номере, мы просто сломались. Роско положила свой блестящий табельный револьвер на коврик со своей стороны кровати. Я перезарядил гигантский пистолет 44-го калибра, поставил на предохранитель и положил его на пол со своей стороны. Готовый и запертый. Мы подперли дверную ручку стулом. Так Роско чувствовала себя спокойнее.

Я проснулся рано и лежал в постели, думая о Джо. Утро среды. Моего брата не было в живых пять дней. Роско давно встала. Она делала гимнастику, что-то вроде йоги. Она успела принять душ и была наполовину одета: без джинсов, в одной рубашке. Роско стояла спиной ко мне. Когда она поднимала руки, рубашка задиралась вверх. Вдруг, я поймал себя на том, что больше не думаю о Джо.

— Роско! — окликнул я.

— Что?

— У тебя самая восхитительная попка на планете.

Она хихикнула. Я на нее набросился. Не смог сдержаться. Не мог думать ни о чем другом. Роско сводила меня с ума. Последней каплей стал ее смех. Я обезумел и затащил Роско в просторную постель. Здание отеля могло бы разрушиться до основания, но мы бы этого не заметили. Затем мы лежали, измученные, переплетясь друг с другом. Потом Роско встала и второй раз за утро сходила в душ. Снова оделась. На этот раз надела и джинсы. Улыбнулась мне, словно говоря, что решила избавить меня от новых соблазнов.

— Значит, ты говорил правду? — спросила Роско.

— Ты о чем? — улыбнулся я.

— Сам знаешь, — улыбнулась она в ответ. — Когда сказал, что у меня хорошенькая попка.

— Я не говорил, что у тебя хорошенькая попка, — поправил я. — Мне довелось насмотреться на огромное количество хорошеньких попок. Я сказал, что у тебя самая восхитительная попка на всей планете.

— Но ты говорил правду? — настаивала она.

— Можешь не сомневаться. Чем бы ты ни занималась, Роско, постарайся не забывать о том, насколько привлекательна твоя попка.

Я позвонил и заказал завтрак в номер. Убрал стол из-под дверной ручки, готовясь встретить поднос с едой. Раздвинул плотные шторы. Утро было чудесное. Ярко-синее небо, ни одного облачка, ослепительное осеннее солнце. Номер наполнился светом. Мы открыли окно, впуская воздух, запахи и звуки. Вид был очень живописный. Прямо под нами был аэропорт, а дальше раскинулся город. Машины на стоянке в лучах солнца сверкали драгоценными камнями на темном бархате. Самолеты поднимались в воздух и неторопливо разлетались в разные стороны, словно жирные и важные птицы. Высокие здания в центральной части города тянулись вверх к солнцу. Чудесное утро. Но это было уже шестое утро, которым не мог насладиться мой брат.

Роско позвонила Финлею в Маргрейв. Рассказала ему о снимке, где Хаббл и Столлер стояли на солнце перед складом. Назвала наш номер и попросила связаться с нами, если позвонит Молли из Вашингтона или если Пикард узнает в фирме проката что-нибудь о сожженном «Понтиаке». Я решил, что нам лучше остаться в Атланте на тот случай, если Пикард опередит Молли, и мы получим информацию о том, в каком отеле остановился Джо. Высока вероятность, что он остановился в городе, возможно, рядом с аэропортом. Нет смысла возвращаться в Маргрейв, а затем снова ехать в Атланту. Поэтому мы стали ждать. Я повозился с радиоприемником. Нашел станцию, передававшую что-то хотя бы наполовину приличное. Один из ранних альбомов «Кэннед Хит». Живой и солнечный блюз, то, что надо для радостного солнечного утра.

Подали завтрак, и мы съели все, что нам принесли: блинчики, варенье, бекон. Большое количество кофе в фарфоровом кувшине с толстыми стенками. Затем я снова растянулся на кровати. Но я не находил себе места. Мне казалось, мы совершили ошибку, оставшись ждать здесь. Мы ничего не делали. Я видел, что Роско чувствует себя так же. Положив на столик фотографию Хаббла, Столлера и желтого грузовика, она принялась ее пристально разглядывать. Я смотрел на телефон. Он не звонил. Мы бесцельно слонялись по номеру. Нагнувшись, я поднял с

пола «Дезерт Игл». Подержал его. Провел пальцем по выгравированному на рукоятке имени. Мне захотелось узнать что-нибудь о человеке, купившем этот мощный автоматический пистолет.

— Что за человек был Грей? — спросил я.

— Грей? Он был таким дотошным. Ты хочешь получить архивы Джо? Тебе следовало бы посмотреть бумаги Грея. Он проработал в полиции Маргрейва двадцать пять лет. Все подробно, тщательно, разложено по полочкам. Грей был хорошим следователем.

— Почему он повесился? — спросил я.

— Не знаю. Я так и не смогла понять.

— Он был в состоянии депрессии?

— Не совсем. То есть Грей всегда был каким-то подавленным. Угрюмым, понимаешь? Он был очень нелюдимым и не находил себе места от скуки. Он был хорошим следователем и бесцельно растрачивал себя в Маргрейве. Но в феврале все было не хуже, чем в остальное время. Для меня случившееся явилось полной неожиданностью. Я была очень расстроена.

— Вы были близки?

Роско пожала плечами.

— Да, наверное. В каком-то смысле мы были очень близки. Понимаешь, Грей был очень нелюдим, ни с кем по-настоящему не сближался. Никогда не был женат, жил один, у него не было родственников. Совершенно не употреблял спиртное, поэтому не ходил выпить кружку пива. Тихий, неопрятный, немного полноватый. Совершенно лысый, с длинной всклокоченной бородой. Очень замкнутый. Одиночка. Но со мной он был близок так, как ни с кем другим. Мы по-своему любили друг друга.

— И он ничего не говорил? — спросил я. — Просто однажды взял и повесился?

— Так оно и произошло. Настоящий шок. Я до сих пор не могу ничего понять.

— Почему Грей оставил пистолет в твоем столе? — спросил я.

— Он спросил, можно ли хранить его там. У него в столе не было места. Все ящики были завалены бумагами. Грей просто спросил, можно ли положить ко мне в стол коробку с пистолетом. Это было его личное оружие. Он сказал, департамент полиции не даст разрешение на

использование этого пистолета в служебных целях, так как у него слишком большой калибр. Грей обставил все так, что у меня сложилось впечатление, будто речь идет о какой-то большой тайне.

Я положил пистолет умершего следователя на пол, и тут тишину разорвал звонок телефона. Рванув к столику, я схватил трубку и услышал голос Финлея. Стиснув трубку, я затаил дыхание.

— Ричер? — сказал Финлей. — У Пикарда есть то, что нам надо. Он проследил машину.

Выдохнув, я кивнул Роско.

— Замечательно, Финлей. Выкладывай, что он раскопал.

— Отправляйся к нему на работу. Пикард выложит все при личной встрече. Я не хочу, чтобы наши дела обсуждались по телефону.

Я зажмурился, ощутив прилив энергии.

— Спасибо, Финлей, — сказал я. — Поговорим позже.

— Хорошо. Только будьте осторожны.

Он положил трубку, а я остался сидеть у телефона, улыбаясь.

— Я думала, он никогда не позвонит, — рассмеялась Роско. — Но, наверное, восемнадцать часов — совсем неплохо, даже по меркам Бюро, правда?

Отделение ФБР в Атланте располагалось в новом административном здании в центре города. Роско поставила машину на улице. Дежурный у входа, позвонив по внутреннему телефону, сообщил, что специальный агент Пикард сейчас к нам спустится. Мы остались ждать его в вестибюле. Просторном и светлом, но все равно обладавшем какой-то мрачной атмосферой, свойственной государственным учреждениям. Через три минуты из лифта появился Пикард. Вразвалочку подошел к нам. Казалось, он заполнил собой весь вестибюль. Кивнув мне, Пикард протянул Роско руку.

— Наслышан о вас от Финлея.

Его медвежий рык раскатился по просторному помещению. Кивнув, Роско улыбнулась.

— Машина, которую нашел Финлей, — продолжал Пикард. — «Понтиак», сдавался внаем. Его взял в аренду Джо Ричер, в аэропорту Атланты, в четверг в восемь часов вечера.

— Замечательно, Пикард, — сказал я. — Какие догадки насчет того, где Джо мог остановиться?

— Не догадки, а кое-что получше, дружище, — сказал Пикард. — В агентстве известно его точное местонахождение. Машина была заказана заранее. И ее подали прямо к гостинице.

Он назвал отель, расположенный в миле от того, в котором остановились мы с Роско.

— Спасибо, Пикард, — сказал я. — Я перед тобой в долгу.

— Не бери в голову, дружище. Только будьте осторожнее, хорошо?

Он направился к лифту, а мы помчались обратно на юг к аэропорту. Роско свернула на объездную дорогу и влилась в поток машин. За разделительным бордюром по встречной полосе промелькнул черный пикап, совершенно новый. Обернувшись, я успел увидеть, как он исчез за колонной грузовиков. Черный. Совершенно новый. Скорее всего, случайное совпадение. В здешних краях пикап — самая распространенная машина.

Мы вошли в отель, где, по словам Пикарда, остановился в четверг Джо, и Роско показала администратору полицейский значок. Та постучала по клавишам компьютера и сказала, что нам нужно в номер 621, шестой этаж, по коридору до конца. Там нас встретит дежурный. Поднявшись на лифте, мы прошли по темному коридору. Остановились перед дверью номера Джо.

Почти сразу появился дежурный и отпер дверь мастер-ключом. Мы вошли в номер. Там было пусто. Чисто и убрано. Номер был готов принять новых постояльцев.

— А где его вещи? — спросил я. — Куда их дели?

— В субботу в номере была сделана уборка, — объяснил дежурный. — Этот человек устроился к нам в четверг вечером и должен был освободить номер к одиннадцати часам утра в пятницу. Мы всегда даем один дополнительный день, но если постоялец так и не появляется, вещи относят в хозяйственное помещение.

— Значит, они убраны? — спросил я.

— Да, они в хранилище внизу. Вы бы посмотрели, чего у нас там только нет. Люди оставляют самые разные предметы.

— Мы можем на них взглянуть?

— Спуститесь в подвал. Из вестибюля вниз по лестнице. Не заблудитесь.

Дежурный ушел. Мы с Роско вернулись к лифту и спустились вниз. Отыскали служебную лестницу и прошли в подвал. Хозяйственное помещение представляло собой огромный зал, заполненный стопками

постельного белья и полотенец. Большие корзины, коробки с мылом и другими косметическими средствами. Между ними сновали горничные с тележками, которые используют при уборке номеров. В углу у входа, в стеклянной кабинке за столом сидела женщина. Подойдя к кабинке, мы постучали в стекло. Женщина подняла глаза. Роско показала свой значок.

— Чем могу вам помочь?

— Номер шесть-два-один, — сказала Роско. — В субботу утром оттуда забрали вещи. Они у вас еще здесь?

Я снова задержал дыхание.

— Шесть-два-один? — повторила женщина. — Их нет. Он их забрал.

Я с трудом перевел дыхание. Мы опоздали. Я оцепенел от разочарования.

— Кто за ними приходил? — спросил я. — Когда?

— Сам постоялец. Сегодня утром, часов в девять, в половине десятого.

— Кто это был?

Достав с полки небольшую тетрадь, она пролистала. Послюнявила толстый обрубок-палец, ткнула в строчку.

— Джо Ричер. Он расписался и забрал свои вещи.

Развернув книгу, женщина пододвинула ее к нам. Указала пальцем на подпись.

— И как выглядел этот Ричер? — спросил я.

Она пожала плечами.

— Иностранец. Латиноамериканец. Быть может, кубинец? Невысокий смуглый мужчина, щуплый, милая улыбка. Как мне запомнилось, очень обходительный.

— У вас остался список его вещей? — спросил я.

Женщина провела толстым пальцем дальше по строчке. В самом конце была маленькая колонка, заполненная убористым почерком. В ней были перечислены сумка, восемь предметов одежды, пакет с туалетными принадлежностями, четыре ботинка. Последним предметом значился один кейс.

Мы молча покинули хранилище и поднялись наверх. Вышли на утреннее солнце. День уже не казался нам таким прекрасным.

Мы подошли к машине. Прислонились к радиатору. Я размышлял, достаточно ли умным был мой брат, чтобы сделать то, что сделал бы на его месте я. Пришел к выводу, что достаточно. Джо провел много времени с умными и осторожными людьми.

— Роско, — сказал я, — если бы ты была тем типом, что вышла из гостиницы с вещами Джо, что бы ты сделала?

Она начала открывать дверь машины, но остановилась. Задумалась.

— Я бы оставила кейс. Доставила бы его по назначению. А от всего остального избавилась.

— И я поступил бы так же, — сказал я. — А куда ты выбросила бы вещи?

— Полагаю, в первый попавшийся мусорный контейнер.

Сзади за отелем была служебная площадка. Вдоль края стояли несколько мусорных контейнеров. Я указал на них.

— Предположим, этот тип приехал оттуда, — сказал я. — Предположим, он остановился и выбросил сумку с одеждой в один из этих контейнеров.

— Но кейс он оставил, так? — сказала Роско.

— А может быть, мы ищем не кейс, — сказал я. — Вчера я ехал несколько миль до единственной рощицы, но спрятался в открытом поле. Отвлекающий маневр, так? У меня это в крови. Быть может, у Джо это тоже было в крови. Быть может, он захватил с собой кейс, но самую важную информацию хранил в сумке с одеждой.

Роско пожала плечами. Она не была убеждена до конца. Мы прошли на площадку. Вблизи контейнеры оказались огромными. Мне пришлось подтягиваться за край, чтобы заглянуть внутрь. Первый был пустым. Совершенно ничего, кроме корки грязи от долгих лет использования. Второй был набит доверху. Взяв обломок бруска от выломанного дверного косяка, я стал рыться в мусоре. Ничего не нашел. Спрыгнул вниз и направился к следующему контейнеру. В нем лежала одежная сумка. Вверху, на старых картонных коробках. Я подцепил ее бруском. Вытащил из контейнера. Бросил на землю к ногам Роско. Спрыгнул рядом. Сумке многое довелось повидать на своем веку. Потрепанная и вытертая, она была покрыта бирками авиакомпаний. К ручке была прикреплена маленькая пластинка в виде миниатюрной золотой кредитной карточки. На ней была написана фамилия: «Ричер».

— Отлично, Джо, — сказал я самому себе, — посмотрим, насколько ты был умным.

Я сразу принялся за ботинки. Они лежали в наружном кармане сумки. Две пары. Четыре ботинка, как и было указано в списке. Я по очереди

вытащил стельки. В третьем ботинке лежал крошечный полиэтиленовый пакетик. С обрывком компьютерной распечатки.

— Джо, ты меня не разочаровал, — пробормотал я и рассмеялся.

Глава 20

Обнявшись, мы с Роско танцевали среди мусорных контейнеров, словно болельщики, праздновавшие победу любимой команды. Вернувшись к «Шевроле», мы проехали милю до своего отеля. Вбежали в вестибюль и бросились в лифт. Отперли дверь номера и ввалились внутрь. Звонил телефон. Это снова был Финлей. Судя по голосу, он был возбужден не меньше нашего.

— Только что звонила Молли-Бет Гордон, — сказал он. — У нее все получилось. Она скопировала необходимые файлы.

По ее мнению, это что-то поразительное. В два часа дня Молли прилетает в Атланту. Предлагаю встретиться в аэропорту. Рейс компании «Дельта» из Вашингтона. Пикард вам что-нибудь сказал?

— А как же! — подтвердил я. — Отличный парень. Кажется, у нас есть остальная часть распечатки.

— Кажется? — спросил Финлей. — А определить точно ты не можешь?

— Мы только что вернулись в номер. Еще не успели посмотреть.

— Так смотрите же скорее, во имя всего святого! — воскликнул он. — Это очень важно!

— До встречи, выпускник Гарварда, — сказал я.

Мы сели за стол у окна. Раскрыли маленький пакетик и достали сложенный лист бумаги. Осторожно его развернули. Это действительно была компьютерная распечатка. В верхнем правом углу оторван приблизительно дюйм. Уцелела половина заголовка. «Операция E Unum...»

— "Операция E Unum Pluribus", — договорила Роско.

Ниже через три интервала список инициалов и телефонных номеров. Первые инициалы были «П. Х.». Телефон был оторван.

— Пол Хаббл, — сказала Роско. — Его телефон и вторая половина заголовка были на том листке, который нашел Финлей.

Я кивнул. Дальше в списке было еще четверо инициалов. Сначала У. Б. и К. К. И номера телефонов. Напротив К. К. был код Нью-Йорка. Код У. Б. я не знал. Третьи инициалы были Дж. С. Код 504. Новый Орлеан. Я был

там меньше месяца назад. Последними были инициалы М. Б. Г. Номер с кодом 202. Я показал его Роско.

— Молли-Бет Гордон, — сказала она. — Вашингтон.

Я снова кивнул. Это был не тот номер, который я набирал из кабинета, отделанного красным деревом. Возможно, ее домашний телефон. Две последние строчки не содержали инициалов и соответствующих телефонных номеров. В предпоследней было два слова: «Гараж Столлеров». В последней — четыре слова: «Досье Грея на Клинера». Я смотрел на аккуратные прописные буквы и буквально ощущал педантичную аккуратность своего брата.

Про Пола Хаббла мы уже знали. Он мертв. Про Молли-Бет Гордон мы знаем. Она будет здесь в два часа дня. Мы побывали в гараже Шермана Столлера. Там не осталось ничего, кроме двух пустых картонных ящиков. Таким образом, оставались: подчеркнутое название, три группы инициалов с тремя номерами телефонов, и четыре слова: «Досье Грея на Клинера». Я посмотрел на часы. Полдень. Слишком рано, чтобы расслабляться и ждать Молли-Бет. Я решил сделать хотя бы небольшой шаг.

— В первую очередь надо подумать о заголовке, — сказал я. — «E Unum Pluribus».

Роско пожала плечами.

— Это ведь девиз Соединенных Штатов, так? На латыни?

— Нет, — сказал я. — Девиз читается наоборот. Тут написано что-то вроде «из одного много». А не «из многих один».

— Джо не мог ошибиться?

Я покачал головой.

— Сомневаюсь. Не думаю, что Джо ошибся. Это должно что-то означать.

Роско снова пожала плечами.

— Мне это ничего не говорит. Что дальше?

— Досье Грея на Клинера. У Грея было досье на Клинера?

— Скорее всего, — сказала Роско. — У него были досье практически на всех. Кто-то плевал на тротуар, а Грей уже заводил досье.

Я кивнул. Подошел к столику у кровати и снял трубку. Позвонил Финлею в Маргрейв. Бейкер ответил, что он уже уехал. Тогда я стал набирать остальные номера из списка Джо. У. Б. оказался из Нью-Джерси. Принстонский университет. Факультет современной

истории. Я сразу положил трубку. Пока что я не видел никакой связи. К. К. оказался из Нью-Йорка. Колумбийский университет. Факультет современной истории. Я снова положил трубку. Затем позвонил Дж. С. в Новый Орлеан. После первого же звонка мне ответил деловитый голос.

— Следовательский отдел пятнадцатого участка.

— Следовательский отдел? — спросил я. — Это полиция Нового Орлеана?

— Пятнадцатый участок, — повторил голос. — Чем могу вам помочь?

— У вас работает человек с инициалами Дж. С? — спросил я.

— Дж. С? — переспросил голос. — У нас таких трое. Кто именно вам нужен?

— Не знаю. Вам ничего не говорит имя Джо Ричер?

— Черт побери, что это такое? — недовольно спросил голос. — Игра в вопросы?

— Пожалуйста, спросите у них, хорошо? — сказал я. — Спросите у всех трех Дж. С, знают ли они Джо Ричера. Пожалуйста! Я перезвоню, хорошо?

Дежурный пятнадцатого участка полиции Нового Орлеана буркнул что-то невнятное и положил трубку. Пожав плечами, я повернулся к Роско.

— Будем ждать Молли? — сказала она.

Я кивнул. Меня волновала предстоящая встреча. Казалось, я встречаюсь с призраком, связанным с другим призраком.

Мы ждали у столика рядом с окном. Следили за тем, как солнце начинает опускаться из полуденного пика. Коротали время, передавая друг другу распечатку, обнаруженную в ботинке Джо. Я смотрел на заголовок. «E Unum Pluribus». «Из одного многие». Это было очень похоже на Джо. Что-то очень важное, сжатое в короткий каламбур.

— Пошли, — наконец сказала Роско.

У нас в запасе оставалось время, но мы волновались. Мы собрали вещи. Спустились на лифте и позволили убитым мексиканцам заплатить за наши телефонные разговоры. Подошли к «Шевроле» Роско. Начали пробираться к залу прибытия. Это оказалось непросто. Гостиницы при аэропортах рассчитаны на людей, направляющихся от зала прибытия и к залу отбытия. Никто не подумал о тех, кому, как нам, приходится ехать в обратную сторону.

— Мы не знаем, как выглядит Молли, — сказала Роско.

— Но она знает, как выгляжу я, — сказал я. — Я похож на Джо.

Аэропорт оказался огромным. Мы успели познакомиться почти со всем зданием, пробираясь в нужное место. Аэропорт превосходил своими размерами некоторые города, в которых я бывал. Нам пришлось проехать несколько миль. Наконец мы нашли нужный терминал. Проскочили мимо места разворота и стоянки. Сделали круг и подъехали к турникету. Выхватив квитанцию, Роско проехала на стоянку.

— Поезжай налево, — сказал я.

Стоянка была забита машинами. Я крутил голову, выискивая свободное место. Вдруг справа промелькнула неясная черная тень. Я успел заметить ее краем глаза.

— Поворачивай направо, направо! — воскликнул я.

Мне показалось, это был зад черного пикапа: совершенно нового, проехавшего справа от нас. Роско выкрутила руль, и мы свернули в соседний проход. Успели увидеть вспыхнувшие красные огни стоп-сигналов на черной панели. Пикап скрылся из виду. Роско пронеслась по проходу и резко завернула за угол.

Следующий проход был свободен. Ничего движущегося. Только ряды автомобилей, мирно стоящих на солнце. То же самое дальше. Ничего движущегося. Ничего похожего на черный пикап. Мы проехали через всю стоянку. На это ушло много времени. То и дело приходилось останавливаться, пропуская въезжающие и выезжающие машины. Но мы прочесали всю стоянку. И не смогли найти черный пикап.

Но зато мы нашли Финлея. Поставив машину на свободное место, мы пошли пешком к терминалу. Финлей поставил машину в соседнем углу и двигался по другой диагонали. Оставшуюся часть пути мы прошли вместе.

В терминале царило оживление. Он был громадный. Приземистое здание простиралось на несколько акров. Везде были толпы народа. Мигающее табло над головами сообщало о прибывающих рейсах. Двухчасовой рейс «Дельты» из Вашингтона уже приземлился и рулил к терминалу. Мы прошли к воротам. Казалось, идти пришлось не меньше полумили. Мы оказались в длинном коридоре с полом из ребристой резины. В центре двигались две пешеходные дорожки. Справа пестрели рекламные плакаты. Слева от пола до самого потолка была стеклянная перегородка с белой полосой на уровне глаз, чтобы никто не попытался случайно пройти сквозь нее.

Ворота прибытия находились за стеклом. Их было бесчисленное множество. Прилетевшие пассажиры выходили из самолетов и шли вдоль той стороны перегородки. Половина исчезала в комнате получения багажа. Затем эти пассажиры проходили к дверям в стеклянной перегородке, через которые можно было попасть в главный коридор. Вторая половина, прилетевшая без багажа, направлялась сразу к дверям. У дверей стояли плотные кучки встречающих. Нам приходилось протискиваться сквозь толпу.

Прибывшие пассажиры выплескивались в коридор из дверей, расположенных через каждые тридцать ярдов. С другой стороны стояли родственники и знакомые, и два людских потока сталкивались. Мы пробрались через восемь обособленных куч народа, прежде чем подошли к нужным дверям. Я беззастенчиво проталкивался вперед. Я был обеспокоен. Меня тревожил мелькнувший черный пикап.

Наконец мы добрались до ворот. Остановились за стеклянной перегородкой рядом с дверями, напротив выхода. Первые пассажиры уже сошли с самолета. Они выходили из ворот и направлялись за багажом или к выходу. С нашей стороны от перегородки встречающие проходили дальше по коридору. Нас то и дело толкали. Нас тащило по коридору. Это все равно, что плавать в шторм. Нам приходилось все время пятиться только для того, чтобы оставаться на месте.

За стеклом люди текли сплошным потоком. Я увидел женщину, которая могла быть Молли. Лет тридцати пяти, в изящном деловом костюме, с кейсом и сумкой. Я старался привлечь к себе ее внимание, надеясь, что она меня узнает, но вдруг она увидела кого-то другого, вскрикнула, указывая рукой, и послала воздушный поцелуй мужчине, стоявшему в десяти ярдах от меня. Тот начал проталкиваться ей навстречу.

Вдруг я понял, что любая женщина может оказаться Молли. Кандидаток было не меньше двух десятков. Светловолосые и темненькие, высокие и миниатюрные, красивые и не очень. Все в деловых костюмах, все с багажом, все идущие усталым решительным шагом деловой женщины в середине рабочего дня. Я смотрел на них. Они текли в людском потоке за стеклом; одни выискивали взглядами мужей, возлюбленных, шоферов, коллег по работе, другие смотрели прямо перед собой. Бурлящая толпа несла их вперед.

У одной из них были тяжелый портфель из бордовой кожи в одной руке и сумка на колесах в тон ему, которую она катила другой. Она была невысокая, светловолосая, чем-то возбужденная. Войдя в ворота, она задержалась, рассматривая через стекло толпу встречающих. Ее взгляд скользнул по мне. Вернулся назад. Она посмотрела прямо на меня. Остановилась. На нее напирали сзади. Ее несло вперед. Блондинка протолкалась к стеклу. Я шагнул ей навстречу. Она пристально

посмотрела на меня. Улыбнулась. Беззвучно поздоровалась с братом своего погибшего возлюбленного.

— Молли? — произнес я губами через толстое стекло.

Она подняла портфель как трофей. Кивнула на него. Торжествующе улыбнулась. Ее толкали в спину. Увлекая к выходу. Она оглянулась, убеждаясь, что я иду следом. Я, Роско и Финлей стали проталкиваться вперед.

За перегородкой, с той стороны, где была Молли, толпа текла в нужную сторону. На нашей стороне нам приходилось двигаться против течения. На нас навалилась группа студентов, направлявшихся к следующим воротам. Крупные, откормленные ребята, с неуклюжим багажом. Нас протащило назад ярдов пять. Через стекло мы видели удаляющуюся Молли. Затем ее светловолосая голова исчезла. Протиснувшись вбок, я прыгнул на бегущую пешеходную дорожку. Она двигалась в противоположную сторону. Меня пронесло еще ярдов пять, прежде чем мне удалось ухватиться за движущийся поручень и перескочить на соседнюю дорожку.

Теперь я двигался в нужную сторону, но дорожка была заполнена сплошной массой народа, неподвижно стоявшего на ней и удовлетворенного черепашьей скоростью ползущей резиновой ленты. Люди стояли по трое в ряд. Протиснуться невозможно. Я забрался на узкий поручень и попытался идти по нему словно канатоходец. Не смог удержать равновесие, и вынужден был присесть. Грузно свалился вправо. Меня снова унесло ярдов на пять назад, прежде чем я смог подняться и испуганно оглядеться. Сквозь стекло я увидел, как толпа затягивает Молли в комнату выдачи багажа. Роско и Финлей отстали. А меня медленно уносило в противоположную сторону. Мне не нравилось, что Молли идет в комнату выдачи багажа. Она прилетела сюда в спешке. У нее важные новости. Вряд ли она взяла с собой большой чемодан. Вряд ли она сдавала вещи в багаж. Ей нечего делать в комнате выдачи багажа. Пригнув голову, я побежал. Отталкивая людей с дороги. Я бежал против движения пешеходной дорожки. Резиновая лента цеплялась за мои ботинки. Каждый шаг отнимал у меня лишнее время. На меня кричали. Мне было все равно. Проложив локтями себе дорогу, я спрыгнул с дорожки и прорвался к дверям.

Комната выдачи багажа представляла собой просторный зал с низким потолком, освещенный тусклым желтоватым светом. Я протиснулся через выход, ища Молли. Нигде не мог ее найти. Зал был набит битком. Не меньше сотни пассажиров стояли вокруг ленты, в три ряда. Транспортер скрипел под тяжестью сумок. Вдоль стены стояли грузовые тележки. Пассажиры бросали в автомат монеты и забирали тележки.

Катили их через толпу. Тележки сталкивались, цеплялись друг за друга. Пассажиры толкались и ругались.

Я нырнул в людское море. Протискиваясь, толкаясь плечами, я искал Молли. Я видел, как она сюда вошла. Не видел, как она выходила. Но в зале ее не было. Я всматривался в каждое лицо. Я прочесал весь зал. Затем отдался на волю неумолимому потоку. Пробился к выходу. Роско держалась за дверь, борясь с толпой.

— Молли выходила? — спросил я.

— Нет. Финлей дежурит в конце коридора. Я жду здесь.

Мы стояли, глядя на протекающую мимо человеческую реку. Вдруг она быстро иссякла. Все пассажиры вышли в коридор. Последние, самые нерасторопные спешили к дверям. Замыкала шествие пожилая женщина в кресле-каталке. Ее катил сотрудник аэропорта. Ему пришлось остановиться, чтобы объехать какой-то предмет, лежащий на полу. Это была сумка на колесах из бордовой кожи, валяющаяся на боку. С вытянутой ручкой. Даже с пятнадцати футов я различил затейливую золотую монограмму: «МБГ».

Мы с Роско бросились в зал. За несколько минут помещение почти полностью очистилось от народу. Теперь здесь оставалось человек десять, не больше. Большинство уже сняло с транспортера свои вещи и направлялось к выходу. Еще через минуту в зале стало совсем пусто. Лента со скрежетом двигалась какое-то время, затем остановилась. В зале воцарилась тишина. Мы с Роско переглянулись.

Четыре стены, пол и потолок. Входная дверь и выходная дверь. Лента транспортера, выходящая через отверстие размером в квадратный ярд и уходящая через такое же отверстие. Оба отверстия были закрыты занавесом из толстой резины, разрезанной на полосы шириной несколько дюймов. Рядом с транспортером дверь. С нашей стороны ручки нет. Дверь заперта.

Роско схватила сумку Молли-Бет. Раскрыла ее. Внутри смена белья и сумочка с туалетными принадлежностями. И фотография. Восемь на десять дюймов, в бронзовой рамке. Это был Джо. Он был похож на меня, только более худой. Бритый загорелый череп. Хитрая, задорная улыбка.

Зал огласился пронзительной сиреной. Лента Транспортера снова со скрежетом пришла в движение. Мы посмотрели на нее. Посмотрели на занавешенное отверстие, через которое она входила. Резиновый занавес вспучился. Появился портфель. Из бордовой кожи. С перерезанными ремнями, вскрытый, пустой.

Покачиваясь на ленте, портфель полз к нам. Мы смотрели на него. Смотрели на перерезанные ремни. Перерезанные чем-то острым.

Перерезанные человеком, очень торопившимся и не хотевшим возиться с замками.

Я шагнул на движущийся транспортер. Побежал против хода ленты и словно пловец нырнул головой вперед сквозь резиновый занавес, загораживающий отверстие. Я упал неудачно, и транспортер потянул меня обратно к отверстию. Я поднялся на четвереньки и пополз вперед словно ребенок. Спрыгнул с ленты. Я попал в грузовое отделение. Пустынное. На улице ослепительно сияло солнце. В воздухе пахло керосином и соляркой от грузовиков, перевозивших багаж от приземлившихся самолетов.

Повсюду громоздились высокие кучи забытого багажа, уложенного в отсеки, открытые с одной стороны. Резиновый пол был усеян багажными бирками. Я метался по этому грязному лабиринту, ища Молли. Обегал кучи, заглядывая за них. Подтягиваясь на металлических поручнях, я поднимался в темные углы. Лихорадочно озираясь по сторонам. Здесь никого. Там никого. Нигде никого. Я бегал и бегал, спотыкаясь на грязном полу.

Сначала я нашел левую туфлю. Она лежала у входа в один из темных отсеков. Я заглянул внутрь. Ничего. Я подбежал к соседнему отсеку. Ничего. Учащенно дыша, я остановился. Надо действовать по порядку. Я добежал до конца коридора. Стал последовательно заглядывать в каждый отсек. Налево и направо, налево и направо, как только мог быстро, продвигаясь вперед отчаянным запыхавшимся зигзагом.

Правую туфлю я нашел в третьем отсеке от конца. Затем я увидел кровь. Она собралась в лужицу у входа в следующий отсек, липкая, растекающаяся. Молли лежала навзничь в глубине, в темноте, втиснутая между двумя стопками коробок. Это была ее кровь. У нее были выпотрошены внутренности. Кто-то вонзил нож ей в живот и безжалостно дернул лезвие вверх.

Но Молли еще была жива. Бледная рука дрожала. На губах розовела кровавая пена. Голова лежала неподвижно, но глаза метались по сторонам. Я подбежал к ней. Приподнял ей голову. Молли посмотрела на меня. Заставила шевелиться свои губы.

— Надо успеть до воскресенья, — прошептала она.

Она умерла у меня на руках.

Глава 21

Я изучал химию не меньше чем в семи различных школах. Не запомнил из нее почти ничего. Получил лишь общее впечатление. Но я узнал, что можно добавить совсем немного нового вещества в стеклянную колбу, и

все взорвется с громом и пламенем. Щепотка какого-то порошка производит несоизмеримо большое действие.

Именно так я переживал по поводу гибели Молли. Я ни разу с ней не встречался, даже не слышал о ее существовании. Но теперь я был непропорционально разозлен. Я переживал ее смерть гораздо сильнее, чем смерть брата. Джо выполнял свой долг. Он знал, на что шел. Он сам сделал выбор. Мы с Джо понимали, что такое риск и что такое долг, с тех пор как впервые научились что-то понимать. Но с Молли все было совсем по-другому.

Еще я вынес из химической лаборатории представление о давлении. Давление превращает уголь в алмаз. Давление может многое. И сейчас давление воздействовало на меня. Я был взбешен, на меня давило время. Мысленно я представил, как Молли сходит с самолета. Идет к терминалу, горя желанием найти брата Джо и помочь ему. Широко улыбается торжествующей улыбкой, сжимая портфель с файлами, которые не должна была копировать. Пошедшая на большой риск. Ради меня. Ради Джо. Образы давили на мое сознание, словно континентальные плиты в месте геологического разлома. От меня зависело, сокрушит ли меня это давление или превратит в алмаз.

Мы стояли, прислонившись к бамперу машины Роско, оглушенные и молчаливые. Среда, почти три часа дня. Я крепко держал Финлея за руку. Он хотел остаться и принять участие. Сказал, что это его долг. Я наорал на него, что у нас нет времени. Силой вытащил его на улицу. Провел прямо к машине, так как я понимал, что от наших действий в ближайшие минуты зависит, что будет ждать нас впереди: победа или поражение.

— Мы должны изучить архивы Грея, — сказал я. — Это лучшее, что мы можем сделать.

Финлей, сдаваясь, пожал плечами.

— Это все что у нас есть, — сказал он.

Роско кивнула.

— Пошли.

Мы с ней поехали вместе в ее машине. Финлей всю дорогу держался впереди. Мы с Роско не обменялись друг с другом и словом. Но Финлей всю дорогу разговаривал сам с собой. Кричал и ругался. Я видел, как дергалась из стороны в сторону его голова. Он ругался, кричал и орал на лобовое стекло своей машины.

Тил ждал нас за стеклянными дверями полицейского участка, прислонившись к столу дежурного и сжимая в покрытой старческими

пятнами руке трость. Увидев нас троих, он заковылял в просторное дежурное помещение. Сел за стол. За стол, ближайший к двери архива.

Мы прошли мимо Тила в кабинет, отделанный красным деревом. Сели, чтобы успокоиться и прийти в себя. Я достал из кармана распечатку Джо и положил ее на стол. Финлей просмотрел оборванный листок.

— Немного, да? — сказал он. — Что означает заголовок? «E Unum Pluribus»? Девиз, только наоборот, так?

Я кивнул.

— "Из одного многие". Я не понимаю смысла этой фразы.

Финлей пожал плечами. Снова склонился над распечаткой. Вдруг послышался громкий стук в дверь, и появился Бейкер.

— Тил вышел из участка, — сказал он. — Разговаривает на стоянке со Стивенсоном. Вам ничего не нужно?

Финлей протянул ему оборванную распечатку.

— Сделай копию вот этого, хорошо?

Бейкер вышел из кабинета. Финлей забарабанил пальцами по столу.

— Чьи это инициалы? — спросил он.

— Нагл известны только те, кого уже нет в живых, — сказал я. — Хаббл и Молли-Бет. Два номера — телефоны университетов. Принстонского и Колумбийского. Последний — управление полиции Нового Орлеана.

— Как насчет гаража Столлера? — спросил Финлей. — Вы его осмотрели?

— Там ничего, — сказал я. — Только две пустые коробки из-под кондиционеров, оставшиеся с тех пор, как Столлер возил их во Флориду и время от времени крал.

Финлей буркнул себе под нос. Вернулся Бейкер. Протянул мне распечатку Джо и снятую с нее копию. Оставив оригинал себе, я отдал копию Финлею.

— Тил уехал, — сказал Бейкер.

Мы поспешно покинули кабинет. Успели увидеть белый «Кадиллак», выруливающий со стоянки. Распахнули дверь архива.

Маргрейв — крохотный городок, затерявшийся в глуши, но Грей двадцать пять лет заполнял это помещение бумагами. Я уже давно не видел столько бумаги. Вдоль всех четырех стен стояли шкафы от пола до потолка с белыми дверцами. Мы раскрыли все дверцы. В каждом шкафчике стояли ряды папок. Всего их было не меньше тысячи.

Фибровые папки, на корешках бирки, под ними маленькие пластмассовые петельки, чтобы было удобнее доставать папку с полки. Слева от двери на верхней полке начиналась буква А. Справа от двери на самой нижней полке заканчивалась буква Z. Раздел на букву К находился прямо напротив двери, на уровне глаз.

Мы нашли папку с биркой «Клинер». Между тремя папками «Кланы» и одной «Клипспрингер против штата Джорджия». Я просунул палец в пластмассовую петельку. Вытащил папку. Она оказалась тяжелой, Я передал папку Финлею. Мы бегом вернулись в кабинет из красного дерева. Положили папку на стол. Раскрыли ее. Внутри были листы старой пожелтевшей бумаги.

Но это были не те листы. Они не имели никакого отношения к Клинеру, абсолютно никакого. Это была стопка старых докладных записок полицейского участка Маргрейва толщиной три дюйма. Текущие дела. Макулатура, которую надо было выбросить еще несколько десятков лет назад. Пласт истории. Перечень мер, которые необходимо предпринять, если Советский Союз запустит ракету на Атланту. Перечень мер, которые необходимо предпринять, если негр захочет войти в автобус с передней площадки. Масса всякого хлама. Но ни один заголовок не начинался с буквы "К". В папке не было ни одного слова, относящегося к Клинеру. Я смотрел на стопку бумаг толщиной три дюйма и чувствовал, как меня захлестывает отчаяние.

— Кто-то нас опередил, — сказала Роско. — Досье на Клинера вынули, заменив его этим мусором.

Финлей кивнул, но я покачал головой.

— Нет, что-то здесь не получается. В этом случае вытащили бы всю папку и выбросили в мусорный контейнер. Это сделал сам Грей. Ему нужно было спрятать досье, но он не мог заставить себя нарушить порядок архива. Поэтому он забрал из папки содержимое и положил вместо него эти старые бумаги. Сохранил все в полном порядке. Вы говорили, он был помешан на аккуратности, ведь так?

Роско пожала плечами.

— Досье спрятал сам Грей? Возможно. Он спрятал пистолет у меня в столе. Он ничего не имел против того, чтобы прятать свои вещи.

Я пристально посмотрел на нее. Ее слова заставили зазвонить тревожный колокольчик.

— Когда Грей отдал тебе свой пистолет? — спросил я.

— После Рождества, — сказала Роско. — Незадолго до своей смерти.

— Тут что-то не так, — задумчиво произнес я. — Этот человек прослужил двадцать пять лет следователем, так? Он был хорошим следователем. Солидным, уважаемым человеком. Почему такому человеку вдруг вздумалось держать в тайне, каким оружием он пользуется в свободное время? Никто бы ему слова не сказал. Грей отдал тебе эту коробку, потому что она содержала что-то такое, что требовалось спрятать.

— Он хотел спрятать пистолет, — сказала Роско. — Я уже говорила об этом.

— Нет, — возразил я, — не могу поверить в это. Пистолет был прикрытием. Он был нужен только для того, чтобы ты хранила коробку в запертом ящике. У Грея не было причин прятать сам пистолет. Такой человек при желании мог иметь в своем распоряжении хоть ядерную боеголовку. Главным было что-то другое, находящееся в коробке.

— Но ведь кроме пистолета в коробке больше ничего нет, — заметила Роско. — По крайней мере, определенно никаких досье.

Мы молча переглянулись. Бросились к двери. Выскочили из участка и подбежали к «Шевроле» Роско. Достали из багажника коробку Грея. Раскрыли ее. Я протянул «Дезерт Игл» Финлею. Внимательно осмотрел коробку с патронами. В ней ничего. Больше в коробке ничего не было. Я ее потряс. Осмотрел крышку. Ничего. Я разорвал коробку. Разодрал склеенные швы и разгладил картон. Ничего. Затем я разорвал крышку. В углу под загнутым отворотом был ключ, приклеенный изнутри скотчем. Там, где его не было видно. Там, где его спрятал умерший Грей.

Мы не знали, от чего этот ключ. Мы сразу отбросили все в здании полицейского участка. Отбросили дом Грея. Решили, что осторожный человек не выберет эти чересчур очевидные места. Я смотрел на ключ, чувствуя, как нарастает напряжение. Закрыв глаза, я попытался представить себе Грея, отгибающего отворот крышки, приклеивающего туда ключ и вручающего коробку своему единственному другу Роско. Следящего, как она убирает коробку в ящик своего стола. Следящего, как она запирает ящик на ключ. Успокаивающегося. Я составил эти образы в фильм и дважды мысленно прокрутил его, прежде чем понял, куда может подойти ключ.

— Парикмахерская, — сказал я.

Забрав «Дезерт Игл» у Финлея, я затолкал их с Роско в машину. Роско села за руль, рванула с места и выскочила со стоянки. Повернула на юг в сторону города.

— Почему? — спросила она.

— Грей частенько захаживал туда, — сказал я. — Три-четыре раза в неделю, как мне сказали старики. Грей был единственным белым,

заходившим к ним. Он считал парикмахерскую безопасной территорией. Где не могли появиться ни Тил, ни Клинер, ни кто-либо еще. Но ведь ему не надо было ходить туда, так? Ты сказала, у него была длинная всклокоченная борода, а волос не было. Грей ходил в парикмахерскую не для того, чтобы бриться. Он ходил туда потому, что ему нравились старики.

Роско резко затормозила перед парикмахерской, и мы выскочили из машины. В парикмахерской не было ни одного клиента. Только двое стариков-негров, сидящих в креслах, ничем не занятых. Я протянул ключ.

— Мы пришли за вещами Грея, — сказал я.

Младший из стариков покачал головой.

— Дружище, тебе не сможем отдать.

Он подошел ко мне и забрал ключ. Шагнул к Роско и вложил ключ в ее ладонь.

— Вот теперь можем. Старый мистер Грей велел нам не отдавать его вещи никому, кроме его друга мисс Роско.

Старик забрал у нее ключ. Подошел к раковине, нагнулся и отпер узкий встроенный ящик из красного дерева. Достал три папки. Толстые, в обложках из старого картона. Протянул одну мне, другую Финлею, третью Роско. Затем подал знак своему напарнику, и они вышли в заднюю дверь, оставив нас одних. Роско села на обитую материей кушетку перед окном. Мы с Финлеем устроились в креслах. Вытянули ноги на хромированные подножки. Начали читать.

Мне досталась пухлая стопка полицейских протоколов. Отксеренных и переданных по факсу. Вдвойне расплывчатых, но читать было можно. Это было досье, собранное детективом Джеймсом Спиренцей, следователем отдела убийств пятнадцатого участка полиции Нового Орлеана. Восемь лет назад Спиренце было поручено расследование одного убийства, затем еще семи. В итоге получилось дело с восемью убийствами. Спиренца их не раскрыл. Ни одно из них. Полный провал.

Но Спиренца старался изо всех сил. Вел расследование очень тщательно и дотошно. Первой жертвой стал владелец текстильной фабрики, внедривший у себя какой-то новый химический процесс для обработки хлопка. Второй жертвой стал заместитель первой жертвы. Он ушел с фабрики и занимался сбором средств, чтобы основать собственное производство.

Остальные шесть убитых были государственными служащими — сотрудниками агентства по охране окружающей среды. Отделение в

Новом Орлеане. Все шестеро вели одно и то же дело. Дело о загрязнении дельты Миссисипи. В реке дохла рыба. Расследование поднялось на двести пятьдесят миль вверх по течению. Текстильная фабрика, расположенная в штате Миссисипи, сбрасывала в реку отходы: гидроксид натрия, гидрохлорид натрия и хлорин, и вся эта гадость, смешиваясь с водой, образовывала смертоносный кислотный коктейль.

Все восемь жертв были убиты одинаково. Два выстрела в голову из автоматического пистолета 22-го калибра с глушителем. Аккуратно и чисто. Спиренца предположил, что это была работа профессионала. Он пытался выйти на убийцу двумя путями. Хватался за все ниточки, совался во все дыры. Профессиональных убийц не так уж и много. Спиренца и его коллеги переговорили со всеми. Никто ничего не слышал.

Второй подход Спиренцы был классическим. Кому это выгодно? Новоорлеанскому детективу не пришлось долго копать, чтобы сложить все воедино. Больше всего подходил владелец той самой текстильной фабрики в штате Миссисипи. Все восемь убитых ему мешали. Двое были его конкурентами. Остальные шестеро угрожали закрыть его производство. Спиренца разложил этого владельца на части, вывернул его наизнанку. Целый год изучал каждый его шаг в увеличительное стекло. Об этом говорили бумаги, которые я сейчас держал в руках. Спиренца натравил на этого человека ФБР и налоговую полицию. Все его счета были проверены до последнего цента в поисках неоприходованных выплат неуловимому киллеру.

Расследование продолжалось целый год, но так и не дало никаких результатов. Попутно было разрыто много всякой грязи. Спиренца пришел к выводу, что его подозреваемый убил свою жену. В прямом смысле забил ее до смерти. Этот тип женился во второй раз, и Спиренца послал предупреждение в управление полиции по месту его жительства. Единственный сын этого типа был психически ненормальный. По мнению Спиренцы, еще хуже своего отца. Полный психопат. Владелец текстильной фабрики опекал своего сынка, прикрывал его. Выкупал его из беды. Мальчишкой не один десяток раз интересовались правоохранительные органы.

Но ничего конкретного установить не удалось. Новоорлеанское отделение ФБР потеряло к делу интерес. Спиренца закрыл дело. Полностью забыл о нем до тех пор, пока старый следователь из управления полиции убогого городка в штате Джорджия не попросил его выслать информацию по делу семьи Клинеров.

Финлей закрыл свою папку. Крутанул кресло, поворачиваясь ко мне лицом.

— Фонд Клинера — это фикция, — сказал он. — Полная фикция, служащая ширмой для чего-то другого. Все это есть здесь. Грей вывел фонд на чистую воду. Проверил его деятельность сверху донизу. Ежегодно фонд расходует миллионы долларов, но его доходы, как следует из материалов Грея, равны нулю. Абсолютному нулю.

Финлей выбрал из папки один из листов. Подался вперед и протянул лист мне. Это было что-то вроде балансового отчета, в котором были представлены расходы фонда.

— Видишь? — спросил Финлей. — В это невозможно поверить. Вот сколько фонд тратит.

Я взглянул на отчет. Цифра была огромная. Я кивнул.

— Быть может, в действительности расходы даже гораздо больше. Я провел у вас в городе всего пять дней. До этого я шесть месяцев путешествовал по Штатам. А еще раньше я успел повидать весь мир. Без преувеличения Маргрейв самый чистый, самый ухоженный, самый прилизанный город из всех, где я побывал. Ему могут позавидовать Пентагон и Белый Дом. Поверьте, я там был. В Маргрейве все или совершенно новое, или только что отреставрированное. Все в идеальном состоянии. Просто становится страшно. И это должно стоить целое состояние.

Финлей кивнул.

— Кроме того, Маргрейв — очень странное место, — продолжал я. — Большую часть времени здесь никого нет. Жизнь замерла. Во всем городе нет даже намека на коммерческую активность. Здесь ничего не происходит. Никто ничего не зарабатывает.

Финлей непонимающе молчал. Не видел, к чему я веду.

— Только задумайся, — сказал я. — Возьмем, к примеру, ресторан Ино. Заведение новое, с иголочки. Все сверкает, самое современное оборудование. Но ведь в нем не бывает посетителей. Я никогда не видел там за раз больше двух человек. Официанток больше, чем посетителей. Так как же Ино платит накладные расходы? Выплачивает проценты по закладным? И то же самое в городе наблюдается повсюду. Вы где-нибудь видели, чтобы покупатели выстраивались в очередь?

Финлей задумался. Покачал головой.

— То же самое можно сказать про парикмахерскую, — продолжал я. — Я был здесь утром в воскресенье и утром во вторник. Старики сказали, что в промежутке у них не было ни одного клиента. Ни одного клиента за двое суток.

И вдруг я умолк. Вспомнил, что сказал мне один из негров. Сморщенный старый парикмахер. Внезапно я увидел его слова в новом свете.

— Старик-парикмахер, — произнес я. — Он сказал мне одну очень странную вещь. Я решил, что он сошел с ума. Я спросил, как им удается жить без клиентов. А он ответил, что клиенты им не нужны, потому что они получают деньги от фонда Клинера. И я спросил, какие деньги? Он сказал, тысячу долларов. Сказал, что такую сумму получают все предприниматели. Я решил, что речь идет о субсидии для мелкого бизнеса, тысяча долларов в год, так?

Финлей кивнул. Он не видел тут ничего странного.

— Я просто болтал от нечего делать, — продолжал я. — Как это бывает в парикмахерских. И я сказал, что тысяча долларов в год — неплохо, но волк все равно будет смотреть в лес, так? И знаешь, что мне ответил старик?

Финлей покачал головой. Он ждал, когда я отвечу. Я сосредоточился, вспоминая дословно, что сказал мне старый негр. Я хотел узнать, отмахнется ли Финлей от этого так же легко, как отмахнулся я.

— Он говорил так, будто открывает мне тайну, — сказал я. — Как будто ему может влететь только за то, что он обмолвился об этом хоть словом. Он шептал мне на ухо. Сказал, что не должен ничего говорить, но скажет, потому что я знаком с его сестрой.

— Ты знаком с его сестрой? — удивленно спросил Финлей.

— Нет, — сказал я. — У него в голове все перепуталось. В воскресенье я расспрашивал про Слепого Блейка, помнишь, про того гитариста, и старик ответил, что его сестра дружила с ним, шестьдесят лет назад. А потом у него все смешалось, и он, судя по всему, решил, что я знаком с его сестрой.

— И что же это за огромная тайна? — спросил Финлей.

— Старик сказал, что тысячу долларов они получают не в год, — сказал я. — Он сказал, тысяча долларов в неделю.

— Тысяча долларов в неделю? — переспросил Финлей. — В неделю? Разве такое возможно?

— Не знаю, — сказал я. — Вчера я решил — старик спятил. Но сейчас я прихожу к выводу, что он говорил правду.

— Тысяча в неделю? — повторил Финлей. — Чертовски неплохая субсидия. Пятьдесят две тысячи зеленых в год. Это чертовски неплохие деньги, Ричер.

Я произвел мысленные подсчеты. Указал на итоговую сумму баланса, составленного Греем.

— Все встает на свои места. Для того, чтобы делать подобные щедрые выплаты, нужны огромные деньги.

Финлей задумался. Крепко задумался.

— Мерзавцы купили весь город. Не спеша, тихо. Купили весь город, выплачивая по тысяче в неделю тут и там.

— Точно, — согласился я. — Фонд Клинера стал курицей, несущей золотые яйца. Никто не рискнет ее зарезать. Все жители Маргрейва держат язык за зубами и отворачиваются в сторону, когда нужно отвернуться.

— Согласен, — сказал он. — Клинерам могло безнаказанно сойти с рук даже убийство.

Я посмотрел на него.

— А им и так сошло с рук убийство.

— И что же нам делать дальше? — спросил Финлей.

— Первым делом мы должны выяснить, чем именно занимаются эти подонки, черт побери.

Он посмотрел на меня как на сумасшедшего.

— Но это же нам известно, разве не так? Они печатают на этом складе мешки липовых денег.

Я покачал головой.

— Нет, ты неправ. В Соединенных Штатах фальшивые деньги в крупных объемах больше не печатают. Этому положил конец Джо. Все это происходит за границей.

— Так в чем же дело? — спросил Финлей. — Я думал, речь идет о фальшивых деньгах. Иначе, почему этим делом занялся твой брат?

Встав с диванчика у окна, Роско подошла к нам.

— Речь действительно идет о фальшивых деньгах, — сказала она. — И я знаю, что именно происходит. Все до мельчайших подробностей. — Роско подняла в одной руке папку Грея. — Частично ответ содержится здесь. — Другой рукой она подняла свежую газету. — Остальное здесь.

Мы с Финлеем присоединились к ней. Просмотрели папку, которую она изучала. Это был отчет о слежке. Грей прятался под развилкой автострады и наблюдал за въезжающими и выезжающими со складов

грузовиками. Тридцать два дня. Результаты были разбиты на три части. В первых одиннадцати случаях Грей видел по одному «входящему» грузовику в день, приезжающему с юга рано утром. «Исходящие» уезжали со склада весь день, направляясь на север и на запад. Грей определял места назначения по номерным знакам. По-видимому, он пользовался полевым биноклем. «Исходящие» грузовики разъезжались по всей стране. От Калифорнии до Массачусетса. За первые одиннадцать дней Грей зафиксировал одиннадцать «входящих» и шестьдесят семь «исходящих» машин. В среднем, ежедневно одна машина приезжала и шесть уезжали. Небольшие грузовики, всего около тонны груза в неделю.

Первая часть журнала наблюдения Грея отражала первый календарный год. Вторая отражала следующий. Он дежурил девять дней и зафиксировал пятьдесят три «исходящих» грузовика, те же самые шесть машин в день, отправляющиеся в те же самые точки назначения. Но перечень «входящих» грузовиков изменился. Первые полгода в день приезжало по одной машине, как и раньше. Но во второй половине входящий поток удвоился. Ежедневно стало приходить по две машины.

Последние двенадцать дней наблюдения картина снова стала другой. Все эти дни относились к пяти последним месяцам жизни Грея. С прошлой осени до февраля он по-прежнему фиксировал в среднем по шесть отъезжающих машин в день, направляющихся в те же самые места. Но «входящих» грузовиков не было, ни одного. Начиная с прошлой осени товар увозили, но не привозили.

— Ну, и? — спросил у Роско Финлей.

Она довольно улыбнулась. Она уже все поняла.

— Но это же очевидно, не правда ли? Клинер ввозил фальшивые деньги в страну. Они печатаются в Венесуэле, где он построил свой новый химический завод. Деньги привозятся на судах во Флориду, а оттуда перевозятся на склад под Маргрейвом. Затем развозятся в грузовиках на север и запад, в крупные города: Лос-Анджелес, Чикаго, Детройт, Нью-Йорк, Бостон. И там вбрасываются в наличный оборот. Сетью распределения фальшивых денег опутана вся страна. Это же очевидно, Финлей.

— Разве? — спросил он.

— Ну, разумеется, — уверенно заявила Роско. — Вспомни Шермана Столлера. Он ездил во Флориду встречать приходящие с моря суда, разгружающиеся в Джексонвилль-Биче. Он ведь как раз спешил встретить судно, когда его остановили за превышение скорости, так? Вот почему он нервничал. Вот почему к нему так быстро приехал дорогой адвокат.

Финлей кивнул.

— Все сходится, — закончила Роско. — Взгляните на карту Соединенных Штатов. Деньги печатаются в Латинской Америке и привозятся морем. Выгружаются на берег во Флориде. Переправляются на юго-восток, после чего поток разветвляется из Маргрейва. Часть течет на запад в Лос-Анджелес, часть в Чикаго в центр, часть в Нью-Йорк и Бостон на востоке. Отдельные ветви, так? Что-то вроде подсвечника или канделябра. Вы знаете, что такое канделябр?

— Знаю, — сказал Финлей. — Это такой большой подсвечник.

— Точно, — подтвердила Роско. — Вот как это выглядит на карте. Путь от Флориды до Маргрейва — это стебель. Отсюда отдельные ветви отходят к большим городам, от Лос-Анджелеса через Чикаго до Бостона. Это сеть распространения импорта фальшивых денег, Финлей.

Роско подкрепляла свои слова красноречивыми жестами. Нарисовала в воздухе канделябр. Мне ее рассуждения казались разумными и правильными. Поток катится из Флориды на север в грузовиках. Затем в сплетении автострад и шоссе, окружающих Атланту, разделяется и направляется отдельными струйками в крупные города на север и на запад. Канделябр как нельзя лучше изображал эту сеть. Левая ветвь отклонялась практически горизонтально, уходя в Лос-Анджелес. Как будто кто-то уронил какой-то предмет, а другой человек на него случайно наступил. Но это предположение было разумно. Практически несомненно, Маргрейв был точкой ветвления. Центром распределения был тот злополучный склад. Географическое положение не вызывало никаких сомнений. Гениальный план — использовать в качестве центра распределения сонный захолустный городок, которого нет ни на одной карте. У этих людей было огромное количество наличности. В этом можно было не сомневаться. Фальшивой наличности, но ее тоже можно тратить. И ее было очень много. Около тонны фальшивых денег в неделю. Махинация осуществлялась в промышленных масштабах, в гигантских. Этим объяснялись громадные траты фонда Клинера. Как только деньги кончались, можно было просто напечатать новые. Но Финлей так и не был убежден до конца.

— А как же последние двенадцать месяцев? — спросил он. — Импорт полностью прекратился. Взгляните на досье Грея. Машины перестали прибывать. Ровно год назад. Шерман Столлер как раз в это время остался не у дел. Целый год на склад ничего не поступало. Но что-то отсюда по-прежнему увозили. Те же самые шесть машин ежедневно. Ничего не поступает, но шесть машин в день уезжают? Что это значит? Что это за поток импорта?

Улыбнувшись, Роско взяла газету.

— Ответ здесь, — сказала она. — Об этом кричат все газеты, начиная с февраля. Береговая охрана. В прошлом сентябре началась крупная операция по борьбе с контрабандой. Об этом много трубили заранее. Клинер должен был знать. Поэтому он заблаговременно заготовил запасы. Видите список Грея? В течение шести месяцев перед сентябрем прошлого года входящий поток был *вдвое* мощнее. Клинер заготавливал большой запас на своем складе. Затем сбывал его в течение целого года. Вот почему негодяи так напуганы. Двенадцать месяцев они сидели на огромной куче фальшивых денег. Но сейчас береговая охрана вынуждена прекратить свою операцию. Импорт можно будет наладить как прежде. Вот что произойдет в ближайшее воскресенье. Вот что имела в виду бедняжка Молли, говоря, что мы должны успеть до воскресенья. Надо накрыть склад, пока в нем еще есть запасы.

Глава 22

Финлей кивнул. Наконец-то он был полностью убежден. Он улыбнулся. Встал с диванчика перед окном и пожал Роско руку. Официально ее потряс.

— Отличная работа, — сказал Финлей. — Безукоризненный анализ. Я всегда говорил, что тебя не проведешь, Роско. Точно, Ричер? Разве я не говорил тебе, что она у нас лучшая?

Кивнув, я улыбнулся, а Роско покраснела. Финлей не выпускал ее руку, продолжая улыбаться. Но я видел, что при этом он прочесывает вдоль и поперек ее версию, отыскивая слабые места. Ему удалось найти лишь два.

— А как насчет Хаббла? — спросил он. — Каким боком он тут задействован? Крупного банковского работника не станут нанимать лишь для того, чтобы он грузил машины, правильно?

Я покачал головой.

— Хаббл в банке занимался наличностью. Клинеру он был нужен для того, чтобы избавляться от фальшивых денег. Он вбрасывал их в обращение. Он знал, где их можно влить незаметно и где они нужны. Хаббл занимался своим прежним делом, только наоборот.

Финлей кивнул.

— А как насчет кондиционеров? — спросил он. — Шерман Столлер возил их во Флориду. Так сказала вам его женщина. Нам известно, что это правда, вы видели у него в гараже две пустые коробки. И его машина была набита кондиционерами, когда ее обыскивали полицейские из Джексонвилля. Какое это имеет отношение к делу?

— Полагаю, официальное прикрытие, — сказал я. — Ширма, за которой скрывались незаконные махинации. Своеобразный камуфляж. Экспорт кондиционеров позволял объяснить движение грузовиков во Флориду и обратно. В противном случае на юг им приходилось бы кататься пустыми.

Финлей кивнул.

— Согласен, умный ход. Чтобы не гонять машины порожняком. Разумное решение. Да и за проданные кондиционеры можно выручить какие-то деньги, так?

Кивнув еще раз, он выпустил руку Роско.

— Нам нужны образцы фальшивых денег, — сказал он.

Я улыбнулся. До меня вдруг кое-что дошло.

— Образцы есть у меня, — сказал я.

Сунув руку в карман, я достал пухлую пачку сотенных купюр. Вытащил одну банкноту спереди и одну сзади. Протянул их Финлею.

— Это фальшивые? — спросил он.

— Судя по всему, да, — подтвердил я. — Пачку сотен дала мне Чарли Хаббл на расходы. Вероятно, она получила их от мужа. Другую пачку я забрал у тех типов, что охотились за мной во вторник.

— И из этого следует, что это фальшивки? — спросил Финлей. — Почему?

— Подумай, как следует, — сказал я. — Клинеру нужны наличные деньги на текущие расходы. Зачем ему использовать настоящие деньги? Готов поспорить, он платил Хабблу фальшивками. И тем ребятам из Джексонвилля он тоже выдал на расходы фальшивые купюры.

Финлей поднес две сотенные купюры к яркому свету из окна. Мы с Роско подошли к нему, чтобы лучше видеть.

— Ты уверен? — спросила Роско. — По-моему, это настоящие банкноты.

— Это фальшивки, — уверенно заявил я. — Иначе не может быть. Этого требует логика, ведь так? Фальшивомонетчики предпочитают печатать сотенные. От более крупных купюр очень трудно избавиться, а подделывать более мелкие невыгодно. Так вот, зачем расходовать настоящие доллары, когда есть целые грузовики фальшивых?

Мы внимательно изучили банкноты. Долго разглядывали, ощупывали, нюхали их, терли между пальцами. Открыв бумажник, Финлей достал

свою сотню. Мы сравнили все три бумажки. Долго передавали их друг другу. Но так и не смогли найти никаких отличий.

— Если это фальшивки, они выполнены чертовски хорошо, — наконец подвел итог Финлей. — Но то, что ты сказал, похоже на правду. Вероятно, все дела фонда Клинера оплачиваются фальшивыми деньгами. Несколько миллионов каждый год.

Он убрал свою сотню в бумажник. Положил фальшивки в карман.

— Я возвращаюсь в участок. Вы приходите завтра, ближе к полудню. Тил уедет на обед, и нам никто не будет мешать.

Мы с Роско отправились на пятьдесят миль на юг, в Мейкон. Я хотел постоянно быть в движении. Это основное правило безопасности. Мы выбрали ничем не примечательный мотель на юго-восточной окраине города. Точка в Мейконе, наиболее удаленная от Маргрейва; сам городок еще немного отдалил нас от наших врагов. Старый мэр Тил предложил мне устроиться в мотеле в Мейконе. Сегодня вечером я решил последовать его совету.

Мы приняли холодный душ и завалились в постель. Забылись тревожным сном. В номере было душно. Почти всю ночь мы беспокойно ворочались в кровати. С рассветом отказались от этих бесплодных попыток и встали. Стояли в полумраке, потягиваясь. Утро четверга. У нас было такое ощущение, будто мы вообще не сомкнули глаз. Мы оделись и собрались в темноте. Роско надела форму. Я натянул свои старые вещи. Решил, что скоро мне надо будет купить что-нибудь новое. На это можно потратить фальшивые деньги Клинера.

— Что будем делать дальше? — спросила Роско.

Я молчал. Мне в голову пришла еще одна мысль.

— Ричер? — повторила Роско. — Что мы будем делать дальше?

— А что сделал Грей? — спросил я.

— Повесился.

Я снова задумался.

— Точно? — наконец спросил я.

Роско ответила не сразу.

— О господи, у тебя есть какие-то сомнения?

— Возможно. Задумайся. Предположим, Грей натолкнулся на одного из преступников или его застали рыскающим там, где его не должно было быть.

— Ты полагаешь, его убили? — в голосе Роско прозвучала паника.

— Возможно, — повторил я. — Эти люди убили Джо, Столлера, Моррисонов, Хаббла и Молли-Бет Гордон. Они пытались убить нас с тобой. Если они видят в ком-то угрозу, они этого человека убивают. Именно так действует Клинер.

Роско молчала, вспоминая своего коллегу Грея, угрюмого и прилежного следователя. Двадцать пять лет дотошной работы. Такой человек мог быть очень опасен. Человек, терпеливо просидевший в засаде тридцать два дня, чтобы проверить подозрение, очень опасен. Подняв взгляд, Роско кивнула.

— По-видимому, он допустил оплошность, — сказала она. Я обнял ее за плечо.

— Негодяи его линчевали, обставив все так, чтобы это выглядело самоубийством.

— Не могу в это поверить.

— Вскрытие было? — спросил я.

— Наверное.

— В таком случае, надо проверить. Нам нужно снова переговорить с тем врачом из морга в Йеллоу-Спрингс.

— Но он ведь не стал бы молчать, так? — спросила Роско. — Если у него возникли какие-либо подозрения, он бы обязательно их высказал.

— Он высказал их Моррисону, — возразил я. — А Моррисон от них отмахнулся. Потому что у него был такой приказ. Мы должны сами все проверить.

Роско вздрогнула.

— Я присутствовала на похоронах Грея, — сказала Роско. — Пришли все наши. Моррисон произнес речь в сквере перед церковью. И мэр Тил тоже. Они сказали, что Грей был отличным полицейским, лучшим в Маргрейве. Но они его убили.

Она произнесла это с чувством. Роско любила Маргрейв. Ее семья уже несколько поколений жила здесь тяжким трудом. Роско пустила здесь корни. Ей нравилась ее работа. Она получала удовольствие от сознания того, что приносит пользу. Но город, которому она служила, оказался насквозь прогнившим Преступным и коррумпированным. Это был не город, а болото, затопленное грязными деньгами и кровью. Весь мир Роско рухнул.

Мы поехали на север по шоссе между Мейконом и Маргрейвом. На полдороге Роско свернула вправо, и мы направились в Йеллоу-Спрингс. К медицинскому центру. Я проголодался. Мы не позавтракали. Не лучшее состояние для посещения морга. Мы въехали на территорию больницы. Медленно перевалили через «лежачих полицейских» и проехали до конца. Остановились перед большими металлическими воротами и вышли из машины. Размяли ноги по пути к кабинету патологоанатома. Солнце успело нагреть воздух. На улице было прекрасно. Мы зашли в здание морга и нашли врача в его унылом кабинете. Он сидел все за тем же обшарпанным письменным столом. По-прежнему выглядел очень усталым и был в том же белом халате. Увидев нас, он кивнул.

— Доброе утро, ребята. Чем могу вам помочь?

Мы сели на те же стулья, что и во вторник. Я держался подальше от факса. Я предоставил говорить Роско. Так было лучше. У меня не было официального статуса.

— В феврале прошлого года, — начала она, — покончил с собой старший следователь полиции Маргрейва. Помните?

— Некий Грей? — спросил патологоанатом.

Роско кивнула, и он, встав, подошел к шкафу. Выдвинул ящик. Старое дерево рассохлось, и ящик двигался со скрипом. Зрач стал перебирать папки, начиная с конца.

— Февраль, — сказал он. — Грей.

Достав папку, врач вернулся за свое место. Бросил папку на стол. Тяжело опустился на стул и раскрыл папку. Она была тонкой. В ней почти ничего не было.

— Грей, — повторил патологоанатом. — Да, я его помню. Он повесился, да? Из Маргрейва к нам обратились впервые за тридцать лет. Меня вызвали к нему домой. Это случилось в гараже, да? Он повесился на потолочной балке?

— Да, — подтвердила Роско и умолкла.

— Так чем я могу вам помочь? — спросил врач.

— В этом деле не было ничего странного?

Врач посмотрел на папку. Перевернул страницу.

— Когда человек вешается, в этом всегда есть что-то странное, — сказал врач.

— А не было ли чего-то особенно странного? — вставил я.

Врач перевел усталый взгляд с Роско на меня.

— Подозрительного?

Я снова увидел у него на лице ту самую едва уловимую улыбку, которую уже видел во вторник.

— Не было ли чего-то подозрительного? — уточнил я.

Врач покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Самоубийство. Все очевидно, никаких вопросов. Грей зашел в гараж с табуретом, встал на него, надел на шею петлю и спрыгнул. Все согласуется с его предшествующим поведением. Очевидцы рассказали о том, что этому предшествовало. Так что я не вижу никаких проблем.

— И что рассказали очевидцы? — спросила Роско.

Патологоанатом снова перевел взгляд на нее. Перелистал папку.

— Грей находился в состоянии депрессии. Это продолжалось довольно долго. В ту ночь, когда произошло самоубийство, он выпивал со своим начальником, тем самым Моррисоном, которого только что доставили к нам, и мэром города, неким Тилом. У Грея случилось какое-то горе, он завалил одно дело, и все трое пытались утопить в виски свою печаль. Грей напился так, что не мог стоять на ногах. Моррисону с Тилом пришлось тащить его домой. Они проводили его и разошлись по домам. Судя по всему, Грей никак не мог успокоиться. Он пошел в гараж и повесился.

— Это вам сказали Моррисон и Тил? — спросила Роско.

— Моррисон написал официальное заявление, — подтвердил врач. — Он был очень расстроен. Переживал, что не остался тогда с Греем, понимаете?

— И у вас не возникло никаких вопросов?

— Я совсем не знал этого Грея, — сказал врач. — Мы имеем дело с дюжиной полицейских управлений. До того случая я не видел никого из Маргрейва. Тихое местечко, не правда ли? По крайней мере, было таким. То, что случилось с Греем, стало закономерным следствием. Пьянство нередко доводит людей до самоубийства.

— А как насчет вещественных доказательств? — спросил я.

Врач заглянул в файл. Поднял взгляд на меня.

— От трупа исходил сильный запах виски, — сказал он. — Свежие ссадины на руках. Следствие того, что пьяного Грея вели под руки. Я не нашел ничего странного.

— Вы проводили вскрытие? — спросила Роско.

Врач покачал головой.

— В этом не было необходимости, — сказал он. — Дело было очевидным, а у нас очень много работы. Нам было не до самоубийств в Маргрейве. В феврале работы было по горло. По самые уши. Ваш начальник Моррисон попросил, чтобы шуму было как можно меньше. Кажется, прислал записку. Сказал, надо действовать деликатно. Не нужно сообщать родным Грея, что старина был пьян в стельку. Необходимо сохранить пристойный вид. Я ничего не имел против. У меня не было никаких вопросов, а мы были очень заняты, поэтому я сразу дал разрешение на кремацию тела.

Мы с Роско переглянулись. Врач вернулся к шкафу и убрал папку. Задвинул со скрипом ящик.

— Вы довольны? — сказал он. — А теперь прошу меня извинить, у меня дела.

Мы поблагодарили его за то, что он уделил нам время. Вышли из убогого кабинета. Вернулись на теплое осеннее солнце. Остановились у дверей, щурясь. Мы молчали. Роско была очень расстроена. Она только что узнала, что ее друга убили.

— Извини, — сказал я.

— Полная чушь, от начала и до конца, — сказала Роско. — Грей не заваливал никаких дел. Он никогда ничего не заваливал. И он не пил. Капли в рот не брал. Так что он не мог напиться в стельку. Грей ни за что не стал бы близко общаться с Моррисоном и с этим чертовым мэром. Просто не стал бы. Он их терпеть не мог. Ни за что на свете он не провел бы вечер в их обществе. И у него не было родных. Так что все эти рассказы про родственников, деликатный подход и пристойный вид — полная чушь. Моррисон и Тил убили Грея и запудрили коронеру мозги, чтобы он не копал глубоко.

Я дал ей возможность выплеснуть из себя бешенство. Наконец Роско умолкла. Она представила себе, как все произошло.

— Ты думаешь, это были Моррисон и Тил? — спросила она.

— И кто-то третий, — сказал я. — Убийц было трое. На мой взгляд, они пришли к Грею домой. Грей открыл дверь, и Тил достал пистолет. Моррисон и кто-то третий схватили Грея за руки. Этим объясняются

ссадины. Вероятно, Тил влил ему в горло виски или, по крайней мере, плеснул на одежду. Затем Грея оттащили в гараж и повесили.

Роско завела машину и развернулась. Медленно переехала через «лежачих полицейских». Резко крутанула рулевое колесо и понеслась к Маргрейву.

— Его убили, — сказала она, констатируя факт. — Как убили Джо. Кажется, теперь я понимаю, что ты чувствуешь.

Я кивнул.

— Мерзавцы заплатят за обоих.

— Клянусь!

Мы умолкли. Проехали на север, затем свернули на шоссе. Ровно двадцать миль до Маргрейва.

— Бедный старина Грей, — сказала Роско. — Не могу поверить. Он был такой умный, такой осторожный.

— Недостаточно умный, — возразил я. — И недостаточно осторожный. Не надо об этом забывать. Помни основное правило, хорошо? Никогда не оставайся одна. Увидишь, кто-то к тебе направляется — уноси ноги или стреляй. По возможности держись ближе к Финлею.

Внимание Роско было сосредоточено на дороге. Она с бешеной скоростью неслась по прямому как стрела шоссе.

— Финлей, — повторила Роско. — Знаешь, что я не могу понять?

— Что? — спросил я.

— Эти двое, Тил и Моррисон, они ведь заправляли всем городом для Клинера, так? Они заправляли полицейским участком. Держали все в руках. Старшим следователем у них был Грей. Старый, умный, осторожный и упрямый. Он работал здесь больше двадцати пяти лет, начал задолго до того, как началось это дерьмо. Тилу и Моррисону Грей достался в наследство, и они не могли от него избавиться. Поэтому, естественно, этот умный и упрямый детектив их выследил. Обнаружил, что происходит что-то нечистое. Но это стало им известно. И они убрали Грея с дороги. Убили его, чтобы обезопасить себя. Но что они делают дальше?

— Продолжай, — сказал я.

— Они находят замену. Финлея, следователя из Бостона. Человека еще более умного и упрямого, чем Грей. За каким чертом они это сделали? Если Грей представлял для них опасность, Финлей опасен вдвойне. Так

почему они так поступили? Зачем они взяли еще более умного следователя?

— Все очень просто, — сказал я. — Моррисон и Тил решили, что Финлей полный дурак.

— Дурак? — удивилась Роско. — Как такое могло произойти, черт возьми?

Тогда я повторил ей то, что рассказал мне Финлей в понедельник за кофе с булочками в круглосуточном магазинчике. Про развод. Про то, в каком состоянии находился тогда Финлей. Как он сам выразился? Произвел жуткое впечатление. Не мог связать двух слов.

— С ним беседовали Моррисон и Тил, — сказал я. — По мнению Финлея, он был самым худшим соискателем вакансии. Выставил себя полным идиотом. Он был просто поражен, когда его взяли на это место. Теперь понятно, почему это произошло. Тил и Моррисон как раз и искали идиота.

Роско рассмеялась. От этого мне стало лучше.

— Господи, — сказала она. — Какую шутку сыграла судьба! Моррисон и Тил все спланировали. «Грей представляет для нас угрозу, — сказали они. — Лучше его заменить на дурака. Выбрать худшего из возможных кандидатов».

— Точно, — подтвердил я. — Что они и сделали. Они выбрали контуженного идиота из Бостона. Но к тому времени, как этот идиот приступил к работе, он успел успокоиться и снова стать спокойным и умным человеком, каким всегда и был.

В течение двух миль Роско улыбалась, размышляя об этом. Затем мы поднялись на небольшой пригорок и начали спускаться к Маргрейву. Напряжение росло. Мы словно приближались к зоне военных действий. На какое-то время мы ее покинули. Возвращаться назад было неприятно. Я ожидал, что мне станет гораздо лучше, когда я определю своих соперников. Но все оказалось не так, как я надеялся. Мы играли не на ничейной территории. Приходилось вести игру на территории врага. Против меня будет весь город. Он куплен с потрохами. Никто не останется в стороне. Мы неслись под горку на семидесяти милях в час навстречу опасностям. Дело было значительно хуже, чем я думал.

Въехав в город, Роско сбросила скорость. Большой «Кадиллак» мягко покатился по зеркально гладкому асфальту Маргрейва. Магнолии и кизил справа и слева сменились бархатными газонами и ухоженными вишнями. Стволы деревьев сверкали так, будто кору ежедневно протирали вручную. Возможно, в Маргрейве это действительно так и

обстояло. Вероятно, фонд Клинера кому-то платил за эту работу очень приличное жалование.

Мы проехали мимо опрятных магазинчиков, пустых и довольных жизнью, процветающих на незаработанную тысячу долларов в неделю. Объехали сквер с памятником Каспару Тилу. Проскочили мимо поворота к дому Роско с выбитой входной дверью. Мимо кафе. Мимо скамеек под аккуратными маркизами. Мимо парка, разбитого на том месте, где когда-то были столовые и гостиницы для водителей-дальнобойщиков, еще в те времена, когда Маргрейв был честным. Подъехали к полицейскому участку. Свернули на стоянку. «Бентли» Чарли Хаббл стоял на том самом месте, где я его оставил.

Роско заглушила двигатель, и мы некоторое время сидели в машине. Нам не хотелось выходить. Мы пожали друг другу руки — Роско протянула правую, я левую. Короткий жест, пожелание удачи. Мы вышли из машины. Шагнули в бой.

В прохладе полицейского участка никого не было, если не считать Бейкера за столом в дежурном помещении и Финлея, направлявшегося в кабинет, отделанный красным деревом. Увидев нас, он махнул рукой.

— Тил вернется через десять минут, — сказал Финлей. — А у нас возникли кое-какие проблемы.

Он затащил нас в кабинет и закрыл за собой дверь.

— Звонил Пикард, — сказал Финлей.

— Что у него случилось? — спросил я.

— Охраняемый дом. Куда спрятали Чарли с детьми, ты понял? Все ведь должно оставаться неофициальным, да?

— Так сказал Пикард. Он и так превысил полномочия.

— Вот именно, — подтвердил Финлей. — В этом-то все дело. Пикард не может выделить для охраны дома людей. Нужно, чтобы кто-то находился вместе с Чарли. Пока что он занимался этим сам. Но так больше не может продолжаться. У Пикарда нет времени. И еще он считает это неприличным — понимаешь, Чарли — женщина, вместе с ней девочка, и все такое. Малышка его до смерти боится.

Он посмотрел на Роско. Та сразу поняла, к чему он клонит.

— Пикард хочет, чтобы я подежурила там? — спросила она.

— Только двадцать четыре часа, — заверил ее Финлей. — Больше он не просит. Ты согласна?

Роско пожала плечами. Улыбнулась.

— Без вопросов. Один день я как-нибудь выкрою. Если только вы дадите слово вернуть меня сюда, когда начнется главное веселье.

— Это железно, — сказал Финлей. — Веселье не начнется до тех пор, пока мы не выясним все подробности, а как только они у нас будут, Пикард сможет действовать официально. Тогда он направит в охраняемый дом своих агентов, и ты сможешь вернуться сюда.

— Ну, хорошо, — согласилась Роско. — Когда мне ехать?

— Прямо сейчас, — сказал Финлей. — Пикард будет здесь с минуты на минуту.

— Значит, ты сразу решил, что я дам согласие? — спросила Роско.

Финлей хитро усмехнулся.

— Как я уже говорил Ричеру, ты у нас самая лучшая.

Мы с Роско прошли через дежурное помещение и вышли на улицу. Достав из «Шевроле» сумку со своими вещами, молодая женщина поставила ее на асфальт.

— Надеюсь, увидимся завтра, — сказала она.

— Ты не боишься?

— Ничегошеньки не боюсь. Где может быть безопаснее, чем в охраняемом доме ФБР, а? Но я буду скучать по тебе, Ричер. Я еще не готова к расставанию с тобой.

Я пожал ей руку. Она поцеловала меня в щеку. Встала на цыпочки и быстро чмокнула. Финлей распахнул дверь участка. Скрипнул резиновый уплотнитель. Высунув голову, Финлей окликнул Роско:

— Введи Пикарда в ход дела.

Роско кивнула. Мы стояли на солнце и ждали. Через пару минут на стоянку свернул голубой седан Пикарда. Затормозил рядом с нами. Сложившись пополам, огромный негр вылез из машины и распрямился. Заслонил нам солнце.

— Я очень признателен, Роско, — сказал он. — Честное слово, ты меня здорово выручаешь.

— Не бери в голову, — успокоила его Роско. — Ты ведь тоже нам помогаешь, ведь так? Куда ты меня отвезешь?

Пикард хитро усмехнулся. Кивнул на меня.

— Не могу сказать. Тем более перед гражданским. Я и так превысил полномочия. И я попрошу потом ничего не рассказывать Ричеру, хорошо? А ты, Ричер, не дави ни на нее, ни на Чарли, договорились?

— Договорились, — сказал я. — Не буду давить. Она и так мне все расскажет.

— Вот и отлично.

Кивнув, он взял сумку Роско. Кинул ее на заднее сиденье. Они с Роско сели в машину, выехали со стоянки и повернули на север. Я помахал им вслед. Машина скрылась из виду.

Глава 23

Детали. Сбор улик. Наблюдение. Это основа любого дела. Необходимо занять место и смотреть долго и пристально, чтобы увидеть все что нужно. Пока Роско будет варить кофе для Чарли Хаббл, а Финлей будет сидеть в кабинете, отделанном красным деревом, я собирался следить за тем, что происходит на складе Клинера. Долго и пристально, до тех пор, пока не пойму, что именно там происходит. Возможно, на это мне потребуется двадцать четыре часа. Возможно, Роско вернется раньше меня.

Сев в «Бентли», я проехал четырнадцать миль до развилки. Сбросил скорость, проезжая мимо складов. Первым делом нужно найти наблюдательный пункт. Дорога для машин, заезжающих на автостраду чтобы ехать на север, ныряет под дорогой для машин, съезжающих с автострады. Получается своеобразный низкий тоннель. Верхнее дорожное полотно поддерживают широкие бетонные опоры. Я решил устроиться за одной из этих опор. Я буду скрыт в полумраке, а небольшое возвышение откроет вид на все склады. Вот где будет мой наблюдательный пункт.

Разогнав «Бентли», я поднялся на автостраду и поехал на север в Атланту. Мне потребовался час. Я внимательно смотрел по сторонам. Искал квартал дешевых магазинов и нашел его без труда. Увидел нужную улицу. Автосервис, оптовая продажа бильярдных столов, подержанная офисная мебель. Я остановился перед магазином торгового оборудования. Напротив были два магазинчика товаров первой необходимости. Я зашел в левый.

Дверь привела в действие колокольчик. Продавец за прилавком поднял голову. Обычный продавец. Белый, с черной бородой, в камуфляже, высоких ботинках. В левом ухе большое золотое кольцо. Он был похож на пирата. Может быть, служил в армии. Может быть, просто хотел сделать вид, что служил. Продавец приветливо кивнул.

У него имелось все, что было мне нужно. Я выбрал оливковые камуфляжные штаны и рубашку. Нашел камуфляжную куртку, в которую смог влезть. Тщательно осмотрел карманы. Мне нужно спрятать «Дезерт Игл». Затем я отложил фляжку и приличный полевой бинокль. Оттащил все к кассе. Достал пачку сотенных купюр. Бородатый продавец посмотрел на меня.

— Еще мне не помешает дубинка, — сказал я.

Продавец еще раз посмотрел на меня и на пачку сотенных. Нырнул под прилавок и достал довольно тяжелую коробку. Я выбрал толстую дубинку длиной около девяти дюймов. Это была кожаная трубка, сплюснутая с одной стороны, чтобы удобнее держать. Внутри слесарная пружина. Такие засовывают в трубы, перед тем как их гнуть. Трубка набита свинцовой дробью. Эффективное оружие. Я кивнул. Расплатился и вышел из магазина. Когда я закрывал дверь, колокольчик зазвонил снова.

Проехав на «Бентли» еще пару сотен ярдов, я остановился перед автосервисом, обещавшим тонирование стекол. Посигналив, дождался, что из двери высунулся мастер.

— Вы сможете тонировать стекла этой машины? — спросил я.

— Вот этой? Конечно. Я могу тонировать все, что угодно.

— И сколько времени это займет?

Мастер подошел к «Бентли» и провел пальцем по шелковистой обшивке салона.

— Такая машина нуждается в первоклассной работе, — сказал он. — Потребуется дня два, а то и три.

— Сколько?

Мастер погладил сверкающий капот, шумно втянув воздух сквозь зубы. Так поступают все автомеханики, когда их спрашивают о цене.

— Пара сотен, — наконец сказал он. — Столько будет стоить первоклассная работа, а меньшего такая машина не заслуживает.

— Я заплачу двести пятьдесят, — сказал я. — За лучше, чем первоклассную работу, и вы одолжите мне свою машину на эти два-три дня, хорошо?

Снова шумно втянув воздух, мастер похлопал по крыше.

— Договорились, дружище.

Сняв ключи от «Бентли» с кольца Чарли, я поменял английский лимузин на восьмилетний «Кадиллак» цвета авокадо. Ездил он весьма прилично и был настолько неприметным, насколько это возможно. «Бентли» — прекрасная машина, но совсем не то, что мне было нужно для мобильного наблюдения. Она наоборот привлекает к себе всеобщее внимание.

Выехав из Атланты, я остановился на заправке. Залил большой бензобак «Кадиллака» до краев и купил шоколадных батончиков, орешков и несколько бутылок воды. Затем воспользовался туалетной кабинкой, чтобы переодеться. Надел обмундирование армейского образца, а свою старую одежду выкинул в мусорный контейнер. Вернулся к машине. Положил «Дезерт Игл» в продолговатый внутренний карман новой куртки. Готовый и запертый. Насыпал горсть патронов в верхний наружный карман. Положил нож Моррисона с выкидным лезвием в левый боковой карман, а дубинку в правый.

Орешки и батончики я распределил по остальным карманам. Налил воду во фляжку и принялся за работу. Мне потребовался еще час на то, чтобы вернуться в Маргрейв. Я направил старый «Кадиллак» направо по развязке, повернув на север. Сдал сотню ярдов назад и остановился на ничейной территории, между двумя апаррелями. Там, где меня не увидят те, кто съезжает с автострады и заезжает на нее. «Кадиллак» увидят только те, кто будет проноситься по автостраде мимо Маргрейва. А им до меня не будет никакого дела.

Я открыл крышку капота. Запер машину и оставил ее так. Она стала буквально невидимой. Сломавшийся старый седан на обочине. Зрелище настолько обыденное, что его не замечаешь. Затем я перелез через невысокую бетонную ограду у развилки. Спустился вниз по крутой насыпи. Побежал на юг. Бежал до тех пор, пока не укрылся в невысоком тоннеле. Пробежал под широкой лентой автострады и спрятался за бетонной опорой. У меня над головой проезжали грузовики, спускавшиеся с автострады на шоссе к Маргрейву. Ревели двигатели, машины устремлялись к складам Клинера.

Я устроился поудобнее за бетонной опорой. Наблюдательный пункт я выбрал отлично. Ярдов двести по горизонтали, футов тридцать по вертикали. Передо мной словно раскрывалась диорама. Бинокль оказался очень приличным. На территории складов стояли четыре отдельных здания. Внешне одинаковые, выстроившиеся в линейку, под небольшим углом относительно того места, где я находился. Вся территория была обнесена серьезной оградой. Обилие колючей проволоки. Все четыре здания имели отдельные заборы. В каждом внутреннем заборе были ворота. Ворота в наружной ограде выходили на дорогу, ведущую к шоссе. На складах кипела бурная деятельность.

Первое здание было совершенно безобидным. Широкие ворота распахнуты настежь. Туда въезжали и выезжали машины местных фермеров. Погрузка и разгрузка проходила у всех на виду. Прочные холщовые мешки, чем-то набитые. Быть может, сельскохозяйственная продукция, быть может, семена или удобрения. То, что нужно фермерам. Я понятия не имел, что именно. Но никакой тайны. Все машины были местными.

На всех номера Джорджии. Ничего крупного, что могло бы пересечь всю страну на север или на запад. Первый склад был чист, это не вызывало сомнений.

То же самое можно было сказать про второй и третий склады. Там ворота также были распахнуты настежь. Вся деятельность проходила во дворе, на глазах у всех. Никакой тайны. Машины другие, но все местные. Я не смог разобрать, что они возили. Возможно, мелкие партии товаров в местные магазинчики. А может быть, какую-то продукцию. На третьем складе я заметил большие бочки. И также ничего подозрительного.

Четвертый склад оказался тем, что я искал. Он был последним в ряду. Идеально выбранное место. Логичное. Четвертый склад был загорожен оживленной суматохой первых трех. А так как он был последним, то местным фермерам не приходилось проезжать мимо него. Никто в него не заглядывал. Идеальное место. Определенно, это было как раз то, что я искал. Позади склада, ярдах в семидесяти пяти, в поле стояло расщепленное дерево. То самое, которое Роско узнала на фотографии Столлера, Хаббла и желтого грузовика. Если фотограф находился во дворе, дерево как раз должно было попасть в край кадра. Я понял, что это то самое место.

Широкие ворота склада были закрыты. Ворота в ограде были закрыты. Рядом с ними дежурили двое охранников. Даже с расстояния в двести ярдов в бинокль были видны их бдительные взгляды и настороженность движений. Эти охранники действительно несли службу. Какое-то время я следил за ними. Они расхаживали вдоль ограды, но больше ничего не происходило. Тогда я перенес свое внимание на шоссе. Стал ждать грузовик, направляющийся на четвертый склад.

Ждать пришлось долго. Коротая время, я стал петь. Перебрал все известные мне варианты «Смятения души». Эту песню исполняют абсолютно все. Она считается народной. Никто не знает ее автора. Никто не знает, откуда она появилась. Возможно, пришла из дельты Миссисипи. Это песня для тех, кто не может сидеть на месте. Хотя, быть может, так было бы лучше. Для таких, как я. Я провел в Маргрейве почти целую неделю. Так долго по своей воле я еще нигде не задерживался. Наверное, я останусь здесь навсегда. Вместе с Роско,

потому что нам вдвоем очень хорошо. Я уже начинал представлять будущее рядом с ней. Оно мне нравилось.

Но возникнут кое-какие проблемы. Когда поток грязных денег Клинера иссякнет, Маргрейв развалится. Оставаться будет негде. Мне снова придется кочевать. Как пелось в той песне, что звучала у меня в голове. Народная песня. Написанная словно про меня. В глубине души я считал, что ее сочинил Слепой Блейк. Ему пришлось побродить по свету. Он проходил по этому самому месту, только тогда вместо бетонных опор здесь стояли раскидистые деревья. Шестьдесят лет назад Слепой Блейк шел по дороге, за которой я сейчас наблюдал, и, возможно, пел песню, которую я сейчас пел.

Эту старинную песню пели мы с Джо. Так мы шутили над кочевой армейской жизнью нашей семьи. Мы вылезали из транспортного самолета неизвестно где и приезжали в пустой барак. И через двадцать минут начинали петь эту песню. Как будто мы уже успели здесь пожить и были готовы снова тронуться в путь. Я прислонился к бетонной опоре и пел эту песню, за себя и за брата.

Мне потребовалось тридцать пять минут, чтобы исполнить все вариации, один раз за себя и один раз за Джо. За это время на склады приехало с полдюжины машин. Все местные. Запыленные грузовики с номерами Джорджии. Ничего покрытого грязью дальних странствий. Ничего, направляющегося к четвертому складу в глубине. Я негромко пел в течение тридцати пяти минут и так и не получил никакой информации.

Но зато мне достались аплодисменты. Допев последний вариант, я услышал насмешливые хлопки, доносящиеся из полумрака за спиной. Обернувшись, я всмотрелся в темноту. Хлопки затихли, и я услышал шаркающие звуки. Разглядел смутный силуэт приближающегося ползком мужчины. Силуэт приобрел конкретные очертания. Бродяга. Длинные спутанные волосы, несколько слоев надетой друг на друга одежды. Глаза, ярко горящие на сморщенном грязном лице. Бродяга остановился в некотором отдалении от меня.

— Кто ты такой, черт побери? — спросил я.

Смахнув с лица занавес волос, бродяга ухмыльнулся.

— А ты кто такой, черт побери? Заявился ко мне домой и воешь?

— Это твой дом? — спросил я. — Ты здесь живешь?

Поднявшись на корточки, бродяга пожал плечами.

— Временно. Последний месяц. А ты имеешь что-то против?

Я покачал головой. Я ничего не имел против. Этот человек должен был где-то жить.

— Извини, что потревожил тебя, — сказал я. — До ночи я отсюда уйду.

До моего носа дошел запах бродяги. Ничего хорошего. Он пах так, словно провел в дороге всю свою жизнь.

— Оставайся сколько хочешь, — сказал бродяга. — Мы как раз решили перебираться отсюда. Жилище освобождается.

— Мы? — переспросил я. — Ты здесь не один?

Бродяга как-то странно посмотрел на меня. Обернулся и указал в пустоту за собой. Там никого не было. Мои глаза уже успели привыкнуть к темноте. Тоннель просматривался до самого конца, до следующей насыпи. Ничего.

— Со мной моя семья, — продолжал бродяга. — Мы рады познакомиться с тобой. Но нам пора двигаться дальше.

Протянув руку в темноту, он достал вещмешок армейского образца. С вытертой надписью: «Рядовой первого класса такой-то», с личным номером и обозначением части. Закинув мешок за спину, бродяга пополз прочь.

— Подожди, — окликнул его я. — Ты был здесь на прошлой неделе? В четверг?

Остановившись, бродяга полуобернулся.

— Я прожил здесь целый месяц. В прошлый четверг ничего не видел.

Я посмотрел на него, на его вещмешок. Солдат. Солдаты никогда не вызываются добровольно что-либо делать. Это основное правило. Поэтому я опустился на бетон и достал из кармана шоколадный батончик. Завернул его в стодолларовую бумажку. Бросил бродяге. Поймав батончик, он убрал его в карман. Молча кивнул.

— Так что ты не видел в прошлый четверг? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Я ничего не видел. Это истинная правда. Но моя жена видела. Она много чего видела.

— Хорошо, — медленно произнес я. — Ты не спросишь у нее, что она видела?

Он кивнул. Обернулся и зашептал, разговаривая с пустотой. Снова повернулся ко мне.

— Моя жена видела инопланетян, — сказал бродяга. — Вражеский звездолет, замаскированный под сверкающий черный грузовичок. Из него вылезли два инопланетянина, переодетые людьми. Затем жена увидела огни в небе. Дым. Спускается космический корабль, превращается в большую машину, выходит командующий звездной флотилией, одетый полицейским, короткий жирный тип. Потом с шоссе сворачивает белая машина, но на самом деле это приземляется звездный истребитель. В нем двое, тоже на вид земляне, пилот и второй пилот. Они устраивают танец, прямо перед воротами, так как они прибыли из другой галактики. Жена говорит, это было восхитительно. Она любит такие вещи. Видит их повсюду, где бы ни появилась.

Бродяга кивнул. Он говорил искренне.

— Я все пропустил. — Он махнул в пустоту за собой. — Надо было искупать малышку. Но моя жена все видела. Она такое любит.

— Она ничего не слышала? — спросил я.

Бродяга передал мой вопрос жене. Услышал ее ответ и покачал головой, словно я был сумасшедшим.

— Инопланетяне не издают никаких звуков, — сказал он. — Но второго пилота изрешетили из шоковых бластеров, и он приполз сюда. Умер от потери крови на том самом месте, где ты сейчас сидишь. Мы пытались ему помочь, но если рана нанесена шоковым бластером, тут уж ничего не поделаешь, правда? В воскресенье его забрали санитары.

Я кивнул. Бродяга пополз прочь, таща за собой вещмешок. Проводив его взглядом, я снова занял место за опорой. Стал наблюдать за дорогой, размышляя по поводу рассказа жены бродяги. Показания свидетеля. Верховный суд они бы не убедили, но я, черт побери, ему поверил. В конце концов, это мой родной брат прилетел на звездном истребителе и исполнил танец у ворот склада.

Прошел еще час, прежде чем я увидел что-то интересное. Я успел съесть один батончик и выпил почти пинту воды. Я сидел и ждал. На шоссе появился грузовик приличных размеров, направляющийся на юг. Приблизившись к воротам склада, машина сбросила скорость. В бинокль я разобрал номера штата Нью-Йорк. Грязно-белые прямоугольники. Грузовик прокатился по гравийной дорожке и остановился перед четвертыми воротами. Охранники распахнули ворота и подали знак заезжать. Грузовик снова остановился, и охранники закрыли за ним ворота. Водитель сдал задом к воротам склада. Вышел из машины. Один из охранников залез в кабину грузовика, другой поднял створку ворот. Грузовик заехал задом в здание, и ворота опустились. Водитель из Нью-Йорка остался во дворе, потягиваясь на

солнце. Вот и все. От начала до конца около тридцати секунд. Не привлекая лишнего внимания.

Я ждал и смотрел. Грузовик пробыл внутри восемнадцать минут. Затем ворота снова поднялись, и охранник выехал на улицу. Ворота сразу же опустились, и охранник выпрыгнул из кабины. Парень из Нью-Йорка занял место за рулем, а охранник побежал открывать ворота. Грузовик выехал на шоссе. Повернул на север и проехал в двадцати ярдах от того места, где я стоял, прислонясь к бетонной опоре. Грузовик с ревом поднялся на автостраду и влился в поток машин, направляющихся на север.

Почти сразу же второй грузовик, покинув поток машин с севера, съехал на шоссе. Такой же, как и первый. Тот же тип, те же размеры, та же грязь дальней дороги. Грузовик затрясся на дороге к складам. Я прильнул к окулярам бинокля. Номера Иллинойса. Грузовик прошел через тот же ритуал. Остановился у ворот. Подал задом к воротам склада. Охранник сменил водителя. Ворота поднялись ровно настолько, чтобы заглотить грузовик в темноту склада. Быстро и эффективно. Опять около тридцати секунд, от начала и до конца. Все в строгой тайне. Водителей-дальнобойщиков не допускают в склад. Им приходится ждать на улице.

Машина из Иллинойса была обслужена быстрее. Шестнадцать минут. Водитель занял место за рулем и выехал на автостраду. Проехал в двадцати ярдах от меня.

Наша теория гласила, что машины загружаются из запасов и направляются на север. В большие города. Пока все шло в соответствии с теорией. Я не находил в ней никаких изъянов.

В течение следующего часа ничего не происходило. Четвертый склад оставался заперт. Я страдал от безделья. Начинал жалеть о том, что бродяга ушел. Можно было бы поболтать с ним. Наконец я увидел третий грузовик. Подняв бинокль, я различил номера Калифорнии. Тот же тип, грязно-красный. Машина свернула с шоссе и направилась в дальнюю часть склада. Обряд слегка изменился. Грузовик въехал в ворота, но на этот раз водитель не менялся. По-видимому, этот парень имел право заглянуть внутрь склада. Опять ожидание. Двадцать две минуты. Ворота поднялись, и машина выехала во двор. Направилась к автостраде.

Я принял молниеносное решение. Пора ехать. Я хотел заглянуть в кузов одного из этих грузовиков. Поэтому я вскочил на ноги, схватил бинокль и фляжку. Пробежал по тоннелю на север. Взобрался по крутому откосу и спрыгнул с ограды. Поспешил к «Кадиллаку». Захлопнул капот и сел за руль. Завел двигатель и тронулся. Влился в поток, дал полный газ и понесся на север.

По моим расчетам, красный грузовик опередил меня минуты на три-четыре. Не больше. Я разогнал большой старый «Кадиллак» и помчался на большой скорости. Я надеялся, что нагоняю грузовик. Через несколько миль он показался впереди. Сбросив скорость, я пристроился за ним на безопасном расстоянии, ярдах в трехстах. Между нами было не меньше полдюжины машин. Я немного успокоился. Согласно теории «канделябра», выдвинутой Роско, мы держали путь в Лос-Анджелес.

Мы не спеша катили на север. Скорость не больше пятидесяти миль в час. Бензобак «Кадиллака» был почти полон. Хватит миль на триста, быть может, на триста пятьдесят. А при такой скорости, возможно, и дальше. Только бы не прибавлять скорость. Если прибавить обороты изношенному восьмилетнему восьмицилиндровому двигателю, он станет жрать горючее быстрее, чем поднимается пена над кофеваркой. Но равномерное неторопливое движение позволит мне проехать приличное расстояние без дозаправки. Быть может, даже четыреста миль. Достаточно, чтобы добраться до Мемфиса.

Мы ехали вперед. Грязный красный грузовик маячил в трехстах ярдах передо мной, большой и неуклюжий. У южной окраины Атланты он повернул налево. Приготовился к броску на запад, через всю страну. Пока что теория распределения подтверждалась. Сбросив скорость, я еще немного отстал. Не хотел, чтобы у водителя возникли какие-то подозрения. Но, судя по тому, как грузовик перестраивался из ряда в ряд, водитель почти не использовал зеркала заднего вида. Я снова сократил разделявшее нас расстояние.

Красный грузовик ехал вперед. Я держался в восьми машинах за ним. Время шло. Вечерело. Я пообедал шоколадным батончиком, запив его водой. С радио у меня ничего не получилось. Это была какая-то хитроумная японская штучка. Судя по всему, владелец автомастерской снял его с другой машины. А может быть, приемник был краденый. У меня мелькнула мысль, как продвигается тонирование стекол «Бентли». Интересно, что скажет Чарли Хаббл, получив свою машину назад с черными стеклами. Впрочем, вероятно, это будет не самое тяжелое испытание, выпавшее на ее долю. Мы ехали вперед.

Так мы проехали почти четыреста миль. Восемь часов. Мы покинули Джорджию, пересекли Алабаму и въехали в северо-восточный угол Миссисипи. Стало темно. Осеннее солнце опустилось за горизонт далеко впереди. Машины зажгли фары. Несколько часов мы ехали в темноте. Мне начинало казаться, что я преследую красный грузовик всю свою жизнь. Наконец около полуночи он начал сбавлять скорость. Еще через полмили свернул на стоянку для дальнобойщиков. Городок по имени Миртл. По моему мнению, до границы Теннесси осталось еще

шестьдесят миль. Я тоже свернул на стоянку. Поставил «Кадиллак» подальше от грузовика.

Водитель вышел из машины. Высокий плотный парень. Крепкая шея и широкие накаченные плечи. Смуглый, лет под тридцать. Руки длинные, как у обезьяны. Я его узнал.

Это был сын Клинера. Полный психопат. Я следил за ним. Он остановился в темноте, окружающей грузовик, зевнул, потянулся. Глядя на него, я представил его в четверг ночью, у ворот склада, исполняющего танец.

Заперев грузовик, мальчишка Клинер направился к домикам. Выждав немного, я пошел следом за ним. Как я и предполагал, он зашел в туалет. Я задержался у газетного киоска на ярко освещенной площадке, следя за дверью. Затем Кли-нер-младший заглянул в столовую. Уселся за столик, снова потянулся. Принялся неторопливо изучать меню, собираясь поужинать. Я решил, что это займет у него минут двадцать пять. Возможно, полчаса.

Я вернулся на стоянку. Мне хотелось заглянуть в кузов красного грузовика. Но я понимал, что нет никакой возможности сделать это на стоянке. Абсолютно никакой. Здесь полно народу, а неподалеку дежурят две полицейские машины. Стоянка залита ярким светом. С проникновением в кузов красного грузовика придется немного подождать.

Я вернулся к домикам, втиснулся в телефонную будку и позвонил в полицейский участок Маргрейва. Мне сразу же ответил Финлей. Я услышал его поставленный гарвардский голос. Он сидел у телефона, ожидая моего звонка.

— Ты где? — спросил Финлей.

— Недалеко от Мемфиса. У меня на глазах грузовик загрузился на складе Клинера, и я буду ехать за ним до тех пор, пока не получу возможность заглянуть в кузов. За рулем грузовика мальчишка Клинер.

— Понял, — сказал Финлей. — Звонил Пикард. Роско устроилась на новом месте. Надеюсь, сейчас она крепко спит. Пикард сказал, она просила передать, что любит тебя.

— Если представится случай, передай, что я ее тоже люблю, — сказал я. — А ты будь осторожнее, выпускник Гарварда.

— Сам будь осторожнее, — ворчливо буркнул Финлей, кладя трубку.

Я неторопливо вернулся к «Кадиллаку». Сел в машину и стал ждать. Мальчишка Клинер вышел из столовой через полчаса. Направился к

красному грузовику, вытирая губы тыльной стороной руки. Похоже, он сытно поужинал. Вот почему это заняло у него столько времени. Клинер скрылся из виду. Через минуту мимо меня прокатил красный грузовик. Но мальчишка не выехал на шоссе. Он свернул налево. Направился к мотелю. Он решил провести ночь здесь.

Красный грузовик подъехал к ряду домиков. Остановился у второго от конца, прямо под ярким фонарем на столбе. Клинер-младший вышел из кабины и запер машину, достал из кармана ключ и отпер домик. Вошел внутрь и запер дверь за собой. В домике зажегся свет, затем опустились шторы. Ключ был у него в кармане. Мальчишка не заходил в контору. Следовательно, он снял домик в столовой. Расплатился и взял ключ. Вот почему он торчал там так долго, черт бы его побрал.

Это создало определенные трудности. Мне нужно заглянуть в кузов грузовика. Мне нужны доказательства. Я должен убедиться в своей правоте, и как можно скорее. До воскресенья оставалось сорок восемь часов, а мне предстояло много дел. Очень много. Значит, придется забраться в грузовик прямо здесь, под ярким фонарем. Пока мальчишка-психопат будет находиться в десяти футах от меня, в номере мотеля. Не самая безопасная работа. Надо будет немного подождать. Дождаться, чтобы мальчишка крепко уснул. Тогда его не разбудят грохот и скрежет, когда я примусь за работу.

Я подождал полчаса. Ждать дальше было нельзя. Я завел старый «Кадиллак» и проехал по затихшей площадке. Кулачки были разболтаны, и клапаны стучали. В полной тишине двигатель чертовски шумел. Я поставил машину вплотную к красному грузовику, капотом к двери домика. Вылез через правую дверь. Остановился и прислушался. Ничего.

Достав из кармана куртки нож Моррисона, я встал на передний бампер «Кадиллака». Переступил на капот и поднялся на крышу. Застыл наверху, прислушиваясь. Ничего. Подойдя к грузовику, я схватился за крышу, подтянулся и оказался вверху.

Как правило, у таких грузовиков крыша прозрачная, из пластика. Из него делают всю крышу или, по крайней мере, хотя бы окошко в металлическом листе. Это нужно для того, чтобы осветить внутренность кузова. Так удобнее грузить машину. А может быть, так дешевле. Производители готовы пойти на все что угодно, лишь бы сэкономить еще один доллар. Крыша — самый простой способ проникнуть в кузов такого грузовика.

Я распластался животом на пластиковой крыше, цепляясь ногами за «Кадиллак». Вытянув руку как можно дальше, я раскрыл нож. Проткнул пластиковую панель, прямо в середине. Пропилил отверстие шириной

дюймов десять и длиной восемнадцать. Такое, чтобы можно было раздвинуть пластик и заглянуть внутрь.

В домике зажегся свет. Желтый квадрат света упал на «Кадиллак». На борт грузовика. На мои ноги. Выругавшись, я подтянулся. Забрался на крышу кузова. Распластался и затих, затаив дыхание.

Дверь домика распахнулась. Мальчишка Клинер вышел на улицу, уставился на «Кадиллак». Наклонился, заглядывая в салон. Обошел вокруг грузовика, проверяя двери кабины, дергая за ручки. Крыша кузова качалась подо мной. Обойдя грузовик, Клинер-младший проверил двери кузова. Подергал за ручки. Я услышал лязг запертых замков.

Мальчишка несколько раз обошел вокруг грузовика. Я лежал, слушая звук его шагов. Он снова проверил «Кадиллак». Затем вернулся в домик. Хлопнула входная дверь. Свет погас. Желтый квадрат исчез.

Я выждал еще пять минут. Просто лежал на крыше, не шелохнувшись. Затем я подтянулся на локтях. Протянул руку к вырезу, который только что проделал. Оттянул пластик вниз, сжимая его пальцами. Подполз и заглянул в щель.

В кузове было пусто. Совершенно пусто. Абсолютно ничего.

Глава 24

Обратно до Маргрейва было четыреста миль. Я очень торопился. Мне нужно было встретиться с Финлеем и изложить ему новую версию. Я воткнул свой старый «Кадиллак» рядом с новеньким «Кадиллаком» Тила. Зашел в участок и кивнул дежурному. Тот кивнул в ответ.

— Финлей здесь? — спросил я.

— Он в кабинете. У него мэр.

Пробежав через дежурное помещение, я заскочил в кабинет, отделанный красным деревом. Там были Финлей и Тил. У Финлея имелись для меня плохие новости. Я определил это по его поникшим плечам. Тил удивленно посмотрел на меня.

— Вы вернулись в армию, мистер Ричер?

Я не сразу понял, что он имел в виду. Тил говорил про мой камуфляжный наряд. Я смерил его взглядом. Сам он был в блестящем сером костюме с шитьем. Галстук-шнурок с серебряной заколкой.

— Не тебе учить меня, во что одеваться, осел!

Тил изумленно посмотрел на себя. Смахнул несуществующую соринку. Злобно сверкнул глазами на меня.

— За такие выражения я могу вас арестовать, — заявил он.

— А я могу оторвать тебе голову, — огрызнулся я. — И засунуть ее в твою волосатую задницу.

Мы бесконечно долго сверлили друг друга взглядами. Тил стиснул свою тяжелую палку, словно собираясь ударить меня.

Я видел, как напряглись его пальцы, как он украдкой посмотрел на мою голову. Но, в конце концов, Тил просто вышел из кабинета и захлопнул за собой дверь. Приоткрыв ее, я выглянул. Тил снял трубку телефона в дежурном помещении. Он собирался позвонить Клинеру. Пожаловаться на меня и спросить, что делать дальше. Закрыв дверь, я повернулся к Финлею.

— Что случилось?

— Серьезные неприятности, — сказал он. — Но сначала скажи, ты заглянул в грузовик?

— Сейчас мы к этому подойдем. Что у тебя?

— Ты хочешь услышать сначала маленькую неприятность или большую?

— Сначала маленькую, — сказал я.

— Пикард задержал Роско еще на день. Положение безвыходное.

— Черт, — выругался я. — Мне хотелось с ней увидеться. Как она к этому отнеслась?

— Если верить Пикарду, с радостью.

— Черт, — снова выругался я. — А что за крупная неприятность?

— Кто-то нас опередил, — прошептал Финлей.

— Опередил? — повторил я. — Что ты хочешь сказать?

— Помнишь список твоего брата? Инициалы и приписку относительно гаража Шермана Столлера? Во-первых, сегодня утром пришел телекс от полиции Атланты. Ночью сгорел дом Столлера. Тот самый, на поле для гольфа, куда ходили вы с Роско. Сгорел дотла, вместе с гаражом. Поджог. Кто-то облил все вокруг бензином.

— Господи, — ахнул я. — А что с. Джуди?

— По словам соседей, она дала деру во вторник вечером. Сразу после вашего визита. И с тех пор не возвращалась. Дом был пуст.

Я кивнул.

— Джуди женщина умная. Но из этого вовсе не следует, что нас опередили. Мы уже побывали в гараже. Если кто-то и пытался замести следы, он опоздал. Заметать уже было нечего, так?

— Ну, а инициалы? — продолжал Финлей. — Университеты? Сегодня утром я установил того человека из Принстона. У. Б. — Уолтер Бартоломью. Профессор. Его убили сегодня ночью, рядом со своим домом.

— Черт, — бросил я. — Как?

— Пырнули ножом. Полиция Нью-Джерси полагает, это дело рук уличных грабителей. Но мы-то знаем, что это не так.

— А хороших новостей больше нет? — спросил я.

Финлей покачал головой.

— Дальше только хуже. Этот Бартоломью что-то знал. Но с ним расправились до того, как он успел переговорить с нами. Нас опередили, Ричер.

— Он что-то знал? — спросил я. — Что именно?

— Понятия не имею. Когда я набрал тот номер, мне ответил какой-то аспирант, помогавший Бартоломью. По его словам, Бартоломью был на подъеме, вчера вечером задержался допоздна на работе. В последнее время этот помощник доставал ему самые разные материалы из архивов. Бартоломью над ними работал. Перед уходом он собрал вещи, послал по электронной почте сообщение на компьютер твоего брата и отправился домой. Убийца его подкараулил, и все.

— Что говорится в сообщении, отправленном Джо?

— В нем предлагается сегодня утром ждать звонка, — сказал Финлей. — Как сказал аспирант, похоже, что Бартоломью наткнулся на что-то важное.

— Черт, — в который раз выругался я. — А что насчет нью-йоркских инициалов? К. К.?

— Пока не знаю, — ответил Финлей. — Полагаю, это еще один профессор. Боюсь, как бы с ним тоже не расправились.

— Хорошо, — сказал я. — Я лечу в Нью-Йорк, чтобы его найти.

— К чему такая спешка? Что случилось с грузовиком?

— Ничего кроме одной мелочи: он оказался пуст.

В кабинете воцарилась тишина.

— Он возвращался назад пустым? — наконец спросил Финлей.

— Позвонив тебе, я сразу заглянул в кузов. Грузовик был пуст. Совершенно пуст. В нем не было ничего кроме свежего воздуха.

— Господи, — пробормотал Финлей.

Он был в растерянности, не мог поверить услышанному. Ему так понравилась теория Роско. Он ее поздравил. Пожал ей руку. Канделябр. Теория была хорошей. Настолько хорошей, что Финлей не мог поверить в то, что она ошибочна.

— Этого не может быть, — сказал он. — Мы были правы. Это же так логично. Вспомни, что говорила Роско. Вспомни карту. Вспомни цифры Грея. Все сходится. Это же очевидно, я это чувствую. Это транспортный поток. Иначе быть не может. Я уже столько раз проходил через это.

— Роско была права, — согласился я. — И то, что ты только что сказал, тоже справедливо. Подсвечник с вершиной в Маргрейве. Это транспортный поток. Мы ошиблись только в одной мелочи.

— В какой?

— Мы неправильно определили направление, — сказал я. — Мы получили все задом наперед. Поток идет в противоположном направлении. Та же самая ветвящаяся диаграмма, но только поток не вытекает из Маргрейва, а вливается в него.

Финлей кивнул. Он все понял.

— Значит, здесь не загружают товар, — сказал он. — Здесь его выгружают. Преступники не сбывают запасы. Они наоборот накапливают их. Здесь, в Маргрейве. Но запасы чего? Ты уверен, что деньги не печатаются где-то в другом месте, а потом свозятся сюда?

Я покачал головой.

— Это невозможно. Молли твердо заявила, что в Штатах фальшивые деньги не печатают. Джо положил этому конец.

— Так что же свозят сюда? — спросил Финлей.

— Это нам предстоит выяснить. Известно лишь, что общий объем около тонны в неделю. И это поставляется в ящиках из-под кондиционеров.

— Вот как? — удивился Финлей.

— Вот что изменилось в прошлом году, — сказал я. — До прошлого сентября товар тайно вывозился из страны. Именно этим занимался

Шерман Столлер. Экспорт кондиционеров не был прикрытием. В этом и состояла сама операция. Клинер вывозил из Штатов что-то, запрятанное в ящики из-под кондиционеров. Шерман Столлер возил их во Флориду, где они перегружались на судно. Вот почему он так разнервничался, когда его остановили за превышение скорости. Вот почему к нему среди ночи прибежал на помощь дорогой адвокат. Не потому, что Столлер торопился загрузить товар. Он торопился его выгрузить. А полиция Джексонвилля целых пятьдесят пять минут крутилась рядом с машиной, доверху набитой грузом.

— Но каким грузом? — вздохнул Финлей.

— Не знаю, — сказал я. — Полицейские не сочли нужным проверить. Увидев запечатанные коробки с кондиционерами, совершенно новыми, с серийными номерами и клеймом, они решили, что все в порядке. Ящики из-под кондиционеров — чертовски хорошее прикрытие. Тот самый товар, который везут на юг. Ни у кого не вызовет подозрений партия новых кондиционеров, направляющаяся на юг, ведь так?

— Но все это прекратилось год назад? — спросил Финлей.

— Правильно. Зная о предстоящей операции береговой охраны, эти люди заранее заготовили столько, сколько смогли.

Помнишь удвоившееся количество перевозок, отмеченное Греем? Затем они вообще прекратились, год назад. Потому что вывозить из страны стало так же опасно, как и ввозить в нее, о чем мы первоначально подумали.

Финлей кивнул. Злясь на себя.

— Мы это упустили.

— Мы многое упустили, — подтвердил я. — Шермана Столлера выгнали, потому что он перестал быть нужен. Мерзавцы решили сидеть на своих запасах и ждать, когда береговая охрана завершит свою операцию. Вот почему сейчас их положение очень уязвимо. Вот почему они в панике, Финлей. На складе не остатки запасов, от которых нужно избавиться до воскресенья. Наоборот, они доверху забиты этой дрянью.

Финлей остался караулить у двери кабинета. Я сел за стол из красного дерева и позвонил в Нью-Йорк, в Колумбийский университет. На кафедру современной истории. Сначала все было достаточно просто. В секретариате мне ответила очень любезная женщина. Я спросил, нет ли на кафедре профессора с инициалами К. К. Она сразу же сказала, что это профессор Кельвин Кельстейн. Работает на кафедре много лет. Судя по ее словам, выдающийся человек. Затем начались трудности. Я спросил, могу ли поговорить с Кельстейном. Женщина ответила, что он не может

подойти к телефону. Он очень занят, и она не станет отвлекать его еще раз.

— Еще раз? — переспросил я. — А кто его уже отвлекал?

— Два полицейских из Атланты, штат Джорджия, — ответила женщина.

— Когда это произошло?

— Сегодня утром. Они приходили сюда и были очень настойчивы.

— Вы можете их описать?

Последовала пауза. Женщина вспоминала.

— Они были похожи на латиноамериканцев, — наконец сказала она. — Больше я ничего не могу вспомнить. Тот, который говорил со мной, был очень обходительный, очень вежливый. Боюсь, больше я ничего не могу вам сказать.

— Они уже встречались с профессором Кельстейном?

— Они условились на час дня. Насколько я понимаю, полицейские пригласили его пообедать с ними.

Я стиснул трубку.

— Так, слушайте, это очень важно. Полицейские спросили профессора по фамилии? Или они назвали только инициалы? Как я?

— Они задали тот же самый вопрос, что и вы. Они спросили, есть ли на кафедре человек с инициалами К. К.

— Выслушайте меня. Выслушайте внимательно. Я прошу вас пойти к профессору Кельстейну. Прямо сейчас. Оторвите его от дел, чем бы он ни занимался. Скажите ему, что речь идет о жизни и смерти. Эти полицейские из Атланты — не те, за кого себя выдают. Вчера вечером они были в Принстоне и убили профессора Уолтера Бартоломью.

— Вы шутите? — спросила женщина, срываясь на крик.

— Я говорю совершенно серьезно. Меня зовут Джек Ричер. Насколько мне известно, профессор Кельстейн держал связь с моим братом Джо Ричером, работавшим в казначействе. Передайте ему, моего брата также убили.

Женщина умолкла. Судорожно перевела дыхание. Затем заговорила снова, уже спокойнее.

— Что должен сделать профессор Кельстейн?

— Две вещи. Во-первых, он не должен, повторяю, не должен встречаться с этими двумя латиноамериканцами из Атланты. Ни в коем случае.

— Так.

— Хорошо, — продолжал я. — Во-вторых, он должен немедленно отправиться в службу охраны университета. Немедленно, вы поняли? И ждать там меня. Я буду у вас через три часа. Кельстейн должен сидеть вместе с охранником и ждать моего приезда. Вы можете проследить, чтобы все было именно так?

— Да, — повторила женщина.

— Пусть он позвонит из комнаты охраны в Принстонский университет. Ему расскажут про профессора Бартоломью. Это его убедит.

— Хорошо, — сказала женщина. — Я позабочусь о том, чтобы все сделать как вы говорите.

— И назовите мою фамилию охране, — добавил я. — Я не хочу, чтобы у меня возникли какие-то проблемы. Профессор Кельстейн может описать, как я выгляжу. Передайте ему, я похож на своего брата.

Я положил трубку. Окликнул Финлея.

— У этих людей список Джо. Они послали двоих в Нью-Йорк. Один из них тот тип, что забрал кейс Джо. Вежливый, обходительный. У них есть список.

— Но как он к ним попал? — спросил Финлей. — Его же не было в кейсе.

Меня охватил страх. Я вдруг понял, как это произошло. Ответ был совершенно очевиден.

— Бейкер — сказал я. — Бейкер — член банды. Он снял еще одну копию. Ты ведь попросил его сделать ксерокопию списка Джо. Он снял две копии и отдал одну Тилу.

— Господи, — растерянно произнес Финлей. — Ты уверен?

Я кивнул.

— На это указывает и другое. Тил нас провел. Мы решили, что все остальные в участке чисты. Но он просто никого не выдал. Так что сейчас мы не знаем, черт побери, кто замешан, а кто нет. Нужно поскорее убираться отсюда. Пошли.

Мы выбежали из кабинета. Через дежурное помещение. На улицу к машине Финлея.

— Куда? — спросил он.

— В Атланту. В аэропорт. Я должен лететь в Нью-Йорк. Финлей завел машину и выехал на шоссе.

— Бейкер был в деле с самого начала, — сказал я. — Надо было быть слепым, чтобы это не увидеть.

В дороге я рассказал все Финлею. Шаг за шагом. В прошлую пятницу мы с Бейкером остались вдвоем в маленькой комнате допросов. Я протянул ему скованные руки. И он снял с меня наручники. Снял наручники с человека, которого должен был считать убийцей. Убийцей, изуродовавшим труп жертвы. А Бейкер спокойно остался с этим человеком наедине. Затем я попросил его проводить меня в туалет. Он вел себя беспечно и невнимательно. У меня была возможность его обезоружить и бежать. Тогда я думал, что Бейкер слышал мой разговор с Финлеем и постепенно пришел к выводу о том, что я невиновен.

Но на самом деле он с самого начала знал, что я невиновен. Бейкер знал, кто невиновен, а кто виновен. Вот почему он вел себя так беспечно. Бейкер знал, что я просто козел отпущения. Что страшного в том, чтобы снять наручники с невиновного, случайно подвернувшегося под руку? Зачем предпринимать какие-то меры предосторожности, провожая этого невиновного в туалет?

Именно Бейкер привез Хаббла на допрос. Я еще тогда обратил внимание на его поведение. Он разрывался на части. Я решил, что ему неудобно вызывать на допрос родственника Стивенсона. На самом деле все объяснялось совсем иначе. Бейкер был в смятении, потому что попал в ловушку. Он понимал, что допрос Хаббла может обернуться катастрофой. Но, с другой стороны, он не мог не выполнить приказ Финлея, не вызвав у того подозрений. Бейкер попал в ловушку. И так плохо, и эдак.

Затем была умышленная попытка скрыть личность Джо. Бейкер сознательно допустил ошибку при передаче отпечатков пальцев в архив, чтобы Джо так и остался неопознанным. Он знал, что Джо работал на правительство. Знал, что отпечатки Джо есть в базе данных в Вашингтоне. И поэтому приложил все силы к тому, чтобы это нельзя было установить. Но Бейкер сам разрушил свою ширму, слишком поспешно объявив об отрицательном результате. Это стало следствием отсутствия опыта. Бейкер всегда поручал технические детали Роско. Поэтому он был незнаком с системой. Но я не заметил очевидного. Я был сам не свой, когда второй запрос насчет отпечатков дал имя моего брата.

С тех пор Бейкер постоянно вертелся вокруг нас, подслушивая и подсматривая, суя нос в наше тайное расследование. Он хотел принимать участие, добровольно предлагал свою помощь. Финлей

использовал его как часового. Но все это время Бейкер бегал к Тилу, докладывая то, что ему удалось узнать от нас.

Финлей несся на север с головокружительной скоростью. Он швырнул «Шевроле» на развилку и вдавил педаль в пол. Огромная машина полетела по автостраде.

— А может быть, обратиться к береговой охране? — предложил Финлей. — Пусть выставят усиленное охранение в воскресенье, когда преступники возобновят отправку своего товара.

— Ты шутишь! Президенту пришлось вынести столько нападок, и он не пойдет на попятную в первый же день, только потому, что ты об этом попросишь.

— Так что же делать?

— Позвони еще раз в Принстон, — сказал я. — Свяжись с тем аспирантом. Быть может, ему удастся определить, к какому заключению пришел вчера вечером Бартоломью. Спрячься в какую-нибудь безопасную нору и за работу.

Финлей рассмеялся.

— А где сейчас безопасно, черт побери?

Я рассказал ему про мотель в Алабаме, в котором мы с Роско останавливались в понедельник. Глухое место, как раз то, что нужно. Я сказал, что найду Финлея там, когда вернусь. Попросил его пригнать «Бентли» в аэропорт и оставить ключи и квитанцию на парковку в справочном бюро. Финлей повторил мои указания, подтверждая, что все понял. Он гнал быстрее девяноста миль в час, но то и дело поворачивался, обращаясь ко мне.

— Следи за дорогой, Финлей, — не выдержал я. — Не будет ничего хорошего, если ты угробишь нас в этой чертовой машине.

Усмехнувшись, он уставился на дорогу. Надавил на газ еще сильнее. Полицейский «Шевроле» разогнался до ста с лишним. Затем Финлей повернулся и на протяжении трехсот ярдов смотрел мне прямо в глаза.

— Трус, — наконец сказал он.

Глава 25

Пройти через металлоискатели аэропорта с дубинкой, ножом и большим пистолетом довольно трудно, поэтому я оставил камуфляжную куртку у Финлея в машине, попросив переложить ее в «Бентли». Он прошел вместе со мной в зал вылета и снял большую часть семисот долларов, имевшихся у него на карточке, на билет до Нью-Йорка и

обратно авиакомпанией «Дельта». Затем Финлей отправился искать мотель в Алабаме, а я прошел к самолету, улетавшему в аэропорт «Ла-Гардия».

В два часа с небольшим самолет поднялся в воздух, затем я тридцать пять минут ехал из аэропорта на такси и прибыл в Манхэттен в половине пятого. Я был здесь в мае, и тогда все было почти так же, как в сентябре. Летняя жара окончилась, и город снова приступил к работе. Такси провезло меня по мосту Триборо, повернуло на запад по 116-й улице, обогнуло парк Морнингсайд и остановилось у главного входа Колумбийского университета. Я вошел внутрь и нашел службу охраны. Постучал в стеклянную дверь.

Полицейский, сверившись с листом бумаги, впустил меня. Провел в отдельную комнату и указал на профессора Кельвина Кельстейна. Я увидел перед собой старика, крохотного и сморщенного, с густой копной седых волос. Он был в точности похож на уборщика на третьем этаже тюрьмы Уорбертон, но только был белым.

— Латиноамериканцы возвращались? — спросил я у полицейского.

Тот покачал головой.

— Я их больше не видел. Секретарша профессора ответила им, что встреча отменяется. Быть может, они уехали.

— Надеюсь, — сказал я. — А пока вам придется некоторое время присматривать за стариком. Скажем, до воскресенья.

— В чем дело? Что происходит?

— Я сам точно не знаю. Надеюсь, старик меня просветит.

Охранник проводил нас в кабинет Кельстейна и оставил одних. Это было небольшое помещение, беспорядочно заваленное до самого потолка книгами и толстыми журналами. Кельстейн сел в старое кресло и жестом предложил мне сесть в такое же напротив.

— Что случилось с Бартоломью? — спросил он.

— Точно не знаю. Полиция Нью-Джерси считает, что его зарезали перед собственным домом грабители.

— Но у вас остаются сомнения?

— Мой брат составил список людей, с которыми связывался, — объяснил я. — К настоящему времени в живых остались только вы.

— Мистер Джо Ричер был вашим братом?

Я кивнул.

— Его убили в прошлый четверг. Я стараюсь узнать, почему. Кельстейн отвернулся к грязному окну.

— Не сомневаюсь, вам это известно, — сказал он. — Мистер Ричер был следователем. Очевидно, он был убит при проведении расследования. На самом деле, вы хотите узнать, что именно он расследовал.

— Вы можете это сказать?

Старый профессор покачал головой.

— Только в самых общих чертах. Относительно подробностей я ничем не смогу вам помочь.

— Джо их с вами не обсуждал?

— Он использовал меня как тестовый полигон для своих идей, — усмехнулся Кельстейн. — Мы с ним рассуждали вслух. Я получал несказанное удовольствие. Ваш брат Джо обладал даром стимулировать работу мысли. У него был очень острый ум, и еще мне нравилось то, как четко он излагал свои мысли. Работать с ним было одно удовольствие.

— Но подробности вы не обсуждали? — снова спросил я.

Кельстейн сложил руки пригоршней.

— Мы обсуждали все. Но не приходили к каким-либо выводам.

— Ну, хорошо, — сказал я. — Быть может, мы начнем с самого начала? Вы обсуждали вопросы, связанные с изготовлением фальшивых денег, так?

Кельстейн склонил голову набок. Усмехнулся.

— Естественно. А что еще могли обсуждать мы с мистером Джо Ричером?

— А почему вы? — прямо спросил я.

Старый профессор скромно улыбнулся, затем нахмурился. Кончилось все иронической усмешкой.

— Потому, что я являюсь крупнейшим фальшивомонетчиком в истории, — сказал он. — Я собирался сказать, одним из двух крупнейших фальшивомонетчиков, но после печальных событий, произошедших вчера ночью в Принстоне, я остался один.

— Вы с Бартоломью были фальшивомонетчиками? — удивился я.

Старик снова улыбнулся.

— Не по своей воле. Во время Второй мировой войны судьбы таких молодых людей, как мы с Уолтером, складывались весьма причудливо. Командование решило, что мы с ним принесем больше пользы в разведке, чем в бою. Нас призвали в военную разведку, бывшую, насколько вам известно, прообразом ЦРУ. Одни сражались с врагом пушками и бомбами. Наша работа состояла в том, чтобы сражаться экономическими методами. Мы разработали план подрыва экономики нацистской Германии, состоящий в обесценивании бумажных денег. В рамках нашего проекта было выпущено несколько сотен миллиардов фальшивых рейхсмарок. Их разбрасывали над Германией бомбардировщики. Они падали с неба, словно конфетти.

— Это дало результаты? — спросил я.

— И да и нет. Разумеется, германская экономика была подорвана. Валюта стремительно обесценивалась. Но, конечно же, нацисты широко использовали рабский труд. Раба нисколько не интересует, стоит ли что-нибудь содержимое чужого кармана. Кроме того, естественно, были найдены другие средства платежа. Шоколад, сигареты и тому подобное. В целом успех был лишь частичным. Но мы с Уолтером стали крупнейшими фальшивомонетчиками в мировой истории. Конечно, если измерять все только общим объемом. Не могу сказать, что у меня был особый талант в технической стороне дела.

— Значит, Джо использовал ваши мозги?

— Мы с Уолтером превратились в фанатиков, — сказал Кельстейн. — Мы изучали историю фальшивых денег. Их начали печатать в тот самый день, как только появились бумажные купюры. Это не прекращается и по сей день. Мы стали специалистами своего дела. И сохранили свой интерес и после окончания войны. Мы поддерживали связь с правительственными ведомствами. В конце концов, несколько лет назад подкомитет сената попросил нас подготовить доклад. Без лишней скромности могу утверждать, что он стал своеобразной библией борцов с фальшивыми деньгами. Естественно, ваш брат был с ним знаком. Вот почему он встречался со мной и Уолтером.

— Но о чем вы говорили?

— Джо был новой метлой. Его пригласили, чтобы решать застаревшие проблемы. Он действительно был очень талантливым человеком. Его задача состояла в том, чтобы искоренить производство фальшивых денег. Так вот, эта задача невыполнима. Мы с Уолтером прямо сказали ему об этом. Но ваш брат почти добился успеха. Он долго думал и, в конце концов, нашел решение, ошеломляющее своей простотой. Он практически полностью положил конец печатанию фальшивых денег на территории Соединенных Штатов.

Я сидел в маленьком захламленном кабинете и слушал старого профессора. Кельстейн знал Джо лучше меня. Был посвящен в надежды и замыслы Джо. Радовался за его успехи. Переживал за неудачи. Они долго беседовали, оживленно, заводя друг друга. А я последний раз разговаривал с Джо после похорон матери. Мы обменялись лишь парой слов. Я даже не спросил, чем он занимается. Я не смотрел на него как на своего старшего брата. Я смотрел на него просто как на Джо. Я не знал правды, не знал, что мой брат высокопоставленный государственный чиновник, в подчинении у которого сотни людей, которому Белый Дом доверяет решение важных проблем, который может произвести впечатление на такого умного старика, как Кельстейн. Я сидел в старом кресле, чувствуя себя отвратительно. Я потерял что-то такое, о существовании чего даже не догадывался.

— Его система была просто гениальной, — продолжал Кельстейн. — Он точно определил, куда нанести удар. Целью стали бумага и краска. В конце концов, все ведь сводится к бумаге и краске, разве не так? Стоило только кому-нибудь купить бумагу или краску, пригодные для изготовления фальшивых банкнот, как люди Джо уже через несколько часов узнавали об этом. В считанные дни фальшивомонетчиков накрывали. Он сократил объемы производства фальшивых денег на территории Соединенных Штатов на девяносто процентов. А оставшиеся десять процентов преследовал так рьяно, что накрывал их до того, как фальшивки успевали распространить. Я был просто поражен.

— Так в чем была проблема? — спросил я.

Кельстейн взмахнул своими белыми сморщенными ручками, словно откладывая один сценарий и принимаясь за следующий.

— Проблема находится за границей. Не в Соединенных Штатах. Там ситуация совершенно иная. Вы знаете, что за пределами Штатов наличных долларов вдвое больше, чем в стране?

Я кивнул. Повторил вкратце то, что говорила мне Молли. Доверие и надежность. Опасения внезапного крушения привлекательности доллара. Кельстейн кивал, будто я был студентом, и ему нравились мои тезисы.

— Совершенно верно, — сказал он. — Тут гораздо больше политики, чем экономики. В конце концов, защита национальной валюты является одной из первостепенных задач государства. За рубежом двести шестьдесят миллиардов наличных долларов. В десятках стран американский доллар является неофициальной валютой. Например, в России долларов больше чем рублей. По сути дела, Вашингтон взял гигантский иностранный заем. При других обстоятельствах нам приходилось бы одних процентов выплачивать в год двадцать шесть миллиардов. Ну а так это ничего не стоит, если не считать затрат на

печать портретов умерших политиков на клочках бумаги. Вот к чему все сводится, мистер Ричер.

Продавать наличную валюту за границу — самое выгодное предприятие для государства. Так что в действительности работа Джо приносила нашей стране двадцать шесть миллиардов долларов в год. Он подходил к ней с бесконечным рвением.

— Так где же эта проблема? — спросил я. — Географически?

— Основных мест два. Во-первых, Ближний Восток. Джо считал, что в долине Бекаа есть завод, выпускающий практически безупречные сотенные купюры. Но тут он ничего не мог предпринять. Вам доводилось бывать в тех краях?

Я покачал головой. Некоторое время я служил в Бейруте. Я знавал тех, кому по той или иной причине приходилось отправляться в долину Бекаа. Немногие вернулись назад.

— Территория Ливана, контролируемая Сирией, — продолжал Кельстейн. — Джо называл ее «бэдлендс» — плохие места. Там есть все. Лагеря подготовки террористов, лаборатории по производству наркотиков — все что угодно. В том числе, очень неплохая копия нашего управления чеками и печатями.

Я задумался. Вспомнил службу в Ливане.

— И под чьей это крышей?

Кельстейн улыбнулся. Кивнул.

— Проницательный вопрос, — сказал он. — Вы интуитивно поняли, что в таких масштабах операция становится настолько сложной, настолько заметной, что у нее должен быть покровитель. Джо полагал, что за всем этим стоит правительство Сирии. Поэтому его участие было минимальным. Он считал, проблему можно решить только дипломатическим путем. Если же это не удастся, он выступал за авиационные удары. Возможно, настанет день, и мы станем свидетелями такого решения.

— А второе место? — спросил я.

Старик тыкнул пальцем в грязное окно, в сторону авеню Амстердам, на юг.

— Южная Америка. Вторая фабрика размещается в Венесуэле. Джо определил ее местонахождение. Вот над чем он работал. Из Венесуэлы поступают поразительно качественные фальшивые стодолларовые банкноты. Но это исключительно частное предприятие. Никаких

указаний на то, что к этому имеют отношение государственные структуры.

Я кивнул.

— Мы до этого дошли сами. Этим занимается некий Клинер, обитающий в Джорджии, где был убит Джо.

— Совершенно верно, — подтвердил Кельстейн. — Изобретательный мистер Клинер. Это его рук дело. За всем стоит именно он. Мы установили это наверняка. Как он?

— Запаниковал. Убивает всех подряд.

Кельстейн печально кивнул.

— Мы предполагали, что Клинер запаникует. Он заботится о безопасности уникального предприятия, не имеющего себе равных.

— Вот как?

Кельстейн с жаром кивнул.

— Уникального, — повторил он. — Что вам известно о фальшивых деньгах?

Я пожал плечами.

— Больше, чем я знал на прошлой неделе. Однако, полагаю, все равно недостаточно.

Кивнув, старый ученый подался вперед. Его глаза озарились внутренним светом. Он приготовился прочитать лекцию по своему любимому предмету.

— Подделки бывают двух типов, — начал Кельстейн. — Плохие и хорошие. В хороших подделках все делается надлежащим образом. Вы знаете, чем отличается глубокая печать от офсетной?

Пожав плечами, я покачал головой. Вытащив из стопки один журнал, Кельстейн протянул его мне. Это оказался квартальный бюллетень какого-то исторического общества.

— Раскройте его. На любой странице. Проведите пальцем по бумаге. Она гладкая, так? Это офсетная печать. Так печатается практически все. Книги, журналы, газеты. По чистому листу бумаги проходит каток с краской. Но глубокая печать — совершенно другое дело.

Внезапно он резко хлопнул в ладоши. Я подскочил от неожиданности. В тишине комнаты хлопок прозвучал очень громко.

— Вот что такое глубокая печать, — произнес Кельстейн. — Металлическое клише ударяет по бумажному листу с большой силой. При этом на бумаге остаются ощутимые углубления. Отпечатанный рисунок становится объемным. Это нельзя ни с чем спутать.

Он достал из кармана бумажник. Вытащил десятидолларовую бумажку. Протянул ее мне.

— Вы чувствуете? Клише изготавливается из никеля и покрывается хромом. В слое хрома гравируются тонкие линии, которые заполняются краской. Клише ударяет по бумаге, и краска остается на ней. Понятно? Краска находится в углублениях клише, поэтому на бумаге она перейдет на выпуклости. Глубокая печать является единственным способом получить выпуклое изображение. Только при применении глубокой печати подделка может выглядеть как настоящая. Ведь именно так печатаются настоящие доллары.

— А как насчет краски?

— Используются три цвета, — сказал Кельстейн. — Черный и два оттенка зеленого. Сначала печатается обратная сторона, более темной зеленой краской. После этого бумага высушивается, а на следующий день печатается изображение на лицевой стороне, черной краской. Бумага опять высушивается, и печатается лицевая сторона, более светлой зеленой краской. В том числе, серийный номер. Но светло-зеленой краской изображение печатается другим способом, называемым высокой печатью. Он чем-то похож на глубокую печать, только краска на бумаге остается в углублениях, а не на выпуклостях.

Кивнув, я внимательно осмотрел десятидолларовую купюру, с одной и с другой стороны. Провел по ней пальцем. Если честно, никогда прежде я особенно не присматривался к бумажным деньгам.

— Итак, четыре проблемы, — сказал Кельстейн. — Пресс, клише, краска и бумага. Пресс, новый или бывший в употреблении, можно купить где угодно. Источников сотни. Во многих странах печатаются деньги, облигации, акции. Так что пресс достать легко. Его можно даже из чего-нибудь переделать. Однажды Джо нашел мастерскую в Таиланде, где для глубокой печати использовался пресс, переоборудованный из машины для обработки тушек кальмаров. Сотни из-под него выходили безукоризненные.

— Ну а клише?

— Клише — проблема номер два. Тут весь вопрос в таланте. Есть люди, подделывающие картины старых мастеров, есть люди, способные исполнить концерт Моцарта для фортепиано, услышав его лишь один раз. И, разумеется, есть граверы, умеющие воспроизводить банкноты.

Это же совершенно естественное предположение, не так ли? Если один человек в Вашингтоне смог выгравировать оригинал, где-нибудь непременно найдется другой, кто сможет сделать копию. Но такие специалисты встречаются редко, а мастера высочайшего класса еще реже. Есть несколько человек в Армении. Те таиландцы, что использовали пресс для обработки кальмаров, пригласили специалиста из Малайзии.

— Хорошо, — сказал я. — Итак, Клинер купил пресс и нашел гравера. Как насчет краски?

— Краска — проблема номер три. В Соединенных Штатах нельзя купить ничего даже отдаленно похожего на то, что нужно. Об этом позаботился Джо. Но за границей можно достать что угодно. Как я уже говорил, почти все страны печатают ценные бумаги. И, естественно, Джо не мог давать указания правительствам этих стран. Так что найти краски достаточно просто. С зелеными встает только проблема оттенка. Она решается смешиванием разных видов краски до получения нужного результата. Черная краска обладает магнитными свойствами, вам это известно?

Я снова покачал головой. Подозрительно посмотрел на десятку.

Кельстейн улыбнулся.

— Увидеть это нельзя. В черную краску добавляется жидкое химическое вещество, содержащее железо. Именно на основе этого работают электронные счетчики банкнот. Они считывают изображение в центре портрета, а затем эти сигналы обрабатываются чем-то вроде магнитной головки в магнитофоне.

— Где можно достать такую краску? — спросил я.

— Да где угодно. Ее используют все кому не лень. Тут мы отстали от других стран. Мы не хотим официально признать, что нас беспокоит проблема фальшивых денег.

Я вспомнил слова Молли. *Доверие и надежность*. Я кивнул.

— Валюта должна производить впечатление стабильности, — объяснил Кельстейн. — Вот почему мы с такой неохотой меняем внешний вид наших денег. Они должны выглядеть надежными, постоянными, неменяющимися. Переверните эту десятку.

Я посмотрел на зеленую картинку на обратной стороне десятидолларовой купюры. Здание казначейства на пустынной улице. Мимо проезжает одинокая машина. Судя по виду, «Форд» модели Т.

— Изображение практически не изменилось с 1929 года, — сказал Кельстейн. — С психологической точки зрения это очень важно. Мы ставим внешний вид, свидетельствующий о надежности, выше безопасности. Это очень усложняло задачу Джо.

Я снова кивнул.

— Хорошо. Итак, мы разобрались с прессом, клише и краской. Что можно сказать о бумаге?

Просияв, старый ученый хлопнул в ладоши, словно мы подошли к чему-то действительно интересному.

— Бумага — проблема номер четыре. Хотя на самом деле, надо сказать, это проблема номер один. Без преувеличения это самая главная проблема. Вот что мы с Джо никак не могли понять в деятельности Клинера.

— Почему?

— Потому что бумага идеальная, безупречна на все сто процентов. У Клинера качество бумаги значительно выше, чем качество печати. С таким мы столкнулись впервые.

Старик тряхнул седой головой, словно восхищаясь неслыханными достижениями Клинера.

Некоторое время мы молча сидели друг напротив друга.

— Бумага идеальная? — подсказал я.

Кивнув, старый профессор продолжил читать лекцию.

— С этим мы столкнулись впервые, — повторил он. — Во всем процессе бумага — самое сложное. Не забывайте, мы говорим не о каких-нибудь любителях. Речь идет о промышленных масштабах. В год Клинер печатал стодолларовых купюр на общую сумму четыре миллиарда.

— Так много? — удивился я.

— Четыре миллиарда, — повторил он. — Приблизительно столько же, сколько в Ливане. Это по оценкам Джо. Но кто-кто, а он-то должен был знать. И это необъяснимо. Четыре миллиарда сотенными — это сорок миллионов банкнот. Огромное количество бумаги. Что совершенно необъяснимо, мистер Ричер.

Ведь бумага у Клинера идеальная.

— Какая бумага нужна для того, чтобы печатать деньги?

Протянув руку, Кельстейн забрал у меня десятку. Смял ее, затем расправил и разгладил.

— Бумага представляет собой смесь волокон. Уникальное сочетание. Приблизительно восемьдесят процентов хлопка и двадцать процентов льна. Древесной пульпы в ней совершенно нет. У нее больше общего с рубашкой, надетой на вас, чем с газетой. В бумагу добавляют специальный химический краситель, придающий ей неповторимый кремовый оттенок. И в нее вплавлены беспорядочные красные и синие полимерные нити, толщиной с шелковые. Бумага, на которой печатают деньги, — настоящее чудо. Долговечная, служит несколько лет, не разлагается в воде, на жаре и на холоде. Строго определенная абсорбция, что позволяет передать мельчайшие подробности гравировки.

— Значит, подделать бумагу трудно? — спросил я.

— Практически невозможно. В своем роде, подделать бумагу так трудно, что ее не может подделать даже официальный поставщик казначейства. Он с огромным трудом производит ее одинаковую, партия за партией, а ведь это без преувеличения самый опытный производитель бумаги в мире.

Я мысленно повторил то, что услышал. Пресс, клише, краска, бумага.

— Значит, ключом является бумага?

Кельстейн печально кивнул.

— Мы пришли к такому заключению. Мы согласились, что главной проблемой является источник происхождения бумаги, но мы понятия не имеем, откуда она берется. Вот почему я в действительности ничем не могу вам помочь. Я не мог помочь Джо и не могу помочь вам. Я очень сожалею.

Я внимательно посмотрел на него.

— У Клинера склад набит чем-то. Быть может, бумагой?

Кельстейн презрительно фыркнул.

— Вы меня не слушаете? Бумагу нельзя достать. Никак. Нельзя достать бумагу на сорок банкнот, не говоря о сорока миллионах. В этом главная загадка. Джо, Уолтер и я целый год ломали головы, но так ничего и не придумали.

— Кажется, Бартоломью что-то нашел, — сказал я.

Кельстейн печально кивнул. Медленно встав с кресла, он подошел к столу. Нажал клавишу воспроизведения на автоответчике. Прозвучал гудок, затем кабинет наполнился голосом убитого ученого.

— Кельстейн? Говорит Бартоломью. Я звоню в четверг, поздно вечером. Перезвоню тебе завтра утром и скажу ответ. Похоже, я тебя опередил. Спокойной ночи, старина.

В голосе звучало восторженное возбуждение. Кельстейн стоял, уставившись в пустоту, словно в воздухе витал дух Бартоломью. Он был очень огорчен. Я не мог определить, смертью своего старого коллеги или тем, что старый коллега его опередил.

— Бедняга Уолтер, — наконец сказал он. — Я знал его пятьдесят шесть лет.

Я помолчал. Затем тоже встал.

— Я найду ответ.

Склонив голову набок, Кельстейн пристально посмотрел на меня.

— Вы действительно так полагаете? Ваш брат не смог.

Я пожал плечами.

— Быть может, Джо тоже нашел ответ. Мы ведь не знаем, что он узнал перед тем, как с ним расправились. Так или иначе, сейчас я возвращаюсь в Джорджию. А вы продолжайте поиски.

Кивнув, Кельстейн вздохнул. Было видно, что он подавлен случившимся.

— Удачи вам, мистер Ричер. Надеюсь, вы доведете до конца дело своего брата. Джо часто говорил о вас. Знаете, он вас очень любил.

— Он говорил обо мне?

— Часто говорил, — повторил старик. — Он вас очень любил. И сожалел о том, что служба вынуждает вас проводить время вдали.

Какое-то мгновение я не мог говорить. Мне стало страшно стыдно. Проходили годы, а я не вспоминал о брате. Но он думал обо мне.

— Он был старше, но вы заботились о нем, — продолжал Кельстейн. — Так сказал мне Джо. Он сказал, вы очень упорный. Наверное, если бы Джо мог поручить кому-нибудь разобраться с Клинерами, он выбрал бы вас.

Я кивнул.

— Ну все, я пошел.

Пожав слабую старческую руку, я оставил профессора в обществе полицейских в комнате охраны.

Я пытался разобраться, где Клинер добывает идеальную бумагу. Я прикидывал, успею ли, если потороплюсь на шестичасовой рейс в Атланту. Я старался выбросить из головы слова Кельстейна о том, как тепло отзывался обо мне Джо. Улицы были запружены народом, мои мысли были заняты всем этим, я искал свободное такси — вот почему я не увидел подошедших ко мне двух латиноамериканцев. Но я увидел пистолет, который показал мне один из них. Маленький автоматический пистолет, зажатый в маленькой руке, спрятанный под плащом цвета хаки, какие горожане в сентябре носят перекинутыми через руку.

Коротышка показал пистолет, а его приятель подозвал жестом машину, стоявшую у бордюра, ярдах в двадцати. Машина подъехала, и второй тип распахнул передо мной дверь, подобно швейцару в цилиндре, провожающему постояльца дорогого отеля. Я посмотрел на пистолет, посмотрел на машину, делая выбор.

— Садись в машину, — тихо промолвил тип с пистолетом. — А то я тебя пристрелю.

Я стоял, а голова у меня была заполнена только мыслью о том, что я опоздаю на шестичасовой рейс. Я пытался вспомнить, когда следующий прямой самолет до Атланты. Кажется, в семь.

— Садись в машину, — повторил коротышка.

Я был уверен, почти наверняка, он не станет стрелять на улице. Пистолет был маленький, но без глушителя. Звук получится громкий, а на улице полно народу. У напарника руки были свободны. Вероятно, у него оружие в кармане. Оставался только водитель, сидевший в машине. Возможно, пистолет лежит на соседнем сиденье. Я был безоружен. Моя куртка с дубинкой, ножом и «Дезерт Иглом» находились за восемьсот миль отсюда. В Атланте. Надо выбирать.

Я предпочел не садиться в машину. Я не двинулся с места, поставив свою жизнь на то, что коротышка не станет стрелять в людном месте. Он стоял передо мной, протянув переброшенное через руку пальто. Машина остановилась рядом с нами. Его напарник стоял по другую сторону от меня. Оба латиноамериканца были какими-то мелкими. Вдвоем едва тянули на меня одного. Машина стояла у тротуара, двигатель работал на холостых оборотах. Никто не шевелился. Мы застыли как манекены в витрине, демонстрирующие новую моду на осень: старый армейский камуфляж и плащи цвета хаки.

Перед латиноамериканцами встала проблема. В подобных ситуациях осуществлять угрозу надо в первую секунду. Если сказал, что

выстрелишь, надо стрелять. Если не выстрелишь, можешь списывать себя со счетов. Твой блеф раскрыт. Если не выстрелишь, ты ничто. Коротышка не стрелял. Он стоял в нерешительности. Мимо нас сновал народ. Водители недовольно сигналили машине, остановившейся у тротуара.

Латиноамериканцы были люди неглупые. У них хватило ума не стрелять в меня на оживленной нью-йоркской улице. Хватило ума понять, что я раскрыл их блеф. Хватило ума не повторять угрозу, которую они не собирались осуществлять, но не хватило ума уйти. Они стояли на месте.

Поэтому я качнулся назад, словно собираясь отступить. Пистолет под плащом потянулся вперед. Предугадав это движение, я левой рукой захватил тонкое запястье коротышки. Отвел пистолет и правой рукой прижал коротышку к себе, обхватив за плечи. Со стороны казалось, мы танцуем вальс. Или мы были похожи на влюбленных, прощающихся на вокзале. Вдруг я резко навалился на него, прижимая коротышку к машине. При этом я изо всей силы стиснул его запястье, вонзая ногти. Хоть и левой рукой, я причинил ему боль. Под моей тяжестью коротышка дышал с трудом.

Его напарник по-прежнему держал дверь машины, лихорадочно переводя взгляд. Его вторая рука потянулась в карман. Тогда я резко отпрянул назад и, развернувшись относительно руки с пистолетом, швырнул первого коротышку на машину и побежал со всех ног. Через пять шагов я затерялся в толпе. Я несся сломя голову, уворачиваясь от прохожих и расталкивая их. Нырял в двери, перебегал улицы под визг тормозов и пронзительные гудки. Какое-то время латиноамериканцы пытались преследовать меня, но их остановило оживленное движение на улицах. Они не стали рисковать так, как я.

Поймав такси в восьми кварталах от того места, где меня остановили, я успел на шестичасовой рейс из «Ла-Гардии» в Атланту. Почему-то обратная дорога заняла больше времени. Я просидел без дела два с половиной часа. Я думал о Джо в небе над Нью-Джерси, Мерилендом и Вирджинией. Над двумя Каролинами и Джорджией я думал о Роско. Мне ее не хватало. Я соскучился как сумасшедший.

Спускаясь, мы пролетели сквозь слой грозовых туч толщиной в десять миль, превративших вечерние сумерки над Атлантой в кромешную темноту. Казалось, тучи накатываются из какого-то бесконечного резервуара. Когда мы сошли с самолета, в плотном влажном воздухе пахло не только керосином, но и грозой.

Я забрал ключи от «Бентли» в справочном бюро. Они лежали в конверте вместе с квитанцией на парковку. Отправился искать машину. С севера дул теплый ветер. Гроза обещала быть сильной. Я чувствовал, как в воздухе накапливается электричество. «Бентли» стоял на стоянке.

Задние стекла стали чуть ли не черными. Мастер не дошел до передних дверей и лобового стекла. «Бентли» принял вид машины, на которой ездят члены королевской семьи со своим шофером. Моя куртка лежала в багажнике. Надев ее, я нащупал в карманах приятную тяжесть оружия. Сев за руль, выехал со стоянки и поехал на юг в темноту. Пятница, девять часов вечера. Осталось тридцать шесть часов до того, как в воскресенье Клинер сможет начать переправлять свои запасы.

В десять часов я был в Маргрейве. Осталось тридцать пять часов. Всю дорогу я думал над тем, чему нас учили в штабном колледже. Мы изучали труды военных философов, в первую очередь старика Крауца, любителя порассуждать. Тогда я не обращал на них никакого внимания, но все же у меня прочно засело, что рано или поздно необходимо вступить в бой с главными силами неприятеля. Без этого победу не одержать. Рано или поздно необходимо разыскать главные силы неприятеля, сразиться с ними и уничтожить их.

Я знал, что вначале главные силы противника состояли из десяти человек. Это мне сказал Хаббл. Потом, после того как расправились с Моррисоном, осталось девятеро. Я знал двух Клинеров, Тила и Бейкера. Таким образом, оставалось узнать еще пять фамилий. Я улыбнулся. Свернул с шоссе к ресторану Ино. Поставил машину в дальнем конце стоянки и вышел. Потянулся и зевнул. Гроза задерживалась, но надвигалась неумолимо. Воздух был душным и тяжелым. Тучи накапливали электричество. Затылком я ощущал теплый ветерок. Я перебрался назад. Вытянулся на кожаном сиденье и заснул. Я хотел поспать час-полтора.

Во сне я думал о Джоне Ли Хукере. О том, каким он был в старые времена, до того, как снова стал знаменитым. У него была старая гитара со стальными струнами, и он играл на ней, сидя на маленьком стульчике. Стульчик стоял на деревянной подставке. Хукер втыкал в подошвы своих ботинок пивные пробки, чтобы громче стучать. Своего рода обувь для чечетки. Он сидел на стульчике и играл на гитаре в своем смелом, размашистом стиле, громко стуча ногами по деревянной подставке. Во сне я отчетливо слышал, как Хукер отбивает ритм по старой доске.

Но этот шум производили не ботинки Джона Ли. Кто-то стучал в окно Бентли. Проснувшись, я уселся. Увидел за стеклом сержанта Бейкера. Большие хромированные часы на приборной панели «Бентли» показывали половину одиннадцатого. Я проспал полчаса. Это было все, что мне удалось урвать.

Первым делом я срочно изменил свой план. Прямо с неба мне свалился лучший вариант. Старик Крауц одобрил бы меня. Он был горячим сторонником гибкости тактического мышления, Во-вторых, я сунул руку

в карман и снял «Дезерт Игл» с предохранителя. Затем я вылез через противоположную дверь и посмотрел на Бейкера поверх крыши машины. Он приветливо улыбнулся, демонстрируя золотой зуб.

— Что вы делаете? — спросил он. — Спите в общественном месте. Вас могут задержать за бродяжничество.

Я улыбнулся в ответ.

— Безопасность дорожного движения. Ни в коем случае нельзя садиться за руль уставшим. Надо свернуть на обочину и немного поспать.

— Приглашаю заглянуть в ресторанчик. Я угощу вас кофе. Если хотите проснуться, для этого нет лучше средства, чем кофе Ино.

Я запер машину, не вынимая другую руку из кармана. Скрипя гравием, мы прошли в ресторан. Сели в последнюю кабинку. Официантка в очках принесла нам кофе. Мы ее ни о чем не просили. Она догадалась сама.

— Ну, как ваши дела? — спросил Бейкер. — Очень переживаете по поводу брата?

Я пожал плечами. Взял чашку левой рукой. Правая рука обнимала в кармане «Дезерт Игл».

— Мы не были особо близки.

Бейкер кивнул.

— Роско все еще помогает Бюро?

— Наверное.

— А куда пропал Финлей?

— Уехал в Джексонвилль. Во Флориду. Что-то проверить.

— В Джексонвилль? — переспросил Бейкер. — Что ему надо проверить в Джексонвилле?

Я снова пожал плечами. Пригубил кофе.

— Понятия не имею. Финлей мне ничего не сказал. Я же не в штате полиции. Так, мальчик на побегушках. Вот сейчас Финлей попросил меня отправиться домой к Хabблу и кое-что найти.

— Домой к Хabблу? — повторил Бейкер. — И что вы должны там найти?

— Какие-то старые бумаги. Я так понял, Финлей сам точно не знает, какие именно.

— Ну, а потом? Вы тоже поедете во Флориду?

Я покачал головой. Снова глотнул кофе.

— Финлей велел отправить бумаги по почте. Куда-то в Вашингтон. Я переночую у Хаббла, а утром пойду на почту.

Бейкер задумчиво кивнул. Опять сверкнул дружелюбной улыбкой. Но теперь она была натянутой. Мы допили кофе. Бейкер положил на столик пару долларов, и мы вышли из ресторана. Бейкер сел в патрульную машину. Помахал на прощание и уехал. Выждав некоторое время, я подошел к «Бентли». Проехал на юг до конца окутанного теменью городка и повернул направо на Бекман-драйв.

Глава 26

Мне нужно было очень тщательно выбрать место, куда поставить «Бентли». Машина должна была казаться оставленной где попало, но при этом мимо нее нельзя было бы протиснуться. Я долго двигал ее на дюйм сюда, на дюйм туда. В конце концов, поставил ее в начале дорожки, ведущей к дому Хаббла, вывернув передние колеса. Со стороны она выглядела так, будто я торопился и в спешке бросил ее где придется.

Еще мне было нужно, чтобы дом выглядел так, будто я нахожусь в нем. Ничто так не бросается в глаза, как пустой дом. Его выдает тишина, общая атмосфера заброшенности. Все неподвижно. Нет вибрации жизни. Поэтому я отпер входную дверь ключом с большой связки, которую мне дала Чарли, прошел по нему и зажег кое-где свет. Включил в гостиной телевизор и убавил звук. Проделал то же самое с приемником на кухне. Кое-где задернул занавески. Вышел на улицу. Осмотрел свою работу и остался доволен. Дом выглядел так, будто в нем кто-то есть.

Далее первая остановка у гардероба в прихожей. Я искал перчатки. В Солнечном поясе найти их весьма непросто. Здесь они почти не нужны. Но у Хаббла были перчатки. Две пары, аккуратно положенные на полку. Одна пара — горнолыжные перчатки. Светло-зеленые, с бледно-лиловым оттенком. Мне от них не было никакого толку. Я хотел что-то темное. Вторая пара оказалась как раз тем, что мне нужно. Модные перчатки из тонкой черной кожи. Перчатки банкира. Очень мягкие, словно вторая кожа.

Горнолыжные перчатки подтолкнули меня к поискам шапочки. Если Хабблы зимой ездят в Колорадо, у них должно быть все снаряжение. Я нашел целую коробку шапок. Одна из них была вязаная, из синтетических волокон. Низ отворачивался, образуя ушки. Шапка была темно-зеленой. Сойдет.

Следующей остановкой стала спальня хозяев. Я отыскал туалетный столик Чарли. Он оказался больше, чем некоторые из комнат, в которых

мне приходилось жить. Косметики было море. Самой разнообразной. Я взял тюбик водостойкой туши для ресниц и отправился в ванную. Вымазал лицо. Затем застегнул куртку, надел шапку и перчатки. Вернулся в спальню и проверил результат в зеркале во весь рост в дверях гардероба. Неплохо. Подойдет для ночной работы.

Я вернулся на улицу. Запер входную дверь. Над головой грохотали черные грозовые тучи. Было очень темно. Остановившись у входной двери, я снова проверил свое снаряжение. Положил пистолет во внутренний карман куртки. Опустил молнию и проверил, легко ли он достается. Пистолет мгновенно очутился у меня в руке. Готовый и запертый. На предохранителе. Запас патронов в правом верхнем наружном кармане. Нож в левом боковом кармане. Дубинка в правом боковом кармане. Ботинки тщательно зашнурованы.

Я прошел по дорожке мимо «Бентли», удалившись от него ярдов на двенадцать — пятнадцать. Раздвинул кусты и занял место, откуда дорожка просматривалась в обе стороны. Я сел на холодную землю и приготовился ждать. В засаде все решает умение ждать. Если противник осторожен, он придет или очень рано, или очень поздно. Когда, по его расчетам, его никто не ждет. Так что как бы рано он ни пришел, нужно быть в засаде раньше него. Как бы он ни пришел поздно, нужно его дождаться. Ждать приходится, словно в каком-то трансе. Требуется бесконечное терпение. Бесполезно суетиться, волноваться. Надо просто ждать. Ничего не делать, ни о чем не думать, не тратя энергию. Затем стремительно действовать. Через час, через пять часов, через день, через неделю. Умение ждать — большое искусство.

Была без четверти полночь, когда я занял место в засаде. Над головой бурлила гроза. Воздух был похож на бульон. Темнота стояла кромешная. Гроза началась около полуночи. По листве застучали капли размером с четвертьдолларовые монеты. За считанные секунды дождь превратился в потоп. Я сидел словно в душевой кабине. В небе грохотал гром. Темноту разрывали молнии. На мгновение в саду становилось ясно как днем. Я сидел под проливным дождем и ждал. Десять минут. Пятнадцать.

Они приехали в двадцать минут первого. Ливень не утихал, раскатисто гремел гром. Я услышал шум подъезжающего грузовика только тогда, когда он уже свернул на дорожку. В сорока футах от меня под колесами заскрипел гравий. Это был темно-зеленый грузовик-фургон. С золотыми буквами на кузове. Фонд Клинера. Такой же, какой во вторник утром я видел у дома Роско. Машина проскрипела в шести футах от меня. Широкие шины по гравию. То, что видел Финлей у дома Моррисона. Следы, оставленные широкими шинами.

Грузовик остановился в нескольких ярдах от меня. Резко затормозил перед «Бентли». Не смог проехать мимо. Остановился именно там, где я хотел. Двигатель заглох, щелкнул стояночный тормоз.

Первым вышел водитель. На нем был белый нейлоновый комбинезон с натянутым на голову капюшоном. На лице хирургическая маска. Водитель был в тонких резиновых перчатках. На ногах резиновые галоши. Выпрыгнув из кабины, он подошел к задней двери. Мне была знакома эта походка. Знакомо высокое, крепкое тело. Длинные сильные руки. Это был мальчишка Клинер. Он пришел, чтобы лично меня убить.

Клинер-младший хлопнул ладонью по задней двери. Раздался глухой удар. Затем он повернул ручку и открыл дверь. Из фургона вылезли четверо. Все одетые так же, как он. Белые нейлоновые комбинезоны, натянутые на головы капюшоны, маски, перчатки, резиновые галоши. Двое несли сумки. У двоих были ружья. Всего пятеро. Я ждал четверых. Пятеро — это немного сложнее. Зато продуктивнее.

На незваных гостей обрушился ливень. Крупные капли с громкими шлепками разбивались о жесткий нейлон, звенели о металлическую крышу. Время от времени сверкала молния, давая мне возможность увидеть этих призраков. Беглецов из ада. Зрелище было жуткое. Впервые у меня возникли сомнения, справился бы я с этими убийцами ночью в понедельник. Но сегодня я должен был с ними справиться. На моей стороне будет преимущество внезапности. Я стану кошмаром-невидимкой, бесчинствующим среди них.

Командовал Клинер. Он достал из кузова фомку. Знаком показал троим следовать за ним, и они направились под проливным дождем к дому. Пятый остался ждать умашины. Спасаясь от ливня, он должен будет забраться в кабину. И точно, пятый убийца посмотрел на черное небо, посмотрел на сиденье водителя. Я достал дубинку. Выбрался из кустов. Услышать меня было нельзя. Ревел дождь.

Повернувшись ко мне спиной, убийца шагнул к двери кабины. На мгновение закрыв глаза, я представил себе Джо, с обезображенным лицом лежащего на столе в морге. Представил Роско, дрожащую от страха, смотрящую на мокрые следы у себя дома. Затем бросился вперед. Подскочил к убийце сзади. Ударил его дубинкой по затылку. Дубинка была тяжелая, и я вложил в удар всю силу. Я почувствовал, как хрустнули кости черепа. Убийца повалился на гравий как подкошенный. Он лежал ничком, а дождь колотил по нейлоновому комбинезону. Я сломал ему шею мощным ударом ноги. Один готов.

Протащив труп по дорожке, я бросил его рядом с грузовиком. Подошел к кабине и вытащил ключ из замка зажигания. Прокрался к дому. Убрал дубинку в карман. Достал нож и раскрыл лезвие. Я не хотел использовать пистолет. Слишком шумный, не спасет даже гроза. Я

приоткрыл входную дверь. Замок был выломан, деревянный косяк расщеплен. Фомка валялась на полу.

Дом был большой. Убийцам потребуется время на то, чтобы его обыскать. Я предположил, что сначала они будут держаться вместе. Все четверо. Затем разделятся. Я слышал громкие шаги на втором этаже. Я вышел на улицу, ожидая, когда один из них спустится вниз. Я ждал, прижавшись к стене рядом с выломанной дверью. Под защитой козырька. Дождь хлестал потоками. Настоящий тропический ливень.

Я прождал почти пять минут, пока, наконец, один из убийц не спустился вниз. Я услышал скрип его шагов в прихожей. Открылась дверь гардероба. Я шагнул в дом. Убийца стоял ко мне спиной. Это был один из вооруженных ружьями, высокий, но легче меня. Я подкрался к нему сзади. Протянул левую руку. Вонзил пальцы ему в глаза. Он выронил ружье. Оно с глухим стуком упало на ковер. Я развернул убийцу и потащил его к двери. Под проливной дождь. Глубже вонзая пальцы в глаза. Запрокинул ему голову назад. Перерезал горло. Одним изящным движением это не делается. Все не так, как в кино. Ни один нож не будет для этого достаточно острым. В человеческом горле полно всяческих хрящей. Их нужно перепиливать, с силой водя ножом взад и вперед. Это требует времени. Но результат получается отличный. К тому моменту, как горло перепилено до кости, человек уже мертв. Этот убийца не стал исключением. Кровь из перерезанного горла хлынула фонтаном, смешиваясь с дождем. Он обмяк у меня в руках. Двое готовы.

Я протащил труп по дорожке, держа за капюшон. Не было смысла подхватывать его подмышки или за ноги. В этом случае у него оторвалась бы голова. Я оставил труп на траве. Вернулся бегом в дом. Подобрал ружье и поморщился. Это было серьезное оружие — «Итака Маг-10». Мне приходилось иметь дело с таким в армии. Патрон ужасающей силы. Недаром это ружье прозвали «бетонным забором». Выстрел такой мощный, что убивает всех в салоне легкового автомобиля. При встрече с противником лицом к лицу Маг-10 производит опустошающее действие. Магазин вмещает всего три патрона, но, как мы шутили, после того как из этого ружья будет сделано три выстрела, сражение обязательно закончится.

В качестве основного оружия я все же оставил нож. Он бесшумный. Но как дополнительное оружие ружье лучше «Дезерт Игла». Тщательно прицеливаться из ружья — ненужная роскошь. Оно выплевывает широкий конус свинца. Если Маг-10 хотя бы приблизительно направлен в сторону цели, попадание обеспечено.

Спасаясь от потопа, я шагнул в выломанную дверь и прижался к стене. Стал ждать. По моим расчетам, убийцы вот-вот начнут выходить из дома. Меня они не нашли, зато потеряли того, которого я только что

завалил. Поэтому они начнут выходить из дома. Это неизбежно. Они не смогут оставаться внутри бесконечно долго. Я ждал. Прошло десять минут. Со второго этажа доносился скрип половиц. Я не обращал на него внимание. Рано или поздно убийцы выйдут ко мне.

Наконец они вышли. Двое. Одновременно. Я колебался лишь мгновение. Убийцы вышли под дождь, и крупные капли забарабанили по нейлоновым капюшонам. Я снова достал дубинку. Зажал ее в правой руке. С первым я справился без особых проблем. Ударил его тяжелой дубинкой по затылку, буквально оторвав голову, но второй успел отскочить в сторону, так что, мой удар не совсем достиг цели. Дубинка попала по ключице, и убийца упал на колени. Я ткнул его кулаком левой руки в лицо. Приготовился ударить дубинкой. Мне пришлось бить дважды, чтобы сломать ему шею. Парень оказался крепким, но недостаточно. Четверо готовы.

Я протащил два трупа под проливным дождем по гравийной дорожке. Положил их рядом с первым. Итог: я уложил четверых и завладел одним ружьем. Ключи от грузовика лежали у меня в кармане. На свободе еще разгуливал мальчишка Клинер с ружьем.

Я нигде не мог его найти. Не знал, где он может быть. Я зашел в дом и прислушался. Ничего не услышал. Стук дождя по крыше и гравию на улице был слишком громким. Надевал маску шума на все остальные звуки. Если мальчишка всполошится и начнет двигаться осторожно, я его не услышу. Это создавало определенные сложности.

Я прокрался в комнату, выходящую в сад. Дождь колотил по крыше. Я застыл и прислушался. Услышал шаги мальчишки в прихожей. Он открыл входную дверь. Вышел на улицу. Если он повернет направо, то наткнется на троих своих мертвых дружков, сложенных на лужайке. Но он повернул налево. Прошел мимо окон комнаты, в которой я находился, направляясь по мокрой траве в сад. Я видел, как он прошел под потоками воды, футах в восьми от меня. Он был похож на призрак, сжимающий в руках длинное черное ружье.

У меня в кармане был ключ от двери в сад. На общей связке. Я отпер дверь и вышел на улицу. Дождь ударил мне в лицо струей из брандспойта. Я прокрался в сад. Мальчишка Клинер стоял на траве, глядя вниз на большой бассейн. Пригнувшись, я следил за ним. С расстояния двадцать метров до меня доносился стук капель по белому нейлону. Небо то и дело разрывали молнии. Непрерывно грохотал гром.

Я не хотел использовать Маг-10. Мне нужно было избавиться от трупов. Пусть старик Клинер терзается в неведении. Пусть гадает, что произошло, и куда пропал его сын. Это выведет его из равновесия, что было очень важно для моей собственной безопасности. Я не мог оставить за собой никаких следов. Если выстрелить в мальчишку из

огромной «Итаки», получится много грязи. Избавиться от трупа будет крайне сложно. Просто потому, что невозможно будет собрать его целиком. Я ждал.

Мальчишка стал спускаться к бассейну. Я пошел следом за ним, двигаясь по мокрой траве. Мальчишка шел медленно. Он был встревожен. Он остался один. Натянутый на лицо капюшон затруднял ему обзор. Он постоянно крутил головой по сторонам, неестественно, словно механизм. Мальчишка остановился на краю бассейна. Я был в ярде от него. Качаясь влево и вправо, влево и вправо, держась вне поле его зрения, когда он поворачивал голову. Его огромное ружье было направлено на наполненный до краев бассейн.

Если следовать книгам, которые я когда-то читал, и кино, я должен был сразиться с Клинером благородно. Я ведь вступился за своего брата. А передо мной стоял тот, кто колотил его ногами словно мешок с тряпьем. Мы должны были сразиться с ним лицом к лицу. Мальчишка должен был узнать, кто его противник. И почему ему суждено умереть. Благородный поединок, мужчина с мужчиной. Но в жизни все не так. Джо рассмеялся бы, если бы я стал действовать так.

Я изо всей силы ударил Клинера-младшего по голове. Как раз в тот момент, когда он начал разворачиваться, чтобы вернуться в дом. Дубинка скользнула по мокрому нейлону, и момент инерции тяжелой свинчатки вывел меня из равновесия. Я пошатнулся, словно поскользнувшись на льду, и упал. Мальчишка развернулся и вскинул ружье. Дослал патрон в патронник. Я выбросил руку вперед, отбивая ствол в сторону. Откатился вправо, уходя с линии огня. Мальчишка нажал на спусковой крючок, прогремел оглушительный выстрел, перекрывающий самый громкий раскат грома. Дробь ушла в соседнее дерево, и послышался треск веток.

Могучая отдача отбросила мальчишку назад, но он смог перезарядить ружье. Я услышал угрожающий сдвоенный щелчок затвора. Я лежал на спине на кафельных плитках, но мне удалось вскочить, схватить ружье обеими руками и направить ствол вверх. Мальчишка снова выстрелил в воздух. Еще один оглушительный грохот. На этот раз я присоединил свой вес к силе отдачи и вырвал ружье из рук Клинера. Замахнулся и врезал прикладом ему по лицу. Удар не получился. У «Итаки» на прикладе толстая резиновая подушка, защищающая плечо стрелка от убийственной отдачи. Сейчас она защитила лицо мальчишки от моего удара. Он просто отшатнулся назад. Я бросился на него, хватая за ноги. Опрокинул его в бассейн. Он грузно плюхнулся в воду. Я прыгнул на него сверху.

Мы боролись в глубокой части бассейна. Каждый старался ухватить противника. Хлестал дождь. Хлорка разъедала глаза и нос. Мне удалось

схватить Клинера за шею. Сорвать нейлоновый капюшон и стиснуть ему горло. Утопить его голову под воду. Я давил изо всех силы. Тот ариец в Уорбертоне полагал, что душит меня, но это были объятия возлюбленного в сравнении с тем, что я сейчас делал с мальчишкой Клинером. Я буквально отрывал ему голову. Я давил и крутил ему шею и держал его под водой до тех пор, пока он не умер. Много времени это не заняло. В подобной ситуации все происходит быстро. Тот, кто первым оказался под водой, там и остается. Это мог быть и я.

Вынырнув, я жадно глотнул воздух, задыхаясь от зловония хлорки. Сверху на меня хлестал ливень. Трудно было определить, где кончалась вода и начинался воздух. Оставив труп плавать, я поплыл к берегу. Вылез из бассейна и попытался отдышаться. Гроза была кошмарной. Грозовые раскаты слились в один сплошной рев, молнии сверкали одна за другой. Дождь лил не переставая, как из ведра. Наверное, я остался бы более сухим, если бы не вылезал из бассейна. Но меня ждали дела.

Я залез обратно в воду, чтобы достать труп мальчишки. Он плавал в метре от края. Я подтянул его к стенке. Вылез из бассейна. Схватил обеими руками нейлон и потащил труп к себе. Он весил целую тонну. Я положил его на плитку, и из рукавов и штанин хлынули потоки воды. Оставив труп, я, пошатываясь, пошел к гаражу.

Идти было непросто. Моя одежда промокла насквозь. Я чувствовал себя так, будто на мне была кольчуга. Но я дошел до гаража и нашел нужный ключ. Отпер ворота и зажег свет. Гараж был на три машины. Но теперь там стоял только второй «Бентли». Машина Хаббла, той же модели, что и у Чарли. Темно-зеленая, с любовью отдраенная до блеска. Я увидел в ней свое отражение. Мне было нужно что-нибудь вроде тележки, какой пользуются садовники. В гараже было полно садового инвентаря. Огромная самоходная газонокосилка, шланги, инструмент. В углу стояло что-то похожее на тележку с большими колесами со спицами, как у велосипеда.

Я выкатил ее на улицу и направился к бассейну. Отыскал два ружья и мокрую дубинку. Бросил ружья в тележку и положил дубинку в карман. Проверил, что на трупе Клинера остались ботинки, и уложил его на тележку. Покатил тележку к дому по дорожке. Протиснулся мимо «Бентли» и подъехал к грузовику сзади. Открыл дверь кузова и перевалил труп внутрь. Забрался туда сам и оттащил труп в глубину. По крыше барабанил дождь. Затем я запихнул в кузов труп водителя и положил рядом с мальчишкой Клинером. Бросил на них сверху ружья. Двое уложены.

Потом я отправился с тележкой туда, где сложил остальных трех. Они лежали на мокрой траве, а дождь с ревом колотил по их уродливым

нарядам. Я отвез их к машине, на которой они приехали. Уложил всех пятерых в кузов.

Затем вернулся под проливным дождем назад в гараж. Поставил тележку в угол, где она и была. Взял с полки фонарик. Я хотел посмотреть на тех парней, которых привез с собой Клинер-младший. Возвратившись бегом к машине, я залез в кузов. Включил фонарик и склонился над грудой трупов.

Мальчишку Клинера я узнал сразу. С остальных я стащил капюшоны и сорвал маски. Осветил лучом фонарика лица. Двое оказались охранниками со склада. Я наблюдал за ними в бинокль в четверг и был уверен в этом. Быть может, я не поклялся бы в этом под присягой, но сейчас меня не интересовали подобные юридические формальности.

Оставшихся двоих я опознал точно. У меня не возникло никаких сомнений. Это был отряд прикрытия, бравший меня в пятницу. Эти двое приехали вместе с Бейкером и Стивенсоном в ресторан, чтобы меня арестовать. Потом я несколько раз видел их в полицейском участке. Значит, они тоже входили в банду. Тайные помощники мэра Тила.

Выбравшись из кузова, я отнес фонарик в гараж. Запер ворота и пробежал под дождем к входной двери. Отыскал сумки, принесенные убийцами. Бросил их в прихожую и зажег свет. Заглянул в сумки. Запасные комплекты перчаток и масок.

Коробка патронов 10-го калибра к ружью. Молоток. Коробка шестидюймовых гвоздей. И четыре ножа. Медицинских. Такие ножи могут обрезать одним своим видом.

Обежав дом, я запер дверь в сад. Прошел на кухню. Открыл дверцу духовки и вывернул свои карманы. Разложил все на полу. Нашел в шкафчике два противня. Разобрал «Дезерт Игл» и уложил детали на один из них. Рядом насыпал патроны. Нож, дубинку, ключи от «Бентли», деньги и бумаги положил на другой. Поставив противни в духовку, я включил ее на минимум.

Выйдя из дома, я, как мог, прикрыл расщепленную дверь. Обежал «Бентли» и забрался в кабину грузовика фонда Клинера. Повозился с незнакомыми ключами и завел двигатель. Осторожно проехал задом по дорожке и вывернул на Бекман-драйв. Покатился под уклон в город. Щетки дворников работали, что есть силы, борясь с дождем. Я обогнул сквер с церковью. Свернул направо и поехал на юг. Весь городок словно вымер. Кроме меня на дороге никого не было.

Проехав от сквера триста ярдов на юг, я свернул к дому Моррисона. Подогнал грузовик к самому дому и поставил его рядом с «Линкольном». Запер двери. Подбежал к ограде и зашвырнул ключи

далеко в поле. Плотнее укутался в куртку, спасаясь от ливня, и пошел назад, напряженно думая.

Субботе уже исполнился час от роду. Значит, до воскресенья осталось меньше суток. Все вырисовывалось достаточно четко. Мне были достоверно известны три факта. Во-первых, Клинеру нужна специальная бумага. Во-вторых, в Штатах достать такую бумагу нельзя. Факт номер три заключался в том, что склад был чем-то забит.

Еще меня беспокоили надписи на ящиках с кондиционерами. Не клеймо завода-изготовителя. Не напечатанный текст. Другое. Серийные номера. На тех коробках, что я видел, серийные номера были написаны от руки в специальных рамках. Я это хорошо запомнил. По словам полицейских из Джексонвилля, то же самое было на ящиках в грузовике Столлера, остановленного за превышение скорости. Длинные серийные номера, написанные от руки. Но зачем они были нужны? Ящики сами по себе были хорошим прикрытием, отличной маскировкой. Мысль возить что-то во Флориду и дальше в ящиках из-под кондиционеров была гениальной. Этот товар не вызывал никаких подозрений. Ящики обманули джексонвилльских полицейских. Полицейским даже в голову не пришло в них заглянуть. Но мне не давали покоя серийные номера. Если в ящиках не было электрических приборов, зачем писать на них серийные номера? Маскировка доводилась до абсурда. Так что же, черт побери, означали эти серийные номера? Что, черт побери, находилось в этих проклятых ящиках?

Я без конца повторял себе этот вопрос. В конце концов, ответил на него Джо. Я шел под дождем, вспоминая слова Кельстейна о дотошности. Старый профессор сказал, что мой брат очаровал его точностью, с какой формулировал свои мысли. Я это знал. Я вспомнил список, напечатанный Джо в качестве памятки самому себе. Гордые прописные буквы. Столбик инициалов. Столбик телефонных номеров. Две приписки внизу. Гараж Столлеров. Досье Грея на Клинера. Мне нужно было опять посмотреть на список. Внезапно я почувствовал, что если хочу узнать, что Клипер перевозил в этих ящиках, стоит съездить в гараж Столлеров и еще раз взглянуть.

Глава 27

Вернувшись на дорогую кухню Чарли Хаббл, я первым делом решил приготовить кофе. Кофеварка забулькала. Затем я открыл духовку. Достал противни. Мои вещи грелись почти час и полностью высохли. Кожа дубинки и кармашка с ключами даже потрескалась. Но, кроме этого, никаких повреждений. Я собрал пистолет и зарядил его. Оставил на столе. Готовый и запертый.

Затем я взял распечатку Джо, ища то, что, как я полагал, должно было там быть. Но с этим возникла проблема. Серьезная проблема. Лист

высох и хрустел, но надписи исчезли. Бумага была абсолютно чистая. Вода в бассейне смыла краску. Остались едва различимые расплывчатые разводы, но слов я не мог разобрать. Я пожал плечами. Я читал и перечитывал список сотню раз. Придется положиться на свою память.

Затем я спустился в подвал. Возился с печью до тех пор, пока она не ожила. Разделся и запихнул одежду в электрическую сушилку. Включил ее на минимум. Я не знал, что делаю. В армии стиркой моих вещей занимался какой-нибудь капрал: забирал и возвращал вещи чистыми и глажеными. Потом я просто покупал дешевое барахло и выкидывал его, когда оно становилось грязным.

Поднявшись наверх голым, я прошел в спальню Хабблов. Долго мылся под горячим душем, смывая с лица тушь. Стоял под струями обжигающей воды. Затем укутался в полотенце и спустился вниз, чтобы выпить кофе.

Сегодня ночью я не мог отправиться в Атланту. Я не мог попасть туда раньше половины четвертого. Ночь — не самое подходящее время, чтобы ходить в гости. У меня не было никакого официального статуса. Ночной визит мог обернуться большими проблемами. Поэтому придется дождаться утра. Выбора нет.

Я подумал о том, чтобы немного поспать. Выключив радио на кухне, я вернулся в логово Хабблов. Выключил телевизор. Огляделся вокруг. Комната была уютной. Стены, обшитые деревом, большие кожаные кресла. Рядом с телевизором стоял стереокомплекс. Дорогая японская аппаратура. Ряды компакт-дисков и кассет. Большое внимание уделено «Битлз». Хаббл говорил, что он интересовался Джоном Ленноном, специально ездил в клуб «Дакота» в Нью-Йорке и в Ливерпуль в Англии. Дома у него было все: все альбомы, почти все пиратские записи, коллекционное собрание компакт-дисков в деревянной коробке.

Над письменным столом висела книжная полка. Ряды профессиональных журналов и толстые монографии, посвященные финансам и банковскому делу. Журналы занимали не меньше двух футов пространства на полке. Они навевали скуку одним своим видом. Беспорядочная подборка номеров «Банковского журнала». Два номера толстого журнала «Банковское дело». Один «Банкир». Несколько номеров «Деловой хроники», «Проблем наличности», «Финансового вестника», «Финансового еженедельника», «Финансового журнала», «Экономиста». Все журналы расставлены в алфавитном порядке, аккуратно по датам. Выборочные номера, все за период последних нескольких лет. Ни одной полной подшивки. В конце полки справочники министерства финансов США и пара номеров какого-то издания под названием «Мир банков». Странная коллекция. Она

показалась мне слишком избирательной. Быть может, Хаббл читал все это, когда мучился бессонницей.

Но у меня не должно было возникнуть никаких проблем со сном. Я направился в спальню, собираясь воспользоваться чужой кроватью, когда меня вдруг осенила одна мысль. Вернувшись к книжной полке, я снова взглянул на собранные издания. Провел пальцем по корешкам журналов и книг. Проверил даты. Некоторые номера были совсем свежими. Хаббл продолжал собирать свою случайную подборку до самого недавнего времени. Больше десяти журналов только за этот год. Почти треть собранного вышла в свет после того, как Хаббл перестал работать в банке. После того, как его уволили. Эти журналы издаются для банкиров, а Хаббл к тому времени уже не был банкиром. Но он по-прежнему продолжал заказывать эти толстые профессиональные журналы. По-прежнему читал эту сложную галиматью. Почему?

Я выбрал наугад пару журналов. Посмотрел на обложки. Это были толстые глянцевые журналы. Я взял их двумя пальцами за корешки. Они раскрылись на тех страницах, которые чаще всего читал Хаббл. Я просмотрел эти страницы. Выбрал еще несколько журналов. Раскрыл их. Укутавшись в махровый халат Хаббла, я сел в его кожаное кресло и стал читать. Я прочитал все, что было собрано на этой полке. Слева направо, от начала до конца. Все журналы. На это у меня ушел час.

Затем я принялся за книги. Я провел пальцем по ряду пыльных корешков и удивленно остановился, наткнувшись на две знакомые фамилии: Кельстейн и Бартоломью. Толстый старый том, переплетенный в красную кожу. Отчет подкомиссии Сената. Достав том, я полистал его. Это оказалась поразительная книга. Кельстейн скромно назвал ее библией борца с фальшивыми деньгами. Это действительно было так. Старый ученый выразился чересчур скромно. В книге содержалось подробнейшее перечисление всех известных способов изготовления фальшивых денег, с обилием примеров. Я положил увесистый фолиант на колени. Читал его целый час.

Я сразу сосредоточил основное внимание на проблеме бумаги. Кельстейн сказал, что бумага является ключом к разгадке. В книге, написанной им вместе с Бартоломью, бумаге было посвящено длинное приложение. В нем подробно излагалось все, что старый профессор рассказал мне при личной встрече. Хлопчатобумажные и льняные волокна, химический краситель, красные и синие полимерные волоски. Бумага изготавливалась в городе Далтон, штат Массачусетс, фирмой «Крейн и компания». Я кивнул. Мне приходилось о ней слышать. Помнится, я покупал рождественские открытки этой фирмы. Мне они очень нравились. Фирма поставляет бумагу для казначейства с 1879 года. Больше столетия ее перевозят в Вашингтон в бронированных

вагонах под усиленной охраной. За все это время не было похищено ни одного листа.

Я снова принялся за чтение отчета подкомиссии Сената. Разложил на столе маленькую библиотеку Хаббла. Просмотрел ее от начала до конца. Кое-что я перечитывал по два, а то и по три раза. Я окунулся с головой в беспорядочное море статей, отчетов, монографий. Проверяя, перепроверяя, пытаясь понять профессиональный жаргон. Я постоянно возвращался к пухлому отчету в красной коже. Снова и снова перечитывал три раздела. Первый был посвящен банде фальшивомонетчиков, орудовавших в Боготе, Колумбия. Второй — еще более старой операции в Ливане. Во время гражданской войны христианские фалангисты воспользовались услугами граверов-армян. В третьем приводились основы химических процессов, лежащих в основе изготовления бумаги. Обилие сложных формул, но я встретил кое-где знакомые слова. Я читал и перечитывал эти разделы. Затем вернулся на кухню. Взял распечатку Джо, превратившуюся в чистый лист бумаги. Долго смотрел на нее. Опять прошел в гостиную. Я сидел в тишине в круге света, читал и думал.

Чтение не вогнало меня в сон. Оно произвело обратный эффект. Оно меня разбудило. Взбодрило. Наполнило вибрирующей энергией. К тому времени, как я закончил читать, мне было предельно ясно, как именно Клинер достает бумагу. Откуда он ее достает. Что находилось в ящиках из-под кондиционеров, которые возили в прошлом году. Мне не надо было ездить для этого в Атланту. Я знал, что копил Клинер у себя на складе, что привозили каждый день грузовики. Я понял, что означал заголовок, придуманный Джо. «E Unum Pluribus». Я понял, почему он выбрал девиз, переставив слова. Я знал все — за двадцать четыре часа до истечения срока. Я понял суть махинации, от начала до конца. Сверху донизу. Снаружи и изнутри. Это была чертовски умная операция. Старый профессор Кельстейн утверждал, что достать бумагу невозможно. Но Клинер доказал, что он ошибался. Клинер нашел способ доставать бумагу. И очень простой.

Вскочив с кресла, я сбежал вниз. Распахнул дверцу сушилки и вытащил свою одежду. Натянул ее на себя, прыгая на одной ноге по бетонному полу. Бросил халат. Вернулся на кухню. Загрузил карманы куртки всем, что могло мне понадобиться. Выбежал на улицу, оставив выломанную дверь распахнутой настежь. Пробежал по дорожке к «Бентли». Завел двигатель и выехал задом на дорогу. С ревом пронесся по Бекман-драйв и свернул налево на Главную улицу. Промчался по спящему городку, мимо ресторана. С визгом повернул опять налево к Уорбертону и разогнал величественную старую машину так, что стало страшно.

Свет фар «Бентли» был тусклым. Модель двадцатилетней давности. Темнота, хоть глаз выколи. До рассвета оставалось еще несколько часов,

а луну и звезды загораживали мечущиеся остатки грозовых туч. Дорога то и дело виляла из стороны в сторону. Изношенный асфальт вздымался неровностями и был скользким от дождя. Старую машину заносило на поворотах.

Мне пришлось сбросить скорость. Я прикинул, что лучше потратить лишних десять минут, чем сорваться с откоса. Я не хотел присоединиться к Джо. Не хотел стать еще одним Ричером, узнавшим всю правду и погибшем.

Я проехал мимо рощицы — темного пятна даже на фоне черного неба. Вдалеке показались огни тюрьмы, озарявшие ночной пейзаж. Я промчался мимо. Затем в течение нескольких миль я видел зарево в зеркале заднего вида. Потом я переехал через мост, проехал Франклин, покинул Джорджию и оказался в Алабаме. Промчался мимо клуба, в котором побывали мы с Роско. Клуб «Омут» был закрыт. Везде темно. Еще через милю я нашел мотель. Не заглушив двигатель, я вбежал в контору и разбудил ночного дежурного.

— У вас остановился Финлей?

Протерев глаза, он сверился с реестром.

— Одиннадцатый домик.

Мотель был окутан ночным покрывалом. Угомонился, затих, погрузился в сон. Я отыскал домик Финлея. Одиннадцатый. Перед ним стоял полицейский «Шевроле». Я принялся громко стучать в дверь. Мне пришлось ждать очень долго. Наконец послышалось недовольное ворчание. Я не смог разобрать ни слова. Снова постучал в дверь.

— Финлей, просыпайся! — окликнул я.

— Кто там? — крикнул он.

— Это Ричер. Открывай, черт побери!

Последовала небольшая пауза. Затем дверь открылась. Передо мной стоял Финлей. Я его разбудил. Он был в серой футболке и длинных трусах. Я опешил. Наверное, я ждал, что Финлей будет спать в твидовом костюме и в жилете.

— Какого черта тебе нужно? — буркнул Финлей.

— Хочу кое-что тебе показать.

Он зевнул, моргая спросонья.

— Который сейчас час?

— Понятия не имею, — сказал я. — Часов пять, может быть, шесть. Одевайся. Мы едем в одно место.

— Куда?

— В Атланту. Я хочу кое-что показать.

— Что именно? Ты не можешь просто сказать мне?

— Одевайся, Финлей, — настойчиво повторил я. — Нам пора в дорогу.

Выругавшись вполголоса, он все же отправился одеваться. На это ушло какое-то время. Финлей скрылся в ванной. Вышел оттуда нормальным человеком, недавно проснувшимся. Вышел похожим на Финлея. Твидовый костюм и все остальное.

— Я готов, — сказал он. — Ричер, это должно быть что-то действительно интересное.

Мы вышли в ночную темноту. Пока Финлей запирал дверь домика, я подошел к машине. Он меня догнал.

— Поведешь ты?

— А что? — спросил я. — Ты имеешь что-нибудь против? Финлей был чем-то явно недоволен. Раздраженно посмотрел на сверкающий «Бентли».

— Не люблю, когда за рулем сидит кто-то другой, — сказал он. — Пустишь меня?

— А мне наплевать, кто ведет машину. Только шевелись быстрее, хорошо?

Финлей сел за руль, я протянул ему ключи. Я очень устал. Он завел «Бентли» и выехал со стоянки. Повернул на восток. Поехал быстро. Гораздо быстрее, чем ехал я. Финлей был чертовски неплохой водитель.

— Так в чем дело? — наконец спросил он.

Я повернулся к нему. Увидел его глаза в отсвете приборной панели.

— Я все понял, — сказал я. — Теперь мне все известно.

Он снова взглянул на меня.

— Ты будешь говорить или нет?

— Ты звонил в Принстон?

Выругавшись, Финлей раздраженно хлопнул ладонью по рулевому колесу.

— Я говорил по телефону целый час. Этот тип знает массу всего интересного, но, как в конце концов выяснилось, он ничего не знает.

— Что он тебе рассказал?

— Все что мог. Умный парень, аспирант на кафедре современной истории, работал у Бартоломью. Похоже, старик Бартоломью и тот другой профессор Кельстейн были большими шишками в вопросах фальшивых денег. Твой брат у них консультировался.

Я кивнул.

— Мне то же самое сказал Кельстейн.

Финлей снова посмотрел на меня. Все еще недовольно.

— Так зачем ты меня об этом спрашиваешь?

— Я хочу услышать твои заключения, — сказал я. — Хочу увидеть, к чему ты пришел.

— Ни к чему не пришел, — буркнул Финлей. — Умные головы обсуждали проблему целый год и пришли к выводу, что Клинер не может доставать такое количество безукоризненной бумаги.

— То же самое сказал мне Кельстейн. Но я понял, как все происходит.

Снова взгляд на меня. Удивление на лице Финлея. Вдалеке показались огоньки тюрьмы Уорбертона.

— Рассказывай, — сказал он.

— Проснись и дойди до всего сам, выпускник Гарварда. Финлей опять выругался. Мы проехали мимо залитой светом тюрьмы. Яркое желтое зарево осталось у нас за спиной.

— Может, дашь мне какой-нибудь намек? — сказал Финлей.

— Дам, и сразу два. Фраза, которой Джо озаглавил свой список. «E Unum Pluribus». А еще подумай, чем американские бумажные деньги отличаются от всех остальных.

Финлей кивнул. Задумался над моими словами. Барабаня пальцами по рулевому колесу.

— E Unum Pluribus. Это же девиз Соединенных Штатов, только наоборот. Значит, речь идет о том, что из одного получается многое, так?

— Верно, — подтвердил я. — А чем американские бумажные деньги отличаются от всех остальных банкнот в мире?

Финлей снова задумался. Он думал о чем-то настолько знакомом, что никак не мог это ухватить. Мы проехали мимо рощицы, оставшейся слева. На востоке начинала розоветь заря.

— И чем? — наконец спросил Финлей.

— Мне пришлось поездить по свету, — сказал я. — Я побывал на всех шести континентах, если принимать в расчет неделю на метеорологической станции ВВС в Антарктиде. Я жил в десятках разных стран. Держал в кармане самые разные банкноты. Иены, марки, фунты, лиры, песо, воны, франки, шекели, рупии. Теперь у меня в кармане доллары. И что я замечаю?

Финлей пожал плечами.

— Что?

— Все доллары имеют одинаковые размеры, — сказал я. — Пятидесятки, сотни, десятки, двадцатки, пятерки и однодолларовые. Все одинакового размера. Такого больше нет ни в одной стране, где я бывал. Повсюду купюры более крупного достоинства больше мелких. Своеобразная прогрессия, так? Повсюду однушка маленькая, пятерка больше, десятка еще больше и так далее. Крупные купюры представляют собой большие листы бумаги. Но все американские доллары одного размера. Стодолларовая купюра имеет такой же размер, как и однодолларовая.

— Ну, и? — спросил Финлей.

— Так откуда Клинер достает первоклассную бумагу?

Я ждал. Финлей выглянул в окно. Отвернулся от меня. Он никак не мог понять, к чему я веду, и это выводило его из себя.

— Он ее покупает, — наконец сказал я. — Покупает по доллару за лист.

Вздохнув, Финлей повернулся ко мне.

— Да нет же, черт побери. Помощник Бартоломью ясно дал это понять. Всю бумагу производят в Далтоне, и дело там поставлено так, что оттуда муха не вылетит. За сто двадцать лет не было потеряно ни одного листа. Никто не продает бумагу на сторону, Ричер.

— Ошибаешься, Финлей. Она находится в свободной продаже.

Он снова буркнул что-то нечленораздельное. Мы подъехали к повороту на шоссе. Финлей сбросил скорость и повернул налево. Направился на север к автостраде. Теперь заря розовела справа от нас. Светало.

— Клинер рыщет по всей стране в поисках однодолларовых купюр, — наконец сказал я. — Эту роль взял на себя полтора года назад Хаббл.

Именно этим он занимался у себя в банке — наличностью. Он знал, где ее найти. И он доставал однодолларовые бумажки в банках, магазинах, супермаркетах, на ипподромах, в казино, — везде, где только мог. Это была очень серьезная работа. Таких банкнот требовалось очень много. На банковские чеки, авизо, поддельные сотни по всем Штатам скупались настоящие однодолларовые бумажки. Приблизительно тонна в неделю.

Финлей посмотрел на меня. Кивнул. До него начинало доходить.

— Тонна в неделю? — повторил он. — Это сколько?

— Тонна однушками — это около миллиона долларов, — сказал я. — Клинеру требовалось сорок тонн в год. Сорок миллионов однодолларовыми купюрами.

— Продолжай, — сказал Финлей.

— Однушки привозили в Маргрейв на грузовиках, из всех тех мест, где их доставал Хаббл, и размещали на складе.

Финлей кивнул. Он все понял.

— Затем их отправляли дальше в коробках из-под кондиционеров, — закончил он.

— Точно, — подтвердил я. — Так продолжалось до прошлого сентября. До тех пор, пока береговая охрана не начала свою операцию. Чистенькие новенькие коробки, вероятно, заказанные на какой-нибудь бумагообрабатывающей фабрике за две тысячи миль отсюда. Коробки набивались однодолларовыми банкнотами, запечатывались и отправлялись за границу. Но, перед тем как отправить купюры, их требовалось сосчитать.

Финлей опять кивнул.

— Для того, чтобы вести учет, — согласился он. — Но, как, черт побери, пересчитывать по тонне купюр в неделю?

— Их взвешивали, — сказал я. — Набив ящик, его заклеивали и взвешивали. В унции около тридцати однушек. В фунте их четыреста восемьдесят. Я читал об этом всю ночь. Деньги взвешивали, подсчитывали количество, а затем писали его на коробке.

— Как ты догадался?

— Серийные номера. Они обозначали, сколько денег в ящике.

Финлей печально улыбнулся.

— Хорошо, а затем эти ящики направлялись в Джексонвилль-Бич, так?

Я кивнул.

— Загружались на судно и доставлялись в Венесуэлу.

Мы умолкли. Машина приближалась к складскому комплексу у развилки. Он зловеще маячил слева от нас, словно центр вселенной. В металлических стенах отражался бледный рассвет. Финлей сбавил скорость. Мы посмотрели на склады. Поехали дальше, выворачивая головы назад. Затем свернули на автостраду. Повернули на север к Атланте. Финлей вдавил педаль в пол, и величественный старый автомобиль понесся вперед еще быстрее.

— А что в Венесуэле? — спросил я.

Финлей пожал плечами.

— Там много чего, так?

— Химический завод Клинера, — уточнил я. — Его туда перевели по требованиям экологов.

— Ну, и?

— А чем он занимается? Что это за химический завод?

— Что-то связанное с хлопком.

— Точно, — подтвердил я. — Обработка с применением гидроксида натрия, гипохлорита натрия, хлорина и воды. Что получится, если смешать вместе эти реактивы?

Финлей пожал плечами. Он был полицейский, а не химик.

— Отбеливатель, — сказал я. — Отбеливатель, и очень сильный, специально для хлопчатобумажных волокон.

— Ну, и? — снова спросил он.

— А что помощник Бартоломью рассказал тебе про бумагу, на которой печатаются банкноты?

Финлей резко вздохнул. Судорожно глотнул ртом воздух.

— Господи! Бумага состоит в основном из хлопчатобумажных волокон. С небольшими добавками льна. Клинер отбеливает однодолларовые бумажки. Господи, Ричер, он смывает с них краску. Не могу поверить. Смывает с однушек краску и получает сорок миллионов листов настоящей бумаги.

Я улыбнулся, и он протянул мне правую руку. Обменявшись рукопожатием, мы издали торжествующий вопль.

— В самую точку, выпускник Гарварда, — сказал я. — Вот как все происходит. Тут не может быть сомнений. Немного химии — и на чистых бумажках можно печатать сотенные купюры. Вот что имел в виду Джо. «E Unum Pluribus». Из одного много. Из одного доллара сто.

— Господи, — воскликнул Финлей. — С однушек смывают краску! Но тут есть еще один момент, Ричер. Знаешь, какой? Сейчас склад Клинера под потолок забит сорока тоннами настоящих однодолларовых купюр. Там сорок миллионов долларов. Сорок тонн, упакованных в коробки, ждущих, когда береговая охрана свернет свою операцию. Мы захватим этого Клинера со спущенными штанами, так?

Я радостно рассмеялся.

— Так. У него штаны спущены ниже колен, и голая задница блестит на солнце. Вот почему он так беспокоится. Вот почему он запаниковал.

Финлей покачал головой, уставился в лобовое стекло.

— Как ты до всего этого дошел, черт побери?

Я ответил не сразу. Мы ехали вперед. Автострада привела нас в южные пригороды Атланты. Мимо замелькали городские кварталы. Строительный и торговый бум подтверждали нарастающую силу Солнечного пояса. Бульдозеры и краны были готовы раздвинуть южную оконечность города на заброшенные пустыри вокруг.

— Давай идти последовательно, — сказал я. — Первым делом я сейчас докажу справедливость наших предположений. Я покажу тебе коробки из-под кондиционеров, набитые настоящими однодолларовыми купюрами.

— Вот как? И где же ты их найдешь?

— В гараже Столлеров.

— Господи, Ричер, его же спалили дотла. И в нем все равно ничего не было, так? А если и было, сейчас там орудуют полицейские и пожарные Атланты.

— А у меня нет никаких данных насчет того, что гараж сгорел.

— Черт побери, что ты имеешь в виду?

— Ты где учился в школе? — вдруг спросил я.

— Какое это имеет отношение?

— Стремление к абсолютной точности, — сказал я. — У некоторых это в крови, а образование только все усиливает. Ты ведь видел распечатку Джо?

Финлей кивнул.

— Помнишь последнюю строчку? — продолжал я.

— Гараж Столлеров.

— Именно. Притяжательный падеж, множественное число. Не гараж, принадлежащий одному Столлеру, а гараж, принадлежащий Столлерам.

— Что с того?

— То, что в доме рядом с площадкой для гольфа жил только один Столлер. Джуди и Шерман не состояли в официальном браке. Двух Столлеров можно найти только в том маленьком доме, где живут родители Шермана. И у них есть гараж.

Некоторое время Финлей ехал молча, вспоминая школьный курс грамматики.

— Ты полагаешь, Столлер спрятал коробки у своих родителей? — наконец спросил он.

— Это же логично. У него дома в гараже были только пустые коробки. Но Шерман ведь не знал, что умрет в прошлый четверг. Так что разумно предположить, что у него еще где-то оставлены запасы. Он надеялся, что ему хватит на много лет.

Мы ехали по Атланте. Впереди показалась многоуровневая развязка.

— Сворачивай к аэропорту и езжай мимо, — сказал я.

Мы поднялись по бетонной ленте. Проехали мимо аэропорта. Я нашел дорогу в бедную часть города. Времени было около половины восьмого. В мягком утреннем свете убогие домики выглядели очень милыми. Низкое солнце озаряло все вокруг чарующим светом. Я отыскал нужную улицу, нужный дом, спрятавшийся за оградой.

Мы вышли из машины, и я провел Финлея через калитку в ограде, по прямой дорожке к дому. Кивнул. Он достал полицейский значок и постучал в дверь. В коридоре скрипнула половица. Загремели засовы и замки. Дверь отворилась. Перед нами стояла мать Шермана Столлера. Похоже, она давно проснулась. Нам не пришлось вытаскивать ее из постели. Она молча смотрела на нас.

— Доброе утро, — сказал я. — Вы меня помните?

— Вы из полиции.

Финлей показал ей свой значок. Старуха кивнула.

— Заходите.

Мы прошли следом за ней на тесную кухню.

— Чем могу вам помочь? — спросила миссис Столлер.

— Мы бы хотели заглянуть к вам в гараж, мэм, — сказал Финлей. — У нас есть основания предполагать, что ваш сын хранил там краденое.

Некоторое время женщина молча стояла на месте. Затем, обернувшись, сняла ключ с гвоздя на стене. Не сказав ни слова, протянула его нам. Вышла в тесный коридор и скрылась в комнате. Финлей пожал плечами, и мы вышли из дома и направились к гаражу.

Это оказалось приземистое покосившееся сооружение, в которое с трудом можно было воткнуть одну машину. В гараже не было ничего, кроме двух картонных ящиков, поставленных рядом у дальней стены. В точности таких, как те пустые ящики, что я видел в новом доме Шермана Столлера. Кондиционеры «Айленд». Эти ящики были заклеены. На каждом имелся длинный серийный номер, написанный от руки. Я внимательно изучил эти номера. Если верить надписям, в каждой коробке лежало приблизительно по сто тысяч долларов.

Мы с Финлеем стояли и смотрели на ящики. Просто стояли и смотрели. Затем я подошел к ним и отодвинул один от стены. Достал нож Моррисона и открыл лезвие. Просунул острие под клейкую ленту и вскрыл верх. Раскрыл ящик и перевернул его.

Он упал на бетон, подняв облако пыли. Из него хлынула лавина банкнот. Весь пол гаража оказался завален наличными деньгами. Кучей денег. Тысячами и тысячами однодолларовых купюр. Целым морем однушек, новых и мятых, в толстых пачках и по одиночке. Ящик исторгнул свое содержимое, и река денег достигла начищенных ботинок Финлея. Нагнувшись, он погрузил руки в ворох денег. Схватил две пригоршни и выпрямился. В крошечном гараже царил полумрак. Лишь грязное окошко пропускало тусклый утренний свет. Финлей снова опустился на колени на гору купюр, разгребая их руками. Посмотрев на деньги, мы переглянулись.

— Сколько тут? — спросил Финлей.

Я пнул ногой коробку так, чтобы стал виден, написанный от руки, номер. На пол вывалилась новая куча денег.

— Почти сто тысяч.

— А в соседнем?

Я прочитал длинную последовательность цифр.

— Сто тысяч с гаком. Должно быть, набит плотнее.

Финлей покачал головой. Зачерпнул руками бумажки и медленно выпустил их. Встал и принялся швырять их ногами, как ребенок, играющий с опавшей листвой. Я присоединился к нему. Мы смеялись и гоняли ворох денег по гаражу. Купюры плотным облаком висели в воздухе. Мы торжествующе кричали и хлопали друг друга по спине. Мы танцевали безумную пляску среди ста тысяч долларов, вываленных на пол гаража. Финлей подогнал «Бентли» задом к двери гаража. Я ногой сгреб рассыпанные деньги в кучу и принялся убирать их назад в коробку. Все не поместились. Толстые плотные пачки рассыпались, превратившись в месиво бумажек. Я поставил ящик и попытался примять деньги ногами, но это было безнадежное занятие. В конце концов, тысяч тридцать пришлось оставить на полу в гараже.

— Мы заберем запечатанную коробку, — сказал Финлей. — А за остальными приедем позже.

— Это капля в море, — сказал я. — Лучше оставим деньги старикам. Что-то вроде пенсии. Наследство от сына.

Финлей задумался. Пожал плечами, показывая, что это не имеет значения. Деньги мусором устилали пол. Их было так много, что они уже не казались деньгами.

— Хорошо, — согласился Финлей.

Мы вытащили запечатанный ящик на улицу и закинули в багажник «Бентли». Сделать это оказалось непросто. Коробка была тяжелой. Сто тысяч долларов весят около двухсот фунтов. Мы постояли, пытаясь отдышаться. Затем заперли ворота гаража, оставив внутри вторую сотню тысяч.

— Я позвоню Пикарду, — сказал Финлей.

Он вернулся в дом, чтобы воспользоваться телефоном стариков. Я стоял, прислонившись к теплому капоту «Бентли», и наслаждался утренним солнцем. Через две минуты Финлей вышел на улицу.

— Надо заехать к нему в офис, — сказал он. — Стратегическое совещание.

За руль снова сел Финлей. Он долго петлял по лабиринту узких улочек и, наконец, выехал в центр города. Крутанул большое бакелитовое рулевое колесо и направился к административным высотным зданиям.

— Ладно, — сказал Финлей, — ты мне все доказал. А теперь расскажи, как ты до этого дошел.

Я повернулся в уютном кожаном кресле, чтобы сесть к нему лицом.

— Я решил проверить список Джо, — начал я. — Насчет гаража Столлеров. Но бумага промокла в хлорированной воде, и вся краска смылась.

Он посмотрел на меня.

— Тут ты и догадался?

Я покачал головой.

— Ответ я узнал из доклада сенатской подкомиссии. Там были два маленьких раздела. В одном говорилось о банде фальшивомонетчиков в Боготе. Во втором о другой банде, в Ливане, действовавшей много лет назад. И те, и другие делали одно и тоже: смывали краску с настоящих долларовых купюр и печатали новое изображение на чистой бумаге.

Финлей проскочил на красный свет. Взглянул на меня.

— Значит, мысль Клинера не такая уж оригинальная? — спросил он.

— Вовсе не оригинальная, — согласился я. — Но его предшественники действовали в меньших масштабах, в несоизмеримо меньших. Клинер поставил дело на широкую ногу. Развернул производство в промышленных масштабах. Стал Генри Фордом фальшивомонетчиков. Ведь Генри Форд не изобрел автомобиль, так? Но он изобрел массовое производство автомобилей.

Перед следующим светофором Финлей остановился. На перекрестке было оживленное движение.

— И про смытую краску упоминалось в том сенатском отчете? Но тогда почему ни Бартоломью, ни Кельстейн до этого не дошли? Это ведь они написали тот отчет, так?

— По-моему, Бартоломью все понял, — сказал я. — Именно об этом он говорил в своем последнем электронном письме. Он вспомнил этот раздел. Отчет очень объемный. Несколько тысяч страниц, написанных давным-давно. Смытая краска упоминалась лишь в двух маленьких сносках. К тому же, речь шла о мелком производстве. Никакого сравнения с масштабами Клинера. Бартоломью и Кельстейна не в чем винить. Они люди старые. Воображение у них уже не то.

Финлей пожал плечами и поставил машину у столба на стоянке.

Глава 28

Пикард встретил нас в вестибюле и провел в отдельный кабинет. Мы рассказали ему все, что нам удалось установить, и Пикард почуял крупное дело. Он молча слушал, кивал. У него зажглись глаза.

— Замечательная работа, друзья, — сказал он. — Но, кто наши противники? Похоже, все эти латиноамериканцы — люди посторонние. Наемники. Они действуют открыто. Но из первоначальной десятки осталось пятеро. Нам не известно, кто они. То есть, нас могут подстерегать любые неожиданности. Мы знаем Моррисона, Тила, Бейкера и двух Клинеров, так? Кто остальные пятеро? Это ведь может быть кто угодно, так?

Я покачал головой.

— Нам осталось установить личность последнего, — сказал я. — Еще четверых я вынюхал вчера вечером. Нам не известен только десятый.

Пикард и Финлей встрепенулись.

— Кто те четверо? — спросил Пикард.

— Двое охранников со склада, — сказал я. — И еще двое полицейских. Отряд прикрытия в прошлую пятницу.

— Опять полицейские? — переспросил Финлей. — Проклятье!

Пикард кивнул. Положил свои огромные лапы на стол.

— Отлично, — сказал он. — Вам надо немедленно возвращаться в Маргрейв. Постарайтесь ни во что не ввязываться, а уж если придется, арестовывайте Клинера и его подручных. Остерегайтесь этого десятого. Им может оказаться кто угодно. Я еду следом за вами. Дайте мне двадцать минут, чтобы забрать Роско, — и я присоединюсь к вам.

Мы встали. Пожали ему руку. Пикард направился наверх, а мы с Финлеем вернулись к «Бентли».

— Каким образом? — спросил он.

— Бейкер. Вчера вечером он наткнулся на меня. Я навешал ему на уши лапшу, что отправляюсь в дом Хабблов искать какие-то документы, а затем спрятался там и ждал, что будет дальше. Ночью явились мальчишка Клинер и четверо его подручных. Они пришли, чтобы прибить меня гвоздями к стене.

— Господи! И что было дальше?

— Я с ними разобрался, — спокойно произнес я. Финлей снова уставился на меня, мчась со скоростью девяносто миль в час.

— Ты с ними разобрался? И с Клинером-младшим?

Я кивнул. Некоторое время Финлей молчал. Сбросил скорость до восьмидесяти пяти.

— Как это произошло?

— Я подкараулил их в засаде. Троих уложил ударом по голове. Одному перерезал горло. Мальчишку Клинера утопил в бассейне. Вот таким образом список Джо попал в хлорированную воду, и с него смыло все надписи.

— Господи, — повторил Финлей. — Ты убил пять человек. Это же страшное дело, Ричер. Что ты испытываешь?

Я пожал плечами. Вспомнил своего брата Джо. Представил его долговязым неуклюжим восемнадцатилетним подростком, отправляющимся в академию Вест-Пойнт. Вспомнил Молли-Бет Гордон, прижимающую к груди тяжелый кожаный портфель и улыбающуюся мне. Повернувшись к Финлею, я ответил вопросом на вопрос:

— А что испытываешь ты, насыпая на кухне порошок от тараканов?

Он судорожно дернул головой, словно собака, отряхивающаяся от воды.

— Осталось только четверо, — сказал Финлей.

Он принялся мять рулевое колесо словно пекарь, месящий тесто. Уставился вперед, шумно вздохнул.

— Есть какие-нибудь мысли по поводу десятого? — спросил он.

— На самом деле, это не имеет практического значения, — сказал я. — Сейчас он должен быть на складе, вместе с остальными тремя. Клинеру ведь совсем не хватает рук, так? Сегодня ночью они будут дежурить, а завтра грузить. Все четверо.

Я включил приемник «Бентли». Большой хромированный агрегат английского производства, двадцатилетней давности. Но он работал. Я нашел приличную радиостанцию. Стал слушать музыку, стараясь не заснуть.

— Не могу поверить, — сказал Финлей. — Черт побери, как такое могло произойти здесь, в Маргрейве, в этом забытом богом месте?

— Ты хочешь знать, с чего все началось? Во всем виноват Эйзенхауэр.

— Эйзенхауэр? — удивился Финлей. — А он-то какое имеет к этому отношение?

— Это он построил автострады. Он убил Маргрейв. Раньше старое шоссе было единственной дорогой. Все и вся вынуждены были проезжать через город. Здесь было полно ресторанов и гостиниц; те, кто останавливался в Маргрейве проездом, тратили деньги. Затем были построены автострады, самолеты стали дешевыми, и вдруг город умер.

Завял, съежился до точки на карте, потому что автострада прошла в четырнадцати милях от него.

— Значит, во всем виновата автострада? — спросил Финлей.

— Во всем виноват мэр Тил. Город продал землю под склады, чтобы заработать какие-то деньги, так? Сделкой занимался старик Тил. У него не хватило мужества сказать нет, когда выяснилось, что новые деньги грязные. Тил не устоял перед соблазном и бросился в объятия Клинера.

— Он политик, — заметил Финлей. — Политики никогда не отказываются от денег. А деньги были огромные. На них Тил заново отстроил весь город.

— Он утопил в них Маргрейв, — возразил я. — Город превратился в болото, засосавшее всех, от мэра до уборщика, протирающего стволы вишен.

Мы снова умолкли. Повозившись с приемником, я услышал, как Альберт Кинг поет о том, что он не знал бы счастья, если бы не несчастье.

— Почему именно Маргрейв? — наконец нарушил молчание Финлей.

Старина Альберт поведал о том, что несчастье и беда — его единственные друзья.

— Географическое положение и удачное стечение обстоятельств, — сказал я. — Городок находится именно там, где нужно. Неподалеку скрещиваются дороги, расходящиеся во все стороны, и отсюда прямой путь в порты Флориды. Местечко очень тихое, а заправляют им жадные мерзавцы, готовые сделать все, что им скажут.

Финлей умолк. Размышляя о потоках однодолларовых бумажек, текущих с севера и запада, похожих на реки дождевой воды после ливня, на неудержимую приливную волну. Управляет всем небольшая горстка людей в Маргрейве. Малейшая заминка — и сотни тысяч долларов застрянут, образуют запруды. Такое происходит, когда засоряются сточные трубы. Денег достаточно, чтобы утопить весь город. Финлей задумчиво барабанил пальцами по рулю. Всю оставшуюся дорогу он молчал.

Мы оставили машину у самого входа в здание полицейского участка. Она отразилась в стеклянных дверях. Антикварный черный «Бентли», стоящий не меньше ста тысяч долларов. Плюс еще одна сотня тысяч в багажнике. Самая дорогая машина в штате Джорджия. Я открыл багажник, положил куртку на ящик из-под кондиционера, дождался Финлея, и мы вошли внутрь.

В участке не было никого кроме дежурного сержанта. Он нам кивнул. Мы обошли его стол. Прошли через притихшее дежурное помещение в кабинет, отделанный красным деревом. Закрыли за собой дверь. Финлей был заметно взволнован.

— Я хочу знать, кто этот десятый, — сказал он. — Это может быть кто угодно. Например, дежурный сержант. В деле уже оказалось замешано четверо полицейских.

— Нет, не он, — возразил я. — Он ровным счетом ничего не делает. Не отрывает свой жирный зад от стула. Но это может быть Стивенсон. Он был близок с Хабблом.

Финлей покачал головой.

— Нет. Став начальником, Тил постоянно держит Стивенсона под рукой. Чтобы можно было за ним присматривать. Так что это не Стивенсон. Но кто он, мы не знаем. Это может быть Ино. Хозяин ресторана. У него отвратительный характер.

Я посмотрел на него.

— У тебя у самого отвратительный характер, Финлей. Но иметь отвратительный характер — еще не значит быть преступником.

Он пожал плечами, пропустил подкол мимо ушей.

— Так что же нам делать?

— Ждем Роско и Пикарда, — сказал я. — Дальше будем думать.

Я уселся на край большого письменного стола, болтая ногами. Финлей расхаживал взад и вперед по дорогому ковру. Прошло минут двадцать, наконец дверь распахнулась. Это был Пикард. Его массивная туша заполнила весь дверной проем. Я обратил внимание, что Финлей как-то странно смотрит на своего приятеля, будто с ним что-то не так. И проследил за его взглядом.

Не так с Пикардом было две вещи. Во-первых, он пришел без Роско. Во-вторых, он сжимал в своей огромной ладони полицейский револьвер 38-го калибра, направленный на Финлея.

Глава 29

— Ты? — ахнул Финлей.

Пикард мрачно усмехнулся.

— Он самый. Поверьте, я очень рад. Вы очень нам помогли, оба. Не могу выразить вам свою признательность. Вы постоянно держали меня в

курсе дела. Отдали мне прямо в руки сначала Хабблов, а затем Роско. О большем я не смел даже мечтать.

Финлей словно прирос к полу. Его охватила дрожь.

— Ты? — повторил он.

— Тебе следовало догадаться об этом еще в среду, осел, — ухмыльнулся Пикард. — Я направил коротышку в отель, где останавливался Джо, за два часа до того, как связался с тобой. Ты меня разочаровал. Я рассчитывал, что это объяснение произойдет гораздо раньше.

Он улыбнулся. Финлей отвел взгляд. Посмотрел на меня. Я не знал, что сказать. Вообще не знал, что сказать. Я просто смотрел на огромную тушу Пикарда, загородившую дверной проем. Меня не покидало чувство, что настал мой последний час. Сегодня все будет кончено.

— Встань вон туда, — приказал Пикард. — Рядом с Финлеем.

Двумя гигантскими шагами он прошел на середину комнаты. Его револьвер был направлен на меня. Я машинально отметил, что это новый револьвер 38-го калибра с коротким стволом. Автоматически прикинул, что на таком маленьком расстоянии и он будет достаточно точным. Но, имея дело с 38-м калибром, нельзя быть уверенным, что одной пули хватит для поражения цели. А нас было двое. И у Финлея был служебный револьвер в кобуре под мышкой. Я долю секунды взвешивал все за и против. Затем отказался от этого занятия, так как за спиной Пикарда появился Тил. В левой руке мэр держал свою тяжелую палку. Но правая рукав сжимала полицейское ружье — «Итаку» Маг-10. И не имело значения, куда именно оно было направлено.

— Встань туда, — повторил Пикард.

— Где Роско?

Он рассмеялся. Просто рассмеялся, показывая стволом револьвера, что я должен встать и подойти к Финлею. Я слез со стола. Мне казалось, мои члены налились свинцом. Стиснув зубы, я двинулся вперед с мрачной решимостью калеки, пытающегося ходить.

Я остановился рядом с Финлеем. Тил держал нас под прицелом ружья. Пикард сунул руку за пазуху твидового пиджака Финлея. Достал револьвер из кобуры под мышкой. Бросил его в карман своего безразмерного пиджака. Под тяжестью револьвера пиджак распахнулся. Он имел размеры палатки на двоих. Шагнув вбок, Пикард ощупал меня. Я был без оружия. *Моя куртка осталась в багажнике «Бентли»*. Затем Пикард отступил назад и встал рядом с Тилом. Финлей посмотрел на своего вероломного друга так, будто у него разрывалось сердце.

— Ты что? — спросил Финлей. — Ты забыл, что нас связывает?

Пикард пожал плечами.

— Я же советовал тебе держаться отсюда подальше, — сказал он. — Тогда, в марте, я пытался тебя остановить. Предупреждал. Ведь так, правда? Но ты не хотел меня слушать, не так ли, упрямый осел? Так что ты сам напросился.

Слушая басистый рев агента ФБР, я проникся к Финлею такой жалостью, какую не испытывал к себе самому. Тут в дверях появился Клинер. Его жесткое лицо исказилось в усмешке.

Сверкнули хищные зубы. Он сверлил меня глазами насквозь. В левой руке у него была еще одна «Итака». В правой руке Клинер держал пистолет, из которого был убит Джо. Пистолет был нацелен на меня.

Это был «Рюгер Марк II». Маленький автоматический пистолет 22-го калибра, предназначенный для тайного ношения, оснащенный толстым глушителем. Оружие убийц, предпочитающих подходить вплотную к своим жертвам. Я уставился на пистолет. Девять дней назад конец этого самого глушителя прикоснулся к виску моего брата. Тут не было никаких сомнений. Я это чувствовал.

Пикард и Тил обошли стол. Тил уселся в кресло. Пикард навис у него за спиной. Клинер жестом приказал нам с Финлеем садиться. В качестве жезла он использовал ствол ружья. Резкие, отрывистые движения. Мы сели рядом, напротив большого стола, отделанного красным деревом, глядя на Тила. Закрыв дверь в кабинет, Клинер прислонился к ней. Он держал ружье в одной руке, у бедра, нацелив мне в голову. Пистолет 22-го калибра, оснащенный глушителем, был направлен в пол.

Я поочередно пристально осмотрел всех трех врагов. На сморщенном старческом лице Тила, похожем на пергамент, застыла ненависть. Он был потрясен. Никак не мог прийти в себя. Был в полном отчаянии. На грани срыва. Сейчас Тил выглядел на двадцать лет старше того холеного старика, которого я впервые увидел в понедельник. Пикард держался лучше. Он сохранял спокойствие великого спортсмена. Олимпийского чемпиона, заглянувшего в гости в школу, в которой когда-то учился. Но вокруг глаз у него появилась сетка морщинок. Он нервно постукивал пальцем по бедру. В нем чувствовалось внутреннее напряжение.

Я искоса взглянул на Клинера. Затем посмотрел ему прямо в лицо. Смотреть особенно было не на что. Поджарый и жилистый, он казался высушенным. Стоял не шелохнувшись. Абсолютно неподвижно. Его лицо и осанка ничего не выдавали. Клинер напоминал изваяние, высеченное из дерева. Но глаза его горели злобной энергией.

Тил с грохотом выдвинул ящик письменного стола. Достал кассетный магнитофон, которым пользовался во время моего допроса Финлей. Протянул стоящему у него за спиной Пикарду. Положив револьвер на стол, агент ФБР завозился со спутанными проводами. Включил магнитофон в сеть. Не стал трогать микрофон. Никто не собирался ничего записывать. Нам хотели дать кое-что прослушать. Протянув руку, Тил нажал кнопку устройства внутренней связи. В тишине было отчетливо слышно, как в дежурном помещении зазвонил звонок.

— Бейкер! — сказал Тил. — Пожалуйста, зайди к нам.

Клинер отошел от двери, и вошел Бейкер. Он был в форме.

Служебный револьвер 38-го калибра в кобуре. Бейкер посмотрел на меня. Нахмурился. В руке у него были две кассеты. Тил забрал их. Выбрал вторую.

— Послушай эту запись, — сказал он. — Ты найдешь ее очень интересной.

Вставив кассету, он захлопнул крышку. Нажал клавишу воспроизведения.

Зажужжал мотор, из динамика послышалось шипение. Сквозь него я различил гулкое эхо замкнутого помещения. Затем послышался голос Роско. Громкий, взволнованный. Он наполнил тишину кабинета.

— Ричер? Я хочу кое о чем тебя попросить. Выполни все то, что тебе скажут, иначе со мной произойдет большая беда. Если у тебя есть сомнения по поводу того, что меня ждет, загляни в морг и прочти отчет о вскрытии миссис Моррисон. Вот что меня ждет. Так что вытащи меня отсюда, хорошо, Ричер? На этом заканчиваю.

Голос умолк. Остались лишь гул и шипение. Я успел услышать испуганное восклицание, как будто Роско грубо оттащили от микрофона. Затем Тил выключил магнитофон. Я молча смотрел на него. Температура моего тела опустилась до абсолютного нуля. Я больше не чувствовал в себе ничего человеческого.

Пикард и Бейкер посмотрели на меня. Удовлетворенно усмехнулись. Как будто держали на руках козырные карты. Тил открыл крышку и достал кассету. Положил ее на стол. Показал мне вторую кассету и вставил ее в магнитофон. Закрыл крышку и нажал клавишу воспроизведения.

— Еще одна запись. Послушай.

Послышалось то же самое шипение. То же самое гулкое эхо. Затем голос Чарли Хаббл. Она была в истерике. То же самое с ней случилось в понедельник утром, на залитой ярким солнцем дорожке перед домом.

— Хаб? Это Чарли. Со мной дети. Я говорю не из дома, ты понимаешь, что это значит? Я хочу, чтобы ты знал: если ты не вернешься, с детьми произойдет что-то страшное. Мне сказали, ты знаешь, что именно. То же самое, чем угрожали нам с тобой, но только это сделают с детьми. Так что немедленно возвращайся домой, хорошо?

Голос сорвался на пропитанный ужасом вой и умолк, сменившись гулким шипением. Тил нажал клавишу остановки, достал кассету и осторожно положил ее на край стола. Прямо передо мной. Затем вперед шагнул Клинер.

— Эту кассету ты возьмешь с собой, — сказал он. — Ты отнесешь ее туда, где спрятал Хаббла, и дашь ему прослушать.

Мы с Финлеем переглянулись. Молча глядя друг на друга в полном изумлении. Затем я повернулся к Клинеру.

— Вы уже убили Хаббла, — сказал я.

Клинер поколебался.

— Не корми меня дерьмом. Мы собирались с ним разобраться, но ты успел его спрятать. Чарли нам все сказала.

— Так сказала Чарли?

— Мы спросили у нее, где Хаббл, — продолжал Клинер. — Она заверила нас, что ты сможешь его найти. Не думаю, что она врет. Мы держали нож между ногами ее девчонки. Чарли очень упорно пыталась убедить нас в том, что ее муж где-то близко. Она сказала, что ты ему объяснил, где прятаться. Сказала, что ты сможешь его найти. Будет лучше для всех, если она сказала правду.

— Вы его убили, — повторил я. — Я ничего не знаю о нем. Кивнув, Клинер вздохнул.

— Кончай пороть чушь, — тихо произнес он. — Ты его прячешь, а он нам нужен. Нужен срочно. Мы ждать не можем. У нас налаженное дело. Так что есть разные варианты. Можно выбить из тебя всю правду. Мы об этом уже думали. Это ведь вопрос времени, так? Но мы пришли к выводу, что ты можешь направить нас по ложному следу, а как раз сейчас нам нельзя терять ни минуты. У тебя ведь мелькнула такая мысль, верно?

Он ждал от меня ответа. Я молчал.

— Так что мы поступим вот как, — продолжил Клинер. — Пикард поедет вместе с тобой за Хабблом. Как только вы его найдете, Пикард мне позвонит на сотовый телефон. Он знает номер. После чего вы втроем вернетесь сюда. Понятно?

Я молчал.

— Где он? — вдруг спросил Клинер.

Я начал было отвечать, но он поднял руку, останавливая меня.

— Как я уже говорил, кончай пороть чушь. Ты сейчас, наверное, судорожно ломаешь голову, пытаясь придумать, как отделаться от Пикарда. У тебя ничего не получится.

Я молча пожал плечами.

— С этим две проблемы. Во-первых, сомневаюсь, что ты сможешь отделаться от Пикарда. Сомневаюсь, что это вообще кому-либо по силам. От него еще никто не уходил. Кроме того, номер моего сотового телефона нигде не записан. Пикард держит его в голове.

Я снова пожал плечами. Клинер предусмотрел все. С таким врагом мне еще не приходилось иметь дело.

— Позволь мне сделать еще пару уточнений, — продолжал он. — Нам не известно, где именно находится Хаббл. И ты вряд ли скажешь нам правду. Поэтому мы сделаем вот что. Мы установим лимит времени.

Умолкнув, Клинер подошел к Финлею. Поднял пистолет 22-го калибра, приставив дуло к его виску. Надавил так, что Финлей был вынужден наклонить голову набок.

— Вот этот полицейский отправится в камеру, — сказал Клинер. — Его прикуют к решетке. Если Пикард не позвонит мне завтра за час до рассвета, я направлю свое ружье на камеру и разнесу этого полицейского в клочья. Затем я заставлю очаровательную мисс Роско губкой смыть его со стены. Потом я дам тебе еще час. Если Пикард не позвонит мне до того времени, как солнце поднимется над горизонтом, я лично займусь очаровательной мисс Роско. Ей придется долго мучиться, Ричер. Но сначала будет много секса. Очень много. Положись на мое слово, Ричер. Мы с Тилом проведем целый час в милой беседе, обсуждая, что именно сделаем с мисс Роско.

Клинер надавил пистолетом на ухо Финлею с такой силой, что тот едва не свалился со стула. Финлей поджал губы. Клинер ухмылялся. Я улыбнулся. Клинер может считать себя покойником. Шансов у него не больше, чем у человека, спрыгнувшего с крыши небоскреба. Он еще не долетел до земли. Но он уже прыгнул.

— Ты все понял? — сказал Клинер, обращаясь ко мне. — Звонишь в шесть утра — спасаешь жизнь мистеру Финлею. Звонишь в семь — спасаешь жизнь мисс Роско. И не шути с Пикардом. Кроме него номер телефона больше никто не знает.

Я снова пожал плечами.

— Ты все понял? — повторил он.

— Кажется, понял. Хаббл сбежал, и вы не знаете, где его найти. Ты ведь это хотел мне сказать?

Все молчали.

— Ты не можешь его найти, да? — продолжал я. — Ты бестолковый козел, Клинер. Ты кусок дерьма. Ты мнишь себя большим умником, но ты не можешь найти Хаббла. Ты не смог бы найти свою задницу, даже если бы я дал тебе зеркало на палочке.

Я услышал, что Финлей перестал дышать. Он решил, что я играю с его жизнью. Но старик Клинер оставил его в покое.

Снова подошел ко мне. Побледнел. Я буквально ощущал исходящее от него напряжение. А сам я старался привыкнуть к тому, что Хаббл до сих пор жив. Он был мертв для меня всю неделю, и вдруг снова ожил. Он жив и где-то прячется. Прятался всю неделю, а его тем временем усиленно искали. Он в бегах. В понедельник утром его не вытащили из собственного дома. Он вышел сам. Учуял неладное в звонке, предлагавшем ему остаться дома, и пустился в бега. С тех пор его не могут найти. Пол Хаббл дал ту маленькую зацепочку, которая была мне нужна.

— Что у Хаббла есть такого, что он вам так нужен? — спросил я.

Клинер пожал плечами.

— Он остался последним необрубленным концом. Обо всем остальном я позаботился. Я не откажусь от своего дела только потому, что какому-то ослу вроде Хаббла вздумалось поиграть со мной в прятки. Мало ли, что он может наболтать. Поэтому Хаббл нужен мне здесь. Там, где я смогу за ним присмотреть. И ты мне его найдешь.

Подавшись вперед, я посмотрел ему прямо в глаза.

— А твой сын никак не может отыскать Хаббла? — тихо спросил я.

Все притихли. Я подался вперед еще больше.

— Передай своему сыну, пусть найдет Хаббла.

Клинер молчал.

— Клинер, где твой сын? — не унимался я.

Клинер не отвечал.

— Что с ним? Ты не знаешь?

Он знал и в то же время не знал. Я чувствовал это. Клинер боялся взглянуть правде в глаза. Он отправил своего сына за моей головой, и тот не вернулся. Так что он знал, но не хотел признаться себе в этом. Жесткие черты его лица обмякли. Клинер хотел знать правду. Но он не мог спросить меня. Он хотел ненавидеть меня за то, что я убил его сына, но не мог позволить себе и этого. Потому что, сделав это, он признался бы себе в страшной правде.

Я смотрел ему прямо в глаза. Клинеру хотелось поднять ружье и разнести меня в облако кровавой росы, но он не мог. Потому что я был нужен ему, чтобы вернуть Хаббла. Внутри у него все бурлило. Ему хотелось пристрелить меня на месте. Но сорок тонн денег были для него важнее собственного сына.

Я смотрел в эти немигающие мертвые глаза.

— Где твой сын, Клинер? — тихо произнес я.

В кабинете воцарилась мертвая тишина.

— Уберите его отсюда, — наконец сказал Клинер. — Ричер, если ты через минуту не выйдешь отсюда, я пристрелю этого полицейского.

Я встал. Окинул взглядом всех присутствующих. Кивнул Финлею. Направился к выходу. Пикард последовал за мной, бесшумно затворив дверь.

Глава 30

Мы с Пикардом прошли через дежурное помещение. Там никого не было. Тишина. Сержант исчез. Должно быть, Тил его куда-то отослал. Кофеварка была включена. Я уловил запах кофе. Бросил взгляд на стол Роско. На доску объявлений, отображавшую ход расследования убийства Моррисонов. На ней по-прежнему ничего не было. Никакого прогресса. Я обогнул стол. Распахнул тяжелые стеклянные двери. Шагнул на яркий солнечный свет.

Пикард указал коротким стволом своего револьвера, чтобы я садился за руль «Бентли». Я не стал с ним спорить. Молча направился к машине. Еще никогда в жизни я не был так близок к панике. Мое сердце бешено колотилось, я дышал часто и неглубоко. Я с усилием переставлял ноги, употребляя всю до последней унции волю, чтобы держать себя в руках. Я говорил себе, что к тому времени, как мы подойдем к машине, у меня должен быть план, что делать дальше.

Я сел в «Бентли» и поехал к ресторану Ино. Из кармашка на сидении достал карту. Прошел по залитой солнцем стоянке и вошел в ресторан. Устроился в пустой кабинке. Заказал кофе и яичницу.

Я беззвучно орал на себя, приказывая вспомнить все то, чему выучился за тринадцать жестоких лет. Чем меньше времени, тем спокойнее надо себя вести. Если у тебя есть возможность сделать лишь один выстрел, надо обязательно добиться того, чтобы он попал в цель. Нельзя позволить себе допустить промах только потому, что в твоем плане были какие-то просчеты. Или потому, что в последние предрассветные часы у тебя в крови кончился сахар, и ты почувствовал слабость и головокружение. Поэтому я заставил себя съесть яичницу и выпил кофе. Затем я отодвинул пустую кружку и тарелку, развернул на столе карту. Всмотрелся в нее, ища Хаббла. Он может быть где угодно. Но я должен его найти. И я могу сделать только один выстрел. Я не могу метаться из одного места в другое. Я должен найти Хаббла в своей голове. Тут главное думать. Я должен сначала найти Хаббла в своей голове, а затем отправиться прямо к нему. Поэтому я склонился над столом. Уставился на карту. Долго смотрел на нее.

Я изучал карту почти целый час. Наконец я ее свернул. При этом незаметно захватил с тарелки нож и вилку. Убрал их в карман брюк. Оглянулся. Ко мне подошла официантка. Та, что в очках.

— Собираетесь в дальнюю дорогу, красавчик? — спросила она.

Я посмотрел на нее. Увидел свое отражение в очках. Увидел массивную тушу Пикарда за спиной. Буквально почувствовал, как его рука стискивает рукоятку револьвера. Я кивнул.

— Именно так. Меня ждет чертовски увлекательное путешествие. Такое, какое я запомню на всю жизнь.

Официантка не сразу нашлась, что сказать на это.

— Все равно, будьте осторожны, хорошо?

Я встал, оставив на столе одну из сотен Чарли. Быть может настоящую, быть может, нет. Все равно потратить ее можно. И мне хотелось дать девушке хорошие чаевые. Ино получал по грязной тысяче в неделю, но я понятия не имел, делится ли он со своими работниками. Судя по тому, что я видел, не очень.

— До встречи, мистер, — сказала официантка в очках.

— Быть может, мы еще и увидимся.

Пикард подтолкнул меня к двери. Было четыре часа. Я прошел к «Бентли». Пикард следовал за мной, не вынимая руку из кармана. Я сел за руль и завел двигатель. Выехал со стоянки и повернул на север. Промчался четырнадцать миль по шоссе за двенадцать минут.

Пикард заставил меня поехать в «Бентли», а не в своем седане. На то у него были причины. Дело было не только в том, что он хотел большего простора для своих ног. «Бентли» — машина очень приметная. Это должно было стать дополнительной страховкой. Взглянув в зеркало заднего вида, я увидел неприметный седан, ярдах в ста позади. В нем двое. Я пожал плечами. Сбавил скорость и посмотрел налево на склады у развилки. Развернулся и выехал на автостраду. Помчался вперед. Времени оставалось очень мало.

Автострада привела нас к развязке на юго-восточной окраине Атланты. Покружив, я выехал на шоссе И-20 и поехал на восток, никуда не сворачивая, миля за милей, с двумя парнями в неприметном седане в ста ярдах позади.

— Так где же он? — спросил Пикард.

Он заговорил впервые с того момента, как мы вышли из полицейского участка. Посмотрев на него, я пожал плечами.

— Понятия не имею. Единственное, что могу предложить, — отыскать его приятеля в Огасте.

— Что это за приятель?

— Некий Леннон.

— В Огасте? — переспросил Пикард.

— В Огасте, — подтвердил я. — Именно туда мы и направляемся.

Пикард проворчал что-то нечленораздельное. Мы ехали дальше. Седан не отставал.

— И что это за тип из Огасты? — спросил Пикард. — Этот Леннон?

— Я же сказал — приятель Хаббла.

— У Хаббла нет знакомых в Огасте. Неужели ты думаешь, что мы это не проверили?

Я пожал плечами. Ничего не ответил.

— Дружище, не вздумай водить меня за нос, — угрожающе произнес Пикард. — Клинеру это не понравится. И для твоей женщины так будет хуже. Жестокость у старика через край бьет. Поверь мне, я видел его в деле.

— Когда, например?

— Не раз. Например, в среду, в аэропорту. Молли-Бет. Например, в воскресенье. Дома у Моррисонов.

— Клинер там был?

— Он получил огромное наслаждение, — подтвердил Пикард. — И он, и его чертов сын. Ты оказал миру большую услугу, избавив его от этого психопата. Ты бы его видел в воскресенье. Мы устроили нашим двоим фараонам выходной. Нехорошо заставлять их потрошить собственного начальника. Вместо них пришли мы с Клинером. Старик наслаждался каждым мгновением происходящего. Как я уже сказал, жестокость через край бьет. Так что ты постарайся сделать так, чтобы я позвонил вовремя, а то твою подружку будут ждать большие неприятности.

Какое-то время я молчал. Я встретил мальчишку Клинера в воскресенье. Он забирал свою мачеху из кафе. Около половины одиннадцатого. Он тогда таращился на меня. Мальчишка как раз закончил потрошить Моррисонов.

— Это старик Клинер убил моего брата? — наконец спросил я.

— В четверг ночью? Разумеется. 22-й калибр с глушителем, его любимое оружие.

— А затем мальчишка пинал его ногами?

Пикард пожал плечами.

— Он словно обезумел. У него не все дома.

— А Моррисон должен был замести следы?

— Должен был, — проворчал Пикард. — Этот осел должен был сжечь трупы в машине. Но он не смог найти Столлера. Поэтому оставил оба трупа на месте.

— А Клинер убил восьмерых в Луизиане, так? — снова спросил я.

Пикард рассмеялся.

— Восемь — это только те, о которых узнали. Осел Спиренца целый год шел по следам Клинера. Искал выплаты наемному убийце. А никакого наемного убийцы не было. Клинер занимался этим сам. Что-то вроде хобби, понятно?

— Ты уже тогда был знаком с ним?

— Я знаю Клинера с незапамятных времен. Добился того, что меня назначили от Бюро поддерживать контакты со Спиренцой. И замял все результаты расследования.

Мы молча проехали еще мили две. Двое парней в неприметном седане держались в сотне ярдов за «Бентли». Вдруг Пикард повернулся ко мне.

— Этот тип Леннон, он еще одна ищейка из казначейства, работающая на твоего брата, так?

— Это приятель Хаббла, — поправил я.

— Черта с два! Мы проверили, у него нет друзей в Огасте. Проклятие, у него вообще нет друзей. Хаббл считал своим другом Клинера — ведь тот дал ему работу.

Пикард захихикал. Его огромная туша тряслась от веселья.

— Как и Финлей считал тебя своим другом, верно? — заметил я.

Он пожал плечами.

— Я пытался отговорить его. Предупреждал. А что еще мне оставалось делать? Умереть ради него?

Я ничего не ответил. Мы молча ехали вперед. Седан упрямо держался в ста ярдах позади.

— Нам нужно заправиться, — сказал я.

Нагнувшись, Пикард посмотрел на стрелку указателя топлива, приблизившуюся к красной отметке.

— Свернешь на ближайшую заправку.

У городка с названием Мэдисон я увидел знак заправки. Свернул с шоссе и поставил «Бентли» у самой дальней колонки.

— Ты будешь заправлять? — небрежно спросил я.

Пикард удивленно посмотрел на меня.

— Нет. За кого ты меня принимаешь, черт возьми? Сам заправишь.

Именно этот ответ я и хотел услышать. Я вышел из машины. Пикард тоже вышел. Неприметный седан остановился за нами, и из него вылезли двое. Я посмотрел на них. Это были те самые латиноамериканцы, с которыми я столкнулся в Нью-Йорке, на людной улице неподалеку от Колумбийского университета. Тот, что пониже был в плаще цвета хаки. Я приветливо кивнул ребятам. По моим расчетам, им оставалось жить меньше часа. Они подошли и встали рядом с Пикардом. Сняв шланг, я вставил пистолет в бензобак «Бентли».

Бензобак был большой, вместимостью больше двадцати галлонов. Я засунул палец под курок пистолета, чтобы бензин лился не полной струей. Держа пистолет одной рукой, я развернулся и прислонился к машине. У меня мелькнула мысль, не начать ли насвистывать. Пикард и

латиноамериканцы потеряли ко мне всякий интерес. Поднялся ветер, и они ежились, спасаясь от холода.

Достав из кармана столовые приборы, прихваченные у Ино, я воткнул нож в покрышку рядом со своим коленом. С того места, где стоял Пикард, это, наверное, выглядело так, будто я решил почесать ногу. Затем я взял вилку и отогнул один зубец. Вставил его в порез и обломил, оставив в покрышке полдюйма стали. Закончил заправлять машину и повесил пистолет на колонку.

— Заплатишь? — окликнул я Пикарда.

Очнувшись, тот пожал плечами. Достал пачку купюр и отправил коротышку в плаще в кассу. Затем мы сели в машину.

— Подожди, — сказал Пикард.

Я дождался, когда седан за нами завел двигатель и дважды мигнул фарами. Потом аккуратно выехал на шоссе и плавно надавил на газ. Поехал дальше. Мимо снова стали мелькать дорожные указатели. До Огасты семьдесят миль. До Огасты шестьдесят миль. До Огасты сорок миль. Старый «Бентли», тихо урча двигателем, катил по шоссе. Спокойный и непоколебимый. Латиноамериканцы не отставали. Небо впереди потемнело. Над Атлантикой уже опустилась ночь. Мы ехали вперед.

Заднее колесо спустило милях в двадцати от Огасты. Было половина восьмого. Начинало смеркаться. Сзади послышался стук, машина стала вилять из стороны в сторону.

— Проклятие! — выругался я. — Колесо спустило.

— Сворачивай на обочину, — приказал Пикард.

Я съехал с шоссе. Седан остановился позади. Мы вышли из машин, все четверо. Ветерок сменился холодным ветром, дующим с востока. Поежившись, я открыл багажник. Достал куртку с пистолетом, ножом и дубинкой, и натянул ее, торопясь согреться.

— Запаска под полом багажника, — окликнул я Пикарда. — Не хочешь помочь мне вытащить эту коробку?

Подойдя ко мне, Пикард посмотрел на коробку, набитую однодолларовыми бумажками.

— Мы сожгли не тот дом, — рассмеялся он.

Вдвоем мы вытащили тяжелый ящик и поставили его на землю. Затем Пикард достал револьвер и направил на меня. Его огромный пиджак хлопал на ветру.

— Пусть колесо сменят эти малыши, — сказал агент ФБР. — А ты встань рядом с ящиком и не двигайся.

Подозвав латиноамериканцев, он приказал им приниматься за работу. Те нашли в багажнике домкрат и гаечный ключ. Подняли машину и сняли колесо. Вытащили запаску и поставили на место. Тщательно затянули болты. Я стоял рядом с картонной коробкой, набитой деньгами, ежась на холодном ветру, кутаясь в куртку. Засунув руки в карманы, переминаясь с ноги на ногу, строя из себя человека, замерзшего от безделья.

Я дождался, когда Пикард подойдет к колесу, проверяя затяжку болтов. Он надавил всем своим весом на гаечный ключ, и послышался скрежет металла. Раскрыв нож Моррисона, я шагнул вперед и разрезал сбоку коробку из-под кондиционера. Затем сверху. Потом с другого боку до самого низа. Прежде чем Пикард успел направить на меня револьвер, коробка раскрылась, словно кузов самосвала, и ветер, подхватив сто тысяч долларовых купюр, швырнул их на шоссе снежным зарядом.

В это же самое мгновение я перескочил через бетонное ограждение на обочине и скатился с невысокой насыпи. Выхватил «Дезерт Игл». Выстрелил в коротышку в плаще, перелезшего через ограждение следом за мной, но промахнулся и лишь зацепил его ногу. На шоссе грузовик с лобовым стеклом, залепленным однодолларовыми бумажками, слетел на обочину и врезался в неприметный седан. Пикард пробирался через бумажную вьюгу к откосу. Послышался визг тормозов. Машины пытались объехать перегородивший дорогу грузовик. Перекатившись, я прицелился и выстрелил во второго латиноамериканца. Попал ему в грудь, и он кубарем свалился ко мне. Коротышка в плаще с криком катался по земле, зажимая окровавленное колено, и пытался достать маленький пистолет, который он демонстрировал мне в Нью-Йорке. Я сделал третий выстрел и попал ему в голову. Тут я увидел, что Пи-кард навел на меня свой револьвер. Завывал ветер, на шоссе гудели машины. Водители выскакивали на дорогу, ловя кружащиеся в воздухе деньги. Наступил хаос.

— Не стреляй, Пикард, — крикнул я. — Иначе ты не найдешь Хаббла!

Он это понимал. Понимал, что без Хаббла он труп. Клинер не простит ему неудачу. Пикард стоял, целясь мне в голову, но не стрелял. Взбежав на откос, я обогнул машину, держа его под прицелом «Дезерт Игла».

— Ты тоже меня не убьешь, — крикнул Пикард. — Мой звонок — единственная надежда спасти твою женщину. Помни об этом. У тебя нет выбора.

— Знаю, Пикард, — проорал я в ответ. — Я не буду в тебя стрелять. А ты?

Он покачал головой.

— Нет, Ричер.

Сложилась патовая ситуация. Мы ходили вокруг «Бентли», держа побелевшие от напряжения пальцы на спусковых крючках, заверяя друг друга, что не станем стрелять.

Пикард говорил правду, но я лгал. Дождавшись, когда он поравняется с грузовиком, а я окажусь рядом с «Бентли», я нажал на спусковой крючок. Пуля 44-го калибра, попав в Пикарда, отбросила его огромную тушу назад на искореженный металл. Я не стал дожидаться ответного выстрела. Захлопнув крышку багажника, я прыгнул за руль. Завел двигатель и рванул с места, сжигая покрышки. Вывернул с обочины, объезжая людей, ловящих доллары. Вдавил педаль в пол и помчался на восток.

Еще двадцать миль. Это заняло у меня двадцать минут. Я тяжело дышал, меня трясло от прилива адреналина. Пытаясь унять сердцебиение, я жадно глотал ртом воздух. Наконец издал торжествующий вопль. Громко закричал вслух. С Пикар-дом покончено.

Глава 31

Когда я доехал до пригородов Огасты, уже стемнело. Как только многоэтажные здания стали попадаться часто, я съехал с шоссе. Проехал по улицам и свернул к первому же встречному мотелю. Запер «Бентли» и забежал в контору. Подошел к столику администратора. Тот поднял взгляд.

— У вас найдется номер? — спросил я.

— Тридцать шесть долларов.

— Телефон в номере есть?

— Естественно. А также кондиционер и кабельное телевидение.

— А телефонный справочник? — продолжал я.

Администратор кивнул.

— Схема Огасты есть? — спросил я.

Он показал пальцем в сторону полки рядом с автоматом, торгующим сигаретами, заваленной картами и рекламными проспектами. Достав из кармана пачку купюр, я отсчитал тридцать шесть долларов. Бросил их на столик. Заполнил карточку. Записал себя как Роско Финлея.

— Двенадцатый номер, — сказал администратор и протянул ключ.

Схватив с полки схему, я выскочил из конторы. Пробежал по коридору до двенадцатого номера. Вошел и запер за собой дверь. Я не стал осматривать номер. Лишь убедился, что в нем есть телефон и справочник. Я лег на кровать и развернул схему. Раскрыл телефонный справочник на букве "О". Отели.

Список оказался огромным. В Огасте сотни мест, где можно за деньги снять койку на ночь. Поэтому я обратился к схеме. Сосредоточился на полоске длиной полмили и шириной четыре квартала по обе стороны от шоссе, входящего в город с запада. Это была зона поисков. Затем я отсек отели, стоящие прямо на шоссе. Отсек те, до которых было больше двух кварталов. Сосредоточил внимание на том, что находилось в промежутке от четверти до половины мили от шоссе. Получился неровный квадрат со стороной четверть мили. Положив рядом справочник, я составил список.

Восемнадцать отелей. Одним из них был тот самый, в котором я сейчас лежал. Поэтому я снял трубку и набрал цифру ноль. Мне ответил администратор.

— У вас остановился Пол Леннон? — спросил я.

Последовала пауза. Он листал карточки.

— Леннон? Нет, сэр.

— Извините.

Я положил трубку. Сделал глубокий вдох, собираясь с силами. Взял список. Позвонил в первый отель.

— У вас остановился Пол Леннон?

Пауза.

— Нет, сэр.

Я стал двигаться вниз по списку. Звонил в один отель за другим.

— У вас остановился Пол Леннон? — спрашивал я.

Следовала пауза, в течение которой администратор проверял карточки. Иногда я слышал шелест страниц. Кое-где стояли компьютеры, и я слышал стук клавиш.

— Нет, сэр, — следовал неизменный ответ.

Я лежал на кровати, поставив телефон на грудь. Я уже дошел до номера тринадцать в списке из восемнадцати отелей.

— У вас остановился Пол Леннон? — спросил я.

Пауза. Шелест страниц.

— Нет, сэр, — ответил тринадцатый администратор.

— Извините, — сказал я.

Положил трубку.

Сняв ее снова, я набрал номер четырнадцатого отеля. Он был занят. Поэтому я нажал на рычажки и набрал номер пятнадцатого отеля.

— У вас остановился Пол Леннон?

Пауза.

— Номер сто двадцать, — ответил пятнадцатый администратор.

— Благодарю вас.

Я положил трубку. Откинулся на кровать. Закрыл глаза. Выдохнул. Поставил телефон на ночной столик и сверился со схемой. Пятнадцатый отель находился в трех кварталах от того места, где я сейчас был. К северу от шоссе. Оставив ключи от номера на кровати, я вышел к машине. Двигатель еще был теплым. Я пробыл в номере около двадцати пяти минут.

Мне пришлось проехать три квартала на восток, прежде чем я смог сделать левый поворот. Затем три квартала на север, прежде чем я смог сделать другой. Я двигался по ломаной спирали. Наконец я нашел пятнадцатый отель и остановился у входа. Зашел в вестибюль. Заведение оказалось довольно убогим: грязным, тускло освещенным, похожим на пещеру.

— Я могу быть вам чем-нибудь полезным? — спросил администратор.

— Нет.

Я прошел по стрелке по узкому коридору. Нашел номер сто двадцать. Постучал в дверь. Загремела цепочка. Я не двигался с места. Дверь приоткрылась.

— Привет, Ричер.

— Привет, Хаббл.

Ему хотелось засыпать меня вопросами, но я молча потащил его к машине. На вопросы и ответы у нас были четыре часа дороги. Нам нужно было трогаться в путь. Я на два часа опережал график. Мне хотелось, чтобы так было и дальше. Я собирался положить эти два часа в банк. Возможно, они понадобятся мне позже.

Хаббл держался неплохо. Он не рассыпался на части. Шесть дней он провел в бегах, и это пошло ему на пользу. Помогло избавиться от самодовольного лоска. Сделало его более жилистым и упругим. Ближе к тому типу, который предпочитал я. На нем была одежда из дешевого универмага и носки. Он был в старых очках в простой стальной оправе. Электронные часы стоимостью семь долларов прикрывали полоску бледной кожи на том месте, где был «Ролекс». В целом Хаббл напоминал водопроводчика или владельца небольшого магазинчика.

Вещей у него не было. Он путешествовал налегке. Окинув взглядом свой номер, Хаббл вышел следом за мной. Казалось, он не мог поверить, что его бродячая жизнь закончилась. Он будет по ней тосковать. Мы прошли через темный вестибюль и оказались на улице. Хаббл остановился, увидев стоящую у входа машину.

— Ты приехал в машине Чарли?

— Она очень тревожится. Попросила меня найти тебя.

Он кивнул. Недоуменно посмотрел на «Бентли».

— А почему стекла тонированные?

Улыбнувшись, я пожал плечами.

— Не спрашивай. Долгая история.

Я завел двигатель и отъехал от отеля. Хаббла подмывало спросить у меня, что с Чарли, но что-то его беспокоило. Я отметил, что как только он приоткрыл дверь своего номера, его захлестнула волна облегчения. Но Хаббл сдержался. Это был вопрос честолюбия. Он пустился в бега и спрятался. Ему казалось, это получается у него хорошо. Но он ошибался, потому что я его нашел. И сейчас это не выходило у него из головы. Хаббл испытывал одновременно облегчение и разочарование.

— Черт возьми, как ты меня нашел? — наконец спросил он.

Я пожал плечами.

— Без труда. У меня большой опыт. Я несколько лет ловил дезертиров.

Я петлял по улицам, пробираясь к шоссе. Впереди виднелся поток огоньков, текущих на запад, но развязка оставалась недоступной наградой в центре лабиринта. Я выписывал в обратную сторону ту же самую ломаную спираль, которую уже прошел, въезжая в город.

— И все же, как тебе это удалось? — не унимался Хаббл. — Я ведь мог быть где угодно.

— Нет, не мог. В этом-то все дело, и это облегчило поиски. У тебя не было ни кредитных карточек, ни водительских прав, ни документов. Только наличные деньги. Поэтому ты не мог сесть на самолет и взять машину напрокат. Ты вынужден был пользоваться одними автобусами.

Наконец я добрался до развязки. Вцепился в рулевое колесо, сосредоточившись на том, чтобы перестраиваться из ряда в ряд. Нажал на педаль, вливаясь в поток машин, направляющихся в Атланту.

— Это стало отправной точкой, — продолжал я. — Затем я влез в твою шкуру — психологически. Ты ужасно переживал из-за своей семьи. Поэтому я предположил, что ты будешь кружить вокруг Маргрейва, оставаясь от него на некотором удалении. Таким образом, ты сознательно или подсознательно чувствовал бы связь с родными. Ты доехал на такси до автовокзала Атланты, верно?

— Верно, — подтвердил Хаббл. — Первым оттуда отходил автобус до Мемфиса, но я подождал следующего. Мемфис слишком далеко. Я не хотел уезжать так далеко.

— Это все здорово упростило, — сказал я. — Ты кружил вокруг Маргрейва. Не приближался и не удалялся. Против часовой стрелки. Если предоставить человеку свободу выбора, он всегда будет двигаться против часовой стрелки. Это вселенская истина, Хаббл. Так что мне достаточно было считать дни, смотреть на карту и прикидывать, какой скачок ты совершишь. По моим подсчетам, в понедельник ты был в Бирмингеме, штат Алабама. Во вторник в Монтгомери, в среду в Коламбусе. С четвергом у меня возникли проблемы. В конце концов, я остановился на Мейконе, хотя это слишком близко к Маргрейву.

Он кивнул.

— Четверг был настоящим кошмаром, — признался он. — Я остановился в Мейконе, в какой-то ужасной дыре, и всю ночь не смог сомкнуть глаз.

— Так что утром в пятницу ты очутился здесь, в Огасте, — продолжал я.

— Второй раз я рискнул по-крупному, предположив, что ты проведешь здесь две ночи. Я решил, что Мейкон выбил тебя из колеи, вымотал все силы. Если честно, полной уверенности не было. Я едва не отправился в Гринвилль, штат Южная Каролина. Но, как выяснилось, я все же сделал правильное предположение.

Хаббл умолк. Он мнил себя невидимым, но на самом деле он кружил вокруг Маргрейва, словно это был маяк, озарявший ночное небо.

— Но я назвался вымышленным именем, — наконец сказал он. С вызовом.

— Ты использовал пять вымышленных имен, — поправил я. — Пять ночей, пять отелей, пять вымышленных имен. В действительности пятое имя совпало с первым, так?

Он был поражен. Подумав, неуверенно кивнул.

— Черт побери, как ты догадался?

— Мне приходилось выслеживать самых разных людей, а о тебе я кое-что знал.

— Что?

— Ты одержим «Битлз». Ты сам говорил мне о центре «Дакота» и Ливерпуле. Дома у тебя есть все мыслимые компакт-диски «Битлз». Так что в первый вечер ты зашел в какой-то отель и назвался Полом Ленноном, верно?

— Верно.

— Не Джоном Ленноном, — продолжал я. — Как правило, со своим именем человек предпочитает не расставаться. Вот так ты стал Полом Ленноном. Во вторник ты был Полом Маккартни. В среду Полом Харрисоном. В четверг Полом Старром. В пятницу, в Огасте ты начал круг заново и снова стал Полом Ленноном, так?

— Так, — уныло подтвердил Хаббл. — Но ведь в Огасте миллион отелей. Здесь часто проходят спортивные состязания, устраиваются всевозможные съезды. Проклятие, как ты узнал, где меня искать?

— Я долго думал над этим. Ты попал сюда в пятницу утром, приехал с запада. Такие люди как ты обычно возвращаются пешком назад, по тем местам, которые только что видели. Им кажется, что так безопаснее. Ты провел в автобусе четыре часа, у тебя затекли все мышцы, ты хотел подышать свежим воздухом, так что некоторое время ты шел — где-то с четверть мили. Затем вдруг запаниковал и свернул с шоссе. Прошел квартал или два. Так что на самом деле зона поисков была достаточно небольшой. Восемнадцать отелей. Ты оказался в пятнадцатом по счету.

Хаббл покачал головой. Его одолевали противоречивые чувства. Мы неслись по темному шоссе. Огромный старый «Бентли» пожирал расстояние, чуть превышая максимально допустимую скорость.

— Как сейчас обстоят дела в Маргрейве? — наконец спросил Хаббл.

Это был очень общий вопрос. Хаббл задал его осторожно, опасаясь услышать ответ. Я задумался, что ему сказать. Чуть сбросил скорость. На тот случай, если он потеряет выдержку и бросится на меня. Я не хотел разбивать машину. У меня не было на это времени.

— Мы по уши в дерьме, — наконец сказал я. — У нас около семи часов, чтобы из него выбраться.

Худшее я оставил напоследок. Я сказал, что в понедельник Чарли с детьми забрал агент ФБР. Так как им угрожала опасность. Затем я добавил, что фамилия этого агента Пикард.

В машине наступила мертвая тишина. Так продолжалось три-четыре мили. Это было даже нечто больше, чем тишина. Это был убийственный вакуум молчания. Как будто с нашей планеты сорвало всю атмосферу. Эта тишина ревела и гудела у меня в ушах.

Затем Хаббл начал сжимать и разжимать кулаки. Качаться взад-вперед на большом кожаном сиденье. Но он молчал. Никак не реагировал. Его сознание просто закрылось в раковине, отказываясь что-либо воспринимать. Словно щелкнул выключатель, разорвавший электрическую цепь. Новость была слишком огромной и страшной. Хаббл просто молча смотрел на меня.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Значит, ты должен их вернуть, так?

Я снова прибавил скорость. Помчался к Атланте.

— Я их верну, — сказал я. — Но мне нужна твоя помощь. Вот почему я тебя разыскал.

Он кивнул. Словно пробил барьер. Перестал беспокоиться и начал расслабляться. Он находился на том ровном плато, где человек просто делает то, что от него требуется. Я знал это место. Мне самому приходилось там бывать.

В двадцати милях от Огасты мы увидели впереди включенные мигалки и фонари регулировщиков, указывающих на объезд. На встречной полосе произошла авария. Грузовик врезался в стоящий на обочине седан. Повсюду стояли в беспорядке другие машины. Весь асфальт был усеян какими-то обрывками. Люди ползали по шоссе, собирая их. Мы медленно проехали мимо. Хаббл сидел, уставившись в окно.

— Я очень сожалею по поводу твоего брата, — сказал он. — Я ничего не знал. Наверное, он был убит из-за меня, да?

Он поник. Но мне было нужно, чтобы он продолжал говорить. Он должен держать себя в руках. Поэтому я задал ему вопрос. Я ждал целую неделю, чтобы его задать.

— Черт побери, а ты как в это вляпался?

Хаббл пожал плечами. Шумно вздохнул. Как будто сам не мог поверить, что это с ним случилось. Как будто не представлял себе, что могло быть иначе.

— Я потерял работу, — начал он. Простая констатация. — Я был на грани отчаяния. Озлоблен и расстроен. И напуган, Ричер. Понимаешь, мы жили как в сказке. Золотая мечта. Идиллия. Я зарабатывал кучу денег и тратил кучу денег. Все было просто великолепно. Но вдруг до меня начали доходить слухи. Операции с наличностью оказались под угрозой. К работе моего отдела стали присматриваться внимательнее. Я вдруг понял, что от катастрофы меня отделяет только одна выплата. И вот мой отдел закрыли. Меня выставили за дверь. Поток чеков с зарплатой иссяк.

— И? — спросил я.

— Я был сам не свой. Бесился от злости. Я столько горбатился на этих ублюдков! Я прекрасно знал свое дело. Я приносил своему банку огромную прибыль. Вдруг меня просто отшвырнули, словно кусок дерьма, прилипший к ботинку. И еще я до смерти перепугался Всему тому, к чему я привык, должен был прийти конец. Я устал. Не хотел начинать на новом месте с самого начала. Я уже слишком стар, у меня нет сил. Я просто не знал, что делать дальше.

— Тут подвернулся Клинер?

Хаббл кивнул. Побледнел.

— Он каким-то образом проведал о том, что со мной случилось. Наверное, ему рассказал Тил. Тил знает всё обо всех. Через пару дней мне позвонил Клинер. Я даже не успел ни о чем рассказать Чарли. Не мог решиться. Клинер предложил встретиться с ним в аэропорту. Он как раз прилетел на своем личном самолете из Венесуэлы. Мы слетали пообедать на Багамы. Если честно, я был очень польщен.

— И?

— Клинер обхаживал меня как мог. Сказал, что хочет помочь мне выбраться из ямы. Предложил плюнуть на банки и заняться настоящим делом, за настоящие деньги. Вместе с ним. Я тогда о нем почти ничего не знал. Конечно, мне было известно про фонд и про то, что у него есть деньги, но лично мы с ним еще не встречались. Судя по всему, он был удачливым предпринимателем. Очень умным. И вот, мы сидим в его личном реактивном самолете, он предлагает мне работать вместе с ним. Не на него, а вместе с ним. Я был польщен, я был в отчаянии, я переживал за будущее. Поэтому я согласился.

— Ну, а потом? — спросил я.

— Клинер перезвонил на следующий день. Сказал, что присылает за мной самолет. Мне предстояло лететь в Венесуэлу и встретиться с Клинером на его заводе. Я так и поступил. Пробыл там всего один день.

Ничего не увидел. Потом Клинер отвез меня в Джексонвилль. Неделю я провел в конторе. А потом было слишком поздно. Я не мог выпутаться.

— Почему?

— Эта неделя стала кошмаром, — сказал Хаббл. — Кажется, срок такой короткий, да? Всего неделя. Клинер хорошо поработал надо мной. Первый день сплошная лесть и искушение. Он обещал мне огромный оклад, премии, все, что я захочу. Мы ходили в клубы и рестораны, Клинер просто сорил деньгами. Во вторник я приступил к работе. Сама работа стала для меня вызовом. Она оказалась необычайно трудной после того, чем я занимался в банке. Очень специализированной. Разумеется, Клинеру были нужны наличные, но только однодолларовые купюры. Ничего кроме однушек. Я понятия не имел, зачем. И еще, Клинер требовал отчетность. Очень строгую. Но я с этим справился. А как босс Клинер был очень мягкий. Не давил, не приставал. В общем, никаких проблем. Проблемы начались в среду.

— Какие?

— В среду я спросил у Клинера, в чем дело. И он мне все рассказал. Рассказал, чем именно занимается. И добавил, что теперь я тоже этим занимаюсь. Стал соучастником. И должен молчать. В четверг мне стало плохо. Я не мог поверить в то, что со мной происходит. Сказал Клинеру, что хочу выйти из игры. Тогда он отвез меня в какое-то жуткое место. Там был его сын. С ним были двое латиноамериканцев. И еще один человек, посаженный на цепь. Клинер объяснил, что этот человек попытался его предать. Предложил мне смотреть очень внимательно. Потом сын Клинера избил этого человека, превратив его в месиво. Прямо у меня на глазах. А затем латиноамериканцы достали ножи и разрезали беднягу на части. Вся комната была забрызгана кровью. Это было ужасно. Я не мог поверить своим глазам. Меня рвало.

— Продолжай.

— Какой-то кошмар, — сказал Хаббл. — Ночью я не мог заснуть. Мне казалось, я больше никогда не смогу спокойно спать. В пятницу утром мы полетели домой. Мы с Клинером сидели рядом в его маленьком самолете, и он предупредил меня, что со мной произойдет. Пригрозил, что расправятся не только со мной, но и с Чарли. Он обсуждал со мной, какой сосок отрезать первым. Левый или правый. А затем, когда нас уже не будет в живых, с кого из детей начать? С Люси или Бена? Это был просто кошмар. Клинер сказал, что меня прибьют гвоздями к стене. Я обделался от страха. Когда мы приземлились, Клинер позвонил Чарли и настоял на том, чтобы придти поужинать в гости. Он ей сказал, что теперь мы работаем вместе. Чарли очень обрадовалась, потому что Клинер такая большая шишка в нашем округе. Полный кошмар, потому что я был вынужден притворяться, будто все в порядке. Я даже не сказал

Чарли, что меня выгнали с работы. А этот ублюдок весь вечер любезничал с Чарли и детьми и улыбался мне.

Мы умолкли. Я снова обогнул юго-восточные пригороды Атланты, ища поворот на шоссе на юг. Мерцающие огни большого города остались справа от нас. Слева темнели просторные поля сельскохозяйственного юго-востока. Отыскав автостраду, я помчался на юг. К одной маленькой точке в этой черной пустоте.

— Что потом? — спросил я.

— Я начал работать на складе, — сказал Хаббл. — Именно там я был больше всего нужен Клинеру.

— Чем ты занимался?

— Разбирал приходящие деньги. У меня был небольшой кабинет, я упорядочивал однодолларовые бумажки, после чего наблюдал за погрузкой и отправкой.

— Шофером был Шерман Столлер? — уточнил я.

— Он самый. Ему доверяли ездить во Флориду. Я раз в неделю отправлял с ним миллион купюр. Иногда, когда у Шермана был выходной, это поручали одному из охранников. Но, как правило, возил деньги он сам. Он же помогал мне нагружать коробки. Нам приходилось работать как сумасшедшим. Миллион долларов однушками — впечатляющее зрелище. Ты даже представить себе не можешь. Это все равно, что пытаться вычерпать воду из бассейна половником.

— Но Шерман крал деньги, правда?

Хаббл кивнул. В отсвете от приборной панели я увидел, как блеснула стальная оправа его очков.

— В Венесуэле деньги тщательно пересчитывали, — подтвердил он. — Примерно через месяц я получал итоговые цифры. С их помощью я проверял формулу, по которой определял количество купюр через их вес. Много раз недоставало около ста тысяч. Такую ошибку я совершить не мог. Суммы сравнительно небольшие, потому что в год мы делали безупречных фальшивок на четыре миллиарда, так что кому какое дело до подобных мелочей? Но каждый раз пропадала целая коробка. Отклонение чересчур большое, и в конце концов я пришел к выводу, что Шерман время от времени крадет по коробке.

— И?

— Я его предупредил, — продолжал Хаббл. — Я хочу сказать, я не собирался никому про это говорить. Я просто попросил Столлера быть осторожнее, потому что если Клинер узнает о воровстве, он его убьет.

Заодно и у меня могли возникнуть неприятности. Я и так переживал по поводу того, чем вынужден заниматься. Это было какое-то безумие. Клинер ввозил в страну море фальшивок. Не мог удержаться. На мой взгляд, это делало аферу чересчур заметной. Тил разбрасывал фальшивки словно конфетти, обустраивая город.

— А как насчет последних двенадцати месяцев? — спросил я.

Пожав плечами, Хаббл покачал головой.

— Нам пришлось прекратить отправку. Этому положила конец операция береговой охраны. Клинер решил наращивать запасы. По его расчетам, операция не могла продлиться долго. Он знал, что у береговой охраны нет средств. Но операция все не сворачивалась. Это был ужасный год. Напряжение нарастало. А когда береговая охрана все же сдалась, нас это застигло врасплох. Клинер полагал, операция продлится минимум до ноября, до президентских выборов. И мы оказались не готовы к отправке. Совсем не готовы. Деньги просто свалены огромной кучей. Они еще не уложены в коробки.

— Когда ты связался с Джо?

— С Джо? Так звали твоего брата? Я знал его как Поло.

Я кивнул.

— Пало. Место, где он родился. Городок на Лейте — это один из Филиппинских островов. Больница была переоборудована из бывшего собора. В семь лет мне там делали прививки от малярии.

Хаббл немного помолчал, словно желая почтить память моего брата.

— Я позвонил в казначейство около года назад, — сказал он. — Я не знал, с кем еще связываться. Не мог обратиться в полицию из-за Моррисона, не мог обратиться в ФБР из-за Пикарда. Поэтому я позвонил в Вашингтон и, в конце концов, попал на человека, назвавшегося Поло. Он оказался очень умным и хитрым. Я думал, ему удастся положить этому конец. Я понимал, лучше всего нанести удар сейчас, пока Клинер сидит на горе денег. Когда против него море улик.

Увидев знак заправки, я молниеносно принял решение и свернул с автострады. Хаббл наполнил бак. Отыскав в мусорном баке пустую пластиковую бутылку, я попросил его наполнить и ее.

— Это еще зачем? — спросил он.

Я пожал плечами.

— Мало ли что.

Хаббл не стал расспрашивать дальше. Расплатившись, мы выехали на шоссе. Поехали дальше на юг. До Маргрейва оставалось полчаса езды. Приближалась полночь.

— Что заставило тебя в понедельник податься в бега? — спросил я.

— Мне позвонил Клинер. Сказал, чтобы я оставался дома. Сказал, что за мной придут двое. Я спросил, в чем дело, а он ответил, что во Флориде возникла какая-то проблема, и мне придется с ней разбираться.

— Ну?

— Я ему не поверил, — продолжал Хаббл. — Как только Клинер упомянул про двоих, я вспомнил, что произошло в Джексонвилле в самую первую неделю. Я испугался. Вызвал такси и смылся.

— Ты правильно поступил, Хаббл, — заверил его я. — Ты спас свою жизнь.

— Знаешь что?

Я вопросительно взглянул на него.

— Если бы Клинер сказал, что за мной придет человек, я бы не обратил внимания. Понимаешь, если бы он сказал: «Оставайся дома, за тобой придет человек», я бы купился. Но он упомянул двоих.

— Он совершил ошибку, — согласился я.

— Знаю, но никак не могу в это поверить. Клинер никогда не ошибается.

Я покачал головой. Усмехнулся в темноту.

— Он совершил ошибку в прошлый четверг.

Большие хромированные часы на приборной панели «Бентли» показывали ровно полночь. Мне было нужно завершить все к пяти утра. Значит, у меня в запасе остается пять часов. Если все пойдет хорошо, это гораздо больше, чем мне требуется. Если же я все испорчу, то не имеет значения, было у меня пять часов, пять дней или пять лет. В таких делах дается только одна попытка. Пришел и победил. В армии мы говорили так: «сделать один раз и так как надо». Сейчас я хотел добавить: сделать быстро.

— Хаббл, — окликнул я своего спутника. — Мне нужна твоя помощь.

Очнувшись от размышлений, он повернулся ко мне.

— Что я должен сделать?

Я говорил в течение последних десяти минут езды по автостраде. Повторял снова и снова, до тех пор, пока Хаббл все твердо не запомнил.

Я свернул с автострады в том месте, где она встречается с шоссе на Маргрейв. Пронесся мимо складов и дальше четырнадцать миль до города. Сбавил скорость, проезжая мимо полицейского участка. Там было тихо, свет нигде не горел. Стоящая рядом пожарная часть так же выглядела покинутой. Весь город казался притихшим и пустынным. Единственный огонек горел в парикмахерской.

Я свернул направо на Бекман-драйв и поднялся в гору к дому Хаббла. Повернул у знакомого белого почтового ящика и закрутил рулевое колесо по изгибам дорожки. Остановился у двери.

— Ключи от моей машины в доме, — сказал Хаббл.

— Дверь открыта.

Он поднялся на крыльцо. Осторожно толкнул пальцем выломанную дверь так, словно она могла быть заминирована. Я проводил его взглядом. Через минуту Хаббл снова вышел на улицу. У него в руке были ключи, но он не направился прямо в гараж. Он подошел ко мне.

— Там внутри полный разгром. Что здесь было?

— Я устроил у тебя дома западню, — объяснил я. — Четыре типа топтались по всем комнатам, разыскивая меня. А в ту ночь шел сильный дождь.

Нагнувшись, Хаббл пристально посмотрел на меня.

— Те самые? Я хочу сказать, те, кого прислал бы Клинер, если бы я проговорился?

Я кивнул.

— Они пришли со всем снаряжением.

Мне было видно лицо Хаббла в тусклом отсвете приборной панели. Его глаза были широко раскрыты, но он меня не видел. Он видел то, что столько времени снилось ему в кошмарных снах. Наконец Хаббл медленно кивнул. Протянул руку и пожал мне плечо. Не говоря ни слова. Затем развернулся и ушел. Я сидел в машине и недоумевал, как всего неделю назад мог ненавидеть этого парня.

Воспользовавшись передышкой, я перезарядил «Дезерт Игл». Заменил четыре патрона, израсходованные на шоссе под Огастой. Наконец Хаббл вывел из гаража свой темно-зеленый «Бентли». Двигатель был холодный, и из выхлопной трубы выходила струйка белого пара. Хаббл показал мне поднятый вверх большой палец. Я последовал за белым облачком по дорожке и вниз по Бекман-драйв. Наша величественная процессия проехала мимо церкви и свернула направо на Главную улицу.

Два роскошных старинных автомобиля, едущие друг за другом по спящему городу, готовые к сражению.

Хаббл остановился в сорока ярдах от здания полицейского участка. Свернул на обочину, как я ему и говорил. Погасил фары и стал ждать, не глуша двигатель. Я проехал мимо и поставил машину на самом дальнем месте от входа. Вышел, оставив все четыре двери открытыми. Достал из кармана большой пистолет. Ночной воздух был холодным, тишина стояла сокрушающая. Я отчетливо слышал шум двигателя машины Хаббла, стоявшей в сорока ярдах. Я снял «Дезерт Игл» с предохранителя, щелчок прозвучал оглушительно громко.

Подбежав к участку, я упал на землю. Прополз вперед так, чтобы можно было заглянуть под массивную стеклянную дверь. Всмотрелся и прислушался. Затаил дыхание. Я смотрел и слушал долго, чтобы быть полностью уверенным.

Затем я встал и поставил пистолет на предохранитель. Убрал его в карман. Произвел мысленные расчеты. Пожарная часть и полицейский участок находятся в трехстах ярдах от северного конца Главной улицы. Дальше по шоссе в восьмистах ярдах ресторан Ино. Я прикинул: самое раннее, к нам смогут прибыть через три минуты. Две минуты прийти в себя и одна на то, чтобы добежать до Главной улицы. Значит, у нас есть три минуты. Для полной гарантии делим это время пополам. Итого девяносто секунд, от начала до конца.

Выбежав на середину шоссе, я махнул рукой Хабблу. Его машина съехала с обочины, и я побежал к входу в пожарную часть. Остановился у широких красных ворот и стал ждать.

Хаббл развернул старый «Бентли» на узком шоссе. Поставил его прямо напротив ворот, задом ко мне. Вспыхнули огни заднего хода. Взревел двигатель, и большая старая машина понеслась задом на меня.

Она разгонялась до самого конца и врезалась в ворота пожарной части. Старый «Бентли» весил не меньше двух тонн, и без труда сорвал металлические створки с петель. Раздался страшный грохот и скрежет металла, звон разбитых задних фонарей и шум оторвавшегося заднего бампера, упавшего на бетон. Прежде чем Хаббл успел переключить передачу вперед и выехать из пробитой дыры, я залез в щель между воротами и косяком. Внутри было темно, но я без труда нашел то, что искал. Это было закреплено на борту пожарного грузовика, горизонтально, на уровне глаз. Огромные кусачки, длиной не меньше четырех футов. Сорвав их с крепежа, я бросился к выходу.

Как только Хаббл меня увидел, он описал широкую дугу. Зад «Бентли» был изуродован. Крышка багажника хлопала, жестяные листы были смяты и искорежены. Но машина выполнила свою задачу.

Развернувшись, Хаббл встал напротив двери полицейского участка. Задержался на мгновение и вдавил в пол педаль газа. Понесся на массивные стеклянные двери. На этот раз передом.

Старый «Бентли» пробил двери, разлетевшиеся дождем осколков, и врезался в стол сержанта. Протащил его в дежурное помещение и остановился. Я вбежал следом за ним. Финлей стоял в средней камере, застыв от шока. Он был прикован за левую руку к решетке, отделявшей его от последней камеры. У задней стены. Лучше не придумаешь.

Я убрал обломки стола, расчищая перед Хабблом дорогу. Махнул рукой. Он вывернул руль и сдал назад на освободившееся место. Я сдвинул к стенам столы в дежурном помещении, освобождая путь. Обернулся и подал знак.

Теперь передок машины был искорежен не меньше зада. Крышка капота вздыбилась, радиатор лопнул. Снизу вытекала зеленая жидкость, сверху со свистом вырывался пар. Фары были разбиты, бампер прижался к колесу. Но Хаббл делал свое дело. Он держал машину на тормозах, газуя на максимальных оборотах. Как я и сказал.

Машина задрожала, срываясь с тормозов. Она понеслась вперед на стоящего в средней камере Финлея. Врезалась в титановые прутья под углом и разорвала их пополам, словно топор, брошенный в штакетник. Капот «Бентли» взлетел вверх, лобовое стекло взорвалось. Искореженный металл громыхал и визжал. Хаббл затормозил в ярде от Финлея. Изуродованная машина застыла под громкое шипение пара. В воздух поднялось густое облако пыли. Нырнув сквозь образовавшееся отверстие в камеру, я схватил кусачками звено наручников, которыми Финлей был прикован к решетке. Надавил со всей силы на четырехфутовые ручки, перекусывая сталь. Вручив Финлею кусачки, я потащил его из камеры. Хаббл вылезал из «Бентли» через стекло. При ударе двери смялись и не открывались. Я помог Хабблу выбраться из машины, а затем сунул руку в салон и вырвал ключи из замка зажигания. Затем мы втроем пробежали через дежурное помещение, хрустя битым стеклом, и оказались на улице. Подбежали ко второму «Бентли» и попрыгали внутрь. Я завел двигатель и с ревом рванул со стоянки. Выскочил на шоссе и полетел к городу.

Финлей на свободе. От начала до конца прошло ровно девяносто секунд.

Глава 32

У северного конца Главной улицы я сбросил скорость и тихо покатился на юг по сонному городку. Мы все молчали. Хаббл лежал на заднем сиденье, приходя в себя. Финлей сидел рядом со мной, напряженно уставившись прямо перед собой. Все тяжело дышали. Мы попали в зону затишья, следующую за стремительной вспышкой опасности.

Часы на приборной панели показывали час ночи. Я собирался подождать до четырех утра. У меня особое отношение к этому времени. В армии мы называли его «временем КГБ». Говорят, русские чекисты предпочитали стучать в дверь своим жертвам именно в это время. В четыре часа утра. Якобы это позволяло им добиваться максимального успеха. В такое время у жертв обычно бывал упадок сил, и они не оказывали сопротивления. Мы сами время от времени проверяли это. Лично я неизменно добивался успеха. Так что я решил дождаться четырех утра, последний раз.

Последний квартал я петлял по переулкам за домами. Погасил фары и в темноте подкатил к парикмахерской. Заглушил двигатель. Финлей огляделся вокруг и пожал плечами. Визит в парикмахерскую в час ночи — не более сумасшедший поступок, чем въезд в здание на машине стоимостью сто тысяч долларов. Тем более это не сравнится с десятью часами, проведенными взаперти в клетке по воле безумца. После двадцати лет в Бостоне и шести месяцев в Маргрейве Финлей больше ничему не удивлялся.

Хаббл, сидевший сзади, наклонился к нам. Он никак не мог прийти в себя. Ему пришлось трижды сознательно наезжать на препятствия. Столкновения покрыли его синяками и ссадинами и лишили сил. Ему требовалось много мужества, чтобы давить на педаль, направляясь на одну твердую преграду за другой. Хаббл выдержал. На такое, способен далеко не каждый. Однако теперь настало время расплаты. Я выскочил из машины и подал знак Хабблу. Он присоединился ко мне. Остановился, немного пошатываясь.

— Ты как? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Кажется, я ушиб колено, и шея чертовски болит.

— Походи, разомнись. Не стой на месте.

Я прошелся вместе с ним по темному переулку. Десять шагов туда и десять обратно, несколько раз. Хаббл прихрамывал на левую ногу. Вероятно, дверь вмяло внутрь, и она придавила ему колено. Он крутил головой, разминая затекшие мышцы шеи.

— Ну как, полегче? — спросил я.

Хаббл улыбнулся и тотчас поморщился. Хрустнул выбитый сустав.

— Ничего, жить буду, — усмехнулся он.

К нам присоединился Финлей. Он тоже никак не мог отойти. Потягиваясь, подошел к нам. Улыбнулся.

— Отлично сработано, Ричер. А я гадал, как, черт побери, ты собираешься меня вытаскивать. Что случилось с Пикардом?

Я сложил из пальцев пистолет, так это делают дети. Финлей кивнул. Он слишком устал, чтобы обсуждать это сейчас. Я пожал ему руку. Посчитал, что обязан это сделать. Затем развернулся и тихо постучал в дверь черного входа парикмахерской. Она сразу отворилась. За ней стоял старший из двоих стариков. Казалось, он нас ждал. Он распахнул дверь, словно дворецкий из старых времен. Пригласил нас войти. Мы по одному прошли через коридор в кладовку. Остановились перед полками, заваленными горами косметических средств. Сморщенный старый негр посмотрел на нас.

— Нам нужна ваша помощь, — сказал я.

Он пожал плечами. Поднял руку цвета красного дерева, приглашая подождать. Шаркая ногами, прошел в зал и вернулся уже со своим напарником. С тем, который моложе. Негры принялись обсуждать мою просьбу громким хриплым шепотом.

— Наверх, — наконец сказал тот, что моложе.

Мы поднялись по узкой лестнице. Прошли в жилые помещения, расположенные над парикмахерской. Старики-негры провели нас в гостиную. Задернули шторы и зажгли две тусклые лампы. Предложили нам садиться. Помещение было маленьким и убого обставленным, но чистым. От него веяло уютом. Я подумал, что если у меня когда-нибудь будет своя комната, мне бы хотелось, чтобы она выглядела вот так. Мы сели. Младший из стариков остался с нами, а второй снова удалился, шаркая ногами. Закрыл за собой дверь. Мы переглянулись. Затем парикмахер подался вперед.

— Ребята, вы не первые, кто прячется у нас, — сказал он.

Финлей переглянулся с нами. По молчаливому согласию заговорил от нашего имени.

— Вот как?

— Нет, сэр, не первые, — заверил его парикмахер. — У нас много кто прятался. И не только ребята, но и девчата.

— А кто именно? — спросил Финлей.

— Да все кто угодно. У нас скрывались члены сельскохозяйственного профсоюза с арахисовых ферм. Девчата, боровшиеся за гражданские права во время регистрации избирателей. Ребята, не желавшие отправляться во Вьетнам. У нас перебывали все.

Финлей кивнул.

— А теперь пришли мы.

— У вас неприятности? — спросил старик.

— Крупные неприятности, — снова кивнул Финлей. — Грядут большие перемены.

— Мы их ждали, — сказал негр. — Давно ждали.

— Неужели? — удивился Финлей.

Кивнув, старый парикмахер поднялся с места. Подошел к большому комоду. Открыл дверцу и предложил заглянуть внутрь. Комод был глубокий, в нем было много полок. Все полки были заполнены деньгами. Кирпичиками банкнот, соединенных резинками. Комод был заполнен сверху донизу. Всего в нем лежало не меньше двухсот тысяч долларов.

— Деньги фонда Клинера, — пояснил старик. — Нам их просто бросали. Тут что-то не так. Мне семьдесят четыре года. Семьдесят лет все кому не лень мочились на меня. Теперь в меня бросают деньги. Тут что-то не так, верно? — Он закрыл дверцу. — Мы их не тратили. Просто складывали в комод. Вы воюете с фондом Клинера?

— Завтра никакого фонда Клинера больше не будет, — сказал я.

Старик молча кивнул. Посмотрел на закрытый комод и покачал головой. Вышел и оставил нас одних в небольшой уютной гостиной.

— Придется непросто, — сказал Финлей. — Нас трое и их трое. Они удерживают четверых заложников. В том числе двоих детей. Мы даже не знаем точно, где находятся заложники.

— На складе, — решительно заявил я. — Это точно. Где еще они могут быть? У Клинера не осталось людей, чтобы содержать их где-нибудь в другом месте. И ты слышал кассету. Обратил внимание на гулкое эхо? Это ангар, точно тебе говорю.

— Какую кассету? — встрепенулся Хаббл.

Финлей посмотрел на него.

— Роско заставили обратиться к Ричеру, — сказал он. — Эта кассета должна была доказать, что она действительно у них в руках.

— Роско? — спросил Хаббл. — А Чарли?

Финлей покачал головой.

— Только Роско, — солгал он.

Хаббл кивнул. Я мысленно отметил: «Умный ход, выпускник Гарварда». Мысль о том, что Чарли держали перед микрофоном, приставив нож к горлу, могла столкнуть Хаббла с обрыва. С плато вниз, в пропасть, где от него не будет никакого толку.

— Они на складе, — повторил я. — Несомненно.

Хаббл знал склад достаточно хорошо. Он проработал там почти полтора года. Поэтому мы насели на него, заставив подробнейшим образом описать склад изнутри. Отыскав бумагу и карандаш, попросили Хаббла нарисовать план. Мы снова и снова проверяли этот план, нанося на него двери, лестницы, расстояния, детали. У нас появился чертеж, которого не постеснялся бы и архитектор.

Ангар стоял последним в ряду из четырех таких же, на отдельной огороженной территории. От соседнего, где хранились удобрения, он был отделен проволочным забором. Между забором и стеной ангара с трудом мог пройти человек. Едоль остальных трех сторон проходил внешний забор, которым была обнесена вся территория складов. Сзади забор подступал к стене ангара довольно близко, но перед воротами мог спокойно развернуться грузовик.

Большие подъемные ворота занимали почти всю переднюю стену. В дальнем углу имелась небольшая дверь на уровне земли. Прямо за этой дверью находился механизм ворот. Слева начиналась открытая металлическая лестница, ведущая в кабинет. Сам кабинет находился в задней части просторного склада, приподнятый над землей футов на сорок. Для того чтобы наблюдать за происходящим на складе, в кабинете имелись большие окна, а спереди была небольшая площадка. В задней стене кабинета дверь, ведущая к пожарному выходу — открытому металлическому трапу, закрепленному снаружи на стене ангара.

— Так, — сказал я. — Кажется, все понятно.

Финлей пожал плечами.

— Меня беспокоит возможное подкрепление. Охранники у наружных ворот.

— Подкрепления не будет, — заверил его я. — Меня больше беспокоят ружья. Помещение большое, а в нем двое детей.

Финлей мрачно кивнул. Он понял, что я имею в виду. Ружье выбрасывает широкий конус свинца. Ружья и дети несовместимы. Мы умолкли. Времени было почти два часа ночи. Ждать осталось полтора часа. Мы тронемся в половине четвертого. Прибудем на место в четыре. Мое любимое время нападения.

Ожидание. Солдаты в окопе. Летчики перед вылетом. Мы молчали. Финлей задремал. Ему уже приходилось проходить через подобное. Вероятно, много раз. Он вытянулся на стуле, свесив левую руку. На запястье болтался перекушенный наручник, похожий на серебряный браслет.

Хаббл сидел неестественно выпрямившись. Для него это было впервые. Он суетился, сжигая энергию. Я не мог его в этом винить. Хаббл постоянно украдкой бросал на меня взгляды. В его глазах горели вопросы. Я молча пожимал плечами.

В половине третьего раздался стук в дверь. Тихое постукивание. Дверь приоткрылась. Вернулся старший из стариков. Он просунул в щель узловатый дрожащий палец, указывая прямо на меня.

— Сынок, кое-кто хочет с тобой встретиться, — сказал он.

Финлей, проснувшись, встрепенулся. Хаббл был перепуган. Я сделал знак оставаться на местах. Встал и достал из кармана пистолет. Щелкнул предохранителем. Старик, засуетившись, махнул рукой.

— Это тебе не понадобится, сынок. Совсем не понадобится.

Он сгорал от нетерпения. Кивнул, предлагая подойти к нему. Я убрал пистолет. Переглянувшись с остальными, пожал плечами и вышел вслед за стариком. Он провел меня в крохотную кухоньку. Там на табуретке сидела очень старая женщина. Такого же красновато-бурого цвета, тощая как палка. Она была похожа на старое дерево зимой.

— Это моя сестра, — сказал старик-парикмахер. — Вы ее разбудили своей болтовней.

Шагнув к старухе, он заговорил прямо ей в ухо.

— Вот тот парень, о котором я тебе рассказывал.

Подняв взгляд, старуха улыбнулась. Мне показалось, из-за туч выглянуло солнце. На мгновение, я увидел красоту, которой эта женщина обладала давным-давно. Она протянула руку, я ее пожал. Словно прикоснулся к тонким проволокам в мягкой, сухой перчатке. Старик-парикмахер оставил нас одних. Уходя, он задержался рядом со мной.

— Спроси ее о нем.

Он закрыл за собой дверь. Я не выпускал руку старухи. Присел рядом на корточки. Она не пыталась высвободить свою руку, лежавшую высохшей коричневой веточкой в моей лапе.

— Я плохо слышу, — сказала негритянка. — Тебе придется нагибаться к самому уху.

Я склонился к ней. От нее пахло как от высохшего цветка. Как от увядших лепестков.

— Так слышно? — спросил я.

— Хорошо слышно, сынок.

— Я спрашивал у вашего брата насчет Слепого Блейка.

— Знаю, сынок. Он мне говорил.

— Он сказал, вы его знали, — произнес я старухе прямо в ухо.

— Конечно, знала. И очень хорошо.

— Вы не расскажете о нем?

Она печально посмотрела на меня.

— А что рассказывать? Его уже так давно нет в живых.

— Каким он был?

Старуха не отрывала от меня взгляда. Ее глаза затуманились. Она вернулась назад в прошлое, на шестьдесят, семьдесят лет.

— Он был слепой.

Некоторое время она молчала. Ее губы беззвучно дрожали, на жилистом запястье сильно стучал пульс. Старуха повела головой, словно пытаясь услышать доносящиеся издалека слабые отголоски.

— Он был слепой, — повторила она. — Но он был замечательным парнем.

Ей было больше девяноста лет. Она была ровесницей двадцатого века. Поэтому она обратилась к тому времени, когда ей было лет двадцать-тридцать. Не к своему детству. Она вспоминала молодость. А Блейк был для нее замечательным парнем.

— Я пела, — продолжала старуха, — а он играл на гитаре. Знаешь, такое старое выражение: «он играл на гитаре, как будто звонил в колокольчик»? Вот так я говорила про Блейка. Он брал свой старый инструмент, и ноты извлекались быстрее, чем их можно было спеть. Каждая звучала маленьким серебряным колокольчиком, зависала в воздухе. Так мы играли и пели всю ночь. Утром я вела Блейка на лужайку, и мы садились под каким-нибудь старым тенистым деревом, снова пели и играли. Просто потому, что нам нравилось. Просто потому, что я умела петь, а он — играть на гитаре.

Старуха вполголоса промурлыкала пару нот. Ее голос оказался на октаву ниже, чем можно было ожидать. Она была такой тонкой и хрупкой, что я думал услышать высокое, срывающееся сопрано. Но старуха запела низким, грудным контральто. Я попытался вернуться вместе с ней в далекое прошлое и представил их с Блейком на зеленой лужайке. Сочный аромат полевых цветов, ленивое жужжание насекомых, а двое молодых людей сидят под деревом, поют и играют на гитаре, радуясь жизни. Исполняют те гневные, непокорные песни, за которые я так любил Блейка.

— Что с ним случилось? — спросил я. — Вы знаете?

Старуха кивнула.

— Это знают два человека на всем белом свете. Я одна из них.

— Вы мне не расскажете? В общем-то, я именно за этим и приехал сюда.

— Шестьдесят два года, — сказала она. — Шестьдесят два года я не говорила об этом ни одной живой душе.

— А мне вы расскажете?

Старуха кивнула. Печально. Ее старческие глаза затуманились слезами.

— Шестьдесят два года, — повторила она. — Ты первый, кто спросил меня об этом.

Я затаил дыхание. Ее губы дрожали, рука, зажатая в моей руке, тряслась.

— Он был слепой, но очень живой. Ты понимаешь, что я хочу сказать? Живой. Подвижный, жизнерадостный. Всегда улыбающийся. Энергия из него била ключом. Ходил быстро, говорил быстро, постоянно в движении, на лице все время обаятельная улыбка. Однажды мы вышли из клуба, здесь, в этом городе, и шли по тротуару, болтая и смеясь. На улице больше никого не было, кроме двух белых, шедших нам навстречу. Мужчина и мальчик. Увидев их, я соскочила с тротуара, как нам и предписывалось поступать. Встала в грязь, пропуская их. Но бедняга Блейк был слепой. Он их не увидел. Налетел на мальчишку. Мальчишке было лет десять-двенадцать. Блейк столкнул его с тротуара. Белый мальчишка ударился головой о камень и заорал благим матом. С ним был его папаша. Я его знала. В нашем городе он был большой важной шишкой. Мальчишка кричал, не умолкая. Требовал, чтобы его папаша наказал ниггера. Папаша вышел из себя и набросился на Блейка. Принялся колотить его своей палкой. С большим серебряным набалдашником. Он бил беднягу Блейка до тех пор, пока не раскроил ему голову словно лопнувший арбуз. Забил его до смерти. Затем он взял мальчишку и повернулся ко мне. Заставил набрать воды из корыта, из которого поили лошадей, и смыть с его трости волосы и мозги бедняги

Блейка. Приказал никому не говорить о случившемся, пообещав в противном случае убить и меня. Поэтому я спряталась и дождалась, пока прохожие нашли тело бедняги Блейка. Тогда я тоже стала голосить вместе со всеми. До сего дня я не обмолвилась об этом ни одной живой душе.

Большие слезинки, наворачиваясь на глаза, медленно стекали по высохшим щекам. Протянув руку, я осторожно вытер их. Взял старуху за обе руки.

— Кто был этот мальчишка?

— С тех пор я постоянно встречаюсь с ним. Каждый божий день я вижу его мерзкую ухмылку и вспоминаю беднягу Блейка, лежащего на земле с раскроенной головой.

— Кто он? — повторил я.

— Это произошло случайно. Бедняга Блейк был слепой. Он сбил мальчишку не нарочно. Тому незачем было так вопить. Он был уже достаточно взрослым. Он нарочно так кричал.

— Кто это был? — снова спросил я.

Повернувшись, старуха посмотрела мне прямо в глаза. Сказала тайну, которой было уже шестьдесят два года.

— Гровер Тил. Он вырос и стал мэром, как и его папаша. Мнит себя хозяином мира, но на самом деле он просто капризный мальчишка, из-за которого убили моего беднягу Блейка — просто так, потому что он был слепой и чернокожий.

Глава 33

Мы сели в черный «Бентли» Чарли, стоявший в переулке за парикмахерской. Все молчали. Я завел двигатель, развернулся и поехал на север, не зажигая фар, медленно. Большой темный седан катился в темноте, словно ночное животное, покинувшее логово. Словно большая черная субмарина, отходящая от причала и погружающаяся в ледяную воду. Я выехал из города и остановился, не доезжая до полицейского участка.

— Мне нужно оружие, — сказал Финлей.

Мы пробрались через развороченные входные двери. «Бентли» Хаббла стоял в дежурном помещении, неподвижно застыв в полумраке. Передние шины спустили, и машина осела на капот. Сильно пахло бензином. Наверное, бензобак оказался пробит. Крышка багажника вздыбилась вверх, так как весь зад был смят. Хаббл даже не взглянул на свою машину.

Финлей пробрался мимо искореженного "Бентли " в свой кабинет и скрылся внутри. Мы с Хабблом ждали среди груды осколков — все, что осталось от входных дверей. Появился Финлей с револьвером из нержавеющей стали и коробком спичек. Ухмыляющийся. Он махнул рукой, предлагая нам выйти на улицу, и чиркнул спичкой. Бросил ее в заднюю часть изуродованного зеленого «Бентли» и поспешил следом за нами.

— Отвлекающий маневр, — сказал он.

Выезжая со стоянки, мы увидели разгорающееся пламя. Ярко-голубые языки бежали по ковру волнами, накатывающимися на берег моря. Огонь охватил расщепленное дерево и покатился дальше, подпитываясь большим бензиновым пятном. Пламя сменило свой цвет на желтый и оранжевый; в дыру, образовавшуюся на месте входа, потянуло воздух. За считанные минуты занялось все здание. Усмехнувшись, я поехал по шоссе.

Большую часть пути я ехал с включенными фарами. Ехал быстро. На это ушло минут двенадцать. За четверть мили до места назначения я погасил фары. Съехал с дороги. Развернул машину передом на юг, к городу. Оставил двери незапертыми. Ключ в замке зажигания.

Хаббл взял большие кусачки. Финлей проверил револьвер, захваченный из участка. Пошарив под сиденьем, я нашел пластиковую бутылку, наполненную бензином. Сунул в карман к дубинке. Бутылка была тяжелая. Оттянула куртку вправо. «Дезерт Игл» оказался чуть ли не на груди. Финлей дал мне спички. Я положил их в другой карман.

Мы постояли на обочине. Переглянулись. Направились прямо через поле к расщепленному дереву. Его силуэт четко вырисовывался в свете луны. Нам потребовалось две минуты, чтобы добраться до него. Мы неслышно ступали по влажной земле. Остановились рядом с изувеченным стволом. Я забрал кусачки у Хаббла, мы снова переглянулись и направились к проволочному ограждению, проходившему вдоль задней стены склада. Времени было без десяти четыре. С тех пор как мы покинули горящий полицейский участок, никто не произнес ни слова.

От дерева до ограждения было семьдесят пять ярдов. Это заняло у нас минуту. Мы остановились у пожарной лестницы, прямо напротив того места, где она была вмурована в бетонную отмостку, проходящую вдоль всего ангара. Финлей и Хаббл схватили проволоку, натягивая ее, а я последовательно перекусил все звенья. Сталь поддавалась легко, словно мягкие корешки. Я вырезал большой кусок, семь футов в высоту, до того места, где начиналась колючая проволока, и футов восемь в ширину.

Мы шагнули в дыру. Подошли к лестнице. Остановились. Изнутри доносились какие-то звуки. Шаги и шорох, приглушенные эхом огромного пустого помещения. Я набрал полную грудь воздуха. Подал остальным знак прижаться к металлической стене. Я до сих пор не знал, есть ли охранник на улице. Нутром я чувствовал, что подкрепления не будет. Но Финлей опасался по этому поводу. А я уже давно научился прислушиваться к таким людям, как Финлей.

Поэтому я приказал остальным стоять на месте, а сам осторожно заглянул за угол громадного сооружения. Пригнувшись, уронил с высоты в фут кусачки на бетон. Они произвели именно тот шум, какой был мне нужен. Как будто кто-то пытался проникнуть на охраняемую территорию. Зажав дубинку в правой руке, я прижался к стене и стал ждать.

Финлей был прав. Охранник на улице был. Но и я был прав. Подкрепление не пришло. Охранником оказался сержант Бейкер. Он обходил ангар снаружи. Я его сначала услышал, и лишь потом увидел. Я услышал сдавленное дыхание и шаги по бетону. Бейкер обогнул угол ангара и остановился в ярде от меня. Застыл, увидев кусачки. В руке он держал полицейский револьвер 38-го калибра. Посмотрев на кусачки, он скользнул взглядом по забору, нашел вырезанную секцию. Побежал к ней.

И встретил свою смерть. Я, что есть силы, огрел его по затылку дубинкой. Но Бейкер не упал. Он выронил револьвер. Описал круг на ватных ногах. Ко мне подскочил Финлей. Поймал Бейкера за горло. Казалось, фермер сворачивает шею цыпленку. У Финлея это получилось замечательно. На груди форменной рубашки у Бейкера до сих пор была бирка с фамилией. Первое, что я заметил девять дней назад. Мы опустили тело на отмостку. Подождали пять минут, тщательно прислушиваясь. Больше на улице никого не было.

Мы вернулись к Хабблу. Я снова набрал полную грудь воздуха. Подошел к пожарной лестнице. Начал подниматься, бесшумно наступая на каждую ступеньку. Лестница была сварена из стальных прутьев. Одно неуклюжее движение — и она зазвонит как колокол. Финлей поднимался следом за мной, держась правой рукой за поручень, сжимая в левой револьвер. Последним был Хаббл, от страха даже не дышавший.

Мы медленно ползли вверх. Нам потребовалось несколько минут, чтобы преодолеть сорок футов. Мы двигались очень осторожно. Наконец оказались на маленькой площадке наверху. Я прижал ухо к двери. Тишина. Никаких звуков. Хаббл достал связку ключей. Стиснул в руке, чтобы они не звенели. Выбрал нужный. Медленно вставил его в замок. Мы затаили дыхание. Хаббл повернул ключ. Щелкнул язычок. Дверь приоткрылась. Мы затаили дыхание. Тишина. Ничего. Хаббл медленно,

очень осторожно потянул дверь. Финлей принял ее у него, открывая дальше. Передал дверь мне. Я распахнул ее до конца, прижал к стене и припер бутылкой с бензином.

Из кабинета хлынул поток света, упавший на лестницу и отбросивший яркую полоску на ограду и землю. Изнутри ангар был освещен дуговыми лампами. Свет проникал в кабинет через большие окна. Я смог разглядеть все, что было внутри. От того, что я увидел, у меня остановилось сердце.

Я никогда не верил в везение. У меня не было на то причин. Никогда не полагался на везение. Но сейчас мне крупно повезло. Тридцать шесть лет невезения смылись одним прекрасным зрелищем. Боги сидели у меня на плече, радостными криками призывая идти вперед. Мне хватило одного взгляда, чтобы понять — я одержал победу.

Потому что на полу кабинета спали дети. Дети Хаббла: Бен и Люси. Лежа на пустых мешках. Спали крепко, разметавшись во сне, как могут спать только невинные дети. Они были грязные. На них была одежда, в которой они ходили в понедельник в школу. Они напоминали маленьких беспризорных с выцветшей фотографии старого Нью-Йорка, крепко спящих на полу. Четыре часа утра. Мой счастливый час.

Больше всего меня беспокоили дети. Именно они делали операцию неосуществимой. Я мысленно прокручивал это тысячи раз. Перебирал тысячи вариантов, пытаясь найти хоть что-нибудь удовлетворительное. Но я так ничего и не нашел. Конец всегда получался плохим. В штабном колледже это называлось «неудовлетворительным результатом». Раз за разом у меня выходило, что дети валяются распростертые на полу, изрешеченные выстрелами из ружья. Дети и ружья несовместимы. Я всегда представлял себе всех четырех заложников и два ружья в одном месте. Я мысленно видел объятых ужасом детей, кричащую Чарли, грохочущие «Итаки». Все рядом, в одном месте. Я так и не нашел никакого выхода. Если бы я мог отдать что-нибудь — все равно что — за то, чтобы дети мирно спали где-то отдельно, я отдал бы не задумываясь. Моя мечта сбылась. Это случилось. Восторг ревел у меня в ушах торжествующими трибунами переполненного стадиона.

Я повернулся к Хабблу и Финлею. Обхватил их за головы, привлекая к себе. Заговорил неслышным шепотом.

— Хаббл, бери девочку. Финлей, бери мальчишку. Зажмите им рты ладонью, чтобы не было ни звука. Отнесите их к дереву. Хаббл, потом ты отведешь их в машину. Оставайся с ними и жди. Финлей, ты возвращаешься сюда. Итак, за дело. Действуйте быстро и бесшумно.

Достав «Дезерт Игл», я снял его с предохранителя. Прижал запястье к дверной раме, держа под прицелом дверь в кабинет. Финлей и Хаббл

пробрались внутрь, делая все как нужно. Низко пригибаясь. Двигаясь неслышно. Они зажали ладонями маленькие рты. Подхватили детей на руки. Осторожно вернулись назад. Выпрямились и проскочили мимо дула моего огромного пистолета. Дети проснулись и начали вырываться. Уставились на меня широко открытыми глазами. Хаббл и Финлей вынесли их на площадку. Бесшумно спустились вниз. Я отступил от двери. Нашел точку, откуда мог прикрывать их. Они медленно спустились по пожарной лестнице вниз, подошли к отверстию в ограждении, выбрались наружу. Шагнули в яркое пятно света, выплеснувшееся на землю в сорока футах подо мной, и скрылись в темноте.

Я расслабился. Опустил пистолет. Прислушался. Услышал только слабый шелест, доносящийся из огромного металлического ангара. Я прокрался в кабинет. Прополз к окну. Медленно поднял голову и посмотрел вниз. Увидел зрелище, которое никогда не забуду.

Под крышей ангара горело не меньше сотни дуговых ламп. Внутри было светло как солнечным днем. Помещение было просторное. Футов сто в длину, футов восемьдесят в ширину. Высотой футов шестьдесят. Оно было завалено однодолларовыми купюрами. Огромный бархан бумажных денег занимал весь ангар. Банкноты были навалены у противоположной стены. Гора денег высотой пятьдесят футов. Огромный зеленый айсберг. У меня перехватило дыхание.

В дальнем конце ангара я увидел Тила. Он сидел на склоне бумажной горы, футах в десяти от основания, положив на колени ружье. На фоне зеленой горы Тил казался карликом. Ближе ко мне, футах в пятидесяти, я увидел старика Клине-ра, сидящего выше на склоне. Сидящего на сорока тоннах денег. Тоже с ружьем на коленях.

Ружья были направлены на Роско и Чарли. Две крошечные фигурки в сорока футах подо мной. Женщин заставили работать. Роско держала в руках большую лопату. Такую, какими на севере расчищают дорожки от снега. Роско подгребала кучи долларов к Чарли. Та насыпала их в картонные коробки и уминала граблями. Вдоль стены у женщин за спиной стоял ряд запечатанных коробок. Впереди возвышалась огромная куча. Женщины трудились далеко внизу подо мной, крошечные муравьи у подножия горы денег.

Я затаил дыхание, зачарованно глядя вниз. Зрелище было немыслимое. В дальней части ангара стоял черный пикап Клинера. Он въехал в ворота задом. Рядом стоял белый «Кадиллак» Тила. Обе машины немаленькие. Но рядом с горой денег они казались точками. Игрушками на песчаном берегу. Картина вызывала благоговейный трепет. Фантастическая сцена из сказки. Огромная подземная пещера с изумрудными копями, ярко освещенная сотней дуговых ламп. Далеко

внизу крошечные человеческие фигурки. Я не мог поверить своим глазам. Хаббл сказал, что миллион однушками — впечатляющее зрелище. Сейчас передо мной были сорок миллионов. Меня добила высота кучи. Гора уходила вверх. Была в десять раз выше двух крохотных фигурок, копошащихся внизу. Выше дома. Выше двух домов, поставленных один на другой. Это было невероятно. Огромный ангар был наполнен массой денег. Сорока миллионами настоящих однодолларовых купюр.

В движениях обеих женщин чувствовалось безразличие от крайней степени усталости. Так ведут себя солдаты, измученные долгим тяжелым маршем. Спят стоя, двигаются автоматически, в то время как их рассудок вопиет, требуя отдыха. Женщины насыпали охапки банкнотов из огромной кучи в ящики. Работа эта была безнадежной. Внезапное отступление береговой охраны застигло Клинера врасплох. Он оказался не готов. Склад был доверху набит деньгами. Роско и Чарли работали как рабыни. Тил и Клинер равнодушно наблюдали за ними. Как будто знали, что это конец пути. Огромная груда денег похоронит их. Поглотит, задушит.

Послышался слабый стук ног Финлея на пожарной лестнице. Я ползком вернулся назад, и мы встретились на площадке.

— Все в машине, — шепнул Финлей. — Что у нас здесь?

— Два ружья, готовые выстрелить, — прошептал я в ответ. — Роско и Чарли, похоже, в порядке.

Он посмотрел в сторону яркого света, откуда доносился слабый шум.

— Чем они там занимаются?

— Сходи и посмотри сам, — предложил я. — Но только приготовься, зрелище не для слабонервных.

Мы прокрались в кабинет. Подползли к окнам. Медленно приподняли головы. Финлей увидел внизу фантастическую картину. Его взгляд заметался по ангару и остановился на мне. У него перехватило дыхание.

— Господи!

Я кивком предложил ему вернуться назад. Мы выбрались на площадку над пожарной лестницей.

— Господи, — снова прошептал Финлей. — Ты можешь в это поверить?

Я покачал головами.

— Нет, не могу.

— Что будем делать?

Я поднял руку, предлагая ему подождать. Ползком вернулся назад и выглянул в окно. Осмотрел весь ангар. Посмотрел туда, где сидел Тил, посмотрел на дверь кабинета, оценил сектор обстрела Клинера, прикинул, где могут оказаться Роско и Чарли. Я рассчитывал углы и оценивал расстояния. И в результате пришел к одному определенному заключению. Проблема была чертовски сложной.

Старик Клинер был к нам ближе всего. Роско и Чарли находились между ним и Тилом. Самым опасным был Тил, потому что он занимал место в самой дальней части ангара. Как только я появлюсь на внутренней лестнице, все четверо посмотрят на меня. Клинер поднимет свое ружье. И Тил поднимет свое ружье. Они выстрелят в меня.

Клинеру ничто не мешало. Он поднимет ружье на шестьдесят градусов и будет стрелять как охотник на уток. Но от Тила меня будут отделять Роско и Чарли. Тил будет стрелять по относительно пологой траектории. Он и так взобрался на десять футов на склон горы денег. Возвышение тридцать футов на расстоянии ста футов. Пологий угол. Градусов пятнадцать-двадцать. А его «Итака» предназначена для того, чтобы покрывать гораздо больший угол. Обе женщины попадут под смертоносный поток свинца. Тил их убьет. Как только он увидит меня и выстрелит, Роско и Чарли умрут.

Я выполз из кабинета и присоединился к Финлею, ожидавшему на площадке. Нагнулся, поднял пластиковую бутылку с бензином. Наклонился к уху Финлея и объяснил ему, что делать. Мы пошептались, и он начал медленно спускаться по длинной металлической лестнице. Я вернулся в кабинет и осторожно положил «Дезерт Игл» на пол у внутренней двери, снятый с предохранителя. Подполз к окну. Приподнял голову и стал ждать.

Прошло три минуты. Я смотрел на ворота в противоположном конце ангара. Смотрел и ждал. Не отрывал взгляда от щели между низом створки и бетоном, прямо напротив меня. Смотрел и ждал. Прошло четыре минуты. Крошечные фигурки внизу продолжали суетиться под пристальным взглядом Тила. Клинер взобрался вверх по куче и столкнул ногой новый ручей купюр. Прошло пять минут. Клинер положил ружье. Он находился в тридцати футах от ружья, на вершине горы, уставившись на маленькую бумажную лавину, стекающую к ногам Роско. Прошло шесть минут. Семь.

Наконец я увидел темное пятно бензина, затекающее под ворота. Оно разлилось полукруглой лужицей. Продолжало увеличиваться. Достигло подножия громадного бархана долларов, в десяти футах ниже того места, где сидел Тил. Потекло дальше. Темное пятно на бетоне. Клинер

продолжал разгребать ногами кучу банкнотов. В сорока футах от Тила. В тридцати футах от своего ружья.

Я подполз к внутренней двери. Нажал на ручку. Убрал язычок. Поднял пистолет. Приоткрыл дверь наполовину. Вернулся к окну. Взглянул на растекающуюся лужицу бензина.

Больше всего я боялся, что Тил учует запах. Это было слабое звено нашего плана. Но он ничего не мог почувствовать. Потому что весь ангар был наполнен сильной, приторной вонью. Буквально оглушившей меня, как только я открыл дверь. Спертой, кислой, затхлой. Запахом денег. Многих миллионов смятых и засаленных долларовых купюр, впитавших в себя зловоние потных рук и грязных карманов. Весь воздух был пропитан этим запахом. Я вспомнил, что так же пахли пустые коробки в гараже Шермана Столлера. Затхлый запах денег, бывших в употреблении.

Наконец я увидел в щели под воротами язычки пламени. Финлей бросил спичку. Огоньки были маленькие, голубоватые. Они пронеслись под створкой и расцвели на расплывшемся пятне распустившимся цветком. Достигли подножия огромной зеленой горы. Вздрогнув, Тил оглянулся и увидел пламя, застыв от ужаса.

Выпрямившись, я шагнул в дверь. Навел пистолет. Для упора положил запястье на стальные перила. Нажал на спусковой крючок и с расстояния сто футов снес Тилу голову. Пуля крупного калибра попала ему в висок, разорвав череп и разбрызгав его содержимое на стену ангара.

А затем все пошло наперекосяк. Я увидел это словно в замедленной съемке, когда рассудок опережает движения. Моя рука повела пистолет влево, предугадывая движение Клинера, который должен был прыгнуть за своим ружьем. Но Клинер прыгнул вправо. Бросился вниз по склону туда, где выронил ружье Тил. Он побежал не за своим ружьем. Он собирался воспользоваться оружием Тила. Теперь его выстрел будет сделан по смертоносной пологой траектории. Я увидел, как моя рука дернулась в обратную сторону, описала ровную дугу вслед за Клинером, бежавшим, спотыкаясь по куче купюр. Вдруг послышался грохот выломанной служебной двери внизу, смешавшийся с эхом выстрела, убившего Тила. В ангар, пошатываясь, вошел Пикард.

Он был без пиджака, его бескрайняя белая рубашка была пропитана кровью. Гигантскими прыжками агент ФБР приближался к женщинам. Он покрутил головой, и его правая рука начала подниматься в мою сторону. В здоровенной лапище был зажат крохотный револьвер 38-го калибра. В ста футах от него Клинер подобрал ружье Тила, упавшее в ворох купюр.

Огоньки рванули вверх по огромному бархану денег. Роско медленно обернулась ко мне. Чарли медленно развернулась в сторону Тила и начала кричать. Ее руки взметнулись к лицу, рот раскрылся, глаза закрылись. До меня плавно донесся ее крик, смешавшийся с затихающими отголосками выстрела «Дезерт Игла» и грохотом выбитой двери.

Ухватившись за перила площадки, я дернулся вперед. Резко опустил пистолет и выстрелил. Попал Пикарду в правое плечо, за долю секунды до того, как он успел навести на меня свой револьвер. Пикард рухнул на пол, обливаясь кровью, а я снова попытался взять на прицел Клинера.

Мой мозг действовал совершенно отрешенно. Словно он решал чисто механическую задачу. Перед выстрелом в Пи-карда я напряг правое плечо, чтобы отдача подбросила ствол пистолета вверх. Это позволило мне выиграть какое-то мгновение. Я перевел мушку на противоположный конец ангара, почувствовал толчок в ладонь: пороховые газы выбросили стреляную гильзу и вогнали в патронник новый патрон. Клинер поднимал ствол «Итаки» в облаке кружащих долларовых бумажек, досылая патрон. Сквозь грохот выстрела, остановившего Пикарда, я услышал сдвоенный щелчок затвора.

Мое сознание рассчитало, что Клинеру придется чуть поднять ствол ружья, чтобы попасть в меня верхом конуса смертоносного свинца, при этом низ конуса оторвет голову Роско и Чарли. Оно определило, что моей пуле потребуется чуть больше семи сотых секунды, чтобы пролететь через весь ангар, и мне нужно целиться выше, в правое плечо Клинера, чтобы моя пуля развернула его, отведя ружье от женщин.

После этого мой мозг просто отключился. Передал мне всю необходимую информацию и приготовился праздно следить за тем, как я буду пытаться поднять руку быстрее, чем Клинер поднимет ствол «Итаки». Это была гонка агонизирующе медленных движений. Я стоял, перевесившись через перила, медленно поднимая руку, словно в ней была зажата непосильная тяжесть. В сотне футов от меня Клинер медленно поднимал ружье, словно преодолевая сопротивление вязкого желе.

Они поднимались вместе: медленно, дюйм за дюймом, градус за градусом. Выше и выше. Бесконечно долго. Всю мою жизнь. У подножия горы с треском бушевало пламя, ползущее наверх по груде купюр. Желтые зубы Клинера обнажились в волчьей усмешке. Чарли кричала. Роско медленно опускалась на пол, словно паутинка. Моя рука и ружье Клинера медленно поднимались вверх, дюйм за дюймом.

Моя рука оказалась первой. Я выстрелил и попал Клинеру в правую часть груди. Массивная пуля 44-го калибра сбила его с ног. Ствол «Итаки» дернулся в сторону, и в этот момент Клинер нажал на

спусковой крючок. Прогремел оглушительный выстрел, и заряд свинца ушел в огромную кучу денег. В воздух тотчас же поднялось густое облако мелких бумажных клочьев. Обрывки долларовых купюр разнесло по всему ангару. Они кружились плотной вьюгой и вспыхивали, опускаясь в огонь.

Затем время возобновило свой ход, и я сбежал вниз по лестнице. Огонь взбирался по горе засаленных бумажек быстрее, чем может бежать человек. Пробившись сквозь дым, я обхватил одной рукой Роско, а другой Чарли. Оторвал от земли и потащил назад к лестнице. Я ощущал ураганную тягу кислорода, всасываемого в щель под воротами и питающего пожар. Скоро занялся весь огромный ангар. Гигантский бархан купюр был охвачен огнем. Я бежал к лестнице, таща за собой обеих женщин.

И налетел с разбегу прямо на Пикарда. Он поднялся с пола прямо передо мной. От столкновения я потерял равновесие и отлетел назад. Пикард ревел как громадный раненый медведь. Его правое плечо, изуродованное выстрелом, было залито кровью. Рубашка приобрела зловещий алый оттенок. Шатаясь, я поднялся на ноги, но Пикард ударил меня левой рукой. Удар был страшный. Я отшатнулся назад. Затем Пикард нанес второй удар по моей руке, и «Дезерт Игл» загремел на бетонный пол. Вокруг нас ревел огонь, мои легкие разрывались, Чарли Хаббл кричала в истерике.

Пикард успел где-то потерять свой револьвер. Он стоял передо мной, покачиваясь взад-вперед, размахивая левой рукой и готовясь нанести новый удар. Сделав обманный выпад, я ударил его локтем в горло. Ударил с такой силой, с какой еще никогда никого не бил. Но Пикард лишь тряхнул головой и шагнул вперед. Выбросил вперед свой огромный левый кулак, сбив меня с ног в огонь.

Я перекатился, выдыхая из легких чистый дым. Пикард приближался. Он остановился в куче горящих денег. Нагнулся и ударил меня ногой в грудь. В меня словно врезался грузовик. Куртка на мне загорелась. Сорвав ее с себя, я швырнул куртку в Пикарда. Но он просто отмахнулся от нее и занес ногу назад для удара, который должен был меня убить. Вдруг его громадная туша задергалась, словно кто-то принялся бить его по спине молотком. Я увидел Финлея, стреляющего в своего вероломного друга из револьвера, захваченного из полицейского участка. Он всадил Пикарду шесть пуль в спину. Развернувшись, Пикард посмотрел на него. Сделал шаг вперед. Курок револьвера Финлея щелкнул по стреляной гильзе.

Я бросился на четвереньках за огромным израильским пистолетом. Подобрал его с успевшего нагреться бетона и выстрелил Пикарду в затылок. Пуля большого калибра раскроила ему череп. Ноги

подогнулись под ним, и он стал падать. Я всадил в него оставшиеся четыре пули до того, как он рухнул на пол.

Схватив Чарли, Финлей побежал через огонь. Я поднял Роско с пола и потащил ее за собой вверх по лестнице, в кабинет, на площадку и вниз по пожарной лестнице, а следом за нами неслось пламя. Мы пролезли в дыру в ограждении. Взяв Роско на руки, я побежал через поле к дереву.

Раскаленный воздух сорвал с ангара крышу, языки пламени взметнулись на сотню ярдов в ночное небо. Повсюду вокруг в воздухе летали обгоревшие однодолларовые купюры. Склад горел как доменная печь.

Я чувствовал жар спиной, а Роско сбивала с нас горящие обрывки банкнотов. Мы добежали до дерева, но не стали останавливаться. Побежали к дороге. Двести ярдов. Сто ярдов. Позади послышался лязг и скрежет рухнувшего ангара. Впереди рядом с «Бентли» стоял Хаббл. Он распахнул задние двери и бросился за руль.

Мы вчетвером втиснулись на заднее сиденье, и Хаббл надавил на газ. Машина рванула вперед, двери захлопнулись. Дети сидели впереди. Оба кричали. Чарли кричала. Роско кричала. Я с каким-то беспристрастным любопытством поймал себя на том, что тоже кричу.

Хаббл промчался милю по шоссе. Остановил машину, и мы высыпали из нее. Столпились кучей, обнимаясь, целуясь, плача. Четверо Хабблов обнялись вместе. Я, Роско и Финлей обнялись вместе. Затем Финлей начал плясать, вопить и смеяться как сумасшедший, забыв свою бостонскую сдержанность. Роско съежилась в моих объятиях. Я смотрел на разгорающийся в миле от нас пожар. Огонь перекинулся на следующий склад.

Начали взрываться мешки с азотными удобрениями и бочки с машинным маслом.

Мы повернулись и смотрели на этот ад. Все семеро, выстроившись неровной цепочкой вдоль дороги. В миле от нас бушевала огненная буря. Огромные языки пламени взлетали вверх на тысячу футов. Взрывы бочек с маслом грохотали снарядами крупного калибра. В ночном небе миллионами оранжевых звезд парили горящие банкноты. Казалось, наступило светопреставление.

— Господи, — ахнул Финлей. — И это сделали мы?

— Это сделал ты, Финлей, — сказал я. — Это ты бросил горящую спичку. Рассмеявшись, мы обнялись. Мы плясали, смеялись и хлопали друг друга по спине. Мы подбрасывали детей в воздух, обнимали и целовали их. Хаббл обнимал меня и хлопал по спине. Чарли обнимала и целовала меня. Я подхватил Роско на руки и целовал ее долго и страстно, не в

силах остановиться. Она обхватила меня ногами за талию и обвила шею руками. Мы целовались так, будто нам суждено умереть, если мы оторвемся друг от друга. Наконец я медленно и осторожно поехал назад в город. Финлей и Роско на переднем сиденье вместе со мной. Четверо Хабблов втиснулись на заднее сиденье.

Как только сзади исчезло зарево горящих складов, впереди показались отблески горящего полицейского участка. Проезжая мимо, я немного сбавил скорость. Пожар разбушевался не на шутку. Здание должно сгореть дотла. Вокруг толпились сотни людей, глазеющих на огонь. Никто даже не пытался его потушить.

Я снова прибавил скорость, и мы пронеслись по притихшему городу. У памятника старику Каспару Тилу я свернул направо на Бекман-драйв. Объехал белую церковь. Проехал милю до ставшего таким знакомым белого почтового ящика у дома номер двадцать пять. Свернул с дороги и попетлял по дорожке. Задержался перед дверью дома ровно настолько, чтобы Хабблы успели выскочить из машины. Развернулся и снова начал петлять по дорожке. Выехал на Бекман-драйв и остановился.

— Финлей, на выход.

Ухмыльнувшись, он вышел из машины. Скрылся в ночи. Я пересек Главную улицу и подъехал к дому Роско. Остановился на обочине. Шатаясь, мы вошли в дом. Протащили по коридору шкаф и прислонили его к выбитой двери. Отгородились от окружающего мира.

Глава 34

У нас с Роско ничего не получилось. Сказать правду, и не могло ничего получиться. Этому мешало слишком много проблем. Наши отношения продолжались чуть больше суток, после чего все было кончено. Я снова оказался в пути.

В пять часов утра в воскресенье мы подперли шкафом выбитую дверь. Мы оба с ног валились от усталости, но в нас еще кипел адреналин. Поэтому мы не могли заснуть. Мы долго говорили. Чем больше мы говорили, тем хуже становилось.

Роско провела в плену почти двое с половиной суток. Обращались с ней прилично. По ее словам, к ней пальцем не притронулись. Она здорово испугалась, но ее просто заставили работать. В четверг Пикард посадил ее в свою машину. Я проводил их взглядом. Помахал рукой. Роско рассказала Пикарду о наших успехах. Проехав милю, он направил на нее пистолет. Разоружил ее, сковал наручниками и отвез на склад. Въехал на машине прямо в ангар, и Роско сразу же заставили работать вместе с Чарли Хаббл. Все то время, что я сидел под развилкой и наблюдал за складом, обе женщины трудились в поте лица. Это Роско разгружала тот

красный грузовик, на котором приехал мальчишка Клинер. А я затем следил за этим грузовиком почти до самого Мемфиса, а потом недоумевал, почему он оказался пустым.

Чарли Хаббл проработала на складе пять с половиной суток. С вечера понедельника. К тому времени Клинер начал паниковать. Береговая охрана свернула операцию слишком быстро. Он понимал, что придется работать очень быстро, чтобы избавиться от запасов. Поэтому Пикард отвез Хабблов прямо на склад. Клинер заставил заложников работать. Им давали поспать лишь несколько часов ночью, на груде денег, прикованными наручниками к основанию стальной лестницы.

Когда в субботу утром сын Клинера и двое охранников не вернулись на склад, старик совсем обезумел. Теперь у него вообще не осталось рабочих рук. Поэтому он заставил заложников работать круглосуточно. В субботу ночью они совсем не спали. Занимались сизифовым трудом, пытаясь набить гору денег в коробки. Но отставание только увеличивалось. С каждым новым грузовиком, вываливавшим свое содержимое на пол склада, Клинер заводился все больше и больше.

Так что Роско почти три дня пробыла рабыней. Три долгих дня, полных страха и унижений. В этом был виноват я. Я так и сказал ей. Но, чем больше я ее убеждал, тем больше она призывала меня не винить себя. Я говорил, что во всем виноват я. Она отвечала, что я ни в чем не виноват. Я просил у нее прощения. Она говорила, что моей вины нет.

Мы слушали друг друга. Принимая то, что говорил другой. Но я все же был уверен в том, что в случившемся виноват я один. Я не был убежден на сто процентов, что Роско не считает так же. Что бы она ни говорила. Мы не поругались. Но это стало первым смутным намеком на то, что в наших отношениях не все гладко.

Мы помылись вдвоем в крохотном душе. Провели там почти целый час. Смывая запах денег, пота и огня. И разговаривая. Я рассказал Роско о том, что произошло в ночь с пятницы на субботу. О засаде под проливным дождем у дома Хаббла. Я рассказал ей все. О сумках с ножами, молотком и гвоздями. О том, что я убил пятерых. Я думал, Роско будет рада.

Это стало второй проблемой. Вроде бы незаметной. Мы стояли под струями горячей воды. Я услышал что-то в голосе Роско. Едва заметную дрожь. Не шок неодобрения. Просто намек на вопрос. А может быть, я перестарался. Я услышал это в ее голосе.

Мне почему-то казалось, что я совершил это ради нее и Джо. Не потому, что мне этого хотелось. Джо занимался этим делом, а она здесь жила. Это был ее город, ее люди. Я совершил это потому, что видел Роско заливающейся слезами, рыдающей так, будто у нее разрывалось сердце.

Я совершил это ради Джо и Молли. В тот момент мне не нужно было больше никаких оправданий. Я все для себя оправдал.

Сначала это вовсе не казалось проблемой. Душ снял с нас напряжение. Вернул жизненные силы. Мы легли в кровать. Не стали закрывать шторы. День выдался восхитительный. На ярко-голубом небе сияло солнце, воздух казался чистым и свежим. Все было так, как должно было быть. Каким должен быть новый день.

Мы слились в объятиях любви — с огромной нежностью, с огромной энергией, с огромной радостью. Если бы в тот момент мне кто-то сказал, что ровно через день я снова буду в пути, я бы посчитал этого человека сумасшедшим. Я заверял себя, что никаких проблем нет. Что я их выдумал. А если и есть какие-то проблемы, то их можно объяснить последствиями стресса, прилива адреналина, усталостью, тем, что Роско побывала в заложниках. И восприняла это так, как воспринимает плен большинство заложников. Испытывающих что-то вроде ревности в отношении тех, кто не был заложниками вместе с ними. Что-то вроде осуждения. А может быть, все дело было в первую очередь в чувстве вины, которое испытывал я. Да мало ли в чем. Я заснул в уверенности, что мы проснемся счастливыми, и я останусь здесь навсегда.

Мы действительно проснулись счастливыми. Мы проспали далеко за полдень. Затем мы провели пару восхитительных часов под косыми лучами клонящегося к горизонту солнца, падающими в окно, целуясь и хохоча. Опять позанимались любовью. Нас подпитывала радость по поводу того, что мы живы, находимся в безопасности и вместе. Такого секса мы еще не знали. Как выяснилось, он оказался у нас последним. Тогда мы об этом еще не догадывались.

Роско съездила на «Бентли» к Ино за продуктами. Она отсутствовала час и вернулась с новостями. Она встретилась с Финлеем. Переговорила с ним по поводу того, что будет дальше. Это стало крупной проблемой. В сравнении с которой все остальные крошечные проблемы стали несущественными.

— Ты бы видел здание полицейского участка, — сказала Роско. — От него осталась куча золы высотой в фут.

Она поставила еду на поднос, и мы ели, сидя в кровати, жареных цыплят.

— Все четыре склада сгорели дотла, — продолжала Роско. — Взрывами обгорелые обломки разбросало до самой автострады. Вмешалась полиция штата. Пожарные машины пришлось вызывать из Атланты и Мейкона.

— Вмешалась полиция штата? — спросил я.

Роско рассмеялась.

— Теперь в это дело вмешались все. Оно разрастается как снежный ком. Начальник пожарной охраны Атланты вызвал специалистов по взрывным устройствам, так как не знал, чем были вызваны взрывы. Специалисты по взрывным устройствам не могут ничего предпринять, не поставив в известность ФБР, поскольку речь может идти о терроризме, поэтому Бюро тоже заинтересовалось этим делом. Потом сегодня утром подключилась Национальная гвардия...

— Национальная гвардия? А она-то зачем?

— Это самое интересное, — улыбнулась Роско. — По словам Финлея, когда взрывом снесло крышу склада, поток воздуха увлек деньги и разбросал их по всей округе. Помнишь горящие бумажки, сыпавшиеся на нас? Их тут много миллионов, рассыпанных на пространстве нескольких миль. Ветер разнес их далеко, на поля, на автостраду. Конечно, в основном купюры обгоревшие, но есть и целые. Как только взошло солнце, словно ниоткуда появились толпы людей, собирающих деньги. Так что Национальная гвардия получила приказ оцепить это место.

Я впился в цыпленка, обдумывая информацию.

— Национальную гвардию вызывает губернатор штата, так? — уточнил я.

Роско кивнула. Рот был набит едой.

— Без губернатора тоже не обошлось, — прожевав, подтвердила она. — Сейчас он в Маргрейве. Финлей позвонил в казначейство — из-за Джо. Оттуда присылают команду специалистов. Я же сказала, получился снежный ком.

— Что еще, черт побери?

— Конечно, у нас здесь будут большие проблемы. Город переполнен слухами. Похоже, все знают, что фонд Клинера приказал долго жить. Финлей сказал, половина жителей делает вид, что понятия не имела о происходящем, а остальные рвут волосы на голове, оплакивая еженедельную тысячу долларов, которой больше не будет. Ты бы видел старика Ино! Он вне себя от бешенства.

— Что с Финлеем? — спросил я.

— Что с ним может быть? Естественно, работы у него по горло. В нашем полицейском участке осталось четверо. Я, Финлей, Стивенсон и сержант. Финлей говорит, это вдвое меньше, чем нам нужно в данных чрезвычайных обстоятельствах, но вдвое больше, чем мы можем себе

позволить теперь, когда субсидии фонда Клинера закончились. Впрочем, все равно ни увольнять, ни принимать на работу нельзя без согласия мэра, а мэра у нас больше нет, так?

Я сидел в кровати и ел. Только сейчас до меня начинали доходить проблемы. Раньше я их по-настоящему не видел, но теперь начинал видеть. В моем сознании возник большой вопрос. Вопрос к Роско. Я решил не тянуть с ним и получить честный, спонтанный ответ. Мне не хотелось давать ей время подумать.

— Роско, — сказал я.

Она молча подняла взгляд.

— Что ты собираешься делать?

Она посмотрела на меня так, будто я спросил у нее какую-то глупость.

— Как что, вкалывать до посинения. Работы полно. Нам придется перестраивать весь город. Быть может, удастся превратить его во что-то приличное. Я смогу играть в происходящем не последнюю роль. Собираюсь сдвинуть наш тотемный столб хотя бы на пару дюймов. Горю нетерпением приняться за дело. Это мой город, я хочу принять настоящее участие в его жизни. Быть может, выдвинусь в городской совет. Может быть, даже поборюсь за должность мэра. Вот будет здорово, ты не находишь? После стольких Тилов мэром будет Роско!

Я внимательно посмотрел на нее. Это был замечательный ответ, но не тот, который я хотел услышать. Я не собирался пытаться повлиять на решение Роско. Не собирался на нее давить. Вот почему я задал свой вопрос сразу же, до того, как сказал о том, что собираюсь делать я сам. Мне был нужен искренний, естественный ответ. Я его получил. Роско была права. Это ее город. Если кто-то и сможет навести в Маргрейве порядок, то именно она. Она останется здесь и будет работать как проклятая.

Но меня этот ответ не устраивал. Потому что я уже знал, что мне делать. Я уже знал, что мне нужно как можно скорее уходить отсюда. Проблема заключалась в том, что будет дальше. Раньше все дело было в Джо. Оно оставалось личным. Теперь оно стало достоянием всех. Засыпало всех вокруг. Как та гора полуобгоревших долларовых бумажек.

Роско упомянула губернатора штата, казначейство, Национальную гвардию, полицию штата, ФБР, пожарных Атланты. Полдюжины правительственных ведомств будут расследовать, что же произошло в Маргрейве. Они будут искать очень тщательно. Клинера будут называть фальшивомонетчиком века. Выяснится, что мэр исчез. Выяснится, что в афере были замешаны четверо полицейских. ФБР будет искать Пикарда. Из-за связей с Венесуэлой к делу подключится Интерпол. В Маргрейве

станет очень горячо. Шесть государственных ведомств будут соревноваться друг с другом, торопясь получить результат первыми. Здесь камня на камне не останется.

Рано или поздно кто-нибудь доберется до меня. Я чужак, очутившийся не в том месте не в то время. Потребуется лишь полторы минуты, чтобы понять: я родной брат убитого государственного чиновника, заварившего всю эту кашу. Мне придется подробно расписать каждый свой шаг. И кто-нибудь подумает: месть. Меня загребут, со мной начнут работать.

Меня ни в чем не обвинят. Этого можно не бояться. Не осталось никаких доказательств. Я тщательно позаботился об этом. Я знаю, как вешать лапшу на уши следователям. Меня можно допрашивать до тех пор, пока у меня не отрастет седая борода, и так ничего и не добиться. В этом можно не сомневаться. Но пробовать будут. Эти люди будут стараться как сумасшедшие. Меня два года продержат в Уорбертоне. Два года моей жизни. Вот в чем была проблема. На это я никак не был согласен. Я только что вернулся к жизни. Первые шесть месяцев свободы за тридцать шесть лет. Эти шесть месяцев были самым счастливым временем в моей жизни.

Так что мне придется уйти. До того, как кто-либо узнает о том, что я здесь вообще был. Я принял окончательное решение. Я должен снова стать невидимым. Должен убраться как можно дальше из Маргрейва, которому в ближайшее время предстоит стать центром вселенной, туда, где меня никто не станет искать. А это означало, что я должен сказать Роско, что она не стоит того, чтобы рисковать из-за нее двумя годами своей жизни. Я должен был сказать ей это.

Мы проговорили с ней всю ночь. Без споров, без криков. Просто говорили. Роско понимала, что я делаю так, как лучше для меня. Я понимал, что она делает так, как лучше для нее. Она попросила меня остаться. Я задумался, но в конце концов ответил нет. Я попросил ее отправиться со мной. Она задумалась, но в конце концов ответила нет. Больше говорить было не о чем.

Затем мы заговорили о другом. Обсудили то, чем буду заниматься я, чем будет заниматься она. До меня постепенно дошло, что остаться здесь для меня было бы так же плохо, как и уйти. Потому что я не хотел всего того, о чем говорила Роско. Мне не были нужны ни мэры, ни выборы, ни городские советы, ни комитеты. Я не хотел иметь дела с налогами на недвижимость и торговыми палатами. Я не хотел торчать на одном месте, умирая от безделья. Чтобы тем временем мелкие недомолвки, сомнения, подозрения разрастались все больше и больше, угрожая нас задушить. Мне было необходимо все то, о чем я говорил. Быть все время в пути, ночевать каждый день на новом месте. Я хотел идти вперед, не

имея понятия, куда именно я иду. Хотел бродить по свету. Я давно настроился на это.

Так мы и сидели до самого рассвета, ведя горестные разговоры. Я попросил Роско оказать мне последнюю услугу. Попросил организовать похороны Джо. Пусть на них будут присутствовать Финлей, Хабблы, двое стариков-парикмахеров и она. И пусть сестра одного из стариков споет печальную песню. Я попросил Роско узнать у нее, где они пели вместе со Слепым Блейком шестьдесят два года назад. Пусть прах Джо развеют на этой лужайке.

Роско отвезла меня в Мейкон на «Бентли». В семь часов утра. В эту ночь мы так и не легли спать. Дорога заняла у нас час. Я сидел сзади, за новым тонированным стеклом. Я не хотел, чтобы меня видели. Отъехав от дома Роско, мы сразу же попали в настоящее столпотворение. Весь городок был запружен. Это стало заметно еще до того, как мы добрались до Главной улицы. Повсюду стояли десятки машин. Телевизионщики из программ новостей и Си-Эн-Эн. Я забился в дальний угол. Несмотря на ранний час людей было море. Вдоль обочин стояли ряды темно-синих седанов государственных чиновников. Мы свернули около круглосуточного магазинчика. На улице стояла очередь желающих перекусить.

Мы проехали через залитый солнцем городок. Главная улица была забита. Машины стояли даже на тротуарах. Я заметил машины пожарных и полицейские «Шевроле». Когда мы ползли мимо парикмахерской, я выглянул в окно, но стариков нигде не было. Я буду по ним скучать. Я буду скучать по старине Финлею. Мне всегда будет интересно знать, что с ним сталось. «Удачи тебе, выпускник Гарварда, — подумал я. — И вам удачи, Хабблы». Это утро станет для них началом длинной дороги. Им потребуется большое везение. И тебе удачи, Роско. Я молча пожелал ей всего самого хорошего. Она этого заслужила.

Роско довезла меня до самого Мейкона. Нашла автовокзал. Остановилась. Протянула мне маленький конверт. Попросила не распечатывать его сразу. Я убрал конверт в карман. Поцеловал Роско на прощание. Вышел из машины, не оглядываясь назад. Услышал шелест шин по асфальту и понял, что Роско уехала. Я прошел на вокзал. Купил билет. Затем зашел в дешевый магазин и купил новую одежду. Переоделся в примерочной и оставил грязный камуфляж в мусорном ящике. Потом я вернулся на вокзал и сел в автобус до Калифорнии.

Первую сотню миль у меня в глазах стояли слезы. Затем старенький автобус, грохоча, пересек границу штата. Я посмотрел в окно на юго-восточную оконечность Алабамы. Распечатал конверт Роско. В нем была фотография Джо. Роско достала ее из чемодана Молли-Бет. Вытащила из рамки. Обрезала так, чтобы она помещалась в кармане.

Написала на обороте номер своего телефона. Но мне это было не нужно. Я уже оставил все в прошлом.